

Дж. Лайонз

ЯЗЫК *и*

ЛИНГВИСТИКА

Вводный курс

С вопросами

и упражнениями

УРСС

Дж. Лайонз

**ЯЗЫК
И
ЛИНГВИСТИКА**

Вводный курс

LANGUAGE AND LINGUISTICS

AN INTRODUCTION

JOHN LYONS

Professor of Linguistics, University of Sussex

CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS

CAMBRIDGE

LONDON NEW YORK NEW ROCHELLE

MELBOURNE SYDNEY

Дж. Лайонз

ЯЗЫК И ЛИНГВИСТИКА

Вводный курс

Перевод с английского
И.А. Муравьевой и Е.Г. Устиновой

Москва • 2004

УРСС

Лайонз Джон

Язык и лингвистика. Вводный курс: Пер. с англ. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 320 с.

ISBN 5-354-00303-2

Предлагаемая читателю книга представляет собой учебник для курса «Введение в лингвистику», который читается в университетах других стран студентам разных специальностей — как филологических, так и естественно-научных и технических. Этим определяется специфика книги Дж. Лайонза, который знакомит читателя с достижениями теоретической лингвистики, демонстрирует ее связь с широким кругом других научных дисциплин.

Книга рекомендуется студентам филологических специальностей, а также всем, кто интересуется общими проблемами языка.

Ответственный редактор *В. Д. Мазо*

Издательство «Едиториал УРСС». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.

Лицензия ИД № 05175 от 25.06.2001 г. Подписано к печати 04.02.2004 г.

Формат 60×90/16. Тираж 3000 экз. Печ. л. 20. Зак. № 3-1250/447.

Отпечатано в типографии ООО «РОХОС». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.

	ИЗДАТЕЛЬСТВО	УРСС
	НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
	E-mail: URSS@URSS.ru	
	Каталог изданий	
	в Internet: http://URSS.ru	
	Тел./факс: 7 (095) 135-42-16	
	Тел./факс: 7 (095) 135-42-46	

ISBN 5-354-00303-2

- © Cambridge University Press, 1981
- © Перевод на русский язык:
Едиториал УРСС, 2004
- © Оригинал-макет, оформление:
Едиториал УРСС, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	8
1. Язык	11
1.1. Что такое язык?	11
1.2. Определения «языка»	13
1.3. Языковое поведение и языковые системы	17
1.4. Язык и речь	19
1.5. Язык с точки зрения семиотики	24
1.6. Иллюзия однородности	30
1.7. Не существует примитивных языков	33
Дополнительная литература	36
Вопросы и упражнения	37
2. Лингвистика	39
2.1. Основные направления лингвистики	39
2.2. Можно ли считать лингвистику наукой?	41
2.3. Терминология и условные обозначения	49
2.4. Лингвистика — наука описывающая, а не предписывающая	50
2.5. Приоритет синхронического описания	56
2.6. Структура и система	59
Дополнительная литература	64
Вопросы и упражнения	64
3. Звуки языка	66
3.1. Звуковые средства	66
3.2. Фонетическое и орфографическое представление	69
3.3. Артикуляторная фонетика	71
3.4. Фонемы и аллофоны	82
3.5. Различительные признаки и супraseгментная фонология	86
3.6. Фонологическая структура	91
Дополнительная литература	94
Вопросы и упражнения	94

4. Грамматика	96
4.1. Синтаксис, словоизменение и морфология	96
4.2. Грамматичность, продуктивность и произвольность	99
4.3. Части речи, классы форм и грамматические категории	103
4.4. Некоторые дополняющие грамматические понятия	107
4.5. Структура составляющих	111
4.6. Генеративная грамматика	117
Дополнительная литература	121
Вопросы и упражнения	123
5. Семантика	128
5.1. Разнообразие значений	128
5.2. Лексическое значение: омонимия, полисемия, синонимия	135
5.3. Лексическое значение: смысл и денотация	141
5.4. Семантика и грамматика	145
5.5. Значение предложения и значение высказывания	151
5.6. Формальная семантика	157
Дополнительная литература	161
Вопросы и упражнения	162
6. Изменение языка	165
6.1. Историческая лингвистика	165
6.2. Языковые семьи	169
6.3. Сравнительно-исторический метод	176
6.4. Изменение по аналогии и заимствования	184
6.5. Причины изменения языка	189
Дополнительная литература	194
Вопросы и упражнения	194
7. Некоторые современные школы и течения	196
7.1. Историзм	196
7.2. Структурализм	198
7.3. Функционализм	202
7.4. Генеративизм	206
Дополнительная литература	212
Вопросы и упражнения	213
8. Язык и мышление	214
8.1. Универсальная грамматика и ее значение для развития лингвистики	214
8.2. Ментализм, рационализм и врожденность механизмов усвоения знаний	217
8.3. Язык и мозг	222
8.4. Усвоение языка	225
8.5. Другие проблемы психолингвистики	230
8.6. Когнитивистика и искусственный интеллект	233

Дополнительная литература	235
Вопросы и упражнения	236
9. Язык и общество	238
9.1. Социолингвистика, этнолингвистика и психолингвистика	238
9.2. Акцент, диалект и идиолект	240
9.3. Литературный язык и местные диалекты	247
9.4. Билингвизм, смена языкового кода и диглоссия	251
9.5. Прикладные задачи	256
9.6. Стилистическое варьирование и стилистика	259
Дополнительная литература	266
Вопросы и упражнения	267
10. Язык и культура	269
10.1. Что такое культура?	269
10.2. Гипотеза Сепира—Уорфа	271
10.3. Цветообозначения	278
10.4. Местоимения в функции обращения	283
10.5. Общность культур, распространение культур и возможности перевода	287
Дополнительная литература	293
Вопросы и упражнения	294
Литература	297
Именной указатель	308
Предметный указатель	310

Предисловие и главы 1–5 перевела Е. Г. Устинова. Главы 6–10 перевела И. А. Муравьева. Указатели на основе авторского оригинала подготовила И. А. Муравьева.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга была задумана как учебник для курса «Язык и лингвистика», который мои коллеги и я читаем студентам первого года обучения в университете графства Суссекс (Великобритания). Те, кто с самого начала выбрал лингвистику в качестве основной своей специальности, составляют лишь очень небольшую часть наших слушателей. Бывают случаи, когда возникший интерес к этим новым проблемам побуждает студентов, которые при поступлении в университет выбрали другую дисциплину, изменить свои планы и серьезно заняться именно лингвистикой. Большинство же, что, конечно, ни в коей мере не противоречит нашим целям, продолжает работать в первоначально избранной области. Поэтому, читая курс «Язык и лингвистика», мы стремимся познакомить наших слушателей с наиболее значительными теоретическими построениями и последними эмпирическими находками в области современной лингвистики, не прибегая при этом к слишком сложному описательному аппарату. Кроме того, мы обращаем особое внимание на связь лингвистики с теми академическими дисциплинами, которым, в своих целях и под своим углом зрения, приходится иметь дело с исследованием языка. Я полагаю, что эта книга окажется полезной для аналогичных курсов, которые в настоящее время преподают во многих университетах, политехнических институтах и педагогических колледжах и в нашей стране, и за рубежом. Я надеюсь также, что она будет интересна и для обычного читателя, если он захочет получить представление о современной лингвистике.

Эта книга охватывает более широкий круг проблем, чем предыдущая моя работа (*Lyons 1968; Лайонз 1978*). Соответственно, многие вопросы обсуждаются здесь менее детально (особенно это касается центральных глав). Однако, для каждой главы я составил список дополнительной литературы. Эти списки, я думаю, являются достаточно представительными для того, чтобы преподаватель, руководствующийся этой книгой, мог выбрать те работы, которые в наибольшей степени отвечают его научным интересам и теоретическим предпочтениям. Он может также добавить к этим спискам и те журнальные статьи, которые я исключил намеренно, если они были опубликованы только в малодоступных изданиях. Все работы, вошедшие в списки дополнительной литературы, представлены также в общей библиографии, которая является репрезентативной практически со всех точек зрения. Для удобства студентов, изучающих книгу самостоятельно, и обычных читателей, пожелавших глубже познакомиться с предметом, я выделил около двадцати наиболее известных учебников и сборников статей (в библиографии они отмечены звездочкой). Этот

список я также постарался сделать максимально репрезентативным как с точки зрения различных теоретических подходов, так и способов представления материала.

К каждой главе прилагается также набор вопросов и упражнений. Часть из них связана непосредственно с прочитанным материалом. Для ответа на такие вопросы нет необходимости обращаться к дополнительной литературе. Другие вопросы (особенно те, которые содержат цитаты из лингвистических работ) требуют от студента изучения и оценки решений, отличных от предлагаемых мной в этой книге. Некоторые вопросы довольно сложны. Формулируя их, я не предполагал, что студенты смогут ответить на них самостоятельно, опираясь лишь на десятидневный лингвистический курс. Вместе с тем для меня было важно дать студентам более глубокое представление о современной лингвистике, не прибегая при этом к более сложной технике описания. И какой неожиданный результат, оказывается, можно получить, если, в качестве повивальной бабки, мы изредка будем привлекать Сократа.

То же самое я мог бы сказать по поводу одной придуманной мной задачи (она приводится в главе, посвященной грамматике). Я составил ее много лет назад, когда читал курс в университете штата Индиана. С тех пор я и мои коллеги часто даем ее в качестве довольно сложного упражнения в лингвистическом анализе. Тот, кто найдет решение, удовлетворяющее требованиям адекватности описания и объяснения менее, чем за два часа, может не читать центральные главы этой книги!

Хотя книга *Language and Linguistics* существенно отличается от другой моей книги — *Introduction to Theoretical Linguistics*, здесь я также стремился создать ощущение непрерывности лингвистической теории с древнейших времен до наших дней. Я не включил в новую книгу отдельную главу, посвященную истории лингвистики, но, насколько позволял ограниченный объем книги, старался рассматривать наиболее значительные современные теории в их историческом контексте. Я включил в книгу небольшую главу о структурализме, функционализме и генеративизме в лингвистике, поскольку отношения между этими направлениями в большинстве учебников либо вообще игнорируются, либо интерпретируются неверно. В частности, генеративную грамматику часто смешивают с определенной версией трансформационно-генеративной грамматики, предложенной Н. Хомским, с одной стороны, а с другой — с тем, что я называю здесь «генеративизмом», теорией введенной в научный обиход тем же автором. В моем собственном, очень кратком, описании генеративной грамматики (так же, как в моей книге *Chomsky (Lyons 1977a)* и в ряде других работ) я старался обратить внимание на наиболее существенные различия между этими двумя научными направлениями. Что касается меня, то я в полной мере разделяю позицию тех исследователей, которые используют генеративные грамматики в качестве моделей для описания грамматической структуры естественных языков; т. е. скорее в теоретических, чем в практических целях. Вместе с тем, как станет ясно из этой книги, я отвергаю многие, хотя и не все, положения генеративизма. Тем

не менее я постарался представить их здесь настолько благожелательно и объективно, насколько мог. В этой книге я поставил себе целью уделить равное внимание двум основным аспектам языка — культурному и биологическому, хотя в последние годы сложилась тенденция придавать большее значение последнему, отодвигая в тень первый.

В заключение, я хочу выразить свою глубокую признательность за помощь, оказанную в работе над книгой, моим коллегам доктору Ричарду Коутсу и доктору Джеральду Газдару. Они оба прочли всю работу в черновом варианте и сделали много полезных критических замечаний. Я также пользовался их советами, касающимися тех областей лингвистики, в которых их осведомленность превосходит мою. Нет необходимости говорить, что за любое суждение в окончательной версии книги несет ответственность только автор, тем более, что — и я рад возможности признать это публично — по ряду вопросов мы до сих пор придерживаемся разных точек зрения.

Мне приятно сказать также, сколь многим я обязан моей жене. Ее любовь и моральная поддержка были особенно необходимы мне во время работы над этой книгой. При написании некоторых глав она выступила в роли моего гипотетического обычного читателя. Она же выполнила большую часть корректуры. И наконец, я имел счастливую возможность пользоваться квалифицированными и благожелательными советами редакторов — доктора Джереми Майнотта и госпожи Пенни Картер, которым выражаю свою глубокую благодарность.

Фалмер,
Суссекс

ЯЗЫК

1.1. Что такое язык?

Лингвистика — это научное исследование языка. Это определение, представленное в большинстве учебников и общих работ по данной теме, на первый взгляд, является достаточно точным. Задумаемся, однако, какой конкретный смысл мы вкладываем в слова «язык» и «научный». Правомерно ли вообще, как это сейчас принято, называть лингвистику наукой?

Вопрос «Что такое язык?» сравним по сложности с вопросом «Что такое жизнь?», который в конечном счете определяет границы биологии как отдельной науки, объединяя различные биологические дисциплины. При этом вопрос «Что такое жизнь?», конечно, не относится к числу вопросов, которые биолог постоянно держит в поле зрения в своей повседневной деятельности. Он воспринимается скорее как философский. Биолог же, как и другие ученые, обычно слишком глубоко погружен в детали какой-то частной проблемы, чтобы думать о столь общих вопросах. Тем не менее именно предполагаемая осмысленность вопроса «Что такое жизнь?», т. е. признание того факта, что в принципе существует некое свойство (или множество свойств), которое присуще всем живым объектам и отсутствует у неживых, позволяет очертить круг проблем, относящихся к ведению биолога, а также обосновать автономность, хотя бы частичную, этой научной дисциплины. Таким образом, в принципе можно сказать, что вопрос «Что такое жизнь?» (конкретнее — признание его осмысленности) дает биологии само право на существование. Однако реально предметом повседневных размышлений и исследований биолога является не столько поиск доказательств осмысленности этого вопроса, сколько поиск конкретной его интерпретации и детальное изучение возможных ее следствий в рамках определенной теоретической системы. По существу так же лингвист относится к вопросу «Что такое язык?».

Первое, что следует отметить, обращаясь непосредственно к вопросу «Что такое язык?», — это то, что в его английском варианте («What is language?») существительное *language* ‘язык’ выступает в единственном числе и без неопределенного артикля. В такой форме он отличается по крайней мере грамматически, а возможно и по смыслу, от вопроса «What is a language?». Некоторые европейские языки имеют два слова,

а не одно, с помощью которых можно перевести английское *language*: ср. французские *langage* : *langue*, итальянские *linguaggio* : *lingua*, испанские *lenguaje* : *lengua*. В каждом случае различие между двумя словами примерно соответствует различию двух возможных смыслов английского слова *language*. Например, во французском слово *langage* используется, когда говорят о языке в общем смысле, а словом *langue* обозначают конкретные языки. Так случилось, что английский дает своим носителям возможность сказать о ком-то не только, что он владеет каким-то конкретным языком (английским, китайским, малайским, суахили и т. д.), но также что он владеет языком в общем смысле. Философы, психологи и лингвисты единодушны во мнении, что именно владение языком является тем свойством, которое наиболее четко отличает человека от других животных. Мы еще поговорим о сути этого утверждения в настоящей главе. Здесь я хочу лишь обратить внимание на тот, на первый взгляд тривиальный, однако важный факт, что человек не может владеть (или пользоваться) языком в общем смысле, не владея (или не пользуясь) каким-то конкретным естественным языком.

Я только что использовал термин «естественный язык», и это ставит перед нами новый вопрос. Слово «язык» относят не только к английскому, китайскому, малайскому, суахили и другим языкам, т. е. к таким объектам, которые вне всяких сомнений можно назвать этим словом, но также к самым разным системам коммуникации, записи или вычисления, что может уже стать предметом дискуссии. Так например, математики, логики и программисты часто создают для каких-то конкретных целей специальные системы записи, которые, правомерно или неправомочно, также называют языками. Однако здесь уже следует говорить скорее об искусственных, чем о естественных языках. Искусственным является также язык (и это слово здесь несомненно уместно) эсперанто, созданный в конце XIX в. в качестве средства международного общения, хотя он и был сконструирован на основе реальных естественных языков. В то же время существуют системы коммуникации (связанные или не связанные с человеком), которые безусловно являются естественными, а не искусственными, но, вопреки сложившейся традиции применять в отношении их термин «язык», не могут быть названы языками в строгом смысле этого слова. В этой связи следует обратить внимание на такие выражения, как «язык жестов» (*sign language*), «язык тела» (*body language*) или «язык пчел» (*the language of the bees*). Многие скажут, вероятно, что слово «язык» употреблено здесь метафорически или фигурально. Примечательно, что при переводе этих выражений на французский будет выбрано слово *langage*, а не *langue*. Французское *langage* (как итальянское *linguaggio* и испанское *lenguaje*) имеет более общий смысл, чем второй член пары. Оно используется не только для обозначения языка в общем смысле, но применимо также к любым системам коммуникации, связанным или не связанным с человеком, естественным или искусственным, т. е. в тех случаях, когда английское *language* выступает, как нам представляется, в расширенном смысле.

Лингвист имеет дело прежде всего с естественными языками. Вопрос «Что такое язык?» («What is language?») предполагает, что каждый из нескольких тысяч естественных языков, на которых говорят в мире, представляет собой частный случай чего-то более общего. Поэтому лингвиста особо интересует вопрос о том, обладают ли все естественные языки каким-то общим свойством, отсутствующим у других систем коммуникации, свойством, которое оправдывало бы применение термина «язык» к любому из естественных языков и не позволяло применять его к другим системам коммуникации (за исключением, разумеется, случаев, подобных эсперанто, т. е. когда речь идет о системах коммуникации, сконструированных по образцу естественных языков и на их основе). Этому вопросу и будет посвящена настоящая глава.

1.2. Определения «языка»

Существует множество разных определений языка. Рассмотрим некоторые из них. Каждое из приводимых далее высказываний о языке (независимо от того, было ли оно изначально задумано как определение или нет) содержит ряд интересных соображений, на которые мы укажем ниже. Все эти высказывания мы взяли из классических работ известных лингвистов. Собрав их в дальнейшем вместе, мы сможем составить предварительное представление о том, какие свойства лингвисты склонны считать наиболее характерными для языка.

(i) Согласно Сепиру (*Sapir* 1921, 8; цит. по: *Sapir* 1993, 31): «Язык есть чисто человеческий, неинстинктивный способ передачи мыслей, эмоций и желаний посредством системы специально производимых символов». Это определение имеет ряд недостатков. В частности, как бы широко мы не понимали термины «мысль», «эмоция», и «желание», очевидно, что существует еще многое, что можно передать посредством языка, но что не подпадает ни под один из этих терминов; крайне расплывчат, в частности, термин «мысль». С другой стороны, имеется множество систем специально производимых символов, которые мы называем языком лишь в каком-то расширенном или метафорическом смысле. Например, то, что сейчас принято называть «язык тела» (система коммуникации, в которой используются жесты, позы, взгляды и под.), по-видимому, также удовлетворяет этому определению Сепира. Вопрос о том, является ли «язык тела» присущим только человеку и неинстинктивным, следует признать дискуссионным. Остается выяснить, можно ли считать, что язык в собственном смысле присущ только человеку и является ли он типом неинстинктивного поведения. Именно это положение мы выделим в определении Сепира.

(ii) В своей работе *Outline of Linguistic Analysis* (*Bloch & Trager* 1942, 5) Блок и Трэгер пишут «Язык — это система произвольных голосовым символов, при помощи которой осуществляется взаимодействие в некоторой

социальной группе». В этом определении (в отличие от определения Сепира) обращает на себя внимание тот факт, что оно не содержит прямого упоминания коммуникативной функции языка. При этом особо подчеркивается его социальная функция. Такой взгляд на роль языка, как мы покажем ниже, является крайне узким. Определение Блока и Трэгера (что также отличает его от определения Сепира) вводит в рассмотрение свойство произвольности (языковых символов) и в явном виде отождествляет понятие «язык» с понятием «устный язык» (*spoken language*). Таким образом выражение «письменный язык» (*written language*) оказывается внутренне противоречивым. Термин «произвольность», впрочем, используется здесь в особом смысле: речь об этом пойдет немного позже. Мы вернемся также к вопросу об отношении между языком и речью. Заметим здесь только, что когда мы говорим о естественных языках, язык и речь очень тесно связаны между собой. Логически, существование языка предполагает существование речи: человек не может говорить, не пользуясь языком (точнее — каким-то конкретным языком), однако он может пользоваться языком, не порождая при этом звуковых сигналов. Вместе с тем, признавая тот факт, что язык логически независим от речи, мы имеем веские основания утверждать, что во всех естественных языках речь исторически, и возможно биологически, предшествует письму. Эту точку зрения разделяют почти все лингвисты.

(iii) В работе *Essay on Language* (Hall 1968, 158) Холл пишет, что язык представляет собой «институт, обеспечивающий взаимодействие людей посредством используемых в силу привычки произвольных произносимых-слышимых (*oral-auditory*) символов». Здесь прежде всего следует обратить внимание на то, что в определение включены как понятие «взаимодействие», так и понятие «коммуникация» (термин «взаимодействие» шире и в этом отношении предпочтительнее термина «кооперация»). Во-вторых, следует отметить, что термин «произносимый-слышимый» практически эквивалентен термину «голосовой» (*vocal*). Различие между ними состоит лишь в том, что первый термин указывает на обоих участников коммуникации (на говорящего и на слушающего, т. е. на отправителя и на получателя голосовых сигналов, которые можно охарактеризовать как языковые высказывания). Холл, как и Сепир считают язык институтом, присущим исключительно человеку; сам термин «институт» в явном виде выражает то обстоятельство, что язык, использующийся в определенном обществе, составляет часть культуры этого общества. Следует особо выделить также еще раз встретившееся нам в определении языка понятие произвольности языковых символов.

Кроме того, следует обратить специальное внимание на то, что в своем определении Холл прибегает к понятию «используемые в силу привычки», что обусловлено конкретными историческими причинами. На протяжении последних тридцати лет лингвистика и психология языка, особенно в Америке, находились под сильным влиянием бихевиористских теорий о стимуле и реакции. Бихевиористы вкладывают в термин «привычка» некий особый смысл. Он используется для обозначения таких

элементов поведения, которые можно рассматривать как статистически предсказуемые реакции на определенные стимулы. Под этот термин подпадает многое из того, что в обычном понимании слова мы не сочли бы «сделанным в силу привычки». Этот термин, вошедший (иногда чисто технически) во многие лингвистические учебники по существу связал их с бихевиористской теорией использования и усвоения языка. Однако в настоящее время большинство специалистов в области лингвистики и психологии языка полагают, что эта теория либо вообще не может быть применена к языку, либо имеет очень узкую сферу применения.

Термин «языковой символ» понимается Холлом как голосовой сигнал, передающийся от отправителя к получателю в процессе коммуникации и взаимодействия. Однако, как стало теперь понятно, ни одна из трактовок термина «привычка» (специальная или буквальная) не позволяет считать языковые высказывания ни собственно привычками, ни объектами созданными с использованием привычек. Если даже применять термин «символ» не к языковым высказываниям, а к словам или предложениям, из которых эти высказывания состоят, все равно ошибочно полагать, что говорящий использует то или иное слово в той или иной ситуации лишь в силу привычки. Одним из наиболее важных свойств языка является то, что в общем случае не существует связи между словами и ситуациями, в которых эти слова используются, таким образом, употребление конкретных слов нельзя, как правило, объяснить как привычную поведенческую реакцию на определенную ситуацию. Так, например, мы не произносим в силу привычки слово «птица» всякий раз, когда видим птицу. Очевидно, что в такой ситуации мы произносим слово «птица» едва ли чаще, чем в любой другой. Язык, как мы увидим ниже, независим от контроля стимулами.

(iv) Робинс в своей работе (*Robins* 1979a, 9–14) не дает формального определения языка: он прямо говорит о том, что такого рода определения «обычно тривиальны и неинформативны, если только не связаны... с какой-то общей теорией языка или лингвистического анализа». Однако он перечисляет и обсуждает ряд основополагающих фактов, которые «обязательно должны быть учтены в любой серьезной теории языка». Во всех переизданиях его классического учебника мы находим утверждение о том, что языки представляют собой «системы символов... которые носят произвольный характер». Он особо подчеркивает гибкость этих систем и их способность адаптироваться¹⁾ к нуждам носителей. Между взглядами Робинса и тем подходом к языку, при котором язык рассматривается как система привычек (если вкладывать в термин «привычка» некий особый смысл), по-видимому, нет логического противоречия. Понятно, что система привычек должна время от времени меняться в соответствии с из-

¹⁾ В более ранних изданиях (*Robins* 1964, 14; 1971, 13) он говорит: «Языки способны бесконечно расширяться и изменяться в соответствии с нуждами своих носителей и меняющимися условиями их существования». В самом последнем издании выражение «бесконечно расширяться» заменено выражением «адаптироваться».

менившимися потребностями пользователей. Однако термин «привычка» обычно не связывают с поведенческой способностью адаптироваться. Мы еще вернемся к понятию «способность бесконечно расширяться». Тогда станет понятно, что необходимо четко различать способность к расширению и изменению самой системы и способность к расширению и изменению продуктов этой системы. Заметим также, что, коль скоро речь идет о системах, определенные типы их расширения представляют, несомненно, больший теоретический интерес, чем другие. Например, тот факт, что словарь языка может пополняться новыми словами, в теоретическом плане гораздо менее интересен, чем пополнение языка новыми грамматическими конструкциями. Вопрос о том, существуют ли пределы изменения грамматики языка, и если да, то каковы они, является одним из наиболее важных в лингвистике.

(v) Последнее определение, которое мы приведем в этом разделе, существенно отличается от предыдущих: «Под языком понимается множество (конечное или бесконечное) предложений, каждое из которых имеет конечную длину и построено из конечного множества элементов». Это определение из работы Хомского *Синтаксические структуры* (Chomsky 1957, 13; рус. пер. Хомский 1962, 416), публикация которой положила начало новому лингвистическому направлению, известному как трансформационная грамматика. В отличие от определений, рассмотренных выше, это определение изначально имело целью охватить более широкий круг явлений, чем собственно естественные языки. Однако, согласно Хомскому, все естественные языки (как в устной, так и в письменной форме) удовлетворяют этому определению, поскольку (а) любой естественный язык располагает конечным множеством звуков (или букв, если речь идет об алфавитном письме); и (б) хотя множество предложений в языке, возможно, бесконечно, каждое предложение представимо в виде конечной последовательности звуков (или букв). Задача лингвиста, описывающего конкретные естественные языки, — определить, какие конечные последовательности исходных элементов являются предложениями данного языка, а какие нет. Задача лингвиста, занимающегося проблемами общей теории и понимающего вопрос «Что такое язык?» как «Что такое естественный язык?», состоит в том, чтобы выявить структурные свойства (если, конечно, они вообще существуют), отличающие естественные языки от других объектов, которые также подпадают под это определение, однако естественными языками не являются.

Как полагает Хомский, — и он подчеркивает эту мысль во всех последующих своих работах, — такие структурные свойства действительно существуют, однако они настолько абстрактны, сложны и специфичны, что в принципе не могут быть усвоены ребенком непосредственно в процессе овладения родным языком. Такого рода знания должны быть заложены в нем изначально, т. е. до того и независимо от того, столкнулся ли он уже реально с конкретным естественным языком. Иными словами, эти знания являются врожденными. Именно они позволяют ребенку в дальнейшем овладеть языком. Этот взгляд на язык дает Хомскому

основания называть себя рационалистом, а не эмпириком. Мы вернемся к этому вопросу позже (см. 7.4).

Определение Хомского, как мы видели, резко контрастирует — как по стилю, так и по содержанию — с другими определениями языка. В нем не упоминается ни коммуникативная функция языка, ни символическая природа его исходных элементов или их последовательностей. Цель этого определения — сконцентрировать внимание на структурных свойствах языка и указать на то, что эти свойства можно описать с математической точностью. Хомский акцентировал особую роль того, что он называет **структурной зависимостью** процессов, обеспечивающих построение предложений в естественных языках, и создал общую грамматическую теорию, базирующуюся на эксплицитном определении этого свойства (см. 4.6). Это и составляет, пожалуй, его главный вклад в науку о языке.

Пять определений «языка», рассмотренные выше, позволяют составить предварительное представление о тех его свойствах, которые лингвисты считают наиболее характерными. Большинство лингвистов отмечают, что языки представляют собой системы символов, специально предназначенных для осуществления коммуникации. Мы посмотрим на языки под этим углом зрения в разделе «Язык с точки зрения семиотики»: семиотика представляет собой науку или научное направление, занимающиеся изучением символического и коммуникативного поведения. В разделе, посвященном семиотике, мы обсудим вопрос о том, существует ли свойство (или множество свойств), которое отличает естественные языки от других семиотических систем. Некоторые из таких свойств были упомянуты в данном разделе: произвольный характер символов, гибкость и способность изменяться, независимость от стимула, а также структурная зависимость. В дальнейшем к этому списку будут добавлены и другие свойства. В разделе 1.4 мы обсудим вопрос об отношениях между языком и речью.

1.3. Языковое поведение и языковые системы

Прежде всего необходимо провести некоторые важные различия в значениях английского термина '*language*' 'язык'. Я уже указал на то, что этот термин можно отнести и к языку в общем смысле (в этом случае при переводе на французский будет использован французский термин *langage*), и к конкретному языку (ср. французское *langue*). Неоднозначно также английское прилагательное *linguistic*, даже в том случае, когда оно связано с существительным *language* 'язык' (ср. *linguistic* 'относящийся к языку, языковой'), не говоря уже о том, что оно может быть связано с существительным *linguistics* 'лингвистика (наука о языке)' — *linguistic* 'лингвистический'. Например выражение *linguistic competence* 'языковая компетенция', которое мы часто находим в работах Хомского и его последователей, в повседневном английском естественно интерпретировать как мастерство или легкость, с какой человек может усваивать или

использовать как конкретный язык, так и язык вообще. Та же неоднозначность существительного *language* имеет место и в случаях, когда оно выступает в функции прилагательного в составе сложных слов, ср. *language-competence* 'знание языка', *language-acquisition* 'усвоение языка'. Очень часто эта неоднозначность не ведет к нежелательным последствиям или может быть разрешена исходя из контекста. В тех же случаях, когда это необходимо, я буду проводить четкое различие между двумя возможными значениями этих терминов.

Использование языка предполагает выбор определенного типа поведения, что в равной мере относится и к языку в общем смысле, и к любому конкретному языку. Этот тип поведения доступен наблюдению (по крайней мере в некоторых ситуациях) и опознается как языковое поведение не только самими участниками коммуникации (т. е. говорящим и слушающим, если ограничиться устной формой языка), но также и теми, кто наблюдает этот процесс со стороны и не вовлечен в него непосредственно. Более того, хотя сама суть языкового поведения состоит в достижении взаимопонимания, сторонние наблюдатели могут распознать этот тип поведения, даже если они не владеют тем конкретным языком, на котором происходит общение и не понимают конкретных высказываний, т. е. продукта наблюдаемого поведения.

Соответственно, мы можем рассматривать язык с поведенческой (при этом не обязательно бихевиористской) точки зрения. Вместе с тем возможны по крайней мере еще два взгляда на язык. Один из них связан с введенным Хомским противопоставлением «языковая компетенция» vs. «использование языка» (*competence vs. performance*), другая — с противопоставлением несколько иного рода, а именно, с введенным в начале XX в. Фердинандом де Соссюром противопоставлением «язык vs. речь» (*langue vs. parole*).

Когда мы говорим, что человек владеет английским языком, мы обычно подразумеваем одно из двух: (а) что он часто или время от времени реализует определенный тип поведения; или (б) что он обладает способностью реализовать этот тип поведения (независимо от того, пользуется ли он реально этой способностью или нет). Обозначив первую ситуацию термином *использование языка*, а вторую — термином *языковая компетенция*, мы можем сказать, что использование языка предполагает наличие языковой компетенции, тогда как наличие языковой компетенции не предполагает использования языка. Понимаемое таким образом различие между языковой компетенцией и использованием языка представляется относительно непротиворечивым. Это же можно сказать и о другом тезисе Хомского: как бы широко мы ни понимали термин «языковая компетенция», следует признать, что языковое поведение конкретного человека в конкретной ситуации определяется еще целым рядом факторов, выходящих за рамки этого понятия. В детальном определении понятия «языковая компетенция» у Хомского можно обнаружить множество противоречий, однако сейчас мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе (см. 7.4). Здесь отметим лишь, что, по мнению Хомского,

занимаясь описанием конкретного языка, лингвисты фактически описывают не использование языка (т. е. языковое поведение), а именно языковую компетенцию, на которой базируется возможность использования языка. Языковая компетенция человека — это его знание конкретного языка. А поскольку лингвистика связана с обнаружением и теоретическим осмыслением основ языковой компетенции, ее, как полагает Хомский, следует считать одним из направлений когнитивной психологии.

Различие между «языком» и «речью», которое проводит Соссюр, фактически включает в себя ряд логически независимых различий. Отметим, как наиболее важные, во-первых, различие потенциального и актуального, и во-вторых, различие социального и индивидуального (см. 7.2). Соссюр называет «языком» (*langue*) конкретный язык, которым пользуются члены определенного языкового сообщества (т. е. все те, о ком можно сказать, что они говорят на одном языке). Французский термин *langue*, который, как мы видели, является просто одним из слов, означающих ‘язык’, обычно не переводят на английский, когда он употребляется технически, в сосюррианском смысле. Вместо него мы будем пользоваться термином «языковая система» и будем противопоставлять его, по крайней мере на первых порах, термину «языковое поведение», приблизительно так же, как Соссюр противопоставлял термины *langue* ‘язык’ и *parole* ‘речь’. Конкретный «язык» (или языковая система), таким образом, рассматривается как социальное явление, или институт, который сам по себе является чисто умозрительным объектом, но актуализуется как речь (особый тип языкового поведения членов языкового коллектива). Заметим, кстати, что языковую компетенцию (в смысле Хомского) следует отождествлять не с языковой системой как таковой, а со знанием этой системы, присущим типичному носителю языка. Соссюр же делает главный акцент на социальном (или институциональном) характере языковых систем. Поэтому он полагает, что лингвистика ближе к социологии или социальной психологии, чем к когнитивной психологии. Эту точку зрения разделяют многие лингвисты. Многие, однако, считают, что языковые системы можно и должно изучать независимо как от их психологических, так и от их социальных аналогов. Мы вернемся к этому вопросу в главе 2. Здесь же отметим лишь, что когда мы говорим, что лингвист изучает язык, мы имеем в виду, что его интересует прежде всего, как устроены языковые системы.

1.4. Язык и речь

Одно из базовых положений современной лингвистики состоит в том, что устный язык первичен по отношению к письменному. Это не означает, однако, что язык следует отождествлять с речью. Различие следует проводить между языковыми сигналами и средствами, с помощью которых эти сигналы выражаются. Так, можно читать вслух написанное, и наоборот, записать произнесенное. Грамотные носители языка в принципе могут сказать, был ли правильно осуществлен переход от одного средства передачи языковых сигналов к другому или нет. Поскольку язык,

в этом смысле, не зависит от средств, с помощью которых передаются языковые сигналы, мы можем говорить о том, что он обладает способностью менять средства выражения. Это — одно из наиболее важных свойств языка, к сожалению, до сих пор ему уделялось недостаточное внимание в общей дискуссии о природе языка. Это свойство, как мы увидим ниже, зависит от других свойств языка и вместе с ними обеспечивает гибкость языковых систем и их способность к адаптации.

В каком смысле тогда можно говорить о первичности устного языка по отношению к письменному? И почему многие лингвисты относят к определяющим свойствам естественных языков то, что они представляют собой системы голосовых сигналов?

Во-первых, лингвисты считают своим долгом изменить сложившиеся отношения между традиционными теоретическими грамматиками и традиционным подходом к преподаванию языка. До последнего времени авторы грамматик уделяли основное внимание языку литературы и практически не учитывали повседневную разговорную речь. Они ориентировались, как правило, только на литературную норму, и игнорировали разговорные формы, иногда отличающиеся от литературных, считая их неграмматичными, небрежными и даже нелогичными. В XIX в. был достигнут существенный прогресс в изучении исторического развития языков. Исследователи пришли к более четкому осознанию того, что языковые изменения в письменных текстах, относящихся к разным периодам, — такие изменения, которые за несколько веков преобразовали, например, латынь во французский, итальянский или испанский, — можно объяснить исходя из изменений, имевших место в соответствующих устных языках. На основе анализа дошедших до нас древних письменных текстов вообще довольно трудно установить тот факт, что языковые изменения происходят в определенной последовательности и носят обязательный характер, в силу свойственного многим культурам консерватизма письменной традиции: на протяжении долгих периодов в юридических и религиозных документах, а также в литературных произведениях сохраняется архаичный стиль письма. Все великие литературные языки мира были созданы в конечном счете на основе устных языков тех или иных групп людей. Вообще, то обстоятельство, что язык одного региона или социальной группы лег в основу литературного языка, а диалекты других регионов или социальных групп стали вследствие этого рассматриваться как низшие, нестандартные его формы, с исторической точки зрения является чистой случайностью. Традиционный взгляд на нормализованный письменный язык как на лучший образец языка укоренился настолько, что лингвисту трудно убедить непрофессионала в том, что диалекты в принципе не в меньшей степени упорядочены и регулярны, чем литературный язык, что в них существуют свои четкие представления о правильности высказываний, последовательно реализующиеся в речи их носителей. Первая (и очень непростая) задача, стоящая перед студентом-лингвистом, — обрести способность рассматривать устный язык как таковой

и отказаться от представления, что произношение слова и предложения полностью определяется, или должно определяться, его написанием.

Стремление сформировать у исследователей непредвзятое отношение к речи и устному языку само по себе еще не является аргументом в пользу того, чтобы считать основной именно эту форму существования языка, а не письменный язык. Как вообще следует понимать здесь термин «основной»? Историческая первичность речи по отношению к письму в принципе не вызывает сомнений. Любое человеческое сообщество, существующее в наши дни или существовавшее в прошлом, обладает способностью говорить. Многие из известных нам сегодня языков в самых разных районах мира представлены как в устной, так и в письменной форме. Однако до последнего времени подавляющее большинство народов письменности не имело. Историческая первичность вообще далеко не самый важный аргумент в пользу того, чтобы признать устную форму языка основной. Рассмотрим некоторые другие возможные осмысления термина «основной»: структурный, функциональный и (спорный) биологический.

Под **структурной первичностью** устного языка здесь понимается следующее. Если отвлечься в данный момент от возможных стилистических различий между устным и письменным языком и считать, что каждое приемлемое произнесенное предложение можно преобразовать в приемлемое письменное предложение, и наоборот, в принципе ни про одно из них нельзя сказать, что оно порождено из другого (мы исключаем здесь, конечно, исторические соображения, о которых шла речь выше). Структуру написанных предложений определяют видимые и опознаваемые различия контуров, структуру произнесенного — опознаваемые различия звуков. В теоретически идеальном случае произнесенные и написанные предложения будут изоморфны (т. е. будут иметь одну и ту же внутреннюю структуру). Конкретнее, если предложение записано в алфавитном письме, определенные буквы будут соответствовать определенным звукам, а определенные комбинации букв, те, которыми обозначаются слова и предложения, — однозначно соответствовать определенным комбинациям звуков. Не всякие комбинации букв, как и не всякие комбинации звуков будут считаться приемлемыми. Однако между буквами и звуками в этом отношении есть важное различие. Возможность той или иной комбинации звуков в конкретном языке частично зависит от свойств самих звуков как особого средства передачи языковых сигналов (некоторые сочетания звуков либо вообще непронизосимы, либо их трудно произнести), а также от более специфических ограничений, которые характерны только для этого конкретного языка. Возможность комбинации букв абсолютно не зависит от их начертаний. В языках, использующих алфавитное письмо, однако, она в большей или меньшей степени может быть предсказана на основании соответствия между буквами и звуками и на основании допустимости тех или иных комбинаций звуков в речи. В этом смысле можно говорить о структурной первичности устного языка по отношению к письменному, хотя, по крайней мере в идеале, эти две формы языка могут быть изоморфны на уровне таких единиц как слово

или предложение. Следует заметить, что предшествующие рассуждения, безусловно, нельзя отнести к языкам, в которых определенные начертания ассоциируются не со звуками, а со словами, например, к классическому китайскому, использующему особую традиционную графику, или к древнеегипетскому, использовавшему иероглифы. Именно в силу того, что в случае китайского устный язык не обладает структурной первичностью по отношению к письменному, один и тот же письменный язык можно поставить в соответствие нескольким различным устным диалектам китайского, носители которых часто даже не понимают друг друга.

Понятие функциональной первичности гораздо проще, чем предыдущие. Даже сегодня в наиболее индустриально развитых и бюрократизованных обществах с самым высоким уровнем грамотности населения устный язык имеет значительно более широкий спектр функций, чем письменный, который используется только в тех случаях, когда речевая коммуникация либо невозможна, либо ненадежна, либо неэффективна. А изобретение телефона и магнитофона сделали возможным использование устного языка в тех ситуациях, в которых до этого можно было использовать только письменный язык. Письменный язык изначально был изобретен для осуществления надежной коммуникации на расстоянии, а также для сохранения важных юридических, религиозных и коммерческих документов. Именно тот факт, что письменные тексты, более надежные и долговечные, чем устные, на протяжении веков использовались в столь важных целях, обусловил большую официальность и авторитет письменного языка во многих культурах.

Перейдем теперь к наиболее дискуссионному вопросу — вопросу о биологической первичности. Многие свидетельствуют в пользу того, что в человеке изначально заложена способность не только усваивать язык, но также, как часть этого процесса, производить и распознавать звуки речи. Как часто отмечают при этом, все органы, которые лингвисты обычно называют речевыми органами (легкие, голосовые связки, зубы, язык и т. д.), имеют и другую, с биологической точки зрения более важную функцию, чем порождение речевых сигналов. Это безусловно так: легкие обеспечивают дыхание, зубы — пережевывание пищи и так далее. Вместе с тем известно также, что дети (если, конечно, они не имеют какого-то врожденного психического или физического дефекта) начинают производить звуки, напоминающие звуки речи, в возрасте нескольких месяцев. При этом они производят гораздо более широкий набор звуков, чем тот, который могут слышать в речи взрослых. Таким образом, детский лепет нельзя объяснить как простую имитацию звуков речи, которую ребенок слышит от окружающих. Более того, в настоящее время имеются экспериментальные данные о том, что уже в первые недели жизни ребенок способен отличать звуки речи от других звуков и склонен обращать на них особое внимание. У ближайших родственников человека среди высших приматов такой способности не наблюдается, хотя они и имеют очень схожий физиологический аппарат. Возможно именно по этой причине все попытки обучить шимпанзе устному языку потерпели неудачу. При этом

шимпанзе довольно успешно осваивают системы коммуникации, использующие жесты и видимые сигналы. (Известно, что в естественной среде шимпанзе общаются с помощью жестов и голосовых сигналов, причем система жестов у них является гораздо более развитой, чем система голосовых сигналов, см. 1.7.) И наконец, как известно, у взрослого человека два полушария мозга функционально асимметричны, при этом одно из них контролирует преимущественно выполнение определенных операций. У большинства людей — это левое полушарие. Именно левое полушарие в значительной степени обеспечивает языковую деятельность, в том числе порождение и восприятие звуков речи, но не других типов звуков (см. 8.3).

Такого рода данные, если и не имеют решающего значения, без сомнения, весьма показательны. Согласно одной из приемлемых гипотез, язык человека сформировался на определенном этапе эволюции из коммуникативной системы, основанной на жестах, а не на звуках, и существует много причин, почему это оказалось возможным. Независимо от того, верна эта гипотеза или нет, факты, описанные в предыдущем параграфе, позволяют говорить о том, что на современной стадии эволюции именно звук, а точнее, определенный инвентарь слышимых звуков, производимых с помощью речевых органов человека, является естественным, или биологически первичным, средством передачи языковых сигналов. Коль скоро это так, следует признать правомочным как использование термина «речевые органы», так и постулат о существовании глубокой внутренней связи между языком и речью.

Биологическая первичность речи, однако, не предполагает ее логической первичности. Как отмечалось выше, языку в большой степени свойственна способность менять средства выражения. В нормальном случае дети усваивают устный язык спонтанно (т. е. в силу биологической предрасположенности и без специального обучения), тогда как овладение навыками чтения и письма требует специальной подготовки и базируется на знании устного языка. Однако как для детей, так и для взрослых освоение чтения и письма не представляет особой сложности. Вполне возможно также, хотя и крайне необычно, выучить письменный язык, не владея соответствующим устным. Человек может освоить и коммуникативные системы, основанные на жестах, которые не связаны ни с устным, ни с письменным языком, такие, например, как системы, используемые глухонемыми. Если бы мы обнаружили общество с письменной или основанной на жестах системой коммуникации, которая обладала бы всеми другими характерными для языка свойствами, но не использовала звуковых средств выражения, мы безусловно назвали бы такую систему языком. Поэтому, вероятно, не следует придавать слишком большого значения биологической первичности речи.

Кроме того, когда речь идет об описании конкретных языков, лингвисту следует скорее исходить из того, что устный и соответствующий письменный язык лишь в какой-то степени изоморфны. Полный изоморфизм, как я говорил, лишь теоретически мыслимая, идеальная ситуация. Ни одна из известных систем письма не способна точно передать всех

существенных особенностей речи (исключение составляют лишь системы транскрипции, специально изобретенные фонетистами для этих целей). Из этого следует, что написанное предложение может быть озвучено несколькими разными способами: с разной расстановкой логического ударения, с разной интонацией и т. д. Знаки препинания, использование курсива или заглавных букв выполняют примерно те же функции, что и логическое ударение и интонация в устном языке, однако все же не способны адекватно заменить последние. Следует признать также тот факт, что между устным и письменным языком всегда существуют как функциональные, так и структурные различия. В силу исторических и культурологических причин степень расхождения между устной и письменной формой в разных языках может быть разной. Так, в арабском и тамильском различия между устным и письменным языком очень значительны, причем это касается не только словаря, но и грамматики. В английском же они менее заметны. Однако даже в английском есть слова, предложения и грамматические конструкции, которые ощущаются как сугубо разговорные и неприемлемые для письменного языка (например, *load of old cobblers* 'просто треп'), или наоборот, как слишком литературные и неуместные в устном языке (например, *any arrangements made heretofore notwithstanding* 'несмотря на любые ранее достигнутые договоренности').

Показательны сами термины «разговорный» и «литературный». Необходимо строго различать понятия «разговорный» и «устный», с одной стороны, и «литературный» и «письменный», с другой. Однако на практике осуществить это довольно сложно. Кроме того, в некоторых языках различия средств выражения («устный vs. письменный») и стилистические различия («разговорный (*non-standard*) vs. литературный (*standard*)») могут быть несущественны. Все сказанное выше можно отнести и к противопоставлению «литературный vs. диалектный». Постулат об изоморфизме устного и письменного языка является частью проблемы, которую мы назвали «иллюзией однородности» (см. 1.6).

1.5. Язык с точки зрения семиотики

Существует несколько определений семиотики: наука о знаках, о символическом поведении или о системах коммуникации. В рамках семиотики неоднократно обсуждался вопрос о различии понятий «знак», «символ», «сигнал», о границах понятия «коммуникация». Здесь мы будем исходить из того, что предметом семиотики являются системы коммуникации. Мы будем также трактовать понятие «коммуникация» максимально широко, не считая, в частности, что оно с необходимостью предполагает наличие намерения сообщить некую информацию. Только такое понимание этого термина позволяет говорить о коммуникативных системах животных, не затрагивая при этом некоторых, весьма спорных философских вопросов.

Есть ряд понятий, которые актуальны для исследования всех коммуникативных систем, связанных и не связанных с человеком, естественных или искусственных. Перечислим основные из них. Сигнал передается от отправителя к получателю (или группе получателей) по каналу коммуникации. Этот сигнал имеет определенную форму и передает определенное значение (или сообщение). Связь между формой сигнала и его смыслом устанавливается с помощью того, что в семиотике принято называть кодом (в широком смысле слова). Сообщение кодируется отправителем и декодируется получателем.

С этой точки зрения естественные языки являются кодами, а следовательно, их можно сравнивать с другими кодами по самым разным основаниям, например, в зависимости от того, какой канал связи используется для передачи сигналов, какую форму (или структуру) имеют эти сигналы, какого рода и объема сообщения могут быть закодированы и так далее. При этом встает вопрос о том, какие свойства кодов, или коммуникативных систем, в рамках которых эти коды используются, существенны для их сравнения, а какие — несущественны или менее важны. Проблема осложняется тем, что многие из таких свойств носят градуальный характер, т. е. в некоторых случаях целесообразно сравнивать системы коммуникации не просто по наличию или отсутствию некоторого свойства, а по степени его выраженности. Именно из-за неправильного выбора критериев сравнения иногда проводят совершенно неправомерные параллели между системами коммуникации, присущими некоторым видам птиц и животных, и языком человека.

Переходя к вопросу о канале коммуникации, заметим только, что в отличие от кодов, используемых многими, если не всеми животными, язык человека в высокой степени обладает способностью менять средства выражения. Мы подробно говорили об этом в предыдущем разделе. Понятия «средство выражения» и «канал», безусловно, внутренне тесно связаны между собой в том смысле, что свойства средств выражения определяются в конечном счете свойствами естественных каналов передачи сообщений. Однако, когда речь идет о языке, следует четко различать эти два понятия. Как устный, так и письменный язык можно передать по самым разным каналам. Используя термин «средства выражения», а не «канал» мы имеем в виду не конкретный случай передачи сигнала, а некие регулярные функциональные и структурные различия между тем, что является характерным для устного, и тем, что характерно для письменного языка. Письменный английский, как это ни парадоксально на первый взгляд, может быть передан посредством речевого канала (т. е. с помощью речи), а устный можно передать с помощью письма (хотя в принятой орфографии и не вполне адекватно).

Возможно самым поразительным свойством языка в сравнении с другими кодами или системами коммуникации является его гибкость и универсальность. С помощью языка мы можем выражать наши чувства и эмоции, обеспечивать взаимодействие с другими людьми, выражать угрозу или давать обещания, отдавать команды, задавать вопросы или делать

утверждения. Мы можем рассказывать о прошлом, настоящем и будущем, описывать объекты, находящиеся на большом расстоянии от места, где произносится высказывание, и даже говорить о несуществующих объектах. Никакая другая система коммуникации, связанная или не связанная с человеком, по-видимому, не обладает такой степенью гибкости и универсальности. Среди более специальных свойств, обеспечивающих гибкость и универсальность конкретного языка (или языковой системы), наиболее важными представляются следующие: произвольность языкового знака, двойное членение языка, дискретность и продуктивность.

(i) Термин «произвольный» используется здесь в специальном смысле, означая что-то вроде «необъяснимый исходя из некоторых более общих принципов». Одним из наиболее очевидных — и часто упоминаемых — проявлений произвольности в языке является характер связи между формой и значением (между сигналом и сообщением). Во всех языках имеются отдельные случаи (традиционное название этого явления — ономотопея, или звукоподражание), когда можно говорить о мотивированном выборе определенной формы для выражения определенного значения (ср. например, *cuckoo* ‘кукушка’, *peewit* ‘чибис’, *crash* ‘разбить с грохотом’). Однако подавляющее большинство слов в любом естественном языке ономотопами не являются: связь между их формой и значением носит сугубо произвольный характер, т. е., зная форму слова, мы не можем предсказать его значение, а зная значение, не можем предсказать форму.

Очевидно, что произвольность языкового знака (в указанном смысле) способствует гибкости и универсальности системы коммуникации, поскольку в этом случае расширение словаря не будет ограничено необходимостью выбирать ту или иную форму для того или иного значения на основе каких-то общих принципов. В то же время тот факт, что связь между формой и значением на уровне словарных единиц носит чаще всего произвольный характер, существенно осложняет процесс усвоения языка, создавая большую нагрузку на память: для каждой словарной единицы связь данной формы с данным значением приходится заучивать отдельно. С семиотической точки зрения, таким образом, произвольность знаков имеет как определенные преимущества, так и недостатки: она обеспечивает большую гибкость системы и ее способность адаптироваться к нуждам пользователей, но в то же время коммуникативную систему, основанную на этом принципе, очень трудно освоить. У коммуникативных систем этого типа есть еще одна характерная особенность — произвольность знаков не позволяет интерпретировать эти знаки тем, кто с ними незнаком. Для обычных пользователей это обстоятельство также имеет свою положительную и отрицательную стороны. Можно предположить, что в процессе формирования языка человека преимущества, связанные с этим свойством, перевесили недостатки. В большинстве систем коммуникации, которыми пользуются животные, связь между сигналом и его значением, как правило, не является произвольной.

Коль скоро речь идет о языке, следует отметить, что свойство произвольности распространяется не только на отношения между формой и значением слова. Оно охватывает также практически всю грамматическую структуру конкретных языков. Если бы грамматики языков не различались так существенно, выучить иностранный язык было бы значительно легче.

Более спорным представляется следующее положение Хомского: большая часть тех механизмов, которые являются общими для грамматической структуры всех естественных языков, включая и очень специфические виды обусловленности структурой, также носит произвольный характер, в том смысле, что их нельзя предсказать исходя из функций языка, свойств среды, в которой люди осваивают и используют этот язык, из особенностей когнитивных процессов у человека или каких-то иных факторов подобного рода. Хомский считает, что человек генетически наделен знанием неких предположительно произвольных общих принципов, определяющих структуру всех языков. По этому поводу заметим здесь лишь, что далеко не все лингвисты разделяют это положение Хомского. В последние годы неоднократно предпринимались попытки его опровергнуть. Мы вновь вернемся к этому вопросу в главе 8.

(ii) Под двойным членением понимается следующее свойство: язык имеет двухуровневую структуру, при этом единицы первичного уровня строятся из элементов вторичного уровня. Каждый из этих уровней организован в соответствии со своими особыми принципами. Следует обратить внимание на термины «элемент» и «единица», которые я здесь различаю. Вообще, противопоставление «элемент» vs. «единица» в лингвистике не является общепринятым. Однако оно представляется удобным для объяснения ряда явлений, поэтому я буду пользоваться им в настоящей книге.

В данный момент мы можем отождествлять элементы устного языка со звуками (хотя более точно, как мы покажем в главе 3, было бы говорить здесь о фонемах). Сами по себе звуки не несут никакого смысла. Единственная их функция — сочетаясь с другими звуками, образовывать единицы, которые в общем случае связаны с определенным значением. Именно в силу того, что короткие элементы низшего уровня не связаны со значением, а более длинные единицы высшего уровня передают определенное значение, мы говорим об элементах как о вторичных объектах, а о единицах — как о первичных. Во всех системах коммуникации мы находим первичные объекты — единицы, но эти единицы не обязательно составлены из элементов. Только в том случае, когда в коммуникативной системе представлены как единицы, так и элементы, мы говорим, что она обладает двойным членением. Большинство систем коммуникации, наблюдаемых у животных, этим свойством, по-видимому, не обладает. В тех же системах, где все же можно говорить о двойном членении, единицы не обладают способностью сочетаться друг с другом подобно тому, как во всех естественных языках слова определенным образом сочетаются между собой, образуя предложения.

Преимущества, которые дает коммуникативной системе свойство двойного членения, достаточно очевидны: из очень небольшого числа элементов может быть построено огромное количество разных единиц, например, из тридцати — сорока звуков можно получить тысячи слов. Если эти первичные единицы в свою очередь могут различным образом объединяться между собой по некоторым регулярным правилам, количество различных сигналов, а следовательно, количество сообщений, которые можно закодировать, неизмеримо возрастает. Как мы увидим ниже, конкретный естественный язык позволяет построить практически неограниченное количество сигналов.

(iii) **Дискретность** — это свойство, противопоставленное континуальности (непрерывности), т. е. отсутствию четких границ между объектами. В естественном языке дискретность присуща элементам. Приведем в качестве иллюстрации следующий пример. Два английских слова *bit* 'кусочек' и *bet* 'пари' различаются по форме как в устном, так и в письменном языке. С точки зрения процесса речепроизводства вполне реально произнести гласный звук, занимающий промежуточное положение между гласными, которые должны быть произнесены в этих словах в соответствии с существующей нормой. Однако, если заменить «правильные» гласные в *bit* и *bet* этим промежуточным звуком, мы не получим ни какого-то нового слова, отличающегося по смыслу от двух исходных слов, ни слова, совмещающего смыслы их обоих. То, что будет в результате произнесено, либо вообще не будет распознано как английское слово, либо будет воспринято как ошибка в произношении любого из исходных слов. Идентичность формы в языке, в общем случае, — это проблема типа «все или ничего», а не проблема «более или менее».

Хотя дискретность логически не зависит от произвольности, эти свойства взаимодействуют друг с другом таким образом, что способствуют увеличению гибкости и эффективности языковых систем. Например, в принципе возможна ситуация, когда два слова имеют минимальные, но явно выраженные различия в форме и одновременно очень близки по смыслу. Но вообще говоря, это исключительно редкий случай: *bet* 'пари' и *bit* 'кусочек' не более близки по смыслу, чем любая другая произвольно выбранная пара английских слов. Тот факт, что слова, имеющие минимальные различия в форме, обычно значительно различаются по смыслу, существенно подчеркивает формальные различия между ними: в большинстве контекстов появление одного из них оказывается гораздо более вероятным, чем появление другого, что уменьшает возможность понимания высказывания при наличии помех в канале передачи сигнала. В системах коммуникации, используемых животными, недискретности (т. е. постоянному варьированию) часто сопутствует свойство произвольности.

(iv) **Продуктивность** — это свойство, обеспечивающее возможность построения и интерпретации новых сигналов, сигналов, которые прежде не встречались и не вошли в доступные пользователю списки уже известных сигналов (даже самые полные). В большинстве систем коммуникации, представленных у животных, количество сигналов, которые

могут быть отправлены и поняты, очень ограничено. Все языковые системы, напротив, позволяют пользователю создавать и понимать бесконечно много высказываний, в том числе и таких, которых они никогда прежде не слышали, или не читали.

Важность продуктивности (как свойства естественных языков) подчеркивается во многих лингвистических работах. Особое значение придает этому свойству Хомский, главным образом в связи с проблемой усвоения языка ребенком. Тот факт, что уже в очень раннем возрасте дети способны порождать высказывания, которых они никогда раньше не слышали, свидетельствует о том, что усвоение языка происходит не только путем имитации и запоминания.

Говоря о продуктивности, следует подчеркнуть, что способность создавать новые высказывания сама по себе не может рассматриваться как исключительная прерогатива языковых систем. Так, например, система коммуникации пчел, с помощью которой они указывают источник нектара, также характеризуется высокой степенью продуктивности. Вместе с тем было бы ошибкой утверждать, что система коммуникации пчел похожа на язык человека. Пчела действительно способна производить очень широкий спектр разных сигналов (от характерных вибраций тела до положения, которое она занимает по отношению к солнцу). При этом коммуникативная система пчел не обладает ни свойством дискретности сигналов, ни свойством произвольности связи между сигналом и сообщением. Важно также, что эта система позволяет только указывать в каком направлении и на каком расстоянии следует искать нектар. Никакую другую информацию посредством этой системы передать нельзя.

В естественных языках, обнаруживающих поразительное разнообразие грамматической структуры, свойство продуктивности реализуется также в наличии в высшей степени сложных и разнородных принципов, которые и обеспечивают это разнообразие. Однако — и на этом настаивает прежде всего сам Хомский — эта сложность и разнородность небеспредельны, они регулируются определенными правилами. В пределах, устанавливаемых грамматическими правилами, — отчасти возможно универсальными, отчасти присущими только данному конкретному языку — носители языка обладают полной свободой для языкового творчества и создают все новые и новые высказывания (т. е., как сказал бы Хомский, демонстрируют тип поведения, характерный именно для человека). Понятие регулируемой созидательной способности, которое сыграло важную роль в развитии генеративизма, тесно связано с понятием продуктивности (см. 7.4).

Четыре общих свойства языковых систем, которые мы перечислили и коротко обсудили выше, — произвольность, двойное членение, дискретность и продуктивность — различным образом взаимодействуют между собой. Они, как мы видели, не только характерны для всех естественных языков, но выражены в них в самой высокой степени. Вопрос о том, присутствуют ли они в любой, отличной от языка, коммуникативной системе, является спорным. Однако, если даже это так, степень их

выраженности и способность к взаимодействию там несомненно ниже, чем в естественном языке.

Следует заметить, однако, что перечисленные четыре свойства, которые совершенно не зависят ни от канала передачи, ни от средства выражения, менее характерны для невербальной части языковых сигналов. Высказывания представляют собой не просто цепочку слов, которая составляет их вербальную часть. Существует еще по крайней мере два типа (в той или иной степени распознаваемых) речевых явлений, которые налагаются на такую вербальную цепочку: просодические и параязыковые. К просодическим характеристикам относятся ударение и интонация; к параязыковым — такие явления, как темп, громкость и др. С устным высказыванием связан также широкий круг неречевых явлений (движение глаз, наклоны головы, выражение лица, жесты, позы и т. д.), которые вносят свой вклад в смысл высказывания и могут также быть отнесены к параязыковым явлениям. Лингвисты обычно занимаются только просодическими и вербальными явлениями, явлениями, которые регулируются языковой системой как таковой. Однако как просодические, так и параязыковые явления являются обязательным компонентом любого нормального языкового поведения в том случае, когда мы имеем дело с устным языком. В то же время просодические и параязыковые явления не обладают свойствами произвольности, двойного членения, дискретности и продуктивности (или, точнее, обладают ими не в той степени, которая представлена у вербальной части языка). Поэтому они напоминают скорее определенные особенности коммуникации у животных.

Здесь, естественно, возникает вопрос: можно ли говорить о том, что язык присущ только человеку? Ответ на этот вопрос, как и на вопрос «Отличается ли человек от всех других животных?», существенно зависит от того, какие критерии мы выберем как наиболее важные, определяя понятие «язык». В равной мере допустимо подчеркнуть как существенные качественные и количественные различия между естественным языком и другими системами коммуникации, так и не менее поразительное их сходство. Лингвист, психолог и философ, возможно, склонны придавать большее значение первым; тогда как этолог, зоолог или специалист по семиотике скорее сделают акцент на последних.

1.6. Иллюзия однородности

Все наши предыдущие рассуждения базировались на том (я назвал это «иллюзией однородности»), что каждый член языкового сообщества пользуется в точности тем же языком, что и другие. Можно, разумеется, определить термин «языковое сообщество» таким образом, что он не будет допускать никаких системных различий в произношении, грамматике или словаре его членов. Однако, если ориентироваться на привычное понимание этого термина — группа людей, про которых принято говорить, что они пользуются одним языком, например, английским, французским или

русским, — перед исследователем встает вопрос: во всех ли отношениях речь членов данного сообщества можно признать идентичной.

Во всех языковых сообществах в мире, за исключением, быть может, лишь самых малых, существуют в той или иной степени заметные различия — различия в акценте, а также диалектные различия. Из двух терминов «акцент» и «диалект» первый является более узким: он относится только к произношению и не касается грамматики и словаря. Так, вполне реальна ситуация (я даже не назвал бы ее исключительной), когда иностранец говорит с заметным акцентом, тогда как с точки зрения грамматики и словаря его речь неотличима от речи носителей данного языка. Возможно также, что два носителя языка имеют разное произношение, хотя во всех прочих отношениях их можно признать носителями одного диалекта. Чаще всего это имеет место тогда, когда этот диалект в силу исторических причин приобрел статус национального или регионального литературного языка. Так, например, большинство образованных коренных жителей Англии говорит на диалектах, которые в большей или меньшей степени близки к литературному английскому (*Standard English*), однако особенности произношения, как правило, «выдают» их региональные или социальные корни. В повседневном употреблении термины «акцент» и «диалект» обычно не смешиваются. Однако многие лингвисты настаивают на том, что акцент следует рассматривать как частный случай диалектных различий. Эта проблема, впрочем, носит чисто терминологический характер и не имеет важных теоретических следствий. Важно, однако, обратить внимание на следующие два момента. Во-первых, один и тот же диалект может иметь существенные различия в произношении. И во-вторых, в отсутствие общепризнанного и давно сформировавшегося национального или регионального литературного языка диалектные различия как в сфере произношения, так и в сфере грамматики и словаря будут более значительными, чем те, которые мы наблюдаем сегодня, например, в большинстве англоязычных языковых коллективов.

Лингвист, как и обычный носитель языка, пользуется понятием «диалект» и связывает это понятие с понятием «язык», например, когда говорит, что язык складывается из нескольких различных диалектов. Однако лингвист не вкладывает в это понятие того негативного смысла, который слово «диалект» имеет в повседневной речи. В отличие от непрофессионала, лингвист не считает диалект определенной региональной или социальной группы людей низшей или испорченной формой литературного языка: ему известно, что исторически именно диалект лежит в основе любого литературного языка, хотя в дальнейшем развитии последнего определяют особые законы. Лингвист знает также, что, имея очень широкий спектр функций в повседневной жизни соответствующих региональных или социальных групп, диалекты не менее упорядочены, чем национальный или региональный литературный язык. В следующих главах мы еще раз вернемся к этим проблемам, чтобы обсудить их более детально и проиллюстрировать конкретными примерами. В не-

которых случаях, возможно, придется даже внести некоторые поправки в то, что было сказано выше: с современной социальной и культурологической точек зрения региональный или национальный литературный язык с полным основанием можно признать совершенно особым явлением, существенно отличающимся от исторически связанных с ним диалектов.

В обычной речи выбор между терминами «диалект» и «язык» в значительной степени определяется политическими и культурологическими соображениями. Так, например, мы называем пекинский и шанхайский китайский разными диалектами одного языка. Вместе с тем различия между ними гораздо более существенны, чем, скажем, между датским и норвежским, или чем между голландским, фламандским и африканс, которые обычно считают разными языками. Иногда полагают, что независимую от политических и культурологических факторов границу между языками можно провести на основе критерия отсутствия взаимопонимания. Действительно, это главный критерий, к которому прибегают лингвисты, устанавливая границы между языковыми сообществами. Однако и здесь возникает целый ряд проблем. Границы между родственными диалектами часто размыты, причем такой «диалектный континуум» может покрывать очень большую территорию. В этом случае жители двух, расположенных на большом расстоянии регионов, могут не понимать друг друга, и тем не менее мы не сможем указать, на границе каких двух соседних диалектов разрушается взаимопонимание. Существует и еще одно осложняющее обстоятельство. Дело в том, что способность понимать (другой диалект или язык) в принципе может носить асимметричный характер, кроме того, понимание может также быть более или менее полным. Так, вполне реальна, и отнюдь не исключительна, ситуация, когда носитель определенного диалекта X в основном понимает говорящего на другом диалекте Y-а, тогда как Y совершенно не понимает X-а. Таким образом, часто очень трудно определить, имеем ли мы дело с разными языками или с разными диалектами одного языка.

Действительно, во многих случаях невозможно провести четкую границу между диалектами соседних регионов. Как бы узко мы не очертили, на основании географических или социальных критериев, границы одного диалекта, при более детальном исследовании мы всегда обнаружим какие-то системные различия в речи тех, кого мы сочли его носителями. Остается, таким образом, признать, что каждый человек является носителем особого диалекта или, как говорят лингвисты, *идиолекта*. Идиолекты различаются словарем, произношением и, в меньшей степени, грамматикой. Формирование идиолекта не заканчивается в тот момент, который обычно принято считать моментом полного овладения языком: он изменяется на протяжении всей жизни человека.

В дополнение к тому, что было сказано о противопоставлении «язык vs. диалект vs. идиолект», следует добавить, что существует и другая шкала для описания системной вариативности речи членов одного языкового сообщества — речь идет о *стилистических вариантах*. Мы уже упоминали

о них в связи с противопоставлением «литературный vs. разговорный» язык. Корни этого противопоставления, безусловно, следует искать в противопоставлении «письменный vs. устный» язык, однако ни в коем случае не следует отождествлять эти два противопоставления. Стилистические различия в принципе гораздо шире, чем собственно различия между литературными и разговорными формами. Когда мы говорим или пишем на родном языке мы выбираем тот или иной из возможных стилей в зависимости от ситуации, от характера отношений с партнером по коммуникации, от целей, которых хотим достичь, от содержания сообщения, а также еще от целого ряда факторов. Независимо от того, происходит ли выбор стиля осознанно или неосознанно, каждый стиль является системным и опознаваемым, поэтому правильный выбор в значительной мере способствует эффективному использованию языка. Поскольку каждый носитель языка владеет, как правило, несколькими стилями, он в определенном смысле многоязычен. Таким образом, каждый стиль, как и каждый идиолект, в конечном счете можно рассматривать как самостоятельную языковую систему.

1.7. Не существует примитивных языков

Среди обывателей до сих пор бытует представление о существовании примитивных языков. И в наши дни можно еще услышать давно опровергнутый миф о том, что есть народы, которые общаются с помощью пары сотен слов, дополняя их жестами. В действительности же, любой из исследованных к настоящему времени языков — каким бы примитивным и нецивилизованным во всех других отношениях ни казалось нам использующее его общество, — представляет собой сложную и высокоразвитую систему коммуникации. Конечно, процесс перехода от варварства к цивилизации еще очень мало изучен. И в целом он не входит в область интересов лингвистики. Однако лингвист может констатировать, что до сих пор не обнаружено никакой связи между различными стадиями культурного развития общества и типом языка, используемого на соответствующих стадиях. Например, в лингвистике не существует таких понятий, как тип языка, характерный для каменного века, или тип языка, характерный для общества, занимающегося собирательством или скотоводством, или, наконец, тип языка, характерный для современного индустриального общества.

В XIX в. была широко распространена точка зрения, согласно которой в процессе эволюции языка постепенно меняется степень сложности его структуры: от большей к меньшей, и наоборот. В наши дни лингвисты предпочитают не говорить об эволюции языков в таких общих терминах. Им известно, что если какой-то вектор, определяющий направление эволюции языков, вообще существует, ни результаты исследования современных языков, ни то, что известно о древних языках, пока его существования не подтверждают. В ранних рассуждениях об эволюции

языка явное предпочтение отдавалось так называемым флективным языкам, и прежде всего латинскому и греческому.

Здесь следует коснуться также вопроса о происхождении языка, вопроса, который с незапамятных времен занимал ум и воображение человека. В светском плане (т. е. вне связи с религией и мистикой) этот вопрос широко обсуждался уже в древнегреческой философии, основные положения которой просуществовали в почти неизменном виде до XVIII в. и сыграли важную роль в развитии традиционной грамматики. В конце XVIII в. известная полемика между французским философом Кондильяком и немецким философом Гердером в немалой степени способствовала более глубокому осознанию связи между языком, мышлением и культурой. Начиная с XIX в. лингвисты, за очень редкими исключениями, пришли к убеждению, что вопрос о происхождении языка вообще не может быть предметом научного исследования и должен быть вынесен за рамки лингвистики. Такой взгляд сложился в значительной степени под влиянием результатов, полученных в XIX в. в исторической лингвистике. Эти исследования показали, что как бы далеко мы ни углублялись в историю конкретных языков, сохраненную для нас древними текстами, нам все равно не удается обнаружить никаких признаков того, что можно было бы назвать прогрессом в языке, т. е. признаков перехода от более примитивного к более продвинутому состоянию.

Заслуживают внимания, однако, и данные совсем иного рода. Некоторые из них были получены сравнительно недавно. В свете этих данных вопрос о происхождении языка снова стал предметом научного обсуждения, хотя пока было бы преждевременно говорить о каких-то надежных результатах. Можно сказать лишь, что в настоящее время, в значительно большей степени, чем несколько десятилетий назад, представляется убедительной гипотеза, согласно которой язык развился из системы коммуникации, использующей жесты, а не голосовые сигналы. В пользу этого говорят, в частности, результаты, полученные психологами, которым удалось научить шимпанзе понимать и использовать достаточно сложную и структурно близкую к языку человека коммуникативную систему, основанную на жестах. В то же время стало более или менее очевидно, что безуспешность всех предпринимавшихся ранее попыток научить шимпанзе общаться при помощи голосовых сигналов не является случайностью, поскольку были обнаружены небольшие, но, по-видимому, все же важные различия в строении голосового аппарата шимпанзе и человека. Кроме того, изучение ископаемых остатков неандертальского человека показало, что его голосовой аппарат обнаруживает большее сходство с голосовым аппаратом современного человека, чем с голосовым аппаратом шимпанзе и других приматов, которые используют ограниченный спектр голосовых сигналов и на воле в основном общаются посредством жестов. Все это позволяет предполагать, что в то время, когда предки человека осваивали прямохождение, освобождая тем самым руки, и когда их мозг, увеличиваясь в размерах, создавал в доминантной полушарии потенциал для выполнения множества сложных операций, их коммуникативная система

была основана прежде всего на жестах. В процессе эволюции по каким-то биологическим причинам система жестов была заменена системой голосовых сигналов. Эта система в свою очередь в определенный момент приобрела свойство двойного членения, что, как мы видели выше, позволяет существенно увеличить объем словаря. Таким образом, вероятно, не все характерные для языка свойства присутствовали в нем с самого начала, а следовательно, можно говорить о том, что язык, на самом деле, представляет собой результат эволюции коммуникативной системы другого типа.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что все без исключения известные нам языки не только используют звуковой канал, который является для них первичным и наиболее естественным, но также характеризуются примерно одинаковой степенью сложности грамматической структуры.

Единственным исключением из этих общих положений являются так называемые *пиджины*. Это особые языки, которые используются, например при совершении торговых операций или в каких-то похожих ситуациях, если партнеры не могут использовать в качестве средства общения ни один из естественных языков. Основой пиджинов в конечном счете являются те же самые естественные языки, один или несколько, однако их грамматика и словарь значительно беднее грамматики и словаря языкоосновы, что обусловлено очень узкой сферой их применения. Однако в тех случаях, а такие случаи нередки, когда язык, первоначально возникший как пиджин, становится родным (т. е. единственным усвоенным в детстве) языком для определенного языкового коллектива, его словарь расширяется, а грамматика становится более сложной. Именно на основании объема словаря и сложности грамматики (а не на основе происхождения) лингвисты проводят различие между пиджинами и *креольскими* языками. Последние могут быть очень похожи на пиджин как в отношении происхождения слов, так и в отношении их звучания, однако креольские языки не являются примитивными языками, т. е. языками с «усеченной» структурой, как и любой из тысяч естественных языков, происхождение которых не связано с пиджином (см. 9.3).

Вообще говоря, словари разных языков могут существенно различаться по объему. Иногда для того, чтобы понять определенную проблему и иметь возможность обсуждать ее на должном уровне, приходится осваивать, кроме общего, еще и соответствующий специализированный словарь. В этом смысле один язык может быть лучше приспособлен для определенных целей, чем другой. Это не означает однако, что правомерно говорить о лексически более богатых или более бедных языках. Все живые языки по самой своей природе являются эффективными системами коммуникации. Когда меняются коммуникативные потребности общества, его язык меняется таким образом, чтобы соответствовать этим вновь возникшим потребностям: его словарь будет увеличен либо за счет заимствований из других языков, либо за счет образования новых слов из слов уже существующих. Тот факт, что во многих языках, на которых говорят

в индустриально неразвитых странах, отсутствуют слова для обозначения понятий и материальных продуктов современной науки и технологии, вовсе не означает, что эти языки примитивны. Это означает лишь то, что некоторые языки не используются по крайней мере в настоящее время теми, кто вовлечен в процесс развития науки и технологии.

В заключение следует подчеркнуть, что провозглашенный нами принцип «не существует примитивных языков» — это все же не эмпирически установленный факт, а только рабочая гипотеза. Мы вынуждены допустить, что языки действительно могут иметь разную степень грамматической сложности, хотя эти различия к настоящему времени еще не обнаружены. Однако отрицать такую возможность было бы так же ненаучно, как утверждать, что латынь от природы более благородна и экспрессивна, чем какой-либо из готтентотских языков или из языков австралийских аборигенов.

Дополнительная литература

Проблемы, обсуждавшиеся в главе 1, с большей или меньшей степенью подробности и с разных точек зрения рассматриваются практически во всех общих учебниках и учебных пособиях по лингвистике: подборка таких работ включена в библиографию.

Для начинающих рекомендуем также: *Aitchison* 1978, главы 1–2; *Akmajian, Demers & Harnish* 1979, главы 1–5; *Chao* 1968; *Crystal* 1971, глава 1; *Fowler* 1964, глава 1; *Fromkin & Rodman* 1974, главы 1–2; *Lyons* 1970, глава 1; *Robins* 1974; *Smith & Wilson* 1979, глава 1. В дальнейшем можно обратиться к учебникам и хрестоматиям, которые в библиографии отмечены звездочкой. Во многих из них можно найти разделы, посвященные данным проблемам.

О речи и письме, см. также *Basso* 1974; *Gelb* 1963; *Haas* 1976; *Householder* 1971, глава 13; *Lyons* 1977b, разделы 3.1–3.3); *Uldall* 1944; *Vachek* 1949, 1973; к этому можно добавить также некоторые общие работы по фонетике, которые предлагаются в качестве дополнительного чтения в главе 3 настоящей книги.

О семиотическом взгляде на проблему языка (включая описание систем коммуникации животных), см. также *Aitchison* 1976; *Cherry* 1957; *Eco* 1976; *Hinde* 1972, главы 1–3; *Hockett* 1960; *Hockett & Altmann* 1968; *Householder* 1971, глава 3; *Lyons* 1977b, разделы 3.4, 4.1–4.2; *McNeill* 1970, глава 4; *Sebeok* 1968, 1974a; *Thorpe* 1974.

Об опытах с шимпанзе, см. *Akmajian, Demers & Harnish* 1979, глава 14; *Brown* 1970; *Clark & Clark* 1977, 520–523; *Linden* 1976; *Premack* 1977, *Rumbauch* 1977.

О системах жестов, используемых глухими, см. *Klima & Bellugi* 1978; *Siple* 1978; *Stokoe* 1961.

О происхождении языка см. также *Hewes* 1977; *Lieberman* 1975; *Stam* 1977; *Wescott* 1974.

Другие темы, затронутые в этой главе, более детально обсуждаются в главах 8–10 настоящей книги, где дается также дополнительная библиография.

Вопросы и упражнения

1. Поясните смысл утверждения «язык независим от контроля стимулами».
2. «Использование языка предполагает наличие языковой компетенции, тогда как наличие языковой компетенции на предполагает использования языка» (с. 18). Обсудите.
3. Какие различия, если они вообще существуют, вы могли бы провести между языковой компетенцией и беглостью (речи)?
4. «Очень часто непрофессионалы считают, что письменный язык является в определенном отношении более важным, чем речь. Однако почти всегда верно скорее обратное» (*Hockett* 1958, 4). Обсудите, обращая особое внимание на выражения «более важный» и «почти всегда».
5. Язык иногда называют «вербальным поведением». Обсудите приемлемость этого определения с точки зрения понятий (а) «вербальное» и (б) «поведение».
6. В каком смысле и до какой степени можно говорить о том, что письменный английский — это тот же самый язык, что и устный английский? Какого рода информация невозможно, или довольно трудно, передать посредством письма, хотя она естественно и обычно передается с помощью речи?
7. Придумайте английское предложение, которое в письменной форме является двусмысленным, однако теряет эту двусмысленность в устном языке. Существуют ли в английском языке предложения, обладающие противоположным свойством? (Как связаны с вопросом о способности языка менять средства выражения (а) различия в акценте или диалектные различия и (б) отношения между вербальными и невербальными компонентами в языке?).
8. Отличается ли английский от других известных вам языков в плане соотношения между правописанием и произношением? Какие аргументы в пользу или против реформы орфографии вы могли бы привести?
9. Найдите в повседневной жизни примеры передачи письменного английского по звуковому каналу, и наоборот, передачи устного английского посредством письма.
10. «Если я изменяю произношение моего имени, закон не обращает на это внимания...; однако если я меняю его написание..., я должен идти в суд, чтобы узаконить это изменение. И общественное мнение здесь целиком на стороне юристов...» (*Householder* 1971, 353); см. также (*Hockett* 1958, 549). Всегда ли только письменный язык признается юридически правомочным?
11. Какие, кроме ономапии, примеры отступления от свойства произвольности языкового знака в естественных языках вы могли бы привести?
12. Существует ли обязательная связь между двойным членением языка и осмысленностью?
13. Объясните, что понимается под дискретностью языка, когда мы имеем в виду (а) письмо и (б) речь.
14. Какие различия вы провели бы между понятиями продуктивности и созидательной способности в языке?
15. «Можно обнаружить поразительное сходство между языком и танцем пчел, каждому из которых свойственны продуктивность, допустимость (в известных пределах) перестановки элементов и определенная специализация» (*Hockett* 1958, 581). Обсудите.

16. «Все нормальные люди способны выучить язык, тогда как усвоение даже простейших его элементов представляет непреодолимую трудность для довольно умных в иных отношениях приматов» (*Chomsky 1972a, 66*). Было ли это утверждение опровергнуто в ходе последних экспериментов с шимпанзе?
17. «Глухие дети, как и шимпанзе осваивают свой первый жест намного раньше, чем нормальные дети произносят свое первое слово; это подтверждает представление о том, что как с точки зрения онтогенеза, так с точки зрения филогенеза мы приобретаем способность освоить язык жестов намного раньше, чем способность освоить речь» (*Linden 1976, 72*). Обсудите.
18. Правомерно ли называть системы знаков, используемые глухими, естественными языками?
19. Чем в общем плане акцент отличается от диалекта? В каком смысле мы, лингвисты, можем говорить о том, что (а) иностранец и (б) носитель языка «не имеют акцента»? (В данный момент этот вопрос можно обсудить на неформальном уровне, см., однако, 9.2.)
20. «Есть ситуации, когда следует пользоваться королевским английским, и есть ситуации, когда следует говорить на местном диалекте. Местным диалектом естественно пользоваться там, где он сложился; он подходит для бара, стадиона или деревенской вечеринки. Королевский английский уместен в транслируемой по Би-Би-Си передаче об экзистенциализме, на светском рауте, на собеседовании при приеме на престижную работу» (*Burgess 1975, 16*). Обсудите.

ЛИНГВИСТИКА

2.1. Основные направления лингвистики

Как мы видели выше, и язык вообще, и каждый конкретный язык можно исследовать с разных точек зрения. Соответственно, лингвистика как единая дисциплина может быть разделена на несколько поддисциплин в зависимости от того, какие языковые явления или суждения о языке оказываются в центре внимания лингвистов и под каким углом зрения они рассматриваются.

Первое различие, которое следует провести, — это различие между **общей** и **дескриптивной** лингвистикой. Оно представляется достаточно очевидным: в первом случае речь идет об изучении языка как явления, присущего человеку вообще, во втором — об описании конкретных языков. Вопрос «Что такое язык?», который, как мы установили выше, в конечном счете определяет границы лингвистики как самостоятельной научной дисциплины, естественно, должен рассматриваться как центральный вопрос общей лингвистики. Общая и дескриптивная лингвистика связаны между собой самым тесным образом. Общая лингвистика предлагает понятийный аппарат, в терминах которого дескриптивист описывает конкретные языки. В свою очередь дескриптивная лингвистика занимается поиском данных, которые могли бы подтвердить или опровергнуть теоретические построения общей лингвистики. Например, специалист в области общей лингвистики может выдвинуть гипотезу о том, что во всех языках есть существительные и глаголы. Дескриптивист может в принципе эмпирически опровергнуть эту гипотезу, т. е. указать хотя бы один конкретный язык, в котором нельзя провести различие между существительными и глаголами. Вместе с тем, опровергая (или подтверждая) эту гипотезу, он будет ориентироваться на те универсальные представления о «существительном» и «глаголе», которые предоставила в его распоряжение общая лингвистика.

Существует, разумеется, множество самых разных целей, которые может поставить перед собой исследователь, описывающий конкретный язык. Сбор эмпирического материала для общей лингвистики и верификация ее теоретических построений — лишь одна из них. Задачей дескриптивиста может стать, например, описание грамматики и создание словаря конкретного языка, предназначенных для сугубо практических целей.

Это обстоятельство, однако, ни в коей мере не противоречит тому, что было сказано выше: общая и дескриптивная лингвистика являются двумя взаимосвязанными и взаимодополняющими областями лингвистики.

В XIX в. в фокусе внимания лингвистов оказались изменения, наблюдаемые в конкретных языках в ходе их исторического развития, а также общие механизмы языковых изменений. Эта область получила название **историческая лингвистика**. Достаточно очевидно, что историческую лингвистику, как и многие другие ее области, может интересовать и язык в целом, и конкретные языки. Здесь следует сказать несколько слов о специальных терминах «**диахронический**» и «**синхронический**», которые часто используются в лингвистической литературе. Эти термины впервые были введены швейцарским лингвистом Фердинандом де Соссюром (чье имя уже упоминалось в предыдущей главе в связи с введенным им же противопоставлением «язык vs. речь»). **Диахроническое** описание конкретного языка — это описание изменений, происходящих в нем с течением времени: таким образом, термин «**диахронический**» фактически эквивалентен термину «**исторический**». **Синхроническое** описание языка — это описание его состояния в некоторый определенный момент времени.

Третье противопоставление, которое мы можем провести, говоря о разных областях лингвистики, — это противопоставление **теоретической** и **прикладной** лингвистики. Теоретическая лингвистика изучает структуру и функционирование языков, не задаваясь вопросом о том, какое практическое применение могут найти полученные результаты. Прикладная лингвистика, напротив, ищет возможность применить результаты лингвистических исследований для решения широкого круга практических задач, включая задачу обучения языку. В принципе противопоставление «**теоретическая vs. прикладная**» лингвистика не зависит от двух противопоставлений, рассмотренных выше. На практике различию терминов «**теоретическая лингвистика**» и «**общая лингвистика**» придается мало значения. Те, кто пользуется только термином «**теоретическая лингвистика**», считают само собой разумеющимся, что создание общей теории языка входит в круг задач этой дисциплины. Для прикладной лингвистики, естественно, представляют интерес результаты, полученные как в области общей, так и в области дескриптивной лингвистики.

Четвертое, и последнее, противопоставление, которое мы хотим здесь обсудить, связано с тем, под каким углом зрения — более узким или более широким — рассматриваются те или иные языковые явления. Для этого противопоставления нет общепринятых терминов. Мы будем пользоваться термином **микролингвистика**, если речь идет о более узком взгляде на языковую проблему, и термином **макролингвистика**, если эта проблема рассматривается в более широком контексте. В предельном случае можно сказать, что микролингвистика занимается только собственно языковыми системами, отвлекаясь от вопросов о том, каким образом человек осваивает эти системы, как они «хранятся» в его памяти и как используются в разных ситуациях. Микролингвистика не учитывает также взаимозависимость между языком и культурой, психологические

механизмы, регулирующие языковое поведение человека. Одним словом, микролингвистика изучает язык (в формулировке Соссюра, а скорее его редакторов) как систему, которая подчиняется лишь своему собственному порядку. Макролингвистику, напротив, интересует все, что так или иначе связано с языком.

Поскольку, кроме лингвистики, есть много научных дисциплин, в круг интересов которых входит естественный язык, в пределах макролингвистики можно выделить целый ряд междисциплинарных областей: социолингвистику, психолингвистику, этнолингвистику, стилистику и др.

Следует подчеркнуть, что противопоставление «микролингвистика vs. макролингвистика» является независимым от противопоставления «теоретическая лингвистика vs. прикладная лингвистика». В принципе каждая область лингвистики может рассматриваться с чисто теоретической точки зрения. Однако, поскольку в некоторых областях прикладной лингвистики, например в области обучения языку, наиболее плодотворным безусловно является более широкий подход к структуре и функциям языков, некоторые авторы включают макролингвистику в состав прикладной лингвистики.

К некоторым областям лингвистики мы еще вернемся в следующих главах. Поскольку язык входит в сферу интересов очень многих научных дисциплин, может сложиться представление, что лингвист всегда должен рассматривать язык с максимально широкой точки зрения. Такое представление, вообще говоря, имеет право на существование. Проблема, однако, состоит в том, что пока мы не располагаем (а возможно, никогда и не будем располагать) такой общей теорией языка, которая позволяла бы рассматривать язык одновременно с психологической, социологической, культурологической, эстетической, нейрофизиологической и других, не менее актуальных, точек зрения. В настоящее время большинство лингвистов полагает, что именно теоретическая синхроническая микролингвистика составляет ядро их науки и обеспечивает ее единство и однородность. Почти половина этой книги будет посвящена именно этой области лингвистики; в остальных главах мы познакомимся с исторической лингвистикой и некоторыми областями макролингвистики.

2.2. Можно ли считать лингвистику наукой?

Лингвистику обычно определяют как науку о языке или научное исследование языка (см. 1.1). Нельзя, однако, оставить без комментария то обстоятельство, что в этой книге, как и во многих других вводных курсах, мы находим раздел, в котором специально обсуждается вопрос о том, можно ли считать лингвистику наукой. В этом отношении лингвистика отличается от таких дисциплин, как физика, химия, биология, чье право называться наукой не вызывает сомнения и не требует специального обоснования. Почему же лингвистике приходится с таким упорством доказывать справедливость своих притязаний на этот титул? И почему, наконец, при обсуждении этого вопроса лингвисты проявляют

порой чрезмерную горячность? Все это может вызвать у читателя вполне обоснованные сомнения относительно научного статуса лингвистики.

В этой связи прежде всего следует обратить внимание на то, что английское слово *science* имеет более узкое значение, чем его эквиваленты в ряде других языков, ср. например, немецкое *Wissenschaft*, русское *наука* и даже французское *science*. В английском слова *science* и *scientific* относят главным образом к естественным наукам и характерным для них методам исследования, хотя в последнее время все чаще встречаются такие выражения, как *the social sciences* 'науки об обществе', *the behavioural sciences* 'науки о поведении' и даже *the human sciences* 'науки о человеке'. В связи с этим возникает вопрос, не следует ли считать, что слово «наука» в заголовке данного раздела обозначает всего лишь «должным образом организованную академическую дисциплину»?

Это небольшое терминологическое уточнение, впрочем, не позволяет считать вопрос о научном статусе лингвистики исчерпанным. На самом деле, он гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд. Большинство лингвистов согласны с тем, что их дисциплину можно определить как научное исследование языка. При этом они исходят из достаточно четкого представления о том, каким должен быть научный подход к решению тех или иных задач. Хотя в лингвистике, как и в философии или истории науки, толкования термина «научный» могут расходиться в каких-то деталях, есть положения, которые принимаются всеми без исключения специалистами. Остановимся на них более подробно.

Первое, и наиболее важное, из этих положений состоит в том, что лингвистика является **эмпирической**, а не умозрительной или интуитивной дисциплиной: она оперирует верифицируемыми данными, полученными посредством наблюдения или эксперимента. Для многих эмпирический (в указанном смысле) характер дисциплины сам по себе является достаточным основанием для того, чтобы говорить о ней как о науке. С этим свойством тесно связано свойство **объективности**. То обстоятельство, что язык, который мы усваиваем в детстве и которым пользуемся ежедневно, является для нас настолько привычным и естественным явлением, что мы обычно глубоко не задумываемся о нем, в какой-то мере, конечно, мешает взглянуть на него объективно. У обывателя существует множество социальных, культурных и националистических предрассудков, связанных с языком. Так, например, один из диалектов определенного языка может считаться по природе своей более чистым, чем остальные, или один из языков оцениваться как более примитивный, чем какой-то другой. Объективный подход требует, чтобы такого рода представления были по меньшей мере подвергнуты тщательному анализу, а термины «чистый» и «примитивный» либо четко определены, либо отвергнуты.

Может показаться, что многие из тех представлений о языке, которые лингвист не отвергает категорически, а скорее готов принять, по существу не выходят за рамки обычного здравого смысла. Однако, как заметил Блумфилд (*Bloomfield* 1935, 3; цит. по: *Блумфилд* 1968, 17) по поводу подхода к лингвистическим проблемам с точки зрения здравого смысла:

«...подобно многому другому, выдаваемому за здравый смысл, этот подход не так уж прост и наивен и восходит в конечном счете к теориям античных и средневековых философов». Следует заметить, что Блумфилд, как никто другой, крайне скептически относился к суждениям о языке, принадлежащим античным философам, однако в главном он безусловно прав. Термины, которыми пользуются непрофессионалы, говоря о языке, и вообще многое в их отношении к языку, на самом деле, имеет долгую историю. Возможно также, что, если бы непрофессионал получил представление об их истинных корнях, он не счел бы эти термины столь уж самоочевидными.

Мы не будем здесь слишком углубляться в историю лингвистики. Некоторые общие комментарии, однако, просто необходимы. Обычно во вводных лингвистических курсах проводится строгое различие между традиционной грамматикой и современной лингвистикой. При этом подчеркивается научный статус последней и «ненаучность» первой. В этой связи уместно заметить, что многие из бытующих в современном обществе ошибочных представлений о языке действительно можно объяснить исторически: они восходят к философским и культурологическим представлениям, определившим развитие традиционной грамматики. Некоторые из заблуждений такого рода мы обсудим в следующем разделе. Подчеркнем, однако, что лингвистика, как и любая другая дисциплина, строится на фундаменте, заложенном в далеком прошлом; в процессе эволюции она не просто критикует и отвергает старые теории, а модифицирует и развивает их. Во многих современных работах общего плана подробно анализируются большие успехи, достигнутые лингвистикой за последнее столетие, при этом, к сожалению, полностью игнорируется преемственность европейской лингвистической традиции с античности до наших дней. Неспособность взглянуть на традиционную грамматику с точки зрения тех задач, которые она перед собой ставила, также является своего рода анахронизмом. Кроме того, не следует забывать, что сами термины «наука» и «научный» (или их предшественники) в разные исторические периоды понимались по-разному.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что то, что мы понимаем под «традиционной грамматикой», т. е. европейская лингвистическая традиция, восходящая через эпоху Ренессанса и Средневековья к грамматическим воззрениям эпохи Древнего Рима и, еще ранее, Древней Греции, гораздо богаче и разнообразнее, чем принято считать. В школах же многие поколения учеников заучивали с неохотой и без интереса искаженный ее вариант. Впрочем, в последнее время лингвисты начинают более трезво оценивать тот вклад, который традиционная грамматика — мы будем продолжать пользоваться этим термином — внесла в развитие их дисциплины. Дошедшие до нас сочинения грамматистов древности изучены еще далеко не полностью. Однако сегодняшнее поколение лингвистов имеет в своем распоряжении гораздо больше серьезных исследований по истории лингвистики, чем поколение Блумфилда.

Вернемся, однако, к современному состоянию лингвистики. Безусловно, термины «эмпирическая» и «объективная» применимы к ней в значительно большей мере, чем к традиционной грамматике, по крайней мере, если говорить о теоретических установках. Мы остановимся на них более подробно в следующем разделе. При этом возникает вопрос: реализуются ли эти установки на практике? Ответ на него не так уж очевиден. Дискуссионными являются и более тонкие вопросы — о природе научной объективности и о применимости так называемого научного метода к исследованию языка.

В настоящее время далеко не все ученые и философы полагают, что существует некий единый метод исследования, применимый во всех областях науки. Сам термин «научный метод» звучит несколько старомодно, в стиле XIX в. Многие считают при этом, что научное исследование должно строиться индуктивно, т. е. путем поэтапного обобщения более частных суждений, и опираться на данные, полученные путем наблюдения и не зависящие от теории. Именно это обычно подразумевают, говоря о научном методе. В действительности же эта методологическая установка очень редко реализуется на практике, даже в естественных науках. Что бы мы не понимали под научной объективностью, она, разумеется, не запрещает ученому выдвигать какие-то общие гипотезы или строить глобальные теории до того, как он собрал корпус данных, достаточный для их проверки. Научные данные, как часто подчеркивают, не предоставляются опытом, а извлекаются из него. Наблюдение предполагает избирательность внимания. Не зависящее от теории наблюдение, на самом деле, является фикцией. По образному выражению Поппера, наблюдение в силу необходимости и изначально обременено теорией.

Это высказывание весьма поучительно, хотя и небесспорно. Оно явилось реакцией на сформулированный перед Второй мировой войной логиками-позитивистами тезис о том, что наука должна строиться на основе строго эмпирического подхода. Студентам, изучающим лингвистику, необходимо иметь некоторое представление об эмпиризме и позитивизме. Без этого они не смогут разобраться в тех теоретических и методологических положениях, которые лежат в основе разных направлений современной лингвистики. Ниже мы попытаемся коротко и непредвзято охарактеризовать как позицию эмпиристов и позитивистов, так и позицию их оппонентов. Следует добавить, что дискуссия, о которой пойдет речь, в принципе касается науки в целом. Однако для лингвистов она имеет особое значение, поскольку именно недавние исследования в области лингвистики и философии языка, связанные с именем Хомского, вовлекли в обсуждение постулатов эмпиризма и позитивизма философов, психологов и представителей других наук (см. 7.4).

Понятие «эмпиризм» не сводится лишь к использованию эмпирических методов верификации теоретических построений. Поэтому следует проводить строгое различие между понятиями «эмпирик, последователь эмпиризма» (*empiricist*) и «эмпирический, (основанный на опыте, полученный из опыта)» (*empirical*). Эмпиризм — это философское учение,

основополагающий тезис которого состоит в том, что все наши знания мы черпаем из опыта (сам термин *empiricism* восходит к древнегреческому *empeiria* 'опыт') или, более конкретно, из данных о внешнем мире, которые мы получаем посредством органов чувств. Эмпиризм противопоставляется в имеющем долгую историю философском споре рационализму (от латинского *ratio* в данном контексте означающего 'разум, интеллект'). Рационалисты делают особый акцент на роли разума в приобретении знаний. Они полагают, в частности, что существуют некие априорные (*a priori* в традиционной интерпретации означает 'полученный не из опыта') понятия или утверждения, в терминах которых разум интерпретирует данные опыта. Мы вернемся к некоторым более специальным аспектам спора между эмпиризмом и позитивизмом при обсуждении генеративизма (см. 7.4).

Для наших целей различия между эмпиризмом и позитивизмом можно считать несущественными. Заметим лишь, что первый имеет более долгую историю и, как философское направление, охватывает более широкий круг проблем. При этом эмпиризм и позитивизм являются естественными союзниками и тесно связаны с предметом нашего обсуждения. Позитивизм проводит четкую границу между так называемыми позитивными данными опыта и разного рода умозрительными построениями. Он занимает светскую и антиметафизическую позицию и отвергает любые ссылки на объекты нематериальной природы. Логики-позитивисты Венского кружка ставили своей целью построить единую научную систему, в которой весь корпус позитивных знаний можно было бы представить в виде множества точно сформулированных утверждений.

Центром этой идеи позитивистов были два принципа. Первый — широко известный ныне принцип верифицируемости, согласно которому ни одно утверждение нельзя признать осмысленным, если оно не может быть проверено путем непосредственного наблюдения или с помощью стандартных научных методов, применяемых к данным, полученным в результате наблюдения. Вторым принципом был принцип редуccionизма, который объявлял одни науки более базовыми, чем другие, так, физика и химия считались более базовыми науками, чем биология, биология — более базовой, чем психология и социология, и так далее. При этом предполагалось, что в процессе построения единой науки понятия и утверждения менее базовых наук будут редуцированы, т. е. переинтерпретированы в терминах понятий и утверждений более базовых наук. Сорок лет назад редуccionизм, в отличие от принципа верифицируемости, имел широкое признание и далеко за пределами Венского кружка.

В настоящее время принцип верифицируемости фактически полностью отвергнут (хотя он сыграл определенную роль в формировании теории значения, основанной на условии истинности: см. 5.6), число сторонников принципа редуccionизма среди специалистов значительно сократилось по сравнению с 1933 г., когда Блумфилд опубликовал свой классический труд о языке. Я не случайно упомянул здесь Блумфилда — он был горячим сторонником эмпиризма и позитивизма (это ясно

показывает вторая глава его книги). Тесно связанный с движением за создание единой науки, Блумфилд, естественно, безоговорочно принимал и принцип редукционизма. В определенный период лингвисты, особенно в Америке, связывали представление о подлинно научном методе исследования прежде всего с именем Блумфилда. Таким образом, то влияние, которое эмпиризм и позитивизм оказали на лингвистику, с исторической точки зрения, вполне объяснимо.

Редукционизм, и шире — позитивизм, в наши дни для большинства ученых утратил былую привлекательность. Сегодня многие считают, что не существует единого метода, применимого во всех областях науки. Различие исследовательских подходов в разных дисциплинах, возможно, вообще не является лишь временной необходимостью. Можно думать, что такая ситуация в принципе неизбежна в силу глубоких различий в природе изучаемых объектов. Начиная с XVII в. — со времен Декарта и Гоббса — специалисты в области философии науки не раз выражали сомнения по поводу выдвинутой позитивистами программы применить к описанию ментальных процессов понятийный и методологический аппарат, который был разработан в науках, изучающих материальные объекты. Психология, социология и лингвистика XX в. стояли в основном на позициях позитивизма. Однако в последнее время во всех трех дисциплинах, и особенно явно в лингвистике, позитивистский подход часто подвергается критике как неэффективный или бесплодный.

Таким образом, ссылка на так называемый научный метод больше не рассматривается как удовлетворительный ответ на вопрос, является ли та или иная дисциплина наукой. Каждая правильно построенная наука пользуется своими особыми теоретическими конструктами и методами получения и осмысления данных. Понятие «языковая система», которое мы ввели в предыдущей главе, во вполне уважаемых с точки зрения современной науки терминах может быть охарактеризовано как **теоретический конструкт**. Можно, конечно, обсуждать реальность такого рода конструктов так же, как и теоретических конструктов физики или биохимии, однако более плодотворным является вопрос о том, какой объяснительной силой в отношении определенных эмпирических данных обладает тот или иной из предлагаемых теоретических конструктов.

Все, что было сказано выше об эмпиризме, позитивизме и современном отношении к так называемому научному методу, на наш взгляд, достаточно точно соответствует фактам и не должно вызвать сколько-нибудь серьезных возражений. Теперь мы перейдем к более спорным вопросам.

Первый касается высказывания Поппера о наблюдении, обремененном теорией. Спорным здесь является использование термина «теория». По сути это высказывание было направлено против основополагающего тезиса позитивистов о необходимости проведения строгой границы между наблюдением, которое должно быть абсолютно нейтральным по отношению к любой теории, и собственно построением теории, которая должна возникнуть в результате поэтапного перехода от более частных утверждений к более общим (т. е. индуктивно). Сомнения Поппера относительно

практической осуществимости такого разделения, и особенно относительно представления, что наблюдение и сбор данных могут и должны предшествовать построению теории, бесспорно, обоснованы. Обычно выбор материала определяется тем, какую теорию хочет проверить исследователь, при этом, вообще говоря, не имеет значения, как эта теория возникла. Однако тот факт, что представление позитивистов о возможности неизбирательного наблюдения и сбора данных оказалось несостоятельным, не означает, что вообще не следует проводить различий между предтеоретическими (*pretheoretical*) и собственно теоретическими (*theoretical*) построениями. Назвать «теорией» все те предварительные идеи и ожидания, с которыми исследователь приступает к отбору данных, значило бы просто девальвировать этот термин. Мы вернемся к различию между предтеоретическими и собственно теоретическими построениями в следующих главах и постараемся показать, что наблюдение, будучи в силу необходимости избирательным, все же может быть подчинено достаточно строгому, с методологической точки зрения, контролю. Это положение касается не только лингвистики, но и других эмпирических наук.

Второй вопрос, к которому мы хотим привлечь внимание по причине его особой важности для современной лингвистики, касается роли интуиции в процессе исследования и возникающих в связи с этим методологических проблем. В повседневном употреблении слово «интуиция» имеет гораздо более широкий смысл, чем в лингвистике и связано с некоторыми, нежелательными для лингвиста ассоциациями. В лингвистике обычно говорят об интуиции носителей языка, понимая под этим их способность спонтанно, без какого то ни было специального обучения выносить суждения о своем языке, в частности о приемлемости (или неприемлемости) тех или иных языковых выражений или об их эквивалентности (или неэквивалентности). В сравнительно недавнем прошлом среди лингвистов было широко распространено представление, что язык можно исследовать и не обращаясь к интуиции его носителей. Предполагалось, что для этого достаточно собрать большой корпус данных и подвергнуть его исчерпывающему системному анализу. В настоящее время эта идея почти полностью отвергнута. Стало очевидно, что многие из таких, зарегистрированных объективным наблюдателем, языковых выражений могут оказаться, по лингвистически нерелевантным причинам, неприемлемыми, и кроме того, никакой, даже очень большой, корпус данных не сможет включить всех приемлемых языковых выражений. Однако обращение к интуиции носителя языка остается для лингвиста весьма проблематичным. Это обусловлено двумя моментами.

Первый связан с вопросом, является ли интуиция носителей языка частью их языковой компетенции. Если это так, то в соответствии с тем, как определяет языковую компетенцию Хомский и как он формулирует задачи лингвистики, интуиция носителя языка сама оказывается объектом описания любого конкретного языка. Однако многие лингвисты вряд ли согласятся рассматривать интуицию носителей языка как эмпи-

рический материал. Мы вернемся к этому вопросу в главе, посвященной генеративизму (см. 7.4).

Второй момент — проблема надежности такого рода суждений носителя языка, суждений, которые по сути представляют собой описание или предсказание его собственного языкового поведения или языкового поведения других членов того же языкового сообщества. Большинство лингвистов считают, что эти суждения, по крайней мере в определенных отношениях, в высшей степени ненадежны. Очень часто мнения носителей языка относительно приемлемости конкретного языкового выражения не совпадают, причем такая ситуация может возникнуть даже тогда, когда нет никаких оснований подозревать, что мы столкнулись с диалектными различиями. Более того, носитель языка может признать некоторое языковое выражение неприемлемым при работе с лингвистом, однако впоследствии оказывается, что он свободно использует его в ситуации естественного языкового общения. Столь же ненадежны, хотя и по причинам совсем иного рода, данные, полученные путем так называемой интроспекции, т. е. путем наблюдения лингвиста над своим собственным языковым поведением. На лингвиста возможно меньше, чем на непрофессионала, влияют рекомендации нормативных грамматик: лингвист с легкостью признает, что в повседневной речи он в тех или иных случаях регулярно нарушает литературную норму (например, часто используя выражение *It's me* вместо *It is I* 'это я'). Однако на его суждения может оказать существенное влияние то обстоятельство, что он хорошо осознает, какие теоретические следствия эти суждения могут повлечь. Таким образом, даже если он способен объективно фиксировать собственное языковое поведение, его интроспекции сильно «обременены теорией».

Действительно, проблема получения достоверного исходного материала является для лингвистики довольно сложной методологической проблемой. Однако эта ситуация в равной мере характерна для психологии, социологии и других социальных наук. Лингвисты, в каком-то отношении, находятся даже в лучшем положении, чем их коллеги — психологи, социологи и другие. Лингвисты по крайней мере могут достаточно точно определить, когда они имеют дело с языковым поведением, а когда с поведением какого-то другого типа. Кроме того, в описании любого языка есть области, где надежность данных, получаемых путем обращения к интуиции носителей языка или даже к интроспекции лингвиста, вообще не имеет существенного значения. Поэтому не следует переоценивать те методологические трудности, которые возникают в процессе лингвистического исследования.

В предыдущем параграфе мы не случайно упомянули в связи с лингвистикой психологию, социологию и другие социальные науки. Многие лингвисты, если не большинство, склонны относить свою дисциплину именно к социальным наукам. Однако в рамках существующих классификаций академических дисциплин, например классификации, базирующейся на противопоставлении «естественные науки (*science*) vs. гуманитарные науки (*arts*)» или классификации, базирующейся на тройном

противопоставлении: «естественные науки (*the natural sciences*) vs. социальные науки (*the social sciences*) vs. гуманитарные науки (*the humanities*)», место лингвистики определить довольно трудно. Как отмечалось выше, мы все чаще встречаем такие выражения, как «науки о жизни», «науки о поведении», «науки о земле», «науки о человеке». Это говорит о том, что во многих дисциплинах ощущается потребность перегруппироваться в тактическом или стратегическом плане, разрушив привычные классификации. Включение лингвистики как университетской специальности в состав того, а не иного факультета определяется в значительной степени лишь соображениями административной целесообразности. Лингвистика, как мы подчеркивали выше, имеет глубокие связи с очень широким кругом академических дисциплин. Называя лингвистику наукой, мы ни в коей мере не собираемся отрицать тот факт, что в силу специфики объекта ее исследования она самым тесным образом связана с такими классическими гуманитарными дисциплинами, как философия и литературоведение.

В следующих разделах мы рассмотрим ряд общих принципов, которые по существу определили характер современной лингвистики, но в силу своей привычности принимаются нынешним поколением лингвистов как нечто само собой разумеющееся. Большая их часть связана с вечным стремлением науки к объективности. Поскольку, утверждая свою объективность, современная лингвистика обычно противопоставляет себя в этом отношении традиционной грамматике, полезно рассмотреть эти принципы в сравнении с теми, на которых строилась традиционная грамматика.

2.3. Терминология и условные обозначения

Каждая наука имеет свою терминологию. Лингвистика в этом отношении не является исключением. Термины, которыми пользуются лингвисты, возникают в процессе их работы, и всякий, кто подойдет к нашему предмету благожелательно и без предубеждения, может без труда их освоить.

Иногда, впрочем, лингвистическую терминологию упрекают в излишней сложности. Действительно, почему лингвисты не ограничиваются такими понятными и привычными словами, как «звук», «слово» или «часть речи», а изобретают новые — «фонема», «морфема», «класс языковых форм»? Дело в том, что большинство терминов, которыми пользуются непрофессионалы, говоря о языке (кстати, многие из этих терминов заимствованы из традиционной грамматики), являются неточными или неоднозначными. Конечно, лингвистов, как и других специалистов, можно иногда упрекнуть в чрезмерном педантизме в отношении терминологии. Однако в принципе разумно построенная лингвистическая терминология позволяет лучше понять суть предмета, устраняя неоднозначность и тем самым исключая возможность неправильного толкования тех или иных утверждений.

Все сказанное о терминологии в равной мере можно отнести и к условным обозначениям. Нам приходится использовать естественный язык для того, чтобы описывать как язык вообще, так и любой конкретный язык. При этом мы должны иметь возможность четко понимать, о каких именно фрагментах или характеристиках языка идет речь. Использование специальных символов значительно облегчает эту задачу. Например, нам может понадобиться провести различие между смыслом некоторого слова, его формой и словом как таковым. К сожалению, в лингвистике нет общепринятой системы условных обозначений для описания этих, и многих других важных различий. В дальнейшем мы будем вводить такие обозначения постепенно, по мере необходимости и с исчерпывающими объяснениями. Так например, с помощью такого рода символов мы сможем впоследствии разграничить по крайней мере два возможных смысла слова «слово» (слово как единица словаря и слово как последовательность букв, выделяемая на письме пробелами).

Другие условные обозначения, которые мы введем позднее, позволят уточнить, о каких (устных или письменных) языковых формах идет речь; или говоря об устных формах, провести различие между двумя их представлениями (фонетическим и фонологическим) и так далее. Следует еще раз подчеркнуть, что использование условных обозначений, если и не является абсолютно необходимым, безусловно весьма полезно для более точного понимания того, о каких языковых данных идет речь. Кроме того, при создании такого рода системы в поле зрения лингвиста могут попасть некоторые существенные различия, которые до этого оставались незамеченными. Очень часто выясняется, что не удается оставаться вполне последовательным в использовании некоторой конкретной системы условных обозначений, и это служит своего рода сигналом о необходимости пересмотра теории, на базе которой возникла данная система обозначений. Это — один из возможных путей развития любой науки.

2.4. Лингвистика — наука описывающая, а не предписывающая

В данном разделе мы рассмотрим два принципиально различных подхода к языку — описательный и нормативный (или предписывающий). Утверждение об описательном (т. е. ненормативном) характере лингвистики означает по существу, что лингвист ставит перед собой задачу выявить и описать те правила, которые определяют реальное языковое поведение членов конкретного языкового сообщества, а не пытается сформулировать свое собственное представление о том, как они должны были бы себя вести, и заставить их следовать таким, привнесенным извне правилам (или нормам).

Легко заметить, что термин «правило» был использован выше — и это обычная практика в лингвистике — в двух разных смыслах. Для того, чтобы лучше понять различие между этими двумя типами правил — назовем их, соответственно, имманентными и трансцендентными — полезно

обратиться к какой-нибудь далекой от лингвистики сфере. Рассмотрим, например, отношения полов в определенном обществе. Если мы хотим посмотреть на эти отношения с чисто описательной точки зрения, мы постараемся выяснить, как реально ведут себя члены данного общества, например, вступают ли они в половые отношения до брака и, если да, то в каком возрасте и в какой форме; является ли сохранение (или нарушение) супружеской верности в равной степени типичным для мужей и жен и так далее. Иными словами, исследователь может выявить некоторые правила поведения определенных групп, реально присущие данному сообществу независимо от того, осознаются ли эти правила самими членами этих групп или нет. Правила такого типа мы назвали **имманентными**. Такие правила принципиально отличны по статусу, если не по содержанию, от тех правил поведения, которые устанавливает закон, религия или общепринятая мораль, — **трансцендентных** правил. На практике люди могут следовать или не следовать трансцендентным правилам. Более того, их реальное поведение может существенно отличаться от того, что они сами говорят или даже думают о своем поведении. Данная ситуация в полной мере характерна и для языкового поведения. Наиболее принципиальным здесь также является противопоставление имманентных (или описывающих) и трансцендентных (или предписывающих) правил. Предписывающие *делай и не делай* — это команды (*Делай / Не делай X*); описывающие *делают и не делают* — утверждения (*Люди делают / Не делают X*).

Это противопоставление имеет для современной лингвистики особое значение, поскольку именно с ним связано одно из основных ее отличий от традиционной грамматики: современная лингвистика является описательной наукой, тогда как традиционная грамматика имела ярко выраженный нормативный характер, ее основной целью было выработать представление о так называемом «правильном» употреблении языка и распространить его среди носителей этого языка. Многие из таких нормативных рекомендаций английской грамматики безусловно знакомы читателю: «Не следует пользоваться конструкцией двойного отрицания» (*I didn't do nothing*, вместо нормативного *I didn't do anything* ‘Я ничего не делаю’); «Нельзя заканчивать предложение предлогом» (*That's the man I was speaking to*, вместо *That's the man to whom I was speaking* ‘Вот человек, с которым я говорил’); «Глагол *to be* ‘быть’ требует, чтобы местоимение после него стояло в том же падеже, что и до него» (*It's me* вместо *It's I* ‘это я’); «Не следует разрывать инфинитив» (*I want you to clearly understand* вместо *I want you to understand clearly* ‘Я хочу, чтобы вы ясно поняли’).

Нетрудно обнаружить, что приведенные выше примеры по природе очень разнородны. Есть английские диалекты, в которых конструкция двойного отрицания действительно отсутствует (т. е. выражение *I didn't do nothing* никогда не используется как эквивалент нормативного *I didn't do anything*), есть, однако, и такие, в которых эта конструкция, с чисто описательной точки зрения, является вполне регулярной. Поскольку такого рода наблюдения над реальной языковой практикой в принципе не дают оснований признать двойное отрицание неправильным, грам-

матисты ищут поддержку этой своей установке в логике. Логика учит нас, говорят они, что второе отрицание отменяет первое, поэтому двойное отрицание недопустимо. Это положение заслуживает специального комментария. Во-первых, потому, что оно свидетельствует о полном непонимании того, что такое логика. Мы не будем здесь детально обсуждать ни природу аксиоматической логики, ни достаточно сложный вопрос о том, как соотносится так называемая естественная логика языкового поведения с логическими системами, которые конструируют и исследуют специалисты. Заметим лишь, что с точки зрения языка в конструкции двойного отрицания нет ничего внутренне нелогичного. В диалектах, последовательно использующих эту конструкцию, она действует в полном соответствии с теми правилами грамматики и принципами интерпретации, которые присущи носителям данных диалектов. Во-вторых, следует обратить внимание на то, что при описании конструкции двойного отрицания в английских диалектах особенно важно учитывать фактор ударения и интонации. Даже нормативный английский в принципе разрешает использовать выражение *I didn't do nothing* (в значении 'Неправда, что я ничего не делаю'), однако в этом случае требуется эмфатическое (сильное) ударение на *didn't*. В диалектах, где *I didn't do nothing* (с обычным, неэмфатическим ударением) может употребляться в значении 'Я ничего не делаю', это выражение, однако уже с другим ударением и интонацией, передает и значение 'Неправда, что я ничего не делаю'. И наконец, можно отметить, что существует много языков, где конструкция двойного отрицания не отвергается и литературной нормой. Приведем в качестве примера лишь несколько наиболее известных европейских языков: французский, итальянский, испанский, русский. Даже самый престижный из диалектов Древней Греции — аттический, на котором писали Платон, Софокл, Фукидид и сам основатель логики Аристотель, имел конструкцию двойного отрицания. А ведь становление традиционной грамматики началось именно с описания письменных диалектов Древней Греции!

Некоторые другие предписания английской нормативной грамматики — такие, например, как запрещение разрывать инфинитив (...*to clearly understand*) — по сути являются попыткой распространить на современный английский принципы и категории, сложившиеся первоначально в процессе описания древнегреческого и латинского языков. Так сложилось, что языковые формы, которые называют «инфинитивом», в греческом и латинском (так же, как и в некоторых других языках, в частности, во французском, немецком, русском) представляют собой формы, состоящие из одного слова. По установившейся традиции этот термин относят также к английским формам *to understand* 'понимать', *to go* 'идти' и подобным, хотя их функции лишь частично совпадают с теми функциями, которые были характерны, скажем, для латинского инфинитива. Как мы увидим ниже, «непроницаемость» языковой формы (т. е. невозможность вставить в нее какое-то другое слово) является одним из главных критериев, на основании которых лингвисты решают, признать ли данную языковую форму отдельным словом или сочетанием

двух слов. Если исходить из того, что по ряду других критериев, а также по принятым орфографическим соглашениям так называемые «инфинитивы» в английском следует рассматривать скорее как словосочетания, возможность разрывать их в принципе не должна вызывать возражений. Относительно запрета выражений типа *It's me* 'Это я' можно заметить следующее. Во-первых, грамматическая категория «падеж», в терминах которой традиционная английская грамматика описывает противопоставления (*I* 'я' vs. *me* 'меня'; *she* 'она' vs. *her* 'ее'; *he* 'он' vs. *him* 'его' и т. д.), представлена далеко не во всех языках. Во-вторых, не во всех языках можно найти глагол в точности эквивалентный по значению и грамматическим функциям английскому *to be* 'быть'. И наконец, в тех языках, которые имеют и категорию «падежа», и глагол, который можно рассматривать как более или менее точный эквивалент латинского *esse* 'быть' или английского *to be*, круг конструкций с этим глаголом очень специфичен. Таким образом, при ближайшем рассмотрении традиционное правило «Глагол *to be* требует, чтобы местоимение после него стояло в том же падеже, что и до него» оказывается нормативным правилом латинской грамматики, перенесенным на английскую почву.

Интересно, что приверженцы традиционной английской нормы иногда пользуются выражениями *between you and I* 'между тобой и мной', *He told you and I* 'Он сказал тебе и мне' и подобными, нарушая тем самым другое предписание традиционной грамматики: «Глаголы и предлоги управляют аккузативом». Это пример так называемой гиперкоррекции: т. е. распространения некоторого грамматического правила, вследствие неверного понимания сферы его применения, на те конструкции, к которым оно первоначально не применялось. В данном случае мы имеем дело с ошибочной интерпретацией обсуждавшегося выше правила о выборе падежа местоимения в контексте глагола *to be*. Правило заменять *me* на *I* после *to be* было перенесено на сочинительную конструкцию, т. е. воспринято как предписание заменять выражение *you and me* выражением *you and I* в любой синтаксической позиции. В результате наряду с такими безупречными с точки зрения традиционной грамматики выражениями, как *You and I will go together* 'Мы с тобой пойдем вместе' появились ненормативные *between you and I*; *He told you and I*. Речь не идет, разумеется, о том, что каждый носитель английского языка, использующий эти выражения, пришел к ним путем самостоятельных рассуждений. Конструкции, которые мы обсуждаем, сейчас уже настолько распространены в речи представителей среднего и высшего класса, что скорее всего они усваиваются в процессе естественного овладения языком. Вряд ли, однако, можно сомневаться в том, что появление этих конструкций является результатом гиперкоррекции.

Итак, ни логика, ни латинская грамматика не могут быть судьей в вопросе о том, как следует и как не следует говорить по-английски. Несостоятельными являются также ссылки на существующую традицию («Так учили меня, и моих родителей и родителей моих родителей»), сколь бы авторитетной эта традиция ни была, или на те образцы ис-

пользования языка, которые дают нам выдающиеся ораторы и писатели. До недавнего времени в нашем обществе было широко распространено представление, что любое языковое изменение ухудшает язык. Это представление не имеет под собой никаких оснований. Все языки со временем меняются, что подтверждено опытом. Изучение этих изменений и создание общей теории, объясняющей их причины, является задачей исторической лингвистики. Следует признать, что факторы, приводящие к изменениям в языке, очень сложны и к настоящему времени поняты далеко не полностью. Однако для любого объективного исследователя сейчас очевидно, — и в этом немалая заслуга исторической лингвистики XIX в., — что любая языковая форма, которая в определенный момент рассматривается традиционной грамматикой как образцовая и которую она стремится сохранить, чтобы не допустить ухудшения языка, возникла в конечном счете в результате изменения какой-то более ранней формы.

Не выдерживают критики, по крайней мере в том случае, когда речь идет о нормализации живых языков, и ссылки на авторитет выдающихся писателей. Нет никаких оснований считать, что писатель, даже гениальный, обладает истинным знанием того, как правильно использовать язык, знанием, которое не дано простым носителям языка. В силу ряда причин традиционная грамматика всегда придавала особое значение языку литературы. В определенные, наиболее важные для становления европейской культуры периоды (от александрийской эпохи (II в. до н.э.) до эпохи Ренессанса), описание грамматики сначала греческого, а позже латинского языков было подчинено конкретной практической задаче — сделать античную литературу, т. е. тексты, написанные на уже не существующих языках или диалектах, доступными для следующих поколений. Таким образом, ориентация традиционной грамматики на литературные образцы в тех случаях, когда речь шла о грамматиках классических языков, была не только исторически объяснимой, но и совершенно оправданной. Однако такой подход к описанию современных живых языков следует признать несостоятельным.

В языке не существует абсолютных критериев правильности. Мы можем сказать, что иностранец сделал ошибку, если он нарушил правила использования языка, свойственные его носителям. Мы можем также сказать, что носитель того или иного социального или местного диалекта нарушил правила нормативного английского, однако только в том случае, если мы предполагаем, что он хотел воспользоваться именно нормативным английским. А это предположение само по себе требует проверки.

Не следует, однако, думать, что, настаивая на строгом разграничении описываемого и предписываемого подходов к языку, лингвисты вообще отказываются от исследования литературной нормы. В современном мире использование общенационального языка, базой которого может стать один из сосуществующих на определенной территории диалектов, бесспорно весьма эффективно, например, в сфере государственного управления или образования. Во многих европейских странах национальные литературные языки складывались постепенно и, как правило, без вме-

шательства властей. В настоящее время в ряде развивающихся стран Африки и Азии формирование общенациональных языков стало по существу политической задачей, которую официальные власти стремятся решить в максимально сжатые сроки. При этом придание особого статуса одному из языков или диалектов, сопряженное, естественно, с ограничением функций или даже вытеснением других языков или диалектов, нередко приводит к политическим и социальным конфликтам. Формирование общенациональных языков входит в круг задач так называемого **языкового планирования** — одного из важных направлений прикладной социолингвистики.

Утверждая, что языковые изменения нельзя расценивать как ухудшение языка, лингвисты не утверждают, однако, что изменения в языке приводят к его улучшению. Они лишь подчеркивают, что ссылка на традицию в принципе не может служить критерием правильности языковых выражений. Лингвисты допускают, впрочем, возможность оценивать языки и диалекты с точки зрения их гибкости, выразительности, точности или эстетического потенциала. Они безусловно согласны с тем, что использование языка разными его носителями может быть в разной степени эффективным. Следует, однако, иметь в виду, что данные современных лингвистических исследований свидетельствуют о крайней субъективности такого рода суждений. Как обычный член определенного языкового сообщества лингвист не может быть полностью свободен от предрассудков, свойственных его социальному, культурному или местному окружению; он может быть консерватором или новатором по темпераменту; иными словами, его суждения о своем родном языке могут быть столь же субъективны, как и суждения непрофессионала. Он может воспринимать какой-то конкретный диалект как приятный (или неприятный). Он может также поправлять речь своих детей, если замечает, что их произношение или грамматика не соответствуют требованиям пуристов. Однако при этом лингвист отдает себе отчет в том, что по сути речь идет не об ошибке, а лишь об отклонении от определенного языкового стандарта, следование которому, по его мнению, может дать его детям преимущество в социальной сфере или в сфере образования.

Остановимся в заключение на отношении современной лингвистики к языку литературы. В отличие от традиционной грамматики, придававшей описанию языка литературы едва ли не первостепенное значение, современная лингвистика подчеркивает, что литературная функция не является главной функцией языка — язык используется для многих целей, и следовательно, не может оцениваться по тем критериям, которые применимы исключительно, или в первую очередь, к языку литературы. Это не означает, впрочем, что лингвисты негативно настроены в отношении литературы или методов ее преподавания в наших школах и университетах. Напротив, многие лингвистические исследования посвящены именно литературной функции языка. Они образуют одно из важных направлений макролингвистики — **стилистику**.

2.5. Приоритет синхронического описания

Принцип приоритета синхронического описания, на котором базируется практически вся лингвистическая теория XIX в., предполагает, что никакие исторические соображения не являются существенными при исследовании состояния языка в определенный момент времени. Введенные Соссюром термины «синхронический» и «диахронический» мы обсуждали в разделе (2.1) настоящей главы. Поясним подробнее, что подразумевается под приоритетом синхронического подхода к языку над диахроническим, воспользовавшись предложенным самим Соссюром сравнением языка с игрой в шахматы.

Представим себе, что мы наблюдаем за ходом шахматной партии. Расположение фигур на доске меняется всякий раз, когда один из игроков делает свой очередной ход. Однако в каждый определенный момент времени игровую ситуацию можно полностью описать, указав позиции фигур на доске. При этом совершенно неважно, каким путем игроки пришли к данной позиции (сколько ходов было сделано, какие именно и в какой последовательности). То же самое, как утверждает Соссюр, можно сказать и об историческом развитии языка. Во всех языках постоянно происходят изменения. Вместе с тем состояние языка в любой конкретный момент времени может и должно описываться безотносительно к тому, какое состояние ему предшествовало и какое состояние может за ним последовать.

Все эти рассуждения могут показаться слишком абстрактными, однако они имеют весьма важные практические следствия. Прежде всего я хочу остановиться на одном заблуждении, связанном с этимологией (*etymological fallacy*). Этимология занимается изучением происхождения и эволюции слов. Она восходит, по крайней мере если говорить о западной грамматической традиции, к учению определенного круга древнегреческих философов (V в. до н. э.). Форма и значение слова, как полагали греческие философы, связаны между собой по природе, а не в силу условного соглашения (показателен в этом отношении сам термин «этимология» — от древнегреческого *etimos* 'истинный, подлинный'). Эта связь, говорили они, может быть скрыта от обывателя, но обнаружена философом, который умеет разглядеть за внешней формой истинную суть вещей. Проникнуть за пределы часто обманчивой формы и установить путем тщательного анализа изменений, которые претерпели в ходе развития форма и значение слова, его первоначальный смысл значило для них проникнуть в одну из тайн природы. Говоря о заблуждении, связанном с этимологией, я имел в виду представление, что некоторая исходная форма или исходное значение слова является, просто по природе вещей, его правильной формой или значением. Это представление довольно широко распространено и в наши дни. Как часто приходится сталкиваться с утверждением, что правильным значением слова, заимствованного, скажем, из греческого, латыни, арабского (или любого другого языка), следует считать то значение, которое это слово имело в языке-источни-

ке! Это утверждение безусловно ошибочно, поскольку основано именно на представлении о существовании некоего первоначального, и тем самым истинного, соотношения между формой и значением, на представлении, которое остается совершенно бездоказательным.

Только в XIX в. этимология обрела солидную теоретическую основу. Сейчас уже нет оснований относить к ней известную шутку, которую приписывают Вольтеру: этимология — это наука, для которой гласные не значат ничего, а согласные — очень мало. Современная этимология — вполне уважаемое направление исторической, или диахронической, лингвистики. Позже, в главе 6, мы увидим, что этимология выработала четкие методологические принципы, позволяющие оценивать надежность ее выводов на основании качества и количества доступного для исследователя материала. Во многих случаях результаты этимологических исследований представляются вполне убедительными.

В XIX в. этимологи пришли к заключению, что установить происхождение слова, по крайней мере в тех случаях, когда речь идет о так называемой базовой лексике, а не об искусственно сконструированных «новых» словах (неологизмах), в принципе невозможно. Это положение безоговорочно разделяет и современная лингвистика. В настоящее время этимологи видят свою задачу в том, чтобы обнаружить связь между словами, зафиксированными в определенном синхроническом срезе языка, и словами, представленными на более раннем этапе развития данного языка, или же со словами других языков. Однако эти предшественники современных слов в свою очередь являются результатом развития каких-то еще более древних слов. Возможность воссоздания формы и значения предшественников современных слов методами этимологии зависит от того, какая информация о них сохранилась до наших дней. Так, например, мы можем связать современное английское *ten* 'десять' с древнеанглийскими формами *ten* (с долгим гласным) или *tien*. Мы можем далее связать эти древнеанглийские формы через ряд последовательных гипотетических состояний с реконструированной праиндоевропейской формой **dekm̥* с тем же значением. Однако мы не можем сколько-нибудь надежно установить предшественника этой последней. Таким образом, получив праиндоевропейское **dekm̥* (звездочка перед словом указывает, что это реконструированное, а не реально засвидетельствованное в текстах слово, см. 6.3), мы не можем считать, что до конца проследили историю английского *ten* или его эквивалентов в других языках индоевропейской языковой семьи. Праиндоевропейское **dekm̥* могло в свою очередь развиться из слова (имевшего значение 'десять' или, что также не исключено, какое-то другое значение), которое входило в словарь другого языка и так далее. Современная этимология практически не занимается выяснением происхождения слов, и во многих случаях (например, относительно английского *ten*) считает сам этот вопрос некорректным. Этимолог может утверждать лишь с большей или меньшей степенью уверенности (в зависимости от объема данных, на основании которых он делает это утверждение),

что наиболее ранним из установленных предшественников определенного современного слова было слово с такой-то формой и таким-то значением.

Теперь мы можем обратить внимание на то, что сравнение языка с шахматной партией не является абсолютно точным. Любая шахматная партия, разыгранная по правилам и законченная, имеет вполне определенную исходную и завершающую позицию. Описывая язык, мы сталкиваемся с совершенно иной ситуацией. Мы не только не можем утверждать, что разные языки являются результатом разного развития какого-то одного исходного состояния (единого праязыка), мы не можем даже определить время возникновения любого конкретного языка. Все градации такого рода условны и очень приблизительны. Так, например, мы не можем сказать, в какой именно момент времени народная латынь превратилась в древнефранцузский, или итальянский, или испанский. Как правило, мы не знаем также, в какой момент времени некий язык перестал существовать — исключения составляют редкие случаи, когда исчезновение языка удается связать по времени со смертью последних его носителей. В диахронической перспективе языки не имеют определенного начала и конца. И наконец, мы не можем обоснованно ответить на вопрос, следует ли считать, например, древнеанглийский и современный английский разными этапами развития одного языка или двумя разными языками. Принимаемые в подобных случаях решения по сути являются результатом условного соглашения.

Есть и другая причина, по которой известную аналогию Соссюра нельзя признать безупречной. Шахматная партия подчиняется определенным, в явном виде сформулированным правилам и предполагает соперничество партнеров, стремящихся к вполне конкретным целям. В историческом развитии языка, по крайней мере насколько нам сейчас известно, нет такого рода направленности. Можно, конечно, говорить о неких общих принципах, определяющих переход от одного состояния языка к другому, однако эти принципы, если они вообще существуют, безусловно очень отличаются от правил придуманной человеком игры. Ниже, в главе 6, мы обсудим так называемые законы языковых изменений более подробно.

Принцип приоритета синхронического описания предполагает, что если синхроническое описание языка строится независимо от результатов диахронического анализа, то диахроническому описанию должно предшествовать синхроническое описание тех последовательных состояний, которые проходит язык в процессе развития. Сам Соссюр не сформулировал это положение в явном виде. Однако оно несомненно соответствует современному представлению о природе языковых систем.

Иногда складывается ошибочное представление, что лингвисты считают сам фактор времени достаточным объяснением происходящих в языке изменений. На самом деле, существует множество разных факторов как внутри языка, так и вне его, которые могут вызвать переход от одного состояния языка к другому. Некоторые, и возможно, наиболее важные, из таких факторов лежат в социальной сфере. То, что мы фиксируем как переход от одного состояния языка к другому, является лишь

видимым результатом сложного взаимодействия разнородных факторов на определенном отрезке времени.

Необходимо заметить также, что понятие диахронического изменения в языке является эффективным только тогда, когда речь идет о сравнении последовательных синхронических состояний, довольно удаленных по времени друг от друга. Выше я говорил о так называемой иллюзии однородности (см. 1.6). Сейчас полезно вновь вернуться к этому феномену. Если описывать процесс эволюции языка как непрерывную смену абсолютно однородных языковых систем, этот процесс будет выглядеть чрезмерно запутанным. Рассматривая языковые изменения в «микроскопическом» временном масштабе, т. е. сравнивая близкие по времени языковые срезы, практически невозможно провести четкое различие между диахроническим изменением и синхронической вариантностью. Справиться с этой проблемой позволяет лишь «макроскопический» взгляд на историю языка. Именно такой взгляд принят в современной диахронической лингвистике. Однако и в этом случае следует помнить о том, что абсолютная однородность синхронического состояния языка является иллюзорной. В самом деле, представим себе следующую ситуацию. В какой-то момент времени некая языковая форма встречается только в речи очень небольшой группы членов определенного языкового коллектива, однако через несколько поколений этой формой пользуются уже почти все его члены. При синхроническом описании этих двух состояний языка лингвист в принципе может пренебречь языковыми особенностями, свойственными небольшим группам людей. Однако, если он будет представлять эту ситуацию как переход от одной абсолютно однородной языковой системы к другой, также однородной системе, его описание не будет соответствовать реальным фактам, поскольку в каждом из сравниваемых языковых срезов в действительности присутствует вариантность языковых форм. Если же мы поймем, что любой язык в любой конкретный момент времени не является ни абсолютно статичным, ни абсолютно однородным, перед нами откроется возможность предложить достаточно простую теоретическую схему для описания языковых изменений.

Таким образом, не отвергая тезис о приоритете синхронического описания, мы хотим подчеркнуть, что нельзя игнорировать тот факт, что понятие «языковая система» является лишь удобным теоретическим конструктом, базирующимся на иллюзорной однородности синхронического состояния языка.

2.6. Структура и система

В главе 1 я цитировал определение языка, предложенное Хомским: «Множество (конечное или бесконечное) предложений, каждое из которых имеет конечную длину и построено из конечного множества элементов» (см. 1.2). Примем это определение в качестве предварительного определения термина «языковая система», которое было введено выше для того, чтобы избежать неоднозначности английского слова *language* 'язык'.

Поскольку языковые системы по определению являются статичными и однородными, их нельзя отождествлять с реальными естественными языками. Языковые системы — это теоретические конструкты, придуманные лингвистами для того, чтобы описывать закономерности в языковом поведении членов определенного языкового сообщества, точнее говоря, закономерности построения языковых сигналов, которые являются продуктом такого поведения. Как было показано выше, реальные естественные языки в действительности не являются ни абсолютно статичными, ни абсолютно однородными. Тем не менее речь тех, кого принято считать носителями одного языка, все же обладает достаточной степенью статичности и однородности для того, чтобы признать использование такого рода конструктов при описании естественных языков полезным и с научной точки зрения оправданным, за исключением, разумеется, тех случаев, когда предметом исследования является синхроническая или диахроническая вариантность как таковая. В следующих трех главах мы существенным образом опираемся на понятие «языковая система», поэтому имеет смысл обсудить его сейчас более подробно.

Среди языковых сигналов, порождаемых носителями языка на протяжении определенного периода времени, мы будем различать сигналы, которые принято считать предложениями и сигналы, которые предложениями не являются. В данный момент для нас неважно, на основании каких критериев проводится это различие. Очевидно также, что существуют определенные принципы построения связных текстов, состоящих более, чем из одного предложения, причем нарушение этих принципов воспринимается носителями как языковая ошибка. Однако большинство лингвистов в настоящее время полагают, что достаточно полное, если и не исчерпывающее, описание языка может быть получено прежде всего на основании изучения закономерностей построения предложений.

В письменном языке предложения имеют особое пунктуационное оформление. Однако, как мы видели выше, естественные языки обладают способностью использовать разные средства выражения (см. 1.4). Это значит, что в принципе любому предложению письменного языка можно поставить в соответствие определенное предложение устного языка, и наоборот. В устном языке, конечно, нет абсолютно точных эквивалентов таких маркеров письменных предложений, как заглавная буква в начале предложения и точка в конце. Для наших целей, однако, достаточно считать, что мы все же можем установить хотя бы приблизительное соответствие между знаками препинания письменного языка и интонационными моделями устного языка.

В лингвистике, как и во многих других научных дисциплинах, широко используется термин «структура». В соответствии с положением, которое в явном виде впервые было сформулировано Соссюром и которое в настоящее время разделяют все представители лингвистического **структурализма**, языковая система не просто имеет структуру — она и есть структура. Например, письменный и устный английский являются одним языком лишь постольку, поскольку они изоморфны (т. е. имеют одну

структуру): структура — это по сути единственное, что их объединяет. Языковая система в принципе не зависит от средств ее внешнего выражения. В этом смысле она является чисто абстрактной структурой.

Как было сказано выше (см. 1.5), языковые системы являются двухуровневыми структурами. Устные предложения — это не только комбинации фонологических элементов; они являются также комбинациями синтаксических единиц. Определение языка, предложенное Хомским и взятое нами за основу: язык — это множество предложений, каждое из которых имеет конечную длину и построено из конечного набора элементов, — вообще говоря, должно быть определенным образом расширено, с тем чтобы отразить это важное свойство естественных языков. Теоретически возможно, чтобы две языковые системы были изоморфны на одном уровне и неизоморфны на другом. Вернемся в этой связи к уже упомянутой ситуации с двумя диалектами китайского языка. Эти диалекты практически изоморфны на синтаксическом уровне, но при этом неизоморфны фонологически. Именно их синтаксический изоморфизм дает возможность поставить в соответствие каждому из них один и тот же письменный язык с неалфавитной системой письма. Возможна также обратная ситуация: изоморфизм на фонологическом уровне при отсутствии синтаксического изоморфизма. Представим себе, например, англичанина, говорящего на грамматически безупречном французском, но с очень сильным английским акцентом. Независимость фонологии и синтаксиса часто ярко проявляется в процессе креолизации пиджинов (см. 9.3).

Итак, естественные языки имеют два структурных уровня, и эти уровни являются независимыми в том смысле, что фонологическая структура языка не детерминирует его синтаксическую структуру, и наоборот, его синтаксическая структура не детерминирует фонологическую. По меньшей мере маловероятно, что найдутся два естественных языка таких, что каждое предложение одного из них будет также предложением (с тем же, или иным, значением) другого. Однако, вследствие независимости фонологической и синтаксической структур нередки случаи, когда одна и та же последовательность элементов (звуков или букв) может соответствовать нескольким разным предложениям. Такие предложения могут в принципе различаться интонацией или пунктуацией. Так, предложения

(1) *John says Peter has been here all the time* 'Джон говорит, что Питер был здесь все время'

и

(2) *John, says Peter, has been here all the time* 'Джон, говорит Питер, был здесь все время'

в письменном английском различаются пунктуацией, а в устном — интонационно. Однако одна комбинация элементов может соответствовать двум разным предложениям даже в тех случаях, когда ни интонация, ни пунктуация не снимают неоднозначность. Рассмотрим предложение

(3) *We watched her box* 'Мы присматривали за ее коробкой' и 'Мы смотрели, как она боксирует'.

Последовательность элементов, представленная в примере (3), может соответствовать любому из двух английских предложений. В одном — *her* 'ее' является формой прилагательного (или иначе местоименного прилагательного — ср. *his* 'его'), а *box* 'коробка' — формой существительного (ср. *suitcase* 'чемодан'); во втором — *her* 'ее (= она, аккузатив)' является формой личного местоимения (ср. *him* 'его, ему') а *box* 'боксировать' — формой глагола (ср. *wrestle* 'бороться'). Мы не будем пока обсуждать тонкости традиционного синтаксического анализа примера (3). В данный момент нам важно лишь показать, что предложения, в традиционном понимании этого термина, нельзя описать исчерпывающим образом в терминах фонологических элементов, из которых они состоят. Более того, как видно из примера (3), иногда их нельзя описать и в терминах входящих в их состав синтаксических единиц. Такого рода описание требует обращения к какой-то дополнительной информации, например, к информации о части речи (существительное, прилагательное, глагол и так далее) той или иной синтаксической единицы.

Синтаксические единицы, из которых строятся предложения, в отличие от фонологических элементов, очень многочисленны. Тем не менее их число, как и число фонологических элементов, конечно. Любая языковая система, таким образом, предполагает наличие конечного инвентаря элементов, конечного словаря (простых) единиц, а также набора правил (возможно, разного типа), которые устанавливают связь между двумя структурными уровнями и позволяют определить, какие последовательности единиц являются предложениями (с точки зрения данной языковой системы), а какие нет. Следует заметить, что, как мы увидим ниже, словарь естественного языка — это не просто перечень синтаксических единиц, на самом деле он содержит также много другой информации, необходимой для описания языка. Однако те поправки и терминологические уточнения, которые в связи с этим нам придется сделать в следующих главах, не изменят по сути того, что было только что сказано об общей структуре языковых систем.

Далее, те объекты, которые мы до сих пор называли синтаксическими единицами, было бы удобно трактовать как формы: таким образом, любая легко опознаваемая комбинация элементов является отдельной формой. Формы, в указанном смысле, связаны с некоторым значением, причем это значение существенно зависит от их синтаксической функции. Иллюстрацией этого могут служить формы *her* и *box* в примере (3). В соответствии с традиционной точкой зрения в словаре английского языка имеется по крайней мере два разных слова, обозначим их "*box*₁" 'коробка' и "*box*₂" 'боксировать', которые различаются и по значению, и по синтаксической функции, но имеют одну форму *box*. Ниже мы уточним традиционное противопоставление формы и единицы, имеющей данную форму, и увидим, что термин «слово», которым пользуются и лингвисты, и обычные носители языка, является неоднозначным (см. 4.1).

Любое предложение, которое признано таковым в конкретной языковой системе, является по определению правильно построенным как

с синтаксической, так и с фонологической точки зрения. Термин «правильно построенный» имеет более широкое значение, чем термин «грамматичный» и включает в себя значение последнего. В свою очередь термин «грамматичный» шире по значению, чем термин «синтаксически правильно построенный» и также включает значение последнего. Природу и границы «грамматичности» мы обсудим в главе 4. Здесь заметим лишь, что понятие «правильно построенный» (включая и понятие «грамматичный») не следует смешивать с понятиями «приемлемый», «потенциально возможный» и даже «осмысленный». В английском, как и в других естественных языках существует множество предложений, которые по разным причинам обычно не используются носителями языка: это могут быть предложения, содержащие грубые или оскорбительные слова, предложения, стилистически неудачные или слишком сложные для восприятия, внутренне противоречивые предложения или предложения, описывающие ситуации, которые реально не встречаются в мире носителей соответствующего языка. Любая комбинация элементов или единиц некоторого языка *L*, которая не является правильно построенной с точки зрения правил языка *L*, является для *L* **неправильно построенной**. Неправильно построенные комбинации элементов или единиц мы будем далее отмечать звездочкой ¹⁾. Так, например, предложение

(4) * *He weren't doing nothing* (ср., нормативное *He wasn't doing anything* 'Он ничего не делал')

с точки зрения литературного английского языка является неправильно построенным и неграмматичным. Однако в определенных диалектах английского языка оно и грамматично, и правильно построено. Этот пример является иллюстрацией следующего общего положения: разные языки, вообще говоря, могут строиться из одних и тех же элементов и единиц, при этом одна и та же комбинация элементов может оказаться правильно построенной с точки зрения одного языка и неправильно построенной с точки зрения другого. Хотя в примере (4) речь шла о двух диалектах одного языка, подобная ситуация в принципе возможна и для разных языков.

О структуре языковых систем можно сказать еще очень многое. Более подробно мы поговорим об этом в главах, посвященных фонологии, грамматике и семантике, где постепенно введем в рассмотрение и детально проиллюстрируем наиболее важные положения ²⁾.

¹⁾ Как мы видели выше, звездочка используется не только в качестве маркера неправильно построенных комбинаций элементов или единиц, — в исторической лингвистике по давно сложившейся традиции так помечаются реконструированные формы (см. 2.5). В каком из этих двух значений используется данный символ, обычно легко понять из контекста.

²⁾ Термины «структура» и «система» часто, особенно в британской лингвистике, используются в следующем специальном смысле: «система» — как обозначение любого множества элементов или единиц, которые могут встречаться в одной и той же позиции; «структура» — как обозначение таких сочетаний элементов и единиц, которые являются результатом правильного выбора (элементов или единиц) в определенной позиции. Определенные таким образом, термины «структура» и «система» являются взаимодополняющими: каждый из них предполагает существование другого. Системы устанавливаются для определенных позиций

В начале этого раздела мы приняли в качестве предварительного определения языка (или иначе — языковой системы) определение, предложенное Хомским: язык — это множество предложений. На наш взгляд, однако, более плодотворно исходить из того, что языковая система складывается из инвентаря элементов, словаря единиц и правил, обеспечивающих правильное (на уровне элементов и единиц) построение предложений. Именно это представление будет лежать в основе наших дальнейших рассуждений. Возможно, впрочем, что при определенной трактовке термина «предложение» эти два взгляда на языковую систему могут совпасть.

Дополнительная литература

В основном читатель может ориентироваться на литературу, указанную в главе 1. Кроме того, рекомендуем *Crystal* 1979, главы 2–3; *Lyons* 1974.

Из учебников, помеченных звездочкой в общей библиографии, наиболее подробное и объективное обсуждение затронутых здесь проблем можно найти в *Robins* 1979a; в *Lyons* 1974 подробно прослеживается связь традиционной грамматики и современной лингвистики, работа посвящена в основном проблемам синхронической микролингвистики и уделяет, пожалуй, слишком большое внимание уже несколько устаревшей версии трансформационной грамматики; работа *Martinet* 1960 выполнена в традициях европейского структурализма; *Gleason* 1961, *Hill* 1958, *Hockett* 1958, а также *Joos* 1966 позволяют составить представление о взгляде на обсуждавшиеся проблемы так называемой постблумфильдианской лингвистики; в *Southworth & Daswani* 1974 подробно рассматривается связь лингвистики с социологией, антропологией, а также с прикладной лингвистикой; те же проблемы, однако менее подробно, обсуждаются в *Falk* 1973; работы *Ak-majian*, *Demers & Harnish* 1979, *Fromkin & Rodman* 1974, *Smith & Wilson* 1979, выполненные в русле идей Хомского, делают основной акцент на биологическом, а не на культурологическом аспекте языка. Более детальному описанию различных направлений и школ современной лингвистики посвящена глава 7, где читатель найдет дополнительные библиографические указания.

Об исторической (или диахронической) лингвистике речь пойдет в главе 6. Основные направления макролингвистики обсуждаются в главах 8–10.

О прикладной лингвистике см. *Corder* 1973, и более подробно *Allen & Corder* 1975a, b, c.

Вопросы и упражнения

1. В каком смысле можно говорить о лингвистике как о науке? Предполагает ли это, что лингвистика относится к гуманитарным наукам?
2. «Поскольку все области знания пользуются естественным языком, можно сказать, что лингвистика, как исследование этого универсального инструмента, занимает среди них центральное место» (*Robins* 1979a, 7). Обсудите.

в структурах; структуры определяют выбор, сделанный из систем (*Berry* 1975). В этой книге термины «структура» и «система» используются в более широком смысле.

3. «Единственными плодотворными обобщениями в языкознании являются обобщения индуктивные». (*Bloomfield 1935, 20*; цит. по: *Блумфилд 1968, 34*). Обсудите.
4. Почему лингвисты так критичны по отношению к традиционной грамматике?
5. «Как философы, так и лингвисты часто считают, что... ссылки на интуицию „ненаучны“, поскольку интуиция недоступна непосредственному наблюдению, изменчива и ненадежна. Мы не считаем эту позицию убедительной...» (*Smith & Wilson 1979, 40*). Обсудите.
6. Придумайте контекст, в котором английское высказывание *I didn't do nothing* (с соответствующим интонационным оформлением) будет признано нормативным.
7. Являются ли неправильными выражения (а) *between you and I* и (б) *You and me will go together*? Помогает ли логика или построенная по латинским образцам традиционная грамматика ответить на этот вопрос?
8. Чем различаются предписывающий (нормативный) и описывающий подходы к исследованию языка?
9. Приведите примеры, по возможности свои собственные, гиперкоррекции.
10. «Слово *alibi* 'алиби' в наше время часто используется неправильно: это юридический термин, восходящий к латинскому слову, означающему 'где-то в другом месте', поэтому его не следует употреблять как синоним слова *excuse* ('извинение')». Обсудите.
11. Объясните значение тезиса «синхронический подход к описанию языка обладал приоритетом по отношению к диахроническому подходу».
12. Дайте критический разбор предложенного Соссюром сравнения языка с шахматной партией.
13. Существует ошибочное представление, что точный перевод предполагает замену каждого слова текста на одном языке соответствующим словом другого языка. Что на самом деле можно назвать «точным переводом»? Можете ли вы указать, почему в случае естественных языков «пословный» перевод, как правило, не является точным.
14. «Языковая система... является чисто абстрактной структурой» (с. 61). Рассмотрите в связи с этим простейшие коды или шифры, основанные на принципах (а) замены буквы на букву или (б) замены слова на слово в письменном сообщении. Предполагает ли использование такой криптографической техники сохранение или разрушение изоморфизма?
15. Придумайте простой код или шифр, который использует феномен независимости двух структурных уровней языковой системы и меняет один из этих уровней, не затрагивая второго.

ЗВУКИ ЯЗЫКА

3.1. Звуковые средства

Хотя языковые системы практически не зависят от субстанции, в которой они реализуются, естественной и первичной субстанцией естественных языков является звук. Поэтому изучению звуковой субстанции в лингвистике уделяется значительно больше внимания, чем изучению письма, жестов и других реально существующих или потенциально возможных субстанциональных реализаций. Однако лингвиста интересует не звук как таковой и далеко не все встречающиеся в природе звуки. Лингвистика изучает только звуки, производимые речевыми органами человека, причем лишь те из них, которые играют определенную роль в языке. Назовем этот ограниченный инвентарь звуков **звуковыми средствами** языка, а отдельные звуки из этого инвентаря **звуками речи**. Теперь мы можем определить **фонетику** как исследование звуковых средств языка.

Следует подчеркнуть, что фонетику не следует отождествлять с фонологией, а звуки речи — с фонологическими элементами, о которых шла речь в предыдущих разделах. Фонология, как мы видели выше, является одним из компонентов описания языковых систем наряду с синтаксисом и семантикой. Фонология опирается на данные фонетических исследований (хотя различные фонологические теории могут интерпретировать эти данные по-разному), однако непосредственное изучение звуковых средств не входит в круг ее задач. В первых трех разделах этой главы мы рассмотрим, в максимально упрощенной трактовке, основные понятия, категории и условные обозначения, которыми оперирует современная фонетика, поскольку они необходимы для понимания многих других положений лингвистической теории. Этот краткий обзор ни коей мере не претендует на роль полноценного вводного курса в фонетику, которая за последние годы превратилась в очень широкую и концептуально сложную самостоятельную область лингвистики.

Звуковые средства языка можно рассматривать по крайней мере с трех разных точек зрения: **артикуляторной**, **акустической** и **перцептивной**. Артикуляторная фонетика исследует и классифицирует звуки речи в терминах работы речевых органов человека; акустическая фонетика — в терминах физических характеристик звуковых волн, возникающих в результате работы речевых органов и распространяющихся в воздушной

среде от говорящего к слушающему; перцептивная фонетика изучает процесс восприятия звуков речи органами слуха человека и их идентификацию, осуществляемую его мозгом. Из этих трех направлений самую длительную исследовательскую традицию имеет артикуляторная фонетика, которая до недавнего времени оставалась наиболее разработанной. Поэтому большинство терминов, используемых фонетистами для описания звуков речи, восходят к терминам артикуляторной фонетики. В этой книге основное внимание будет уделено именно артикуляторной фонетике.

Нельзя не отметить, однако, ряд крайне важных для специалиста фактов, обнаруженных или подтвержденных исследованиями в области акустической фонетики, которая за последние двадцать-тридцать лет достигла огромных успехов. Пожалуй, главный из них состоит в том, что те озвученные высказывания, которые носитель языка воспринимает как абсолютно идентичные, с точки зрения их физических характеристик (т. е. с акустической точки зрения) таковыми практически никогда не являются. Фонетическая идентичность (в отличие от фонологической идентичности, как мы узнаем из следующих разделов) — это теоретический идеал: в действительности звуки речи, порождаемые человеком — даже квалифицированным фонетистом, — лишь в большей или меньшей степени приближаются к этому идеалу. Фонологический анализ языков базируется на фонетическом сходстве, а не на фонетической идентичности. При этом фонетическое сходство и с артикуляторной, и с акустической, и с перцептивной точек зрения может оцениваться по разным параметрам. Допустим, например, что нам даны три звука *x*, *y* и *z*: при этом *x* может обнаружить большее сходство с *y*, чем с *z* по одному параметру, но окажется более похожим на *z*, чем на *y* по другому параметру.

Акустическая фонетика подтвердила также следующее положение, первоначально установленное артикуляторной фонетикой: произносимые высказывания, рассматриваемые как физические сигналы, передающиеся в воздушной среде, не являются простыми последовательностями дискретных звуков. Речь представляет собой звуковой континуум. Не существует никаких интервалов между звуками, составляющими одно слово; более того, слова также обычно не разделяются паузами (за исключением, конечно, тех случаев, когда мы имеем дело с произвольной заминкой говорящего, или когда говорящий осознанно выбирает особый стиль речи, например, чтобы продиктовать свое сообщение или преследуя какие-то иные цели). Сегментация звукового потока осуществляется на основе более или менее заметных переходных состояний, отделяющих один относительно статичный сигнал от предшествующего или следующего за ним статичного сигнала. Эту ситуацию мы рассмотрим ниже с артикуляторной точки зрения. Важно заметить, однако, что сегментация, базирующаяся на чисто акустических критериях, часто дает совершенно иной результат, чем сегментация на основе чисто артикуляторных (или перцептивных) критериев.

Интеграция результатов, полученных в трех разных областях фонетики оказывается довольно сложной задачей. Одно из самых важных

и удивительных открытий акустической фонетики состоит в том, что не удается установить простого соответствия между некоторыми наиболее существенными артикуляторными характеристиками речи и такими акустическими характеристиками, как частота и амплитуда звуковой волны. Иначе говоря, категории артикуляторной, акустической и перцептивной фонетики, вообще говоря, могут не совпадать. Например, такие, казалось бы вполне очевидные с точки зрения артикуляторной и перцептивной фонетики, различия, как различия между *p*-звуками, *t*-звуками и *k*-звуками не обладают никакими индивидуализированными признаками (или наборами признаков) в акустическом представлении содержащих их сигналов. Такие перцептивные характеристики, как тон и громкость находятся в определенной корреляции с акустическими характеристиками частоты и интенсивности. При этом, однако, корреляцию между тоном и частотой, с одной стороны, и громкостью и интенсивностью, с другой, не удастся описать в терминах некоторой фиксированной пропорции, одинаковой для всех звуков, различающихся по этим параметрам.

Это не означает, впрочем, что категории, разработанные в рамках какой-то одной области фонетики являются более надежными или более «научными», чем категории, используемые другими ее областями. Следует помнить, что производство и восприятие речи не являются абсолютно независимыми механизмами. Они взаимодействуют на основе принципа «обратной связи». Давно замечено, что у людей, потерявших слух, постепенно ухудшается и речь. Это происходит потому, что обычно мы слушаем, как мы говорим, и, чаще всего неосознанно, корректируем состояние своего речевого аппарата, если в результате обратной связи наш мозг сигнализирует, что реальный результат работы речевых органов не соответствует изначальному замыслу (перцептивным нормам). Акустический сигнал содержит всю существенную с точки зрения языка информацию, в то же время он содержит также много другой информации. Информация, имеющая отношение к языку, под контролем мозга интерпретируется механизмами, отвечающими за производство и восприятие речи. Дети, по-видимому, от рождения наделены способностью выделять из акустического сигнала именно такую, «языковую», информацию, оставляя без внимания все прочее. В процессе усвоения языка ребенок постепенно развивает способность производить и опознавать звуки речи, которую он слышит вокруг себя. Он совершенствует свои артикуляторные и перцептивные навыки, наблюдая за производимыми им акустическими сигналами. Таким образом, ребенок практически без посторонней помощи, без сложных технических устройств или специальной тренировки, имея возможность анализировать очень ограниченный спектр звуков речи, легко справляется с одной из сложнейших задач современной фонетики — с задачей интеграции в высшей степени разнородной информации, которой оперируют три основные ее направления. Современные фонетисты могут дать лишь очень неполное описание и объяснение этой удивительной способности интегрировать разные ти-

пы информации, способности, которой большинство людей обладают с детства и которую используют на протяжении всей жизни.

3.2. Фонетическое и орфографическое представление

В конце XIX в., когда в западной лингвистике артикуляторная фонетика достигла значительного прогресса (основанного, что интересно, в значительной степени на многовековой индийской традиции), исследователи осознали необходимость создания единой стандартизированной системы фонетической транскрипции. Хотя многое было и еще будет сказано о преимуществах неалфавитных систем письма, в основу единой фонетической транскрипции был положен именно алфавитный принцип. Международный Фонетический Алфавит (МФА) был разработан и введен в научный обиход Международной Фонетической Ассоциацией в 1888 г. С введенными позже незначительными модификациями он широко используется и в современной лингвистике. Базовый принцип МФА состоит в том, что каждому отдельному звуку речи должна соответствовать одна буква. Однако, поскольку число реально засвидетельствованных звуков речи довольно велико (по крайней мере с точки зрения разумных полиграфических ограничений), последовательно реализовать этот принцип оказалось невозможным. Поэтому в МФА используется, помимо букв, определенная система диакритик — специальных знаков, которые добавляются к буквенным символам, чтобы описывать звуки, не получившие отдельного буквенного обозначения. Правильно и оправданно используя диакритики, опытный фонетист может передать все необходимые для решения какой-то конкретной задачи детали речи. Однако система фонетической транскрипции не обладает такой степенью подробности, которая позволила бы передать все особенности, отличающие одно индивидуальное высказывание от другого; впрочем, такой необходимости в лингвистике, как правило, не возникает. Для некоторых целей достаточно использовать сравнительно широкую транскрипцию, для других — необходима сравнительно узкая транскрипция¹⁾.

В дальнейшем, говоря о звуках речи или о звуковом составе языковых форм, мы будем пользоваться МФА. В соответствии с традицией фонетическая транскрипция заключается в квадратные скобки. Таким образом, вместо того, чтобы говорить, как мы делали это ранее, о *p*-звуках или *k*-звуках, мы будем говорить теперь о [p], [k] и так далее. Я сознательно выбрал для иллюстрации буквенные символы МФА, которые имеют приблизительно то же фонетическое значение, что и буквы *p* и *k* в орфографических системах большинства европейских языков, включая английский. Большинство буквенных символов МФА заимствованы из ла-

¹⁾ Различие между широкой и узкой транскрипцией по сути своей относительно, а не абсолютно: первая является менее детальной, чем вторая. Широкая транскрипция не обязательно является фонематической (см. 3.4).

тинского и греческого алфавитов. Однако тем, кто знаком, например, с английским, французским, итальянским и испанским, известно, что в языках, алфавит которых восходит в конечном счете к общему источнику, одна и та же буква очень часто читается по-разному. Более того, одна и та же буква может иметь разное фонетическое значение даже в одном языке. Существенным преимуществом стандартного и универсального алфавита является то, что он позволяет не связывать используемые им символы с каким-то конкретным языком или конкретным словом: «*a* как в итальянском», «*u* как во французском слове *lu*». За это безусловное преимущество, впрочем, приходится платить определенную цену: тот, кто пользуется МФА, должен отказаться от попыток установить фонетическое значение его буквенных символов, опираясь на известные ему алфавитные системы. Так, например, [с] в МФА обозначает звук, совершенно отличный от тех звуков, которые передаются буквой *c* в английском, французском, итальянском или испанском. В этой книге мы познакомим читателя лишь с очень небольшой частью буквенных символов и диакритик МФА.

Теперь, когда мы ввели понятие фонетической транскрипции, мы можем представлять языковые формы следующими двумя способами: (а) курсив без квадратных скобок используется для представления языковых форм в традиционной орфографии, например английские *led* 'вел' и *lead* 'веду'; (б) транскрипция в квадратных скобках [led] и [li:d]²⁾ описывает их произношение. Добавим к ним третий способ представления: (в) курсив в угловых скобках — <*led*>, <*lead*>. Этот последний, чисто вспомогательный, способ записи используется тогда, когда нам важно противопоставить письменную (в) и устную форму. В тех случаях, когда для нас неважно, какая именно, устная или письменная форма имеется в виду, мы будем использовать для ее записи способ (а). Представление типа (в) позволяет, в частности, делать утверждения следующего рода: письменная форма <*lead*> соответствует двум устным формам [li:d] 'веду' и [led] 'свинец'; или наоборот, устная форма [led] соответствует двум письменным формам <*led*> 'вел' и <*lead*> 'свинец'.

В том случае, когда нескольким разным письменным формам соответствует одна устная форма традиционно говорят об омофонии (звуковом тождестве): ср. английские *rode* 'ехал' — *road* 'дорога'; *court* 'суд' — *caught* 'поймал'; *father* 'отец' — *farther* 'дальше' в так называемом оксфордском произношении британского английского³⁾. В некоторых вариантах английского произношения, встречающихся в Шотландии, эти пары

²⁾ Это двоеточие указывает долготу гласного, обозначенного предыдущим буквенным символом.

³⁾ Английское нормативное (оксфордское) произношение (Received Pronunciation (RP)), первоначально присущее образованным людям в Лондоне и на юго-востоке Англии, в XIX в. считалось обязательным в высших слоях английского общества, в частности, в придворном обществе. Распространявшееся через привилегированные частные школы и с 1930 г. принятое в качестве нормативного произношения на Би-Би-Си, в наше время оно является менее связанным с определенной территорией, чем любой другой вариант английского произношения. Вместе с тем оно в значительной степени утратило былой престиж, особен-

не являются омофонами, так же, как и пары *father — farther*; *court — caught* во многих вариантах американского английского. Важно отметить, что произношение разных групп носителей литературного английского может быть различным, и формы, являющиеся омофонами в речи одной группы, не обязательно омофоничны в речи другой. Ситуация, противоположная омофонии, называется **омографией** (тождество написания): ср. английские омографы *import*₁ ‘импорт’ и *import*₂ ‘импортировать’, устные корреляты которых различаются ударением.

Особое внимание исследователей к явлениям омофонии и омографии обусловлено в первую очередь тем, что в английском и во многих других языках с консервативными системами письма существуют как омофоны, не являющиеся омографами, так и омографы, не являющиеся омофонами. В то же время, как мы увидим ниже, иногда есть веские грамматические и семантические причины различать также формы, имеющие одинаковое произношение и написание. Например, *found*₁ ‘нашел’ (форма прошедшего времени от *find* ‘искать’) и *found*₂ ‘основывают, учреждают’ (одна из форм настоящего времени от *found* ‘основывать, учреждать’) являются и омофонами и омографами: слова, формами которых они являются (“find” и “found”), мы будем называть (частичными) **омонимами**.

3.3. Артикуляторная фонетика

Выше мы уже говорили о том, что так называемые **речевые органы** имеют функции, не связанные с речью и даже с производством звуков, и эти функции с биологической точки зрения являются первичными. Легкие снабжают кровь кислородом; голосовые связки, расположенные в гортани (или «адамовом яблоке»), в сомкнутом состоянии препятствуют попаданию пищи в трахею; язык и зубы служат для пережевывания и глотания пищи и так далее. Тем не менее речевые органы образуют то, что можно назвать вторичной биологической системой, причем есть данные, что в процессе эволюции они претерпели определенные изменения, адаптируясь к производству речи. В артикуляторной фонетике звуки речи классифицируются в зависимости от того, какие речевые органы принимают участие в их образовании и как эти органы в тех или иных случаях работают.

Образование большинства звуков речи во всех языках связано с определенной модификацией воздушного потока, исходящего из легких, поднимающегося по трахее и попадающего через глоттис (или голосовую щель — пространство между голосовыми связками) в голосовой тракт. Голосовой тракт начинается гортанью и заканчивается губами и ноздрями.

Звуки, образующиеся при сближенных и колеблющихся под воздействием воздушного потока, который проходит через голосовую щель, голосовых связках, называются **звонкими**; если же воздушный поток при образовании звука не вызывает колебаний голосовых связок, мы говорим

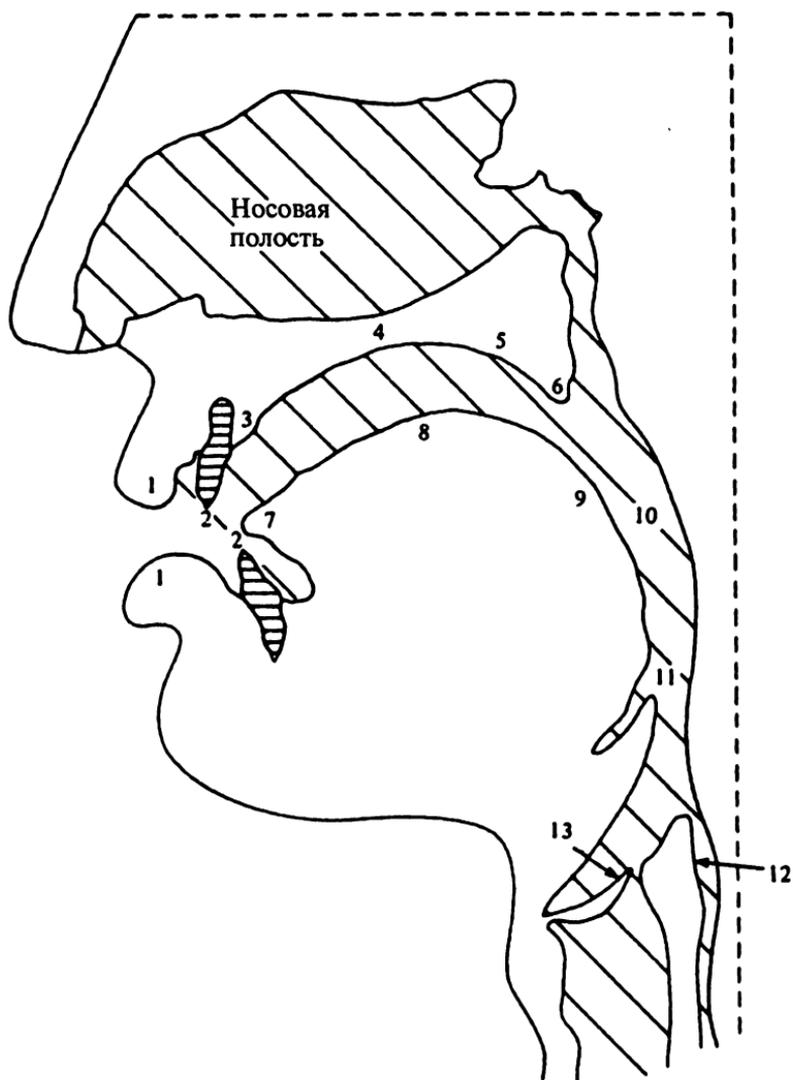

Рис. 1. Речевые органы. 1. Губы. 2. Зубы. 3. Альвеолы. 4. Твердоснёбо. 5. Мягкоснёбо. 6. Увула. 7. Кончик языка. 8. Передняя часть языка. 9. Спинка языка. 10. Глотка. 11. Надгортанник. 12. Пищевод. 13. Голосовые связки

о глухих звуках. Противопоставление звонких и глухих звуков является одним из самых важных артикуляторных противопоставлений. Большинство гласных в языках мира и все английские гласные (за исключением случая, когда мы имеем дело с шепотом) являются звонкими. Совершенно иная ситуация имеет место в отношении согласных: в языках, как правило, представлены как звонкие, так и глухие согласные, хотя их про-

тивопоставление не всегда используется для различения устных языковых форм. Примером глухих согласных могут служить [p], [t], [k], [s], [f]; им соответствуют следующие звонкие согласные [b], [d], [g], [z], [v]. В том случае, когда МФА не располагает двумя разными буквенными символами для глухих и соответствующих им звонких звуков, необходимое противопоставление выражается с помощью диакритик. Диакритический знак для обозначения глухости — маленький кружок, расположенный под буквенным символом. В частности, МФА исходит из того, что все гласные являются звонкими, если они специально не помечены как глухие, например, [ǣ], [ɛ̥], [i̥] обозначают глухие соответствия звонких гласных [a], [e], [i]. Несмотря на то, что в случае гласных диакритики используются асимметрично, фонетические отношения между [a] и [ǣ] или [e] и [ɛ̥] полностью аналогичны отношениям между [b] и [p] или [d] и [t].

Еще одним важным артикуляторным противопоставлением является противопоставление по назальности. Если мягкое нёбо опущено и, таким образом, открыт проход в носовую полость, воздушный поток может проходить как через нос, так и через рот. Звуки, образующиеся таким способом, называются назальными и противопоставляются оральным звукам, при произнесении которых воздушный поток проходит только через рот. Примерами назальных звуков могут служить [m], [n], [ŋ], все они представлены в английском: [ŋ] конечный звук в формах типа *wrong* 'неправильный', *sing* 'петь' (в оксфордском произношении). Назальные звуки трактуются как звонкие, если они специально не помечены как глухие с помощью соответствующего диакритического знака: [m̥], [n̥], [ŋ̥]. Подобно тому, как [b] противопоставлен [p], а [m] — [m̥] по звонкости, [m] противопоставлен [b], а [m̥] — [p] по назальности. Аналогичная ситуация имеет место для [d]:[t]::[n]:[ŋ] и для [g]:[k]::[ŋ]:[ŋ̥]. Гласные считаются оральными, если они специально не помечены как назальные с помощью так называемой тильды [˜] над соответствующим буквенным символом. Так, [ǣ̃], [ē̃] и т. д. являются (звонкими) назальными соответствиями для [a], [e]. Еще раз подчеркнем, что [b], [p] и [m]; [d], [t] и [n] и [g], [k] и [ŋ] фонетически связаны между собой точно так же, как и [a], [ǣ] и [ǣ̃].

Третьим артикуляторным противопоставлением является противопоставление по аспирации. Аспирированные звуки отличаются от неаспирированных тем, что их образование сопровождается небольшим дополнительным выдохом. (На самом деле, аспирацию следует рассматривать не как полностью независимую артикуляторную переменную, а в связи с противопоставлением по звонкости/глухости. Она зависит от временного соотношения между работой голосовых связок и сопутствующей работы основных артикуляторов.) Существует еще ряд вторичных артикуляций (глоттализиция, палатализация, лабиализация, веяризация), о которых, однако, для упрощения, мы здесь говорить не будем. Аспирированные согласные, обычно глухие, встречаются во многих языках, включая английский. Вместо принятого в МФА диакритического знака для обозначения аспирации мы будем, в соответствии с распространенной в настоящее время практикой, использовать для этого надстрочную

букву <h>, сразу после соответствующего буквенного символа. Так, [p^h] является аспирированным соответствием [p].

До сих пор мы пользовались традиционными терминами «согласный» и «гласный», не дав им никакого объяснения. С артикуляторной точки зрения согласные отличаются от гласных тем, что при образовании согласных на пути воздушного потока, проходящего через ротовую полость, возникает кратковременная преграда, тогда как при образовании гласных воздушный поток проходит свободно. Фонетическое различие между гласными и согласными не является абсолютным: существуют звуки с промежуточным статусом. Однако в данном кратком и упрощенном описании основных понятий артикуляторной фонетики мы не будем рассматривать эту проблему во всех деталях.

Согласные делятся на несколько типов в зависимости от характера преграды, возникающей на пути воздушного потока. Такого рода преграда может быть полной (речевые органы, образующие преграду, полностью смыкаются) или частичной (речевые органы лишь сближаются друг с другом). Звуки, при образовании которых преграда является полной, называются **смычными** (или **взрывными**). Если преграда является частичной, но вызывает слышимое трение воздушного потока, говорят о **фрикативных** звуках. Примерами смычных могут служить [p], [t], [k], примерами фрикативных — [f], [s]. Согласные различаются также по другому артикуляторному параметру — по месту артикуляции звуков. На протяжении голосового тракта существует множество точек, в которых артикуляторы (голосовые связки, язык, зубы, губы и другие) могут создавать преграду на пути воздушного потока. Каждый конкретный язык реализует лишь небольшую часть этих потенциальных возможностей. Ниже мы описываем те значения параметра «место артикуляции», которые актуальны для английского и некоторых других, наиболее известных, языков (иногда обращая внимание на те или иные вторичные артикуляции):

Билабиальные (или просто **лабиальные**): преграду образуют сомкнутые губы, например [p], [b], [m].

Лабiodентальные: нижняя губа сближается с верхними зубами, например [f], [v]; [p], [b], [m] являются смычными, [f], [v] фрикативными. (Реже встречаются оральные и назальные билабиальные фрикативные и лабiodентальные смычные).

Дентальные: кончик языка смыкается или сближается с верхними зубами, например [t], [d], [n], [θ], [ð].

Альвеолярные: кончик языка смыкается или сближается с альвеолами, например [t], [d], [n], [s], [z]. Следует отметить, что в широкой транскрипции для обозначения дентальных и альвеолярных смычных могут использоваться одни и те же символы, хотя МФА располагает диакритиками, с помощью которых можно различать, если необходимо, эти два типа звуков. Начальные согласные в английских *thick* и *this* являются дентальными фрикативными, глухим [θ] и звонким [ð] соответственно; в большинстве вариантов английского произношения звуки типа [t], [d],

[n] практически во всех фонетических позициях) являются альвеолярными, в отличие от звуков типа [t], [d], [ŋ] во французском, испанском или русском, а также от итальянских [t], [d]

Палатальные: спинка языка смыкается или сближается с твердым небом, например смычные [ç], [j] и фрикативные [ç.] [j].

Велярные: спинка языка смыкается или сближается с мягким небом, например смычные [k], [g] и фрикативные [x], [ɣ]; различие между палатальными и велярными, как и между дентальными и альвеолярными, довольно условно (в значительно большей степени, чем, скажем, различие между лабиальными и дентальными); в английском во всех фонетических позициях палатальные встречаются редко; глухой палатальный фрикативный [ç] представлен почти во всех немецких диалектах, в кастильском диалекте испанского и современном греческом, а также считается допустимым вариантом начального согласного в английской форме *hue* 'оттенок' (буква <h> в английском может передавать несколько разных звуков, качество которых в значительной степени зависит от окружающих согласных); звуки, соответствующие английским буквам <k> и <c>, в большинстве позиций являются вариантами велярных, однако в определенных позициях (и эта ситуация характерна для многих языков) они приближаются к палатальным, например, в *key* 'ключ' и *sue* 'намек'; глухой велярный фрикативный [x] в оксфордском произношении отсутствует, но представлен в шотландском варианте произношения слова *loch* 'озеро', этот звук вполне обычен также для немецкого и некоторых испанских диалектов⁴⁾; звонкий велярный фрикативный [ɣ] в европейских языках встречается реже, чем его глухой коррелят, он представлен, в частности, в современном греческом (и в некоторых диалектах русского).

Глоттальные: голосовые связки смыкаются или сближаются, например смычный [ʔ] или фрикативные глухой [h] и звонкий [ɦ]; поскольку, будучи тесно сомкнуты, голосовые связки не могут колебаться, гортанная смычка [ʔ] не имеет звонкого коррелята, тогда как существуют глухие и звонкие глоттальные фрикативные; гортанная смычка представлена как просторечное соответствие интервокального [t] во многих вариантах городского произношения в Англии и Шотландии (как *city* 'город', *butter* 'масло'), в частности, в Лондоне (кокни), Бирмингеме, Манчестере и Глазго (и даже, что, впрочем, остается почти незамеченным, в оксфордском произношении, в определенных фонетических позициях). Следует подчеркнуть, что гортанная смычка — это совершенно самостоятельный и полноценный согласный, широко распространенный в языках мира.

МФА различает еще целый ряд значений параметра «место артикуляции», некоторые из них необходимо учитывать в полном фонетическом описании английского языка. Однако для иллюстрации общих принципов классификации согласных вполне достаточно тех, которые

⁴⁾ В кастильском диалекте испанского, однако, так называемым йота-звукам, как в *hija* 'дочь', обычно соответствуют фрикативные увелярные: МФА [χ].

Таблица 1

Некоторые согласные в символах МФА. (В таблице не учтены аспирированные согласные, которые всегда обозначаются с помощью диакритики. Символы для глухих назальных также строятся путем добавления диакритики к основному буквенному символу)

Способ артикуляции Место артикуляции	Смычные		Фрикативные		
	Оральные		Назальные		
	Глухие	Звонкие	Звонкие	Глухие	Звонкие
билабиальные	p	b	m	ɸ	β
лабиодентальные	ɸ	b	ɱ	f	v
дентальные	t̪	d̪	n̪	θ	ð
альвеолярные	t	d	n	s	z
палатальные	c	tʃ	ɲ	ç	j
велярные	k	g	ŋ	x	ɣ
глоттальные	ʔ			h	ɦ

были перечислены выше. Введенные здесь (а также некоторые дополнительные) символы представлены в табл. 1. Заметим, что если строки таблицы соответствуют значениям одного артикуляторного параметра, ее столбцы имеют иерархическую организацию, включающую противопоставление «смычные vs. фрикативные» с дальнейшим делением смычных на «оральные vs. назальные», а также делением смычных и фрикативных на «звонкие vs. глухие». Многомерность параметра, который называется **способ артикуляции**, контрастирующая с линейностью параметра место артикуляции, стала бы еще более очевидной, если бы мы рассмотрели классификацию согласных более подробно (выделяя такие, например, типы согласных, как вибранты, шлепающие, плавные и другие). Будем иметь это далее в виду.

Обратимся теперь к артикуляторному анализу гласных. Поскольку гласные (если исходить из того, что мы можем четко отличить их от согласных) характеризуются отсутствием в ротовой полости преграды на пути воздушного потока, они не могут быть классифицированы по параметру «место артикуляции», по крайней мере в том смысле, который мы приписывали этому термину, говоря о согласных. Классификация гласных основывается на общей конфигурации ротовой полости. Эту конфигурацию, по сложившейся традиции, принято описывать исходя из следующих трех противопоставлений — закрытые : открытые (или высокие : низкие); передние : задние; огубленные : неогубленные. Каждый из этих трех параметров в принципе имеет континуум значений.

Закрытые (или высокие) гласные образуются при сближенных челюстях (вследствие того, что язык занимает высокую позицию в ротовой полости); образование **открытых (или низких)** гласных, напротив, предполагает

большую степень открытости рта (вследствие низкого положения языка): закрытыми являются, например [i] и [u], открытыми [a], [a.]

Передние гласные образуются при продвижении языка (точнее, высшей точки языка, которая расположена ближе к его корню) в переднюю часть ротовой полости; при образовании задних язык отодвинут в глубь ротовой полости: передними являются, например [i], [a], задними — [u], [a.]

Огубленные гласные предполагают округление губ; неогубленные — их нейтральное положение: огубленными являются, например [u], [o], [ɔ,] неогубленными — [i], [e], [ɛ.] Кардинальный гласный № 5 [a] является максимально открытым и неогубленным.

Остановимся теперь на некоторых существенных моментах, связанных с классификацией гласных по перечисленным параметрам. Во-первых, поскольку значения каждого из этих параметров представляют континуум, различия между любыми двумя гласными по подъему (высокие vs. низкие), ряду (передние vs. задние) и огубленности (огубленные vs. неогубленные) всегда относительны. Для стандартизации их применения к конкретным гласным фонетисты используют систему так называемых кардинальных гласных. Кардинальные гласные не следует отождествлять с гласными какого-то определенного языка: это теоретические точки, к которым опытный фонетист может «привязать» реальные гласные звуки конкретного языка. Он может, например, утверждать, что французский гласный в форме *pie* ‘сорока’, которую мы можем представить в фонетической транскрипции как [pi], ближе к кардинальному гласному [i], чем начальная часть гласного в стандартном произношении английского слова *pea* ‘горох’, который в широкой транскрипции можно также представить как [pi], а в более узкой (учитывающей аспирацию согласного, а также долготу, но не неоднородный, или дифтонгоидный, характер гласного) как [p^hi:]. Восемь первичных кардинальных гласных представлены на рис. 2. О вторичных кардинальных гласных речь пойдет немного ниже. Кардинальные гласные 1, 4, 5 и 8, т. е. [i], [a], [a], [u], рассматриваются как теоретически предельные значения параметров подъема и ряда. Между [i] и [a], а также между [a] и [u], через предположительно равные интервалы, мы находим так называемые полузакрытые, [e], [o], и полуоткрытые, [ɛ], [ɔ], гласные.

Заметим далее, что все передние гласные на рис. 2 являются неогубленными, а все задние (за исключением кардинального гласного № 5 [a]) — огубленными. Из этого не следует, однако, что не существует огубленных передних и неогубленных задних гласных. На самом деле, такие гласные также встречаются. Однако они менее распространены — особенно неогубленные задние гласные — в европейских языках, а МФА и разработанная несколько позже система кардинальных гласных возникли прежде всего на основе материала европейских языков. В действительности же для каждого первичного кардинального гласного существует коррелят среди вторичных кардинальных гласных (огубленных передних и неогубленных задних), которым присвоены номера с 9 по 16. Например, вторичным гласным, коррелирующим с [i] является гласный № 9: перед-

Рис. 2. Первичные кардинальные гласные

ний огубленный [y], к которому приближается гласный, представленный во французском слове *tu* 'ты'; вторичным коррелятом для [u] является № 16: задний неогубленный [ш]; близкий к нему гласный представлен в японском.

Заметим далее, что на рис. 2 гласные расположены по сторонам четырехугольника, основание которого короче, чем вершина. Эта диаграмма схематически отражает тот факт, что по причинам психологического характера как с артикуляторной, так и с перцептивной точки зрения различие по ряду открытых гласных менее значительно, чем различие закрытых гласных по этому же параметру: в частности [a] и [ɑ] различаются меньше, чем [i] и [u]. То же самое можно сказать и об огубленности. Следовательно, [i] отличается от [u] больше, чем [a] от [ɑ] по двум из трех параметров, поскольку противопоставление по огубленности для этих максимально открытых гласных вообще нерелевантно. Неудивительно поэтому, что многие языки имеют асимметричные системы гласных — системы, в которых открытые гласные различаются по меньшему числу параметров, чем закрытые.

И наконец, следует еще раз подчеркнуть, что четырехугольник гласных представляет трехмерный континуум, в пределах которого, если не иметь в виду теоретически идеальную ситуацию, символы МФА для гласных соответствуют не точкам, а областям. Заметим также, что есть такие области, особенно в центральной части четырехугольника, для которых ни МФА, ни система кардинальных гласных не выработали убедительного описания.

Сказанного выше, на наш взгляд, вполне достаточно для того, чтобы составить приблизительное представление о принципах артикуляторной классификации согласных и гласных. Даже столь краткий и фрагментарный обзор этой проблемы позволяет сделать следующее важное наблюдение: и согласные, и гласные, т. е. сегменты речи, можно в принципе

рассматривать как пучки артикуляторных признаков, каждый из которых можно считать конкретным значением определенного параметра. Например, [m] — это звонкий, лабиальный, назальный, смычный, т. е. имеет значение [звонкость] параметра звонкость/глухость, значение [лабиальность] параметра место (первичной) артикуляции, значение [назальный] параметра назальность и значение [смычный] параметра способ артикуляции.

Квадратные скобки, в которых в предыдущем абзаце приводятся термины «звонкий», «лабиальный» и другие, указывают на то, что эти термины используются как обозначения фонетических признаков. В табл. 2 и 3 мы покажем, как некоторые из обсуждавшихся выше согласных и гласных можно представить в виде множеств признаков. Важно иметь в виду, что признаки, поставленные в соответствие одному звуку, реализуются в речи одновременно, а не последовательно. Необходимо также различать, с одной стороны, признаки, которые не зависят друг от друга, и взаимосвязанные признаки, с другой. Так звук не может быть одновременно звонким и глухим или назальным и оральным. В приводимых ниже табл. 2 и 3, чтобы отразить этот факт, мы используем знаки «+» и «-»: признаки [звонкий] и [назальный] мы будем характеризовать как положительные признаки, а вторые члены соответствующих пар, т. е. [глухой] и [оральный] — как отрицательные. Иная ситуация имеет место в том случае, когда речь идет о признаке «место артикуляции». Действительно, если согласный является лабиальным (по месту первичной артикуляции), он не может быть одновременно дентальным или велярным. Однако ни признак [дентальный], ни признак [велярный] нельзя трактовать как отрицание признака [лабиальный]. Поэтому в том случае, если определенное значение параметра «место артикуляции» для определенного согласного отмечено как положительное, все другие его значения, как видно из табл. 2, будут отмечены как нейтральные («0»), а не отрицательные. То же относится к смычным и фрикативным. В табл. 3 учтены только три параметра классификации гласных, а именно те, которые описывают конфигурацию ротовой полости. Впрочем, как следует из сказанного выше, эту таблицу легко расширить, включив в рассмотрение противопоставления «звонкие : глухие» и «оральные : назальные». Табл. 2 и 3 будут очень полезны для наших дальнейших рассуждений.

Обратимся теперь непосредственно к проблеме сегментации. Допустим, нам дан определенный квант речи. Как в этом случае на основании данных артикуляторной фонетики представить его в виде последовательности сегментов? Теоретическое решение этой проблемы кажется довольно простым, однако его трудно реализовать на практике — во многих случаях приходится принимать в значительной мере произвольные решения. Мы устанавливаем границу между сегментами (и тем самым, сегментный состав данного речевого кванта) в тех точках, где меняется значение одного или нескольких артикуляторных параметров: например, [лабиальный] — на [дентальный], [звонкий] — на [глухой], [задний] — на [передний], [назальный] — на [оральный] и так далее. Этот теоретический

Таблица 2

Описание некоторых согласных в терминах артикуляторных признаков. (В таблице приводятся только примеры глухих оральных смычных, тем самым не учитываются аспирированные звонкие смычные, оральные и назальные, а также глухие назальные. Число возможных мест артикуляции сокращено до трех: лабиальные, дентальные и велярные. Данную таблицу можно легко расширить так, чтобы в нее вошли все согласные, представленные в табл. 1 с их аспирированными коррелятами)

Фонетические сегменты / Артикуляторные признаки	p	p ^h	b	m	ф	β	t	t ^h	d	n	θ	ð	k	k ^h	g	ŋ	x	γ
звонкий	-	-	+	+	-	+	-	-	+	+	-	+	-	-	+	+	-	+
аспирированный	-	+	-	-	0	0	-	+	-	-	0	0	-	+	-	-	0	0
назальный	-	-	-	+	0	0	-	-	-	+	0	0	-	-	-	+	0	0
смычный	+	+	+	+	0	0	+	+	+	+	0	0	+	+	+	+	0	0
фрикативный	0	0	0	0	+	+	0	0	0	0	+	+	0	0	0	0	+	+
лабиальный	+	+	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
дентальный	0	0	0	0	0	0	+	+	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0
велярный	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	+	+	+	+	+	+

Таблица 3

Описание некоторых гласных в терминах артикуляторных признаков. (В таблицу не включены гласные [ɛ], [ɔ]. Поскольку в связи с этим нам не нужно различать полуоткрытые и полужакрытые гласные, мы приписываем гласным [e], [o] нейтральное значение признака открытость)

	i	e	a	ɑ	o	u	y	ш
открытый	-	0	+	+	0	-	-	-
задний	-	-	-	+	+	+	+	+
огубленный	-	-	-	-	+	+	-	-

принцип, как уже было сказано, трудно применить на практике, поскольку изменение значения артикуляторного параметра не всегда можно фиксировать достаточно четко, и кроме того, звуковые отрезки между последовательными сменами значений параметров не являются абсолютно статичными⁵⁾. По-видимому, некоторые переходы от одного признака к другому (например, переход к звонкости или аспирации, если мы

⁵⁾ В частности, дифтонги, с фонетической точки зрения, отличаются от так называемых чистых гласных (или монофтонгов) именно тем, что они не являются статичными звуками.

имеем дело с согласными) вообще не имело бы смысла учитывать при сегментации, если бы для этого не было определенных фонологических оснований (см. 3.4). Таким образом, ответ на вопрос, сколько звуков содержит та или иная языковая форма, существенным образом зависит от того, какую фонологическую структуру имеет данная конкретная языковая система или языковые системы вообще. Это положение следует постоянно иметь в виду, когда приходится оперировать с языковыми данными, представленными в фонетической транскрипции.

Одним из недостатков фонетической транскрипции, основанной на алфавитном принципе, является то, что она создает у неспециалистов представление о речи как о цепочке звуков. Тот, кто пользуется фонетическим алфавитом, должен научиться видеть за цепочками символов, описывающими устные высказывания, более сложные структуры. Например, рассматривая форму [tʃmān], необходимо не только уметь разложить [t] на соответствующие одновременно реализующиеся артикуляторные признаки — [глухой], [дентальный] и так далее (это относится и к следующим четырем звукам). Следует сразу же обратить внимание на то, что признак [глухой] распространяется на два первых сегмента, а признаки [звонкий] и [назальный] — на три последующих и так далее. Не следует думать, что признак [глухой] выключается и снова включается между [t] и [ʃ], а признаки [звонкий] и [назальный] — между [m] и [ā] и далее между [ā] и [n]. Если два или более сегментов имеют такой общий признак (и в первую очередь, когда речь идет о признаках согласного, связанных с местом артикуляции), эти сегменты обычно называют **гоморганными** («образованными одним и тем же органом»). Вообще можно сказать, что последовательные сегменты (постольку, поскольку они признаны таковыми на основании описанного выше критерия) имеют тенденцию **ассимилироваться** по способу или месту артикуляции (или по двум этим параметрам одновременно). Данный факт имеет весьма важное значение при фонологическом анализе языков.

Из сказанного выше видно, что любой фонетический признак может распространяться на несколько последовательных сегментов и, в этом смысле, выступать как **супрасегментный**. Например, [звонкий] является супрасегментным для [амба], [назальный] — для [mān] и так далее. В лингвистической практике, однако, термин «супрасегментный» чаще используется в более узком смысле, он применяется к признакам, которые, скорее фонологически, чем фонетически, связаны с параметрами **долготы, тона и ударения**. Мы вернемся к понятию «супрасегментный», в широком и узком смысле, в следующем разделе.

В заключение подчеркнем еще раз, что предлагаемая в этой книге трактовка сегментных и супрасегментных признаков носит сугубо фрагментарный характер. Так, здесь не были упомянуты целые классы потенциальных сегментов: **плавные, глайды, аффрикаты** и другие. Я и не ставил себе целью привести исчерпывающую классификацию артикуляторных переменных. Моя задача сводилась к тому, чтобы дать общее представление о принципах, лежащих в основе такой классификации.

3.4. Фонемы и аллофоны

В дальнейшем мы будем обращаться к фонетике (исследованию звуковых средств языка) лишь постольку, поскольку она связана с **фонологическим** анализом языковых систем. Существует целый ряд фонологических теорий. Эти теории можно разделить на два типа — фонематические и не-фонематические в зависимости от того, рассматривают ли они фонему как базовый элемент фонологического анализа или нет. Среди фонематических теорий особое значение для понимания более поздних теоретических построений в области фонологии имеет так называемая **классическая американская фонемика**, хотя в настоящее время эта теория почти не используется. Однако, будучи концептуально более простой, чем многие другие теории, американская фонемика может служить хорошим введением в круг проблем современной фонологии. Поэтому мы посвятим данный раздел рассмотрению ключевых понятий классической американской фонемики, становление которой относится к периоду после Второй мировой войны. Понятия и термины, к краткому обзору которых мы сейчас переходим, будут несомненно полезны нам и в дальнейшем.

В теории, которую мы сейчас обсуждаем, определение фонемы опирается на два основных критерия: (а) критерий **фонетического сходства** и (б) критерий **дистрибуции** (являющийся частным случаем более общего критерия **функционального контраста** (см. ниже), который используют все фонологические теории). Как мы видели в предыдущем разделе, фонетическое сходство носит относительный характер (т. е. можно говорить лишь о большей или меньшей степени сходства звуков). Кроме того, оно может оцениваться по-разному с точки зрения разных фонетических параметров, иными словами, один звук может обладать сходством по одному или нескольким параметрам с другим звуком и в то же время отличаться от него по иным параметрам, обнаруживая при этом сходство с третьим звуком. На практике это приводит к тому, что в процессе фонологического анализа исследователю часто приходится сталкиваться с возможностью альтернативных решений вопроса о том, какие фонетически сходные звуки следует рассматривать как варианты, или, используя более специальный термин, **аллофоны** одной фонемы. В таких случаях обычно прибегают к разного рода дополнительным критериям (для краткости здесь мы их обсуждать не будем). Однако даже использование дополнительных критериев не всегда позволяет однозначно ответить на вопрос, сколько фонем имеет данный конкретный язык и какими аллофонами они представлены в тех или иных контекстах. Что бы ни говорилось в многочисленных работах того периода, следует признать, что для многих языков классическая американская фонемика не смогла предложить единственно возможного и общепризнанного фонологического описания.

Обратимся теперь к понятию «дистрибуция», которое, как мы увидим далее, актуально не только для фонологии, но также для грамматики и семантики. Если говорить коротко, дистрибуцией языковой сущности называют множество контекстов (т. е. фрагментов предложений опреде-

ленного языка), в которых эта сущность встречается. Термин «сущность» используется здесь в максимально широком смысле. В данном разделе он относится к звукам и фонетическим признакам, с одной стороны, и к фонемам, с другой. Понятие «дистрибуция» связано с понятием правильного построения языковой формы (см. 2.6). В применении к фонологии это означает, что мы должны принимать во внимание не только реально существующие языковые формы, но вообще все фонетически и фонологически правильно построенные формы — как реальные, так и потенциально возможные. Во всех естественных языках представлены часто или не очень часто используемые в речи формы (обычно заимствованные из других языков), которые не соответствуют свойственным данному языку фонологическим моделям; в то же время можно придумать множество форм, которые носитель языка признает потенциально возможными, иначе говоря, соответствующими фонологическим моделям данного языка. Рассмотрим ставший уже классическим пример: [brɪk] является как потенциально возможным, так и реально существующим английским словом, ср. *brick* 'кирпич'; [brɪk] — это потенциально возможная, но реально не встречающаяся форма; *[brɪk] не только не является формой реального английского слова, она, с фонологической точки зрения, неправильно построена (что отмечено звездочкой): в английском нет правильно построенных форм, начинающихся с [brɪ].⁶⁾

Поскольку языки являются системами, организованными в соответствии с определенными правилами, каждая языковая сущность, подчиняющаяся этим правилам, имеет особую дистрибуцию. Мы говорим, что две или более сущности имеют одинаковую дистрибуцию, если они встречаются в одинаковом окружении, т. е. являются взаимозаменяемыми во всех контекстах (удовлетворяющих условию правильного построения). Про сущности, которые являются взаимозаменяемыми в некоторых, но не во всех контекстах, говорят, что они имеют **частично пересекающуюся** дистрибуцию. Тождество дистрибуции, в принципе, можно рассматривать как предельный случай частично пересекающейся дистрибуции: если считать, что понятие «некоторые» включает в себя понятие «все», понятие «тождество дистрибуции» подпадает под модифицированное таким образом понятие «частично пересекающейся дистрибуции». Примем в дальнейшем эту точку зрения. И наконец, про сущности, которые не взаимозаменяемы ни в каких контекстах, говорят, что они находятся в **дополнительной дистрибуции**.

Теперь мы можем применить эти понятия для того, чтобы дать определение фонемы и ее аллофонов. Во-первых, следует заметить, что два звука могут находиться в отношении функционального контраста только тогда, когда они имеют частично пересекающуюся дистрибуцию: в частности, звуки, дистрибуция которых не имеет пересечения, не мо-

⁶⁾ Исключение составляют так называемые беглые, или аллегро-формы, которые выступают в качестве вариантов нормативных форм в быстрой или разговорной речи, например, [bni:θ] является аллегро-вариантом нормативной формы [benei:θ] *beneath* 'ниже'.

гут служить для различения языковых форм. Например, в английском оксфордском произношении представлены несколько фонетически различных [l]-звуков, большинство из которых распределены между двумя классами, импрессионистически обозначаемыми как светлые и темные [l]. [l]-звуки из разных классов имеют одно и то же место первичной артикуляции, но при этом различаются положением языка в ротовой полости, а именно тем, продвинут ли язык вперед или, напротив, отодвинут назад. Светлые и темные [l] никогда не встречаются в одинаковых позициях: светлые [l] выступают перед передними гласными в пределах одного слова, темные — во всех прочих позициях. Поэтому замена темного [l] на светлое, например в слове *feel* 'чувствовать' не может превратить его в другое слово (хотя может придать этому слову ирландский или французский акцент); аналогично, замена светлого [l] на темное, например в слове *leaf* 'лист', также не может превратить его в другое слово, реально существующее или потенциально возможное. Иными словами, поскольку все [l]-звуки, и светлые, и темные, находятся в дополнительной дистрибуции, они не могут находиться в отношении функционального контраста. Таким образом, они удовлетворяют обоим упомянутым в определении фонемы условиям: условию фонетического сходства и условию дополнительной дистрибуции, — и в силу этого должны рассматриваться как аллофоны одной фонемы, т. е. как ее фонетически различные позиционные варианты. Необходимое свойство фонологических элементов состоит в том, что они должны создавать функциональный контраст по крайней мере в каких-то позициях в языковой системе.

Аллофоны имеют особый, предфонемный статус. Тем не менее их дистрибуция определяется языковыми правилами, и с этой точки зрения они принадлежат языковой системе, поскольку она реализуется в звуковой субстанции. Но они не являются элементами языковой системы. Элементами языковой системы (согласно фонематическим теориям фонологии) являются ее фонемы. Фонемы, по сложившейся традиции, обозначаются буквенным символом (возможно с соответствующими диакритическими знаками), используемым в широкой транскрипции для одного из ее фонетически выделяемых аллофонов, который заключается в косые скобки. Например, английская фонема /l/ имеет в качестве аллофонов множество фонетически различных звуков, которым при необходимости можно дать разное описание в узкой транскрипции. Таким образом, мы получили еще одно средство описания языковых форм — их фонематическое или, если придать косым скобкам более общее значение (что мы и сделаем в этой книге), фонологическое описание. Необходимо еще раз подчеркнуть, что, как следует из сказанного выше, фонематическое представление нельзя отождествлять с широкой фонетической транскрипцией.

Заметим также следующее. Очень часто в лингвистических учебниках встречается неточное, если не сказать абсурдное, определение принципа функционального контраста. Например, часто говорят о том, что замена светлого [l] на темное [l] в слове *feel* не меняет значения этого слова, тогда как замена [l] на [ɹ] в слове *lamb* 'овца' превращает его в другое слово —

ram 'баран'. Строго говоря, это неверно. Подстановка [r] на место [l] в *lamb* меняет его форму, а не значение: она меняет форму *lamb* на форму *ram*. Действительно, "lamb" и "ram" имеют разное значение, и, следовательно, высказывания, содержащие эти слова, (обычно) также будут различаться по значению. Однако отнюдь не чрезмерный педантизм заставляет меня обратить внимание на подчас неточное понимание принципа «функционального контраста». Различие формы не всегда предполагает различие значения (вспомним в связи с этим о феномене синонимии). С другой стороны, различие значений не является единственным критерием, на основе которого мы констатируем различие форм. Вопрос о том, возможно ли, чтобы различие форм не было каким-то образом связано с различием значений, является спорным. Ответ на него в значительной степени зависит от того, как определить понятие «значение». Однако несомненно, что в основе своей принцип функционального контраста относится к идентичности и различию форм, а не к идентичности и различию значений.

Частично пересекающаяся дистрибуция является необходимым, но не достаточным условием функционального контраста. Фонетически различные звуки речи часто являются взаимозаменяемыми в некотором контексте, находясь при этом в отношении свободного варьирования, а не в отношении функционального контраста. Например, [ʔ] и [t] выступают как свободные варианты в речи многих носителей оксфордского произношения в формах типа *brightness* 'яркость', [...ʔn...] vs. [... tn...], или *that bloke* 'тот человек (просторечн.)', [...ʔb...], vs. [... tb...], т. е. перед смычными согласными, как оральными, так и назальными. В данном случае замена одного звука другим не превращает *brightness* или *that bloke* в какие-либо другие формы. Эта замена может вообще остаться незамеченной. В ряде случаев, которые фонематический анализ квалифицирует как свободное варьирование, выбор того или иного варианта произношения определяется разного рода стилистическими факторами. В фонематическом анализе «функциональный контраст» практически сводится к различительной функции, т. е. к функции различения языковых форм. Вопрос о том, должно ли фонематическое описание, как считали представители Пражской школы, учитывать стилистические варианты, является дискуссионным (см. 7.3).

Одним из самых ранних и наиболее значительных достижений фонологии стало открытие того факта, что звуки, находящиеся в отношении функционального контраста в одном языке, могут находиться в отношении дополнительной дистрибуции или свободного варьирования в другом. Например, [ð] и [d] в английском находятся в отношении функционального контраста, ср., *there* 'там' vs. *dare* 'смесь', а в кастильском диалекте испанского — в отношении дополнительной дистрибуции (а в некоторых случаях, возможно, выступают как стилистические варианты), ср., *nada* [naða] 'ничто' vs. *dos* [dos] 'два'. Примеры такого рода очень многочисленны. Важно отметить, что языки существенно различаются тем, какие фонетические средства они используют для построения устных форм,

из которых создаются предложения. Это положение является универсальным, иными словами, не зависит от конкретной фонологической теории, в рамках которой оно сформулировано.

3.5. Различительные признаки и супрасегментная фонология

В соответствии с классической американской фонемикой, основные положения которой мы рассмотрели в предыдущем разделе, фонемы являются минимальными фонологическими элементами языковых систем. Иная точка зрения была предложена Трубецким, одним из основателей Пражской лингвистической школы, которая создала свою версию сосюррианского структурализма, оказавшую в 1930-е гг. значительное влияние особенно на фонологию и стилистику (см. 7.3). Ключевое положение Пражской школы в области фонологии состоит в том, что фонемы, будучи минимальными сегментами языковых систем, все же не являются их минимальными элементами: фонемы представляют собой пучки (или множества) одновременно реализующихся **различительных признаков**. Это представление, впоследствии несколько модифицированное, в 1960-е гг. легло в основу **генеративной грамматики**, вытеснив в процессе все большей ее формализации основные положения классической американской фонемике, с которой генеративная грамматика, как часть **постблумфилдской лингвистики**, была первоначально тесно связана (см. 7.4). В предлагаемом ниже изложении теории различительных признаков мы отметим и основные этапы ее становления.

Термин «различительный» относится к тому аспекту отношения функционального контраста, который связан с различием языковых форм (см. 3.4). Фонологи Пражской школы уделяли много внимания также другим фонологическим функциям, однако эти проблемы в данный момент нас интересовать не будут. В разделе (3.3), посвященном артикуляторной фонетике, мы уже познакомились с термином «признак». Теперь, основываясь на том, что было сказано в предшествующих двух разделах, можно перейти непосредственно к рассмотрению основных положений теории различительных признаков.

Звуки речи могут быть представлены в виде множеств фонетических признаков. Выше мы имели дело с артикуляторными признаками, однако с тем же успехом мы могли бы рассматривать акустические и, вообще говоря, перцептивные признаки. Такая же ситуация характерна и для теории различительных признаков, которая ориентируется как на артикуляторные, так и на акустические признаки. Поскольку в принципе фонология, в отличие от фонетики, не опирается на звуковую субстанцию языка непосредственно (хотя не все теории различительных признаков разделяют столь абстрактный подход), можно исходить из того, что фонологические признаки не являются ни обязательно артикуляторными, ни обязательно акустическими, а связаны (довольно сложным образом) одновременно

с теми и другими; и возможно, когда перцептивная фонетика достигнет соответствующего уровня, будут связаны также и с перцептивными признаками. Для простоты изложения, однако, мы будем здесь пользоваться артикуляторными ярлыками. Чтобы различать, идет ли речь о фонологических или о фонетических признаках, мы будем заключать фонологические признаки в косые скобки, а фонетические — в квадратные. Такой способ обозначения не является общепринятым, однако он способствует достижению концептуальной ясности и позволяет постоянно держать в поле зрения некоторые существенные теоретические противопоставления. Так, если звук [p] можно описать, как видно из табл. 2, как множество следующих фонетических признаков: { [+ лабиальный], [+ смычный], [– звонкий], [– назальный]}; фонема /p/, скажем, в английском, может быть представлена как {/+ лабиальный/, /+ смычный/, /– звонкий/}.

На первый взгляд может показаться, что мы перешли от фонетики к фонологии с помощью чисто технического приема — замены одного вида скобок другим. Следует заметить, однако, что различительными для английской фонемы /p/ признаны три, а не четыре признака. В соответствующем списке отсутствует признак /– назальный/, поскольку отсутствию назальности в английском (но не во всех языках) предсказуемо на основании отсутствия звонкости. Признак /– назальный/ войдет в число различительных признаков английской фонемы /b/, поскольку он имеет различительную функцию в *ban* ‘запрет’ vs. *man* ‘человек’, *sub* ‘шенок’ vs. *come* ‘приходить’ и в других случаях. Следует также принять во внимание тот факт, что данное артикуляторное описание [p], является неполным, так как учитывает только те признаки, которые мы включили в табл. 2. В общем случае число различительных признаков, определяющих фонему, гораздо меньше числа фонетических признаков, определяющих любой из ее аллофонов. Например, английская фонема /p/ имеет среди своих аллофонов аспирированный, глухой, билабиальный, оральный, смычный [p^h], более полное описание которого должно учитывать не только наличие аспирации, но и степень интенсивности воздушного потока, разрывающего образованную губами смычку, длительность смычки и аспирации, а также целый ряд других признаков. Только с учетом всех этих признаков мы можем установить, что речь идет именно об английском [p^h] в определенной позиции (и в конкретном варианте английского произношения). Однако ни один из этих признаков не является различительным, поскольку его изменение не может превратить фонетическую реализацию одной английской формы в фонетическую реализацию другой формы.

Совсем иначе дело обстоит с тремя признаками, которые выше были признаны компонентами /p/: /+ лабиальный/ (соответствующий фонетическому признаку [+лабиальный]) отличает произношение формы *pin* ‘булавка’ от произношения форм *tin* ‘олово’, *kin* ‘родня’ и так далее; /+ смычный/ различает *pat* ‘шлепок’ и *fat* ‘жирный’ (поскольку в английском нет лабиальных фрикативных, исключение составляют аллофоны /p/ в некоторых позициях, а также лабиодентальных смычных, /f/ и /v/

могут рассматриваться как имеющие признак /+ фрикативный/ соответствия /p/ и /b/), а также формы *tick* 'наволочка' и *sick* 'больной' и *thick* 'толстый'; /- звонкий/, в соответствии с традиционной точкой зрения, различает *pin* 'булавка' и *bin* 'ларь', или *pat* 'шлепок' и *pad* 'подушка'. Предполагается, что признак, который различает английские /p/, /t/, /k/, /s/, /θ/ и т. д., с одной стороны, и /b/, /d/, /g/, /z/, /ð/ и т. д. — с другой, следует относить не к параметру звонкость/глухость, а к некоторому другому параметру, среди значений которого, наряду с иными, представлены значения «глухость» или «аспирированность» (а возможно, и оба эти значения). Независимо от того, какую точку зрения мы примем в этом вопросе, очевидно, что при описании английского языка в терминах различительных признаков нет необходимости использовать одновременно признаки /+ аспирированный/ и /- звонкий/.

Выше, при описании отношений между фонемами и составляющими их различительными признаками я использовал термин «аллофон». На самом деле, в теории различительных признаков понятие аллофонического варьирования трактуется совсем иначе, чем в фонематических теориях. Это в принципе ставит под сомнение целесообразность использования данного термина в теории различительных признаков. Описание фонем в терминах различительных признаков предполагает, что любые две фонемы одного языка отличаются хотя бы одним признаком; причем множество различительных признаков, соответствующих конкретной фонеме, не меняется в зависимости от ее позиции. То, что в классической американской фонемике описывается как аллофоническое варьирование, в теории различительных признаков (и особенно в рамках генеративной грамматики) описывается при помощи правил, которые преобразуют минимальные множества фонологических признаков, достаточных для различения одной фонемы от другой, в фонетические признаки (/+ лабиальный/ → [+ лабиальный], /+ звонкий/ → [+ звонкий] и т. д.) и добавляют к полученному таким образом множеству фонетических признаков в зависимости от контекста те или иные дополнительные фонетические признаки. Например, фонетический признак [+ аспирированный] будет добавлен, для того чтобы описать фонетическую реализацию английской фонемы /p/ в начальной позиции в слове (в частности, в *pit* 'яма' или *pot* 'горшок'), за исключением тех случаев, когда она следует за /s/ (ср., *spit* 'плевать' и *spot* 'пятно'), тогда как фонетический признак [- звонкий] будет присутствовать во всех позициях.

Как отмечалось в предыдущем разделе, языки существенно различаются тем, какие фонетические признаки они выбирают в качестве различительных, а какие, если такие вообще имеются, трактуют как не имеющие различительной функции. Этот выбор не зависит от конкретной фонологической теории. В конце концов то, что признак [+ аспирированный] является различительным в хинди и пекинском диалекте китайского языка, а французские гласные противопоставляются одновременно по ряду и огубленности, и далее, что во многих языках австралийских аборигенов противопоставление по назальности, а не про-

тивопоставление по звонкости/глухости (как в большинстве европейских языков) различает большинство фонем, — это эмпирически установленные факты. Замечу, однако, что в каждом из этих случаев я пользовался терминами «аспирированный», «передний», «задний», «назальный», которые актуальны также для описания сотен, и даже тысяч, других языков. Сама по себе теория различительных признаков не ограничивает числа потенциально возможных признаков, из которых каждый язык выбирает свой уникальный инвентарь, используя его непредсказуемым образом для построения фонем. Однако, согласно последним версиям теории различительных признаков, предполагается, что в действительности фонологические системы всех естественных языков можно вполне удовлетворительно описать исходя из очень ограниченного инвентаря потенциально возможных различительных признаков. В таком инвентаре их будет, по-видимому, немногим более десятка. Следует добавить также, что эта гипотеза имеет достаточно солидную эмпирическую базу. Действительно, существует множество физиологически возможных фонетических признаков, которые, насколько известно, не используются в качестве различительных ни в одном языке. Существует также множество физиологически вполне приемлемых комбинаций признаков, которые тем не менее реально встречаются очень редко или вообще не встречаются. По предположению Хомского, эта ситуация объясняется тем, что на фонологическую, как и на синтаксическую и семантическую структуру естественных языков существенно влияет особая предрасположенность человека обращать внимание на одни противопоставления и игнорировать другие (см. 7.4).

Одним из наиболее значительных преимуществ теории различительных признаков, в сравнении с классической американской фонемикой, стало то, что она смогла сформулировать принципы построения правильных последовательностей фонем, актуальные для многих языков. Например, в английском между /s/ и /r/ в начале слова встречаются /p/, /t/, /k/, но не /b/, /d/, /g/ (ср. *spray* ‘распылять’, *stripe* ‘полоса’, *scratch* ‘царапина’ vs. */sbr-/, */sdr-/, */sgr-/). Это лишь один из контекстов, в которых /p/, /t/, /k/ взаимозаменяемы, а /b/, /d/, /g/ нет. Оказалось, что эту особенность дистрибуции двух наборов фонем можно объяснить с помощью одного (фонетически мотивированного) правила, учитывающего противопоставление /- звонкий / vs. /+ звонкий/. Другой пример: замена /n/ на /m/ перед /p/, /b/, /m/ объясняется наличием среди различительных признаков /p/, /b/, /m/ признака /+ лабиальный/; аналогично замена /n/ на /ŋ/ перед /k/, /g/ — наличием признака /+ веллярный/ у /k/, /g/. Таким образом, в обоих случаях мы имеем дело с ассимиляцией соседних фонем: ср., например, *unproductive* ‘непродуктивный’ [mp], *unbeatable* ‘небитый’ [mb], *unmistakable* ‘безошибочный’ [mm], *uncouth* ‘неловкий’ [ŋk], *unguarded* ‘беспечный’ [ŋg]. (В перечисленных случаях английская орфография не отражает этого процесса, в отличие от следующих слов латинского происхождения *imponderable* ‘несущественный’, *imbued* ‘насыщенный’, *immutable* ‘неизменный’.) Вообще ситуация, когда определенный признак,

например /+ лабиальный/, /+ звонкий/, /+ назальный/ выступает в некоторых контекстах как **супрасегментный**, т. е. распространяется на два или более (фонемных) сегмента, является вполне обычной.

В связи с этим возникает вопрос, может ли некоторый признак функционировать в конкретном языке только как супрасегментный. Оказывается, такого рода случаи не только теоретически возможны, но реально представлены во многих языках. Примером может служить так называемая **гармония гласных**. Так, в турецком гармония гласных связана с противопоставлением /+ задний/ vs. /- задний/, а также /+ лабиальный/ vs. /- лабиальный/. За рядом исключений (большинство из которых составляют заимствования) каждая последующая гласная в турецком слове должна уподобляться предыдущей по признакам /+ задний/ или /- задний/, а также по признакам /+ лабиальный/ или /- лабиальный/ (с поправкой на дополнительное условие, которое исключает возможность комбинации признаков /+ лабиальный/ и /+ открытый/ во всех слогах, кроме первого). Независимо от того, насколько длинным является турецкое слово (а в силу определенных особенностей грамматической структуры в турецком существует много длинных слов) признаки /± задний/, а также /± лабиальный/ обычно распространяются на все слово, т. е. являются супрасегментными.

Для обозначения супрасегментных признаков такого рода так называемая **просодическая теория фонологии** использовала термин **просодии**, который традиционно относят к несколько иному кругу явлений. Просодическая фонология, разработанная представителями Лондонской лингвистической школы, имеет много общего с позднейшими версиями теории различительных признаков. К сожалению, различия в терминологии, а также в некоторых общих теоретических установках, мешают заметить это сходство. Принципиальное различие между первоначальной версией теории различительных признаков и просодической теорией состоит в том, что первая по сути своей является все же фонематической, или сегментной, теорией и в этом отношении близка классической американской фонемике. Просодическая теория, напротив, настаивает на равном и взаимодополняющем статусе фонематических (сегментных) и просодических (супрасегментных) элементов в фонологическом инвентаре языка. Не отрицая того, что (по причинам фонетического характера) одни признаки чаще функционируют как сегментные, а другие — как супрасегментные, эта теория подчеркивает, что каждый язык в принципе свободен в выборе супрасегментных средств.

Необходимо пояснить, что термин «супрасегментный» используется здесь в нетрадиционном смысле. Чаще всего лингвисты применяют его для обозначения таких явлений, как ударение, тон, и долгота, которые составляли сложную проблему для американской фонемики, поскольку она исходила из того, что структуру слов и предложений можно исчерпывающим образом представить в виде последовательности фонологических элементов.

Однако различия в ударении между существительным *import* и глаголом *import* в английском (первое слово имеет ударение на начальном слоге, второе — на конечном) едва ли естественно трактовать как различие в составе сегментных фонем этих форм. Это объясняется двумя, до некоторой степени независимыми, причинами. Первая состоит в том, что феномен ударения по сути своей предполагает большую выделенность одного слога по сравнению со всеми другими слогами той же формы (или соседних форм). Вторая причина связана с тем, что фонетическая реализация ударения, в отличие от фонетической реализации сегментных фонем, не может быть определена как предшествующая или следующая во времени за реализацией соседних фонологических элементов. Понятно, что различия в ударении можно в принципе описать как различия в фонематическом представлении, приняв условное решение поместить «фонему-ударение» до (или после) гласной фонемы, соответствующей в фонетической реализации ядру ударного слога. Хотя процедура сегментации в фонологии всегда допускает возможность принятия, если необходимо, произвольных решений, степень произвольности в случаях, подобных рассмотренным выше, является признаком неадекватности той теоретической схемы, в рамках которой осуществляется фонологический анализ.

Все сказанное по поводу ударения можно в полной мере отнести и к тону, который во многих языках (так называемые **тоновые языки**) служит для различения языковых форм приблизительно так же, как ударение различает (хотя и не очень часто) английские формы. Относительно противопоставления по долготе заметим следующее. Наряду с долгими гласными в языках встречаются и долгие согласные. Причем в конкретном языке может существовать зависимость между долготой гласного и долготой согласного. Даже в английском (в оксфордском произношении) долгота гласных в пределах одного слога варьируется в зависимости от качества следующего согласного. Те гласные, которые традиционно относят к долгим, как полагают некоторые исследователи, фонетически реализуются как более короткие сегменты, если за ними следует /– звонкий/ смычный: так, гласный сегмент в *seat* ‘место’ фонетически короче, чем гласные сегменты в *seed* ‘семя’ или *see* ‘видеть’. Более того, в этом случае в фонетической реализации фонологически долгий гласный может оказаться короче даже, чем фонологически краткий гласный, представленный, например, в *sit* ‘сидеть’. Эти примеры приведены не только для того, чтобы показать, что существует различие между фонологической долготой и фонетической длительностью, но и для иллюстрации более общего тезиса — тезиса о сложном соотношении фонологического анализа и фонетической транскрипции.

3.6. Фонологическая структура

Этот очень короткий раздел посвящен очень обширной теме. Наша цель состоит в том, чтобы, во-первых, объяснить, какой смысл вкладывается в данном контексте в термин «структура», и во-вторых, чтобы

показать, что задача фонологического анализа не сводится лишь к установлению инвентарей сегментных и супraseгментных элементов.

Если исходить из того, что мы уже фиксировали некоторым образом инвентарь фонологических элементов конкретного языка, описание фонологической структуры языка предполагает описание отношений между фонологическими элементами как таковыми, а также между их множествами, и кроме того, описание более сложных фонологических комплексов форм или других грамматических единиц.

Можно различать два типа отношений между фонологическими элементами. В сосюррианской традиции они называются «синтагматическими» и «парадигматическими». Термин «синтагматический» этимологически связан с термином «синтаксический». Однако его не в коем случае нельзя отождествлять с последним. «Синтагматический» означает просто «комбинаторный». Поскольку термин «парадигматический» с исторической точки зрения вполне объяснимый и широко использующийся в литературе, потенциально может вызывать нежелательные ассоциации, здесь и в дальнейшем я буду заменять его термином «субституциональный», за исключением тех случаев, когда речь будет идти собственно о сосюррианском структурализме и где я буду говорить о синтагматических и парадигматических отношениях. Синтагматические отношения — это отношения между элементами, которые сочетаются друг с другом в правильно построенных синтагмах. Парадигматические отношения — это отношения между элементами, которые в определенных точках синтагмы могут заменять друг друга. Одно из наиболее значительных достижений Соссюра, как мы увидим ниже, в главе, посвященной структурализму, состоит в том, что в начале XX в. он показал, что синтагматические и парадигматические отношения находятся в тесной взаимосвязи (см. 7.2).

Как мы установили выше, языковые системы фонологически различаются не только по числу элементов, входящих в их инвентари (и фонетической реализацией этих элементов), но и синтагматическими отношениями, которые задают правильно построенные комбинации этих элементов (т. е. фонологические синтагмы). Будем считать для простоты, что фонологические синтагмы можно представить как последовательности фонем. При этом известно, что в языках существуют весьма жесткие ограничения на сочетаемость фонем в пределах одной синтагмы. Правила, обеспечивающие такого рода ограничения, должны описывать, какие элементы и в какой последовательности могут встречаться в правильно построенных синтагмах того или иного языка.

Однако не только это входит в круг задач фонологического описания. Термин «синтагма», который мы только что использовали, сам по себе предполагает, что существуют также единицы большей длины, которые также состоят из фонологических элементов. Менее ясен вопрос о том, существуют ли во всех (или по крайней мере в некоторых) естественных языках чисто фонологические синтагмы, такие, например, как слог (или имеющие большую длину), которые следует учитывать при описании фонологической структуры конкретного языка и которые

могут быть выделены без обращения к синтаксической структуре данного языка. Оказывается, что ограничения на сочетаемость согласных в английском гораздо проще сформулировать, используя понятие слога, конкретнее — учитывая принадлежность согласных к одному или разным слогам. Это предполагает, однако, наличие сколько-нибудь удовлетворительного с теоретической точки зрения определения слога как особой фонологической сущности. Лингвисты до сих пор расходятся во мнении относительно возможности и необходимости введения слога и других чисто фонологических синтагм в описание структуры английского и других языков. По-видимому, это связано с тем, что чисто фонологические синтагмы представлены в одних языках и отсутствуют в других.

Меньше разногласий в настоящее время вызывает вопрос о необходимости ссылаться на синтаксические единицы при фонологическом анализе языков, или, используя более современную терминологию, о необходимости интеграции фонологических и синтаксических правил. Во многих, если не во всех естественных языках, существуют межуровневые зависимости разного рода, которые являются такой же составной частью языка, как собственно фонологические или собственно синтаксические отношения. На самом деле, в неявном виде мы уже ввели представление о межуровневых зависимостях в предыдущих разделах. Так, мы не только сформулировали принцип фонологически правильного построения применительно к языковым формам (т. е. к фонологическим синтагмам, которые выступают одновременно и как синтаксические единицы, см. 2.6), но также часто ссылались на позицию фонемы — начальную, срединную, конечную — в слове, а слова, как двухсторонние единицы (единицы, имеющие определенную форму и определенное значение), являются подклассом языковых форм.

Взаимозависимость синтаксиса и фонологии, однако, более значительна, чем можно предположить. Существуют стыковые явления, такие, например, как *льезон* во французском, описание которого требует не только учета межсловных границ, но и наличия (или отсутствия) синтаксических связей между соседними словами: ср., например, вставку [z] в [lezɔ̃] *les hommes* 'эти мужчины' или [zəlezɛvy] *Je les ai vu* 'Я их видел', с одной стороны, и отсутствие льеzona в [dɔ̃nleamari] *Donne-les à Mari* 'Дай их Мари'. Многие явления в невербальном компоненте устных языков, которые мы назвали просодическими (см 1.5), и прежде всего ударение и интонацию, нельзя описать, не очертив синтаксически сферу их действия. Тем не менее они являются одновременно и фонологическими явлениями в том смысле, что используют сегментные и супraseгментные элементы языковой системы. Как уже было сказано, поскольку эти просодические элементы фактически не имеют соответствий в письменном языке, устная и письменная формы языка неизоморфны. Таким образом, понятно, что, поскольку существуют синтаксически (и семантически) значимые фонетические различия, которые нельзя трансформировать в графическое представление языка, устный и письменный язык будут обязательно различаться в синтаксическом и семантическом отношении.

Дополнительная литература

Большинство работ общего характера, помеченные в библиографии звездочкой, содержат главы, посвященные фонетике и фонологии. Полезны вводные курсы:

Crystal 1975, 167–187; *Fudge* 1970; *Henderson* 1971. Более подробное изложение проблем фонетики и фонологии можно найти в работах:

- (а) фонетика: *Abercrombie* 1966; *Fry* 1977; *Ladefoged* 1974, 1975; *Malmberg* 1963; и для более продвинутого читателя — *Brosnahan & Malmberg* 1970; *Catford* 1977; *Malmberg* 1968;
- (б) фонология: *Fischer—Jørgensen* 1975; *Sommerstein* 1977.

Следующие работы содержат описание основных проблем фонологии в теоретическом и практическом плане: *Bolinger* 1972; *Fudge* 1973; *Jones & Laver* 1973; *Makkai* 1972; *Palmer* 1970.

Упражнения по фонологическому анализу: *Langacker* 1972, глава 4; *Robinson* 1975.

Акустическая фонетика: *Fry* 1979; *Ladefoged* 1962.

Об английской фонетике (особенно об оксфордском произношении): *Brown* 1977; *Gimson* 1970; *Jones* 1975.

Генеративная фонология: вводные сведения — *Akmajian, Demers & Harnish* 1979; *Fromkin & Rodman* 1974; *Smith & Wilson* 1979; более подробное описание — *Hyman* 1975; *Kenstowicz & Kisseberth* 1979; *Schane* 1973; классическая работа — *Chomsky & Halle* 1968.

Просодическая фонология: *Lyons* 1962; *Palmer* 1970; *Robins* 1979a, раздел 4.4.

Пражская фонологическая школа: классическая работа — *Trubetzkoy* 1939; смежные и более частные проблемы рассматриваются в работах: *Jakobson* 1973; *Vachek* 1964, 1966. Близкой к Пражской школе во многих отношениях является работа *Martinet* 1966.

Вопросы и упражнения

1. «Средство выражения... это еще не язык, а транспортное средство, которым пользуется язык» (*Abercrombie* 1967, 2). Обсудите.
2. Чем фонетика отличается от фонологии?
3. Назовите три основных направления фонетики.
4. «...ребенок практически без посторонней помощи, без сложных технических устройств или специальной тренировки, имея возможность анализировать очень ограниченный спектр звуков речи, легко справляется с одной из сложнейших задач современной фонетики — с задачей интеграции в высшей степени разнородной информации, которой оперируют три основных ее направления» (с. 68). Объясните и обсудите.
5. Объясните и приведите свои собственные примеры (а) омофонии и (б) омографии.
6. «То, что мы называем „речевым аппаратом“ или „органами речи“... по своей первичной функции таковыми вовсе не являются» (*O'Connor* 1973, 22). Обсудите.

7. Чем отличаются (а) гласные от согласных и (б) смычные от фрикативных с точки зрения артикуляторной классификации звуков речи?
8. Какие общие артикуляторные признаки имеют следующие множества звуков: (i) [p], [b], [m]; (ii) [p], [t], [k]; (iii) [θ], [ʃ], [s], [ð] (iv) [m], [n], [ŋ]?
9. Перечислите восемь первичных кардинальных гласных. Какова цель этой классификации?
10. Запишите в символах МФА: (а) закрытый передний огубленный гласный; (б) велярный назальный смычный; (в) звонкий дентальный фрикативный; (г) глухой лабиальный оральный смычный.
11. Запишите в широкой фонетической транскрипции ваш вариант произношения форм *asking, anguish, bathing, brother-in-law, buses, cloth, clothes, daughters, finger, found, gloves, king, months, operation, persuade, return, theatre, upstairs, without*.
12. Опишите для приводимых ниже форм, записанных в фонетической транскрипции, (путем перехода от буквенной к знаковой записи, см. с. 79) все последовательности гомогенных признаков в терминах классификаций согласных и гласных, представленных в разделе 3.3, и укажите область их распространения. (Например, в форме [amba] фонетический признак [звонкий] распространяется на все четыре сегмента, а признак [лабиальный] только на два [mb]); (i) [indi]; (ii) [mãncŋ]; (iii) [pətɛtj]; (iv) [ɫpti]; (v) [aŋkara].

ГРАММАТИКА

4.1. Синтаксис, словоизменение и морфология

Начнем с того, что термин «грамматика» здесь и далее мы будем использовать в очень узком смысле, противопоставляя грамматику фонологии, с одной стороны, и семантике, с другой, за исключением выражений «традиционная грамматика» и «генеративная грамматика». Это одна из наиболее традиционных трактовок этого термина, в наибольшей степени соответствующая понятию «грамматичный». В настоящее время термин «грамматика» часто распространяют не только на фонологию, но даже на семантику. Такая практика иногда вводит в заблуждение.

До сих пор мы исходили из того, что языки имеют двухуровневую структуру: фонологию и синтаксис. В дальнейшем, если мы не предполагаем расширить наше определение фонологии и синтаксиса, это положение придется несколько модифицировать. Как было показано выше, в некоторых, а возможно во всех, естественных языках существуют межуровневые зависимости, которые не позволяют провести четкую границу между фонологической и синтаксической структурой. Далее мы увидим, что по крайней мере в некоторых языках существует своего рода пробел между синтаксисом (в традиционном понимании) и фонологией. Этот пробел в традиционной грамматике заполняет «словоизменение»¹⁾.

Все стандартные словари европейских языков, древних и современных, построены на основе противопоставления синтаксиса и словоизменения. Именно такое представление о языке мы получаем в школе. Даже если сами термины «синтаксис» и «словоизменение» встретились нам впервые, мы легко понимаем их, опираясь на свой практический опыт. Мы все привыкли пользоваться понятием «слово», употребляя его

¹⁾ Вопреки представлению, которое мы встречаем во многих лингвистических учебниках, в традиционной грамматике «синтаксису» противопоставлено именно «словоизменение», а не «морфология». Термин «морфология» имеет сравнительно позднее происхождение. Кроме того, противопоставление морфологии, особенно если она определена на основе еще более позднего понятия «морфема», синтаксису формирует очень нетрадиционное представление о грамматической структуре языков. Несмотря на ряд несомненных недостатков, в этом конкретном вопросе традиционная грамматика, по-видимому, не так уж неправa. Традиционная точка зрения, если ее должным образом объяснить и четко сформулировать, имеет такое же право на существование, как и любая другая.

при этом, как и традиционная грамматика, в двух совершенно разных смыслах. Обратимся поэтому прежде всего к понятию «слово».

Сколько слов в английском языке? Этот вопрос можно понимать по-разному. В одной его интерпретации *sing* 'пою', *sings* 'поет', *singing* 'поющий', *sang* 'пел', *sung* 'спетый' считаются разными словами. В другой — они рассматриваются как разные формы одного слова, а именно слова "sing". Когда спрашивают о количестве слов в определенном словаре, мы понимаем, что термин «слово» используется во втором смысле. С другой стороны, если нас просят написать сочинение объемом 2000 слов, мы ориентируемся на первую его интерпретацию, более того, мы будем отдельно учитывать при подсчете каждое конкретное вхождение *sing*, *sings* или *singing*.

Введем несколько терминов, которыми мы сможем воспользоваться при необходимости, чтобы различить два смысла термина «слово». Мы будем говорить, что *sing*, *sings*, *sang* и так далее являются словоформами (т. е., что это формы, которые в то же время являются словами); мы уже встречались с этим термином в предыдущих разделах. Будем говорить также, что "sing" — это лексема (или словарное слово), формами которого являются *sing*, *sings*, *sang* и так далее. Традиционно эти формы описываются как формы словоизменения. При этом *sing* среди других форм лексемы "sing" занимает привилегированное положение: она одновременно является стандартной представляющей формой и тем, что многие лингвисты считают исходной формой. Различие между представляющей и исходной формами не менее важно, чем различие между любой из них и соответствующей лексемой. Представляющая форма — это форма, которая используется как имя всей лексемы, именно эта форма лексемы представлена в привычных нам словарях, где лексемы перечисляются в алфавитном порядке. Исходная форма — это одна из форм лексемы (при условии, что такую вообще удастся выбрать), от которой по морфологическим правилам данного языка образуются все остальные ее формы. Представляющая форма не совпадает с исходной, по крайней мере для глаголов, во французском, немецком, русском и в большинстве современных европейских языков, а также для всех глаголов, для большинства существительных и прилагательных в латинском и греческом.

В дальнейшем, как и раньше, мы будем выделять формы курсивом (без угловых скобок, см. 3.2), однако в отдельных случаях будет использоваться фонологическая или фонетическая запись. Формы как таковые могут различаться в зависимости от их фонетического окружения — степень и характер этих различий определяются фонологическими правилами конкретного языка. Среди фонетических вариантов каждой формы также можно выделить представляющую форму, которая будет служить представителем соответствующего множества форм-вариантов; термин «представляющая форма» часто используется лингвистами, особенно фонетистами, именно в этом смысле. Например *come* 'прихожу' и *came* 'пришел' (формы лексемы "come") в представляющей форме в нормальном случае произносятся с конечным билабиальным назаль-

ным [m], однако перед лабиодентальными [f], [v] мы находим в конечной позиции лабиодентальный назальный [m̥].

Такого рода вариативность, вообще говоря, имеет дофонемный статус, поскольку противопоставление «билабиальный vs. лабиодентальный» в английском не является фонологически значимым. Впрочем, в классической американской фонемике некоторым контекстно обусловленным вариантам придается фонематический статус. В настоящее время, особенно в генеративной фонологии, принято говорить о порождении всех фонетических вариантов из одной общей глубинной формы, которая либо совпадает с представляющей формой, либо более близка к ней, чем все другие формы-варианты.

Теперь, опираясь на противопоставление лексемы и ее форм, традиционное различие между синтаксисом и словоизменением можно описать следующим образом. Синтаксис и словоизменение, взаимодополняя друг друга, образуют то, что мы называем грамматикой. Они вместе определяют грамматичность (иначе говоря, правильное, с грамматической точки зрения, построение) предложений. При этом синтаксис описывает возможность сочетания тех или иных лексем в пределах конкретных конструкций, а правила словоизменения (поскольку традиционная грамматика оперирует именно правилами, а не парадигмами) уточняет, какие формы лексемы должны выступать в этих конструкциях. Между синтаксисом и словоизменением находится особый уровень, или подуровень, описания, в рамках которого мы оперируем выражениями типа «форма 3 лица единственного числа, настоящего времени лексемы SING», «посессивная форма единственного числа лексемы BOY». Я намеренно привел здесь альтернативный способ записи лексем (SING, BOY), поскольку он часто используется в современной лингвистической литературе: “sing” и SING являются нотационными вариантами и обозначают одну и ту же сущность²⁾.

Современное (конкретнее — постблумфилдианское) противопоставление синтаксис vs. морфология, согласно которому синтаксис описывает сочетаемость словоформ, а морфология — их внутреннюю грамматическую структуру, на первый взгляд, очень близко традиционному противопоставлению «синтаксис vs. словоизменение». Однако, на самом деле, оно отличается от последнего в двух отношениях: (а) морфология включает в себя не только словоизменение, но и словообразование; (б) как словоизменение, так и словообразование описываются с помощью правил, оперирующих одними и теми же базовыми единицами — морфемами. Так, например, словоизменятельная форма *singing* ‘поющий’ состоит из двух более простых единиц (морфем) *sing* и *ing* так же, как и словообразовательная форма *singer* ‘певец’ — *sing* и *er*. Таким образом, в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же процессом —

²⁾ Строго говоря, синтаксические правила традиционной грамматики определяют выбор не лексем, и даже не словоформ, а именно этих промежуточных единиц, которые называют иногда морфосинтаксическими словами. Однако в рамках этой книги мы будем пользоваться более простой, хотя и менее точной терминологией (см. *Matthews 1974*).

аффиксацией, т. е. с добавлением аффикса к одной и той же исходной форме. С этой точки зрения морфемы — минимальные формы — являются базовыми единицами грамматической структуры, и следовательно, отказавшись от традиционного представления о ключевой роли слова в грамматической теории, морфологию можно в принципе включить в состав синтаксиса.

Грамматические теории, рассматривающие в качестве базовой единицы морфему, как и теории, в которых базовой единицей является слово, имеют свои достоинства и недостатки. Проблема в том, как соединить достоинства обоих этих подходов в рамках единой последовательной и тщательно обоснованной теории грамматической структуры естественных языков. За последние двадцать лет лингвистика продвинулась к этой цели значительно больше, чем за всю свою предшествующую историю. И наиболее значительную роль в этом, прямо или косвенно, сыграла одна из синтаксических теорий — теория, разработанная в рамках предложенного Хомским генеративного подхода к описанию языка. В дальнейшем мы рассмотрим эту теорию более подробно. Сейчас же достаточно отметить следующее. Хотя базовой единицей в синтаксической теории Хомского является скорее морфема, чем слово, в последних версиях модели, в отличие от более ранних, принят более традиционный взгляд на соотношение синтаксиса и словоизменения. В частности, считается, что словообразование не входит в состав центрального, синтаксического компонента грамматики, а должно рассматриваться в связи с описанием структуры словаря (или лексикона). Итак, теперь нам вполне очевидно, что независимо от того, на какую грамматическую теорию мы будем опираться в наших последующих рассуждениях, мы не сможем, как раньше, утверждать, что единицы первичного уровня строятся из элементов вторичного уровня (см. о принципе двойного членения языка в разделе 1.5). Отношения между двумя уровнями являются гораздо более сложными, чем предполагает данная формулировка. Эти сложные отношения, однако, регулируются определенными правилами. Естественные языки существенно различаются по своей фонологической и грамматической структуре. Вместе с тем они обнаруживают в этом отношении не менее поразительное сходство. Из этого можно заключить, что по крайней мере некоторые правила, определяющие структуру каждого уровня и их интеграцию, — правила, которые дети довольно быстро усваивают в процессе овладения языком, — являются общими для всех естественных языков.

4.2. Грамматичность, продуктивность и произвольность

Предложения, по определению, являются грамматическими (т. е. грамматически правильно построенными: см. 2.6). Для наших целей достаточно считать, что это правильно построенные цепочки слов, такие, например, как

(1) *This morning he got up late* ‘Сегодня утром он встал поздно’

и

(2) *He got up late this morning* ‘Он встал поздно сегодня утром’,

которые, по определению, являются разными английскими предложениями. В более общих, и более традиционных, терминах предложение можно определить как класс цепочек слов, причем все входящие в этот класс цепочки слов (словосочетания) имеют одинаковую синтаксическую структуру. В соответствии с этим определением мы можем, хотя в принципе не обязаны, считать (1) и (2) не разными предложениями, а альтернативными вариантами одного предложения.

Следует также помнить о том, что на каждую цепочку слов, образующую предложение, в устном языке накладывается определенный просодический контур (иначе говоря, определенная интонационная модель), без которого данная цепочка не может считаться устным предложением. Среди лингвистов нет единого мнения относительно того, что именно из просодической структуры устных высказываний следует считать компонентом структуры предложения. Большинство считает, что в структуру предложения следует включать по крайней мере те компоненты просодической структуры высказываний, которые отличают утверждения от вопросов и команд. Мы присоединимся (без подробного обоснования) к этой точке зрения. Таким образом, обоим приведенным выше письменным предложениям (1) и (2), на самом деле, можно поставить в соответствие не одно, а несколько устных английских предложений. Из этого следует, если принять во внимание сказанное в предыдущем параграфе, что, исходя из равной значимости просодии и порядка слов как потенциальных показателей грамматической структуры, мы должны признать различия любых двух интонационных вариантов каждого из предложений (1) и (2) столь же существенными, как и собственно различия между (1) и (2). Это необходимо постоянно иметь в виду в дальнейшем, даже если в большинстве случаев мы для простоты отождествляем устные предложения с цепочками слов.

В чем разница между грамматичными и аграмматичными цепочками слов? На этот вопрос можно дать очень простой, но мало проясняющий суть дела ответ. Аграмматичной считается цепочка слов, в которой нарушены грамматические правила языка: это относится не только к предложениям, но и к словосочетаниям, например, аграмматичными являются словосочетания **morning this*, **late got up* (отсюда — звездочка, см. 2.6). Рассмотрим, что подразумевает такого рода ответ и, что не менее важно, чего он не подразумевает.

Такой ответ не подразумевает, конечно, нормативного, или предписывающего, подхода к языку — мы говорим об имманентных правилах, которые носитель языка будет неосознанно соблюдать, если ему не помешают какие-то внешние по отношению к языку неблагоприятные факторы. Он не подразумевает также никакой прямой связи между грамматичностью цепочки слов и вероятностью ее появления в речи. И наконец,

он не предполагает отождествления грамматичности и осмысленности; это не исключает, впрочем, того, что может существовать тесная и глубокая связь между какими-то компонентами грамматичности предложений и осмысленностью реальных или потенциальных высказываний.

Вопрос о том, как естественные языки передают разного рода значения, мы обсудим более подробно в главе 5. Сейчас подчеркнем лишь, что, какой бы ни была связь между грамматичностью и осмысленностью, эти два свойства следует четко различать. В ставшем уже классическим примере Хомского:

(3) *Colourless green ideas sleep furiously*

‘Бесцветные зеленые мысли спят яростно’

мы имеем дело с абсолютно правильно построенным английским предложением, хотя и не можем дать ему разумную смысловую интерпретацию. Напротив, предложение:

(4) **Late he got this morning up*

безусловно аграмматично, хотя фактически доказано, что оно интерпретируется столь же легко, как (1) и (2), если отказаться от правил, которые определяют порядок следования слов разных классов в английском предложении. Можно привести множество еще более изощренных примеров такого рода. Безусловно существует обширная и теоретически интересная область, где можно обнаружить связь между грамматичностью и осмысленностью. И тем не менее, эти два свойства предложения не следует отождествлять.

Традиционная грамматика затрагивала проблему грамматичности лишь в редких случаях и формулировала ее очень туманно. Ей удалось выявить большинство тонких принципов построения предложений, на которые до сих пор ориентируются лингвисты. Для некоторых, хорошо изученных, языков был составлен обширный инвентарь допустимых грамматических конструкций. Кроме того, был собран не менее представительный корпус разнородных примеров, которые, будучи санкционированы реальным употреблением, и в этом смысле грамматичными, тем не менее выпадают из сферы действия языковых правил. Современные грамматические теории предлагают более четкие и понятные формулировки синтаксических правил, чем те, которые мы находим в традиционных грамматиках. Отчасти это объясняется тем, что поскольку латинский и греческий являются языками с очень развитой системой словоизменения, то, что очевидным образом связано с проблемой грамматичности, может быть прямо или косвенно сформулировано в терминах словоизменительных категорий (род, число, падеж, время, наклонение и так далее). Поэтому «грамматика», в традиционном понимании, была сведена в значительной степени к описанию словоизменения. Отсюда — широко распространенное представление, что языки, не относящиеся к флективным, такие, например, как классический китайский, вообще не имеют грамматики или что в английском с его сравнительно бедным

словоизменением грамматический компонент играет менее важную роль, чем в латинском, греческом или даже во французском или немецком. В современной лингвистике понятие «грамматика» значительно меньше ориентировано на флективные языки.

Еще одна причина того, что традиционная грамматика не только не смогла, но в действительности даже не пыталась дать полное и эксплицитное описание синтаксиса языков, входивших в сферу ее интересов, заключается в следующем. Существовало явно или неявно сформулированное представление, что синтаксис подчиняется законам здравого смысла или, если говорить более высоким слогом, законам мышления. Таким образом, приемлемость предложений *This morning he got up late* или *He got up late this morning* и неприемлемость **Late he got this morning up* в английском объясняется тем, что порядок слов должен отражать последовательность мыслей. По мере введения в научный оборот и серьезного анализа все более широкого круга различных по своей структуре языков эта точка зрения представляется все менее убедительной. В латинском и греческом порядок слов, естественно в определенных пределах, в значительной степени определяется стилистическими факторами. При этом, однако, есть много языков (к ним относится, в частности, английский), где стилистическая роль порядка слов гораздо более ограничена, а его синтаксическая функция пропорционально более важна.

Конечно, примеры (1) и (2) можно рассматривать как аргумент в пользу того, что стилистические различия в порядке слов определяются психологическими факторами и логическими принципами, которые по сути своей и являются законами мышления. Однако, как в таком случае объяснить, почему в стилистически нейтральных утвердительных предложениях в английском подлежащее предшествует глаголу, тогда как в таких же ирландских предложениях глагол стоит на первом месте? Или, например, тот факт, что в именных группах в английском прилагательное обычно предшествует существительному (*red coat* 'красное пальто'), а во французском, как правило, следует за ним (*manteau rouge*)? Шовинистический взгляд на эту проблему, который состоит в том, что один порядок слов лучше отражает законы мышления, чем другой, и следовательно, язык одного народа более логичен, чем язык какого-то другого народа, не выдерживает критики. Так же, как и еще более безнадежная гипотеза о том, что каждый народ имеет свою собственную логику, которая в конечном счете определяет синтаксическую функцию порядка слов в данном языке. Однако в самом ли деле, если попросить англичанина и француза описать красное пальто, первый сначала подумает о том, что он видит что-то красное, и только потом о том, что это — пальто, а второй проделает эти умозаключения в обратном порядке? Это представляется маловероятным.

Синтаксические функции порядка слов — это один из многих аспектов грамматической структуры, которые носят в значительной степени произвольный характер в том смысле, что их нельзя описать в терминах более общих логических или психологических принципов (см. 1.5).

И все же ребенок в процессе естественного овладения языком самостоятельно усваивает грамматические правила родного языка. Это тем более удивительно, что естественные языки в силу особенностей своей грамматической структуры обладают также свойством **продуктивности** (см. 1.5). В процессе освоения языка перед ребенком стоит задача установить на основе большого, но все-таки конечного множества высказываний, те весьма абстрактные грамматические принципы, которые позволяют ему в дальнейшем распознавать огромное, возможно бесконечное, число грамматичных и аграмматичных цепочек слов.

Именно Хомский в середине 1950-х гг. впервые в полной мере оценил эту способность детей выявлять принципы грамматичности. И именно ему принадлежит заслуга создания синтаксической теории, которая оказалась наиболее влиятельной из всех предлагавшихся в лингвистике с древнейших времен и до наших дней. Синтаксис Хомского, формализованный с помощью аппарата генеративной грамматики, в особенности в его позднейших версиях, позволил в конечном счете объединить синтаксис, фонологию и семантику в рамках всеобъемлющей теории языка. Мы не можем, принимая во внимание ограниченный объем книги, подробно говорить о генеративной грамматике. Тем не менее в этой главе мы посвятим специальный раздел основным принципам генеративной грамматики Хомского (4.6), а в одной из следующих глав остановимся на явлении генеративизма и его исторических предпосылках (см. 7.4).

Именно генеративизм (научный подход, противостоящий структурализму, функционализму, историзму и другим) в первую очередь и вполне обоснованно связывают с понятием «хомскианская революция». Эта революция, однако, как и все другие революции, сохраняет гораздо более существенную часть достижений предшествующих эпох, чем это представляется самим революционерам и их современникам. Философию Аристотеля невозможно понять вне связи с платонизмом, а Декарта — без понимания средневековой схоластики, с которой он полемизировал и из которой вместе с тем сохранил едва ли не столько же, сколько отверг. Все это в равной мере можно отнести и к Хомскому. Его теория безусловно опирается на те идеи, с которыми он познакомился, изучая лингвистику, психологию и философию. Хомскианский генеративизм отражает тот конкретный научный и культурный контекст, в котором он сложился. Однако отложим на время обсуждение этих общих вопросов.

4.3. Части речи, классы форм и грамматические категории

То, что традиционно, хотя и неточно, называют частями речи — существительные, глаголы, прилагательные, предлоги и так далее, — играет важнейшую роль при формулировании грамматических правил естественных языков. Следует заметить, однако, что традиционный список, включающий примерно десять частей речи, по своему составу очень неоднороден. При этом, на что указывают многие детали соответствующих

определений, он по сути отражает специфику грамматической структуры латинского и греческого языков. Таким образом, его ни в коей мере нельзя признать универсальным. Кроме того, определения традиционно выделяемых частей речи часто логически противоречивы. Некоторые из них рекурсивны. Большинство основано одновременно на словоизменительных, синтаксических и семантических критериях, поэтому попытки практически применить их к материалу широкого круга языков часто приводят к противоречивым результатам. В действительности приходится признать, что традиционные определения даже в латинском и греческом работают далеко не лучшим образом. Как многие определения традиционной грамматики, они апеллируют в значительной степени к здравому смыслу и снисходительности тех, кто ими пользуется.

Не так уж трудно найти прорехи в традиционных определениях: «Существительное — это имя лица, места или предмета», «Глагол — это слово, обозначающее действие», «Прилагательное определяет существительное», «Местоимение заменяет существительное» и так далее. Тем не менее многие лингвисты до сих пор пользуются терминами «существительное», «глагол», «прилагательное» и другими, вкладывая в них, эксплицитно или имплицитно, абсолютно традиционный смысл. И надо признать, что они имеют для этого весьма веские причины. Для лингвистов очень важно, сравнивая структуру естественных языков, иметь возможность делать эмпирически верифицируемые утверждения, в частности следующих типов: в некоторых языках (например в английском, французском, русском и др.) существуют синтаксические различия между прилагательными и глаголами, тогда как в некоторых других (например в китайском, малайском, японском и др.) таких различий нет; в большинстве языков существительные отличаются от глаголов (английский, французский, русский, китайский, малайский, турецкий), однако в некоторых языках (например, судя по описанию Сепира, в индейском языке нутка (Америка)) такого различия не существует; в некоторых языках (например в латинском и турецком) прилагательные больше похожи на существительные, тогда как для других языков это не так очевидно (английский, китайский, японский).

Есть еще один аспект традиционной теории частей речи, на который следует обратить особое внимание. Термины «существительное», «глагол», «прилагательное» и подобные, использующиеся в традиционной грамматике, так же неоднозначны, как и термин «слово». Эта неоднозначность была унаследована многими современными синтаксическими теориями, которые, впрочем, предпочитают говорить о классах слов, а не о частях речи. Если мы решим относить термин «части речи» к классам лексем и говорить, что лексема “boy” ‘мальчик’ относится к классу существительных, а лексема “come” ‘приходить’ к классу глаголов, мы должны будем охарактеризовать формы *boy* ‘мальчик’, *boys* ‘мальчики’, *boy’s* ‘относящийся к мальчику’ как формы существительных, а *come* ‘прихожу’, *comes* ‘приходит’, *coming* ‘приходящий’, *came* ‘пришел’ как формы глаголов и так далее.

Столь подробное обсуждение вопроса о частях речи обусловлено не просто стремлением упорядочить терминологию. Одна из главных проблем, связанных с традиционной теорией частей речи, заключается в следующем. Не выявив тех различий, на которые мы только что указали (лексема vs. форма лексемы), эта теория была вынуждена признать, что некоторые слова (я намеренно не конкретизирую здесь, в каком из возможных смыслов используется здесь термин «слово») могут относиться одновременно к двум разным частям речи. Особенно показательны в этом отношении причастия (само название которых отражает их двойственный статус). С точки зрения словоизменения, причастия являются глагольными формами, однако с точки зрения синтаксической функции — это прилагательные (ср., *dancing* ‘танцующий’ в выражении *the dancing girls* ‘танцующие девушки’, которое можно перифразировать как *the girls who dance/are dancing now* ‘девушки, которые танцуют’). Аналогично, то, что традиционно называют герундием (или, более прозрачно, отглагольным существительным), является глагольной формой с синтаксическими функциями существительного (ср., *dancing* ‘танцы’ в выражении *shoes for dancing* ‘туфли для танцев’, а также в синтаксически более сложном случае, где существительное выступает в функции прилагательного *dancing shoes* (с тем же значением)).

Отметим еще один случай подобного рода. Он представляется нам еще более интересным, хотя бы потому, что не является общепризнанным ни в традиционной грамматике, ни в современных грамматических теориях. Некоторые формы английских существительных с синтаксической точки зрения являются прилагательными или наречиями, например, посессивная форма *bishop's* в выражении *the bishop's mitre* ‘епископская митра’ (*the mitre of the kind that bishops wear* ‘такая митра, какую носят епископы’). Мы не смогли бы точно описать такого рода ситуации, если бы не провели различие между частью речи лексемы и описанием синтаксической функции ее форм в разных контекстах.

Во многих современных работах принято говорить о классах форм, а не о частях речи. Сохранив термин «часть речи» для обозначения классов лексем, мы можем использовать термин «класс форм» (в одном из возможных его толкований) для обозначения форм с одинаковыми синтаксическими функциями. Мы можем также дать дистрибуционную интерпретацию термина «синтаксическая функция»: две формы имеют одну и ту же синтаксическую функцию, если они имеют одну и ту же дистрибуцию (т. е. являются взаимозаменяемыми, см. 3.4) во всех (не обязательно осмысленных) предложениях данного языка. Дистрибуционные определения такого типа играли очень важную роль на последнем этапе развития постблумфилдианской лингвистики и подготовили почву для генеративной грамматики Хомского.

Далее мы покажем, что разные словоформы одной лексемы, вообще говоря, не обязательно имеют одинаковую дистрибуцию, и в силу этого синтаксис и словоизменение являются взаимодополняющими компонентами грамматики. Так, формы *boy* и *boys* имеют разную дистрибуцию в целом ряде случаев, например, в контексте:

(1) *The — is here* ‘— находится здесь’

встречается только *boy*, но не *boys*, а в контексте

(2) *The — are here* ‘— находятся здесь’

возможна только форма *boys*. Имея в виду семантические различия между *boy* и *boys* в большинстве контекстов, мы говорим о форме *boy* как о форме единственного числа, а о форме *boys* как о форме множественного числа лексемы “boy”. Если бы этому семантическому различию не соответствовало различие в дистрибуции (т. е., если бы формы единственного и множественного числа существительных были взаимозаменяемы во всех английских предложениях, и такая замена не вызывала бы никаких других изменений в соответствующем предложении), в английском не было бы синтаксического правила, учитывающего число существительного. Хотя между значением формы и ее дистрибуцией существует внутренняя связь, грамматиста интересует только дистрибуция. Тот, кто хочет понять суть современной грамматической теории в различных и наиболее интересных ее версиях, должен научиться думать о дистрибуции форм вне связи с их значением.

Поскольку термин «форма» шире по значению термина «словоформа», но включает в себя значение последнего, термин «класс форм», соответственно, шире терминов «класс слов» и «часть речи». Морфемы (т. е. минимальные формы) могут также объединяться в классы на основе критерия взаимозаменяемости; это в равной мере относится к словосочетаниям. В грамматиках, базовой единицей которых является морфема, маркер части речи, который мы приписывали лексемам, будет относиться прежде всего к тому, что традиционно называется основами, или даже к корням. Различие между основой и корнем состоит в том, что корни морфологически нечленимы, тогда как основы, кроме корня, могут содержать один или несколько словообразовательных аффиксов. Например, форма *boy* будет рассматриваться как форма существительного, поскольку она является основой целого множества словоизменяемых форм, включая *boy*, *boys* и *boy's*. Тот факт, что в английском основы существительных, глаголов и прилагательных всегда являются словоформами (и одновременно представляющими формами, см. 4.1), — это не более чем одна из особенностей грамматической структуры английского языка так же, как и то, что в английском (подобно китайскому и в отличие, скажем, от турецкого) многие формы могут выступать и как основы существительных, и как основы глаголов (ср., *walk* ‘гулять; прогулка’, *turn* ‘поворачивать; поворот’, *man* ‘человек; укомплектовывать людьми’, *table* ‘стол; ставить на стол’ и подобные). В обоих отношениях ситуация, наблюдаемая в английском, ни в коей мере не является типичной для языков мира. Современные версии генеративной грамматики, ориентирующиеся на морфему, пользуются такими определениями понятий «существительное», «прилагательное», «глагол», которые характеризуют не только лексемы, но и более крупные формы, содержащие лексемы или синтаксически эквивалентные им.

В традиционной грамматике, основывающейся на слове, подобно тому, как словоизменение дополняет синтаксис, словоизменительные, или грамматические, категории дополняют систему частей речи. Например, «единственное» и «множественное» связаны с категорией числа; «настоящее», «прошедшее», «будущее» — с категорией времени; «изъявительное», «сослагательное», «повелительное» — с категорией наклонения; «именительный», «родительный», «винительный», «дательный» — с категорией падежа и так далее. Такие традиционные ярлыки, как «1-е лицо единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения глагола ВЕ 'быть'» показывают, что имеется в виду, когда говорят, используя традиционную терминологию, что определенные части речи изменяются по определенным грамматическим категориям.

Относительно словоизменительных категорий, выделяемых традиционной грамматикой, необходимо сделать еще два замечания. Во-первых, ни одна из них не является универсальной (в том смысле, что ни одна из них не представлена во всех без исключения языках мира). Существуют языки, не имеющие категорий времени, падежа, рода; то же относится и ко всем другим грамматическим категориям. С другой стороны, в языках, которые стали предметом исследования сравнительно недавно, лингвисты обнаружили целый ряд грамматических категорий, неизвестных традиционной грамматике.

Во-вторых, то, что традиционно описывалось как грамматическая категория, в грамматиках, базовой единицей которых является морфема, обычно трактуется как множество грамматических морфем (противопоставленных лексическим морфемам, отмеченным в словаре как основы существительных, основы глаголов и так далее). Их дистрибуция определяется непосредственно синтаксическими правилами. Именно эта трактовка представлена по сути в современных версиях генеративной грамматики.

4.4. Некоторые дополнительные грамматические понятия

Функцией грамматических правил конкретного языка является выявление для данного языка условий грамматичности (см. 4.2). Как мы увидим ниже, генеративная грамматика решает эту задачу, используя процедуру порождения (суть которой мы поясним далее) всех предложений данного языка (и только таких предложений). При этом каждому из них непосредственно в процессе порождения приписывается его структурное описание (или структура). В этом разделе мы перечислим и коротко поясним ряд грамматических понятий, разработанных для того, чтобы сформулировать для конкретных языков и для языка вообще условия грамматичности и описать типы информации, которая должна быть включена в структурное описание предложения.

Следует особо подчеркнуть, что лингвистов — по крайней мере в настоящее время — не интересует классификация ради самой классифика-

ции. Их интересует, о чем шла речь в самом начале книги, вопрос «Что такое язык?» и, прямо или косвенно, способность носителей языка строить и понимать очень большое, потенциально бесконечное, число высказываний, различающихся по форме и по смыслу. Объяснение понятия «грамматичность» является ключевой задачей для понимания этой способности (как и для понимания того, каким образом ее приобретает ребенок). Это один из главных моментов, которые должен прояснить любой удовлетворительный с научной точки зрения ответ на вопрос «Что такое язык?».

Ниже мы приводим довольно обширный, хотя и не исчерпывающий, перечень дополнительных грамматических понятий. Многие из них восходят к традиционной грамматике, другие были введены в научный оборот сравнительно недавно. Не ко всем из них мы будем обращаться в последующих разделах этой книги. Отчасти это связано с тем, что приводимое ниже описание грамматической структуры языка и генеративной грамматики является очень упрощенным и фрагментарным. Есть, однако, и более важная причина. Современное состояние грамматической теории таково, что мы не можем сказать, сколько логически самостоятельных, или исходных, понятий необходимо для того, чтобы описать условия грамматичности для каждого конкретного языка, не говоря уже о языке в целом. Выбирая некоторое множество грамматических понятий в качестве исходного, мы подразумеваем, что все остальные понятия могут быть сконструированы из этих исходных понятий. Однако перед лингвистом открывается множество вариантов ответа на вопрос, какие понятия являются исходными, а какие производными. Современные версии генеративной грамматики сделали свой выбор, обусловленный в значительной мере чисто историческими причинами. Этот выбор в принципе может оказаться неудачным. На самом деле, вопрос о том, существует ли вообще некий правильный (т. е. приемлемый для всех языков) выбор базовых грамматических понятий, до сих пор является открытым.

Читатель-непрофессионал может не запоминать приводимый здесь перечень грамматических понятий в полном объеме. Однако те, кто намерен сделать лингвистику своей специальностью, безусловно должны не только понимать их и уметь пояснять на конкретных примерах, но, что еще более важно, уметь расширять этот перечень и обнаруживать связи между разными грамматическими понятиями. Приводя этот довольно длинный список специальных лингвистических понятий в книге о языке и лингвистике, которая по замыслу имеет сугубо обзорный характер, я стремился к тому, чтобы дать читателю представление о широте и сложности предмета, с которым он знакомится, чего, на мой взгляд, не удалось сделать авторам большинства работ аналогичного характера. Итак, анализ любой грамматической теории показывает, что, несмотря на существенный прогресс, достигнутый в последние годы в изучении языка, мы еще очень далеки от того, чтобы предложить убедительную общую теорию грамматики.

Предложения принято классифицировать (как и в традиционной грамматике) на основе двух взаимосвязанных критериев: (а) структурного

и (б) функционального. По своей структуре предложения делятся на простые и сложные; в свою очередь среди последних различают сложноподчиненные и сложносочиненные. По функциональному критерию различают, в частности, повествовательные, вопросительные, побудительные предложения. Простое предложение — это самостоятельная синтаксическая единица с собственным просодическим контуром. Минимальное сложноподчиненное предложение состоит из двух (несамостоятельных) простых предложений, одно из которых подчиняет другое. Компоненты сложносочиненного предложения находятся в отношении сочинения (или координации). (Для удобства изложения я ввожу термин предложение-композит, который относится одновременно и к сложносочиненным, и к сложноподчиненным предложениям.) Понятия «подчинение» и «сочинение» («координация»), как мы увидим ниже, являются очень общими понятиями, приложимыми не только к классификации сложных предложений, но и к классификации составных частей простых предложений.

Относительно функциональной классификации предложений заметим, что следует четко разграничивать повествовательные предложения и утверждения, вопросительные предложения и вопросы, побудительные предложения и приказы, просьбы и так далее. Можно сказать, например, что повествовательные предложения — это предложения определенной структуры, которые используются, как правило, для того, чтобы делать утверждения. Это позволяет последовательно проводить различие между грамматической структурой предложения и коммуникативной функцией высказывания (см. 5.5) и в то же время не упускать из виду их взаимосвязь. Мы подробнее остановимся на этих различиях в главе, посвященной семантике.

В предложениях, как простых, так и сложных, представлены разного рода отношения типа «часть — целое», в частности, отношение «быть составляющей». Например, простые предложения, образующие сложноподчиненные и сложносочиненные предложения являются составляющими сложного предложения. Несколько упрощая ситуацию, можно считать, что составляющими простого предложения являются все входящие в него словоформы. Группы слов могут образовывать словосочетания, которые в свою очередь являются составляющими предложения (таким образом, слова прежде всего оказываются составляющими словосочетаний и только опосредованно — составляющими предложений, в которые эти словосочетания входят в качестве составляющих). Как мы увидим в следующих разделах, понятие «составляющая» и несколько модифицированное по сравнению с традиционным понятие «словосочетание» являются ключевыми для формализации понятия грамматическая структура в генеративной грамматике Хомского.

Существует еще один тип синтаксических отношений, которому в традиционной грамматике придавалось исключительно важное значение, — это отношение зависимости. Отношение зависимости — это асимметричное отношение, в котором одна языковая единица выступает как главный (управляющий, или контролирующий) член, а другие (одна

или несколько) как его зависимые. Так, например, говорят, что глагол управляет своим дополнением (если такое имеется) в определенной форме. В частности, считается, что все переходные глаголы в английском управляют своим дополнением в аккузативе (винительном падеже): ср., *I saw him* 'Я видел его' vs. **I saw he* (в английском категория падежа, *he* vs. *him*, является словоизменяющей для местоимений, но не для существительных). В более общем виде можно сказать, что в определенной конструкции присутствует отношение зависимости, если наличие в данной конструкции некоторой (главной) языковой единицы предполагает наличие в ней одной или нескольких других (зависимых) единиц в определенной форме. Традиционное понятие управление (см. приведенный выше пример) может быть включено в более общее представление о зависимости, которое не связано с понятием «словоизменение». Поскольку вхождение главной единицы и ее зависимых в состав одной конструкции имплицитно устанавливает отношение типа «часть—целое» между всей конструкцией и входящими в ее состав единицами, отношение «быть составляющей» и отношение зависимости являются взаимосвязанными. Генеративная грамматика Хомского, следуя в этом Блумфилду, опирается на отношение «быть составляющей», тогда как традиционная грамматика построена прежде всего на отношении зависимости.

В предыдущем параграфе мы упомянули о переходных и непереходных глаголах. Традиционное противопоставление переходные vs. непереходные глаголы можно обобщить, во-первых, включив глаголы в более широкий класс управляющих слов, и во-вторых, разделив этот класс на подклассы в зависимости от валентностей слова, иначе говоря, от числа и характера его зависимых. Относя к числу глагольных зависимых не только прямое и косвенное дополнения, но также и подлежащее, мы можем сказать, что непереходный глагол, например, "die" 'умирать' имеет одну валентность, переходный глагол, например, "eat" 'есть' две валентности, глаголы типа "put" 'класть' или "give" 'давать' три валентности и так далее.

Заметим также, что понятие валентности не предполагает, что в качестве зависимых могут выступать только именные группы. Под понятие валентности подпадают также наречные дополнения времени, места и подобные. Мы должны, кроме того, допустить существование управляющих слов, не имеющих валентностей. В английском к ним можно отнести глаголы "rain" 'идти (о дожде)' и "snow" 'идти (о снеге)'; форма *it* в *It is raining/snowing* 'Идет дождь/снег' является фиктивным подлежащим.

Термин «валентность» (заимствованный из химии) в настоящее время в британских и американских лингвистических работах встречается нечасто. Однако во многих грамматических теориях, не использующих этот термин как таковой, в неявном виде понятие валентности все же присутствует. Наиболее спорный и идущий вразрез с традиционной грамматикой момент, связанный с только что введенным понятием «валентность», заключается в следующем. Это понятие в какой-то мере отодвигает в тень традиционные противопоставления подлежащего и сказуемого (предложения), с одной стороны, и подлежащего и дополнения (глагола), с другой.

Следует заметить, что эти два противопоставления логически независимы. Первое основывается на представлении, что простое предложение состоит из двух обязательных частей, тогда как второе этого не подразумевает. Подлежащим для определенного глагола является единица, которая, будучи зависимой от глагола, в свою очередь определяет выбор глагольной формы в рамках того, что называют согласованием подлежащего и глагола (ср., *The boy is running* 'Мальчик бежит' vs. **The boy are running* и *The boys are running* 'Мальчики бегут' vs. **The boys is running*). В лингвистике неоднократно предпринимались попытки, используя ряд дополнительных критериев, дать определение подлежащего, приемлемое для всех языков. Однако в наши дни проблема универсальности понятия «подлежащее» (или более широкого понятия, которое включало бы в себя и понятие «подлежащее») вызывает не меньше споров, чем в конце XIX в., когда этот вопрос впервые оказался в центре серьезной лингвистической дискуссии.

4.5. Структура составляющих

В данном разделе мы остановимся на том, какие особенности грамматической структуры можно описать, опираясь на понятие «составляющая». При этом мы будем ориентироваться на грамматику, рассматривающую в качестве базовой единицы морфему, и на дистрибуционный анализ в том его варианте, который сложился в позднейший период постблумфилдианской лингвистики (см. 7.4). Этот подход позволит нам одновременно решить две задачи: более широко проиллюстрировать, как на практике работают введенные выше лингвистические понятия морфема, морфология, словоизменение, словообразование, класс форм, дистрибуция, а также само понятие составляющая; и кроме того, подготовить читателя к разговору о генеративной грамматике (см. следующий раздел).

Хотя введенное Блумфилдом понятие «структура составляющих» первоначально применялось для описания синтаксиса, мы начнем с того, что покажем, как оно работает в пределах словоформы. Напомним, что в постблумфилдианской лингвистике грамматика делилась на две части — морфологию и синтаксис (см. 4.1). Морфология описывала внутреннюю структуру словоформы, синтаксис — дистрибуцию словоформ в правильно построенных предложениях. Однако постблумфилдианская морфология по сути своей была синтаксической морфологией, поскольку применяла к анализу словоформы те же принципы, что и к анализу таких синтаксических единиц, как словосочетание и предложение. В конечном счете последователи Блумфилда вообще отказались от противопоставления морфологии и синтаксиса, расширив соответствующим образом определение термина «синтаксис» (впрочем, на практике этот подход не был последовательно реализован). Задачей синтаксиса стало описание дистрибуции морфем (а не словоформ). При этом словоформы рассматривались уже не как чисто синтаксические единицы, а как единицы, которые могли выступать (при наличии соответствующего просодического оформления) в качестве минимальных высказываний, а также, в некоторых языках,

как сфера действия некоторых супrasegmentных фонологических признаков (см. 3.6). Этот подход, как часть постблумфилдианского наследия, впоследствии лег в основу генеративной грамматики Хомского.

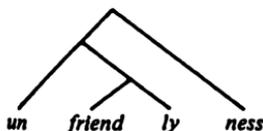
В этом и следующих разделах мы будем использовать термин «слово» в значении «словоформа». Слова, в этом значении термина, можно представить как цепочки, состоящие из (одной или нескольких) морфем. При этом морфемы определяются как минимальные языковые формы, а слова, хотя это классическое определение Блумфилда нельзя признать вполне удовлетворительным, — как минимальные свободные формы, т. е. формы, не представимые полностью через другие свободные формы. Свободной формой, в отличие от связанной, называют форму, которая может, в сочетании с определенным просодическим контуром, выступать в качестве самостоятельного высказывания (причем это высказывание не обязательно должно быть полным предложением). Вообще говоря, под это определение подпадают не все формы, которые в английском традиционно признаются словами (и соответственно, выделяются в письменном тексте пробелами). Слова такого рода в качестве примеров мы здесь использовать не будем. Итак, форма *cat* ‘кошка’ является одновременно морфемой (поскольку это минимальная форма) и словом (поскольку это свободная форма); форма *cats* ‘кошки’ не является морфемой (поскольку состоит из двух минимальных форм: *cat* и *s* — суффикс множественного числа), но является словом (хотя *cat* — свободная форма, а *s* нет); слово *unfriendliness* ‘недружественность’ состоит из четырех морфем *un* ‘не’, *friend* ‘друг’, *ly* ‘суффикс прилагательного’, *ness* ‘суффикс абстрактного существительного’ (*un-friend-ly-ness*), из которых свободной является только форма *friend*, все остальные — связанные формы. Связанные формы, которые выступают как составляющие слов, называются аффиксами; аффиксы, предшествующие исходной форме, к которой они присоединяются, называются префиксами (или приставками), а аффиксы, следующие за исходной формой, — суффиксами.

Этим, однако, не исчерпывается то, что можно сказать о структуре слова, используя понятие «составляющая». Многие слова в английском и других языках имеют внутреннюю иерархическую структуру, которую формально можно представить с помощью скобочной записи. Так, например, структура составляющих слова *unfriendliness* может быть представлена как

(1) $[[un-[friend-ly]]-ness]$

или в виде так называемого дерева

(2)

Следует заметить, что представления (1) и (2) с формальной точки зрения эквивалентны. Каждое из них содержит следующую информацию

(и никакой другой): непосредственными составляющими (НС) формы *unfriendliness* являются *unfriendly* и *ness*; НС формы *unfriendly* — *un* и *friendly*; НС формы *friendly* — *friend* и *ly*; дальнейший анализ этого слова на грамматическом уровне невозможен; терминальными составляющими формы являются *un*, *friend*, *ly*, *ness*. Или иначе, оба эти представления говорят о том, что *friend* и *ly* могут быть объединены (в определенной последовательности) в промежуточную составляющую *friendly*, к которой можно добавить префикс *un*, чтобы получить более крупную составляющую *unfriendly*, к которой затем можно добавить суффикс *ness* и получить целую словоформу. Обе репрезентации грамматической структуры словоформы нейтральны по отношению к анализу и синтезу синтагм.

Я не буду детально обосновывать ту конкретную расстановку скобок при анализе формы *unfriendliness*, которая была предложена выше. В принципе, в соответствии с постулатами постблумфилдианского дистрибуционного анализа, расстановка скобок основывается на критериях взаимозаменяемости и регулярности. Форма *unfriendliness* относится к классу форм (иначе говоря, к множеству взаимозаменяемых форм), который традиционно называют абстрактными существительными и обозначают символом N_a . В английском многие из этих существительных образуются путем добавления суффикса *ness* к тому, что традиционно называют прилагательным (точнее, к исходным формам прилагательных). Аналогично, добавление префикса *un* к формам прилагательных (А) является в английском очень продуктивным морфологическим процессом, ср., добавление *un* к формам существительных (или к формам их подкласса N_a) для английского нехарактерно. Поэтому, даже если в английском есть слово *friendliness* 'дружественность', мы не признаем $[[friend-ly]-ness]$, не говоря уже о $[friend-[li-ness]]$, составляющими слова *unfriendliness*. Выделение составляющей $[friend-ly]$ обосновано умеренно продуктивным морфологическим процессом образования прилагательных от существительных, точнее, от существительных подкласса N_c (исчисляемых существительных), с помощью суффикса *ly* (ср., например, *man-ly* 'мужественный').

Дистрибуционные основания для установления структуры составляющих словоформы *unfriendliness* довольно очевидны. Однако такая ситуация имеет место далеко не для всех английских словоформ, особенно если механически преобразовать дистрибуционные критерии в анализирующую процедуру (см. 7.4). Как бы то ни было, в наши намерения не входит доказывать эффективность дистрибуционного анализа как такового, мы хотели лишь показать на примере, что понимается под структурой составляющих. Независимо от того, осуществляется ли грамматический анализ только на основании дистрибуционного критерия или с учетом каких-то других факторов, использование конкретного понятия или символа, таких, например, как «существительное» или N_c , в качестве пометы для определенного класса форм предполагает, что все единицы из этого класса являются взаимозаменяемыми во всех контекстах, которые описываются правилом, содержащим эту помету. Например, припишем некую произвольную помету A_x классу форм, образованных с помощью

суффикса *ly* от форм класса N_c . То, что было сказано выше, можно представить в виде следующего правила:

$$(3) N_c + ly \rightarrow A_x$$

Эта запись показывает, что все формы подкласса N_c взаимозаменяемы по крайней мере в тех контекстах, которые описываются правилом (3). Эта запись также предполагает, что все формы из подкласса A_x будут взаимозаменяемы в контекстах, описываемых некоторыми другими правилами, такими, например, как

$$(4) A_x + ness \rightarrow N_a$$

и

$$(5) un + A_x \rightarrow A_x.$$

Тот факт, что дистрибуционный анализ в той его версии, которая была разработана в постблумфилдский период, в настоящее время отвергнуто большинством исследователей, не означает, что отвергнуто также и само понятие дистрибуция. Напротив, это понятие является ключевым для формализации описания грамматики.

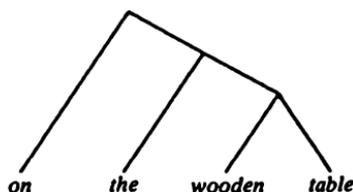
Прежде чем мы перейдем к обсуждению следующей проблемы, необходимо сделать еще одно важное замечание. Правило (5), в отличие от правил (3) и (4), является потенциально рекурсивным; таким образом, если признать, что оно применимо к своему результату, мы получим бесконечное множество синтагм, каждая из которых будет сложнее предыдущей — $[un-friendly]$, $[un-[un-friendly]]$, $[un-[un-[un-friendly]]]$, и т. д. Если же мы не хотим считать *ununfriendly*, тем более *unununfriendly*, грамматически правильно построенными формами, нам придется признать правило (5) ошибочным и тем самым констатировать, что *friendly* и *unfriendly* не относятся к одному классу форм. Вместе с тем в английском, и возможно во всех естественных языках, есть много морфологических и синтаксических правил, которые действительно являются рекурсивными. Именно поэтому число предложений, каждое из которых имеет ограниченную длину, в языке может быть бесконечным (см. предложенное Хомским определение языка, которое мы цитировали в 1.2 и 2.6).

Понятие «составляющая», которое (в соответствии с постблумфилдской концепцией морфологии) использовалось для описания структуры слов, в полной мере применимо и к описанию последовательностей слов — словосочетаний, или, что то же, групп (слов). Например, *on the wooden table* 'на деревянном столе' является группой предлога, которая состоит из предлога (*on* 'на') и группы существительного, включающей в свою очередь определенный артикль (*the*) и группу *wooden table* 'деревянный стол', состоящую из прилагательного (*wooden* 'деревянный') и существительного (*table* 'стол'). Все это можно представить (опуская указания на традиционные классы слов) в виде следующей условной записи:

$$(6) [on[the[wooden table]]]$$

или в виде дерева

(7)

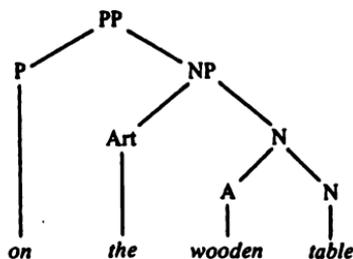

Оба представления (6) и (7), как (1) и (2), являются **неразмеченными** представлениями структуры составляющих.

Чаще, однако, лингвисты пользуются так называемым **размеченным** представлением, т. е. представлением, содержащим пометы о классе форм. Поэтому давайте преобразуем (6) и (7) в размеченное скобочное представление (8) и размеченное дерево (9), используя стандартные пометы: NP — для «группы существительного», P — для «предлога», PP — для «группы предлога», A — для «прилагательного», Art — для «(определенного) артикля»:

(8) [PP[P on] [NP[Art the] [N[A wooden] [N table]]]]

(9)

Следует заметить, что с формальной точки зрения представления (8) и (9) эквивалентны. Вместе с тем, поскольку скобочное представление, хотя и более компактно, является менее наглядным, лингвисты предпочитают иметь дело с деревьями.

Относительно примеров (8) и (9) необходимо сделать два общих замечания. Первое, в обоих случаях группа *wooden table* отнесена к тому же классу форм, что и слово *table* (N). С дистрибуционной точки зрения это решение вполне оправдано. Кроме того, хотя в английском языке существуют некоторые общие принципы, определяющие порядок следования прилагательных, предшествующих существительному в пределах одного словосочетания, число прилагательных в этой позиции в принципе может быть бесконечным. При этом, однако, остается открытым вопрос о внутренней структуре цепочек такого рода.

Второе замечание связано с выражениями «группа существительного» и «группа предлога». Оба они взяты из традиционной грамматики и по сути связаны не с понятием «составляющая», а с понятием «зависимость»

(см. 4.4). Группой существительного принято называть группу, главным членом, или вершиной, которой является существительное; группой предлога — группу, главным членом которой является предлог. Описание структуры составляющих в (8) и (9) не содержит никакой информации о зависимости. В этом смысле термины «группа существительного» и «группа предлога» являются немотивированными. В принципе можно считать, что эти термины подразумевают тождество дистрибуции группы существительного и существительного, а также группы предлога и предлога. Однако в отношении предлога это очевидным образом неверно. На первый взгляд, термин «группа существительного» в этом смысле более приемлем. Для многих языков это действительно так. К их числу относятся, в частности, латинский и русский — языки, где нет артикля и где, в отличие от английского, так называемые нарицательные существительные могут не иметь при себе никаких членов класса, который называют детерминаторами. Однако при ближайшем рассмотрении легко обнаружить, что, хотя формы *the wooden table* и *the table* имеют практически ту же дистрибуцию, что и имена собственные и местоимения, их дистрибуция отличается от дистрибуции нарицательных существительных, таких, как *table*.

Примеры, которые мы привели выше в качестве иллюстрации понятия «структура составляющих», довольно просты и, если не считать одной или двух деталей, не должны в принципе вызывать возражений. Однако при анализе сколько-нибудь репрезентативного множества английских предложений в рамках того подхода, который был принят в этом разделе, возникает целый ряд проблем. В частности, довольно трудно интегрировать структуру составляющих словоформы и структуру составляющих более крупных синтагм, в которые сами эти словоформы входят в качестве составляющих. В настоящее время почти никто из лингвистов не считает возможным или целесообразным описывать синтаксис в рамках представленной здесь теоретической концепции. В то же время достаточно очевидно, что структура составляющих характерна для многих, возможно, для всех, языков. Во всяком случае, попытки последователей Блумфилда формализовать понятие структуры составляющих в терминах дистрибуции внесли существенный вклад в теорию синтаксиса.

В заключение следует сделать еще два замечания: первое касается того, что обычно (хотя, возможно, не вполне точно) принято называть разрывными составляющими, а второе — линейного порядка слов. Во многих языках можно найти примеры терминальных или промежуточных составляющих, компоненты которых разделяются цепочками из одной или нескольких форм. Например, причастия прошедшего времени большинства немецких глаголов образуются путем добавления префикса *ge-* и суффиксов *-t* или *-en* к исходной форме: *ge-lob-t* букв. 'похваленный', *ge-sproch-en* 'спрошенный'. Разрывность слова часто встречается во флективных языках. Для более крупных синтагм она вообще довольно типичное явление. Например, *looked...up* в *He looked the word up in the dictionary* 'Он поискал слово в словаре', *he...doesn't like bananas* в *He evidently*

doesn't like bananas 'Он очевидно не любит бананы', *has...en* и *be...ing* в *has been singing* '(он) пел'.

Разрывность нарушает принцип смежности, в соответствии с которым синтаксически связанные языковые единицы (или их части) в предложении должны находиться рядом. В некоторых языках этот принцип является скорее стилистической рекомендацией. В других — смежность сама по себе является показателем наличия синтаксической связи. Например, смежность, или близость, синтагмы *walking down the road* к словам *John* или *Mary* позволяет определить, какое из них она в действительности определяет, ср., *Walking down the road, John met Mary* 'Идя по дороге, Джон встретил Мэри' и *John met Mary walking down the road*, 'Джон встретил Мэри, идущую по дороге' (в том случае, если предложения произносятся с обычным ударением и интонацией). Важно иметь в виду, что само по себе понятие «структура составляющих» не предполагает обязательной смежности компонентов одной составляющей.

Оно не предполагает также, что компоненты составляющей должны иметь определенный линейный порядок. Особенностью английского языка является то, что в нем линейный порядок форм в большинстве, однако далеко не во всех, случаях определяют грамматические правила, а не стилистические рекомендации: словоформы **friend-un-ness-ly*, **ness-friend-un-ly* и синтагмы **wooden the table on*, **on table the wooden* нельзя признать правильно построенными. Безусловно, во всех естественных языках в пределах слова линейный порядок морфем строго фиксируется грамматическими правилами. Однако, если говорить о более крупных синтагмах, между языками в этом отношении существуют значительные различия. Как мы увидим ниже, предлагаемая Хомским формализация для описания структуры составляющих подразумевает, что как смежность, так и линейный порядок обязательно должны быть учтены грамматическими правилами.

4.6. Генеративная грамматика

Термин «генеративная грамматика», введенный в научный оборот Хомским в середине 1950-х гг., в настоящее время используется в двух разных смыслах. В своем первоначальном, более узком и техническом смысле, он относится к множеству правил, описывающих конкретные языковые системы. В данном разделе мы будем понимать под генеративной грамматикой именно это.

Во втором, более общем смысле, он характеризует целую систему теоретических и методологических принципов описания структуры языка. В этом случае мы предпочитаем говорить о «генеративизме». Обсуждению этого научного подхода будет посвящена глава 7. Хомский является не только автором той версии генеративной грамматики, которая получила наиболее широкое распространение, он выступает также как главный пропагандист генеративизма, и именно в этом качестве он приобрел огромный авторитет не только в лингвистике, но и в целом ряде

других научных дисциплин. Важно понимать, что, хотя нельзя быть генеративистом, не имея представления о генеративной грамматике, вполне возможно проводить конкретные исследования в русле генеративной грамматики, не подписываясь при этом под теоретическими и методологическими принципами генеративизма.

Под **генеративной грамматикой** понимается формальный аппарат, представляющий собой набор правил, применение которых к единицам из конечного словаря порождает множество (конечное или бесконечное) синтагм, состоящих из конечного числа единиц. Синтагмы, построенные в соответствии с грамматикой, которая характеризует некий язык, считаются правильно построенными формами этого языка. Генеративные грамматики, представляющие интерес для лингвистов, приписывают каждой правильно построенной синтагме, которую они порождают (в частности, каждому предложению), соответствующее **структурное описание**. Приведенное здесь определение генеративной грамматики в одном аспекте шире определения Хомского. Оно использует термин «синтагма» там, где Хомский говорит о «цепочках» или «последовательностях» единиц. Синтагма, как было сказано выше, — это комбинация грамматических единиц (или, если речь идет о фонологии, элементов), которые не обязательно линейно упорядочены. Хотя Хомский определяет предложения и словосочетания как (структурированные) цепочки, на наш взгляд, вполне правомерно считать их синтагмами, т. е. множествами единиц, объединенных в определенную конструкцию. Такое представление вполне соответствует сложившейся традиции. То, что традиционная грамматика рассматривает как разные конструкции, в генеративной грамматике может быть представлено как различие соответствующих структурных описаний.

Термин «порождать» в данном определении имеет точно тот же смысл, в котором он используется в математике. Покажем это на следующем примере. Допустим, переменная x может принимать значение любого натурального числа $\{1, 2, 3, \dots\}$, тогда функция $x^2 + x + 1$ (которую можно рассматривать как множество правил, или операций) порождает множество $\{3, 7, 13, \dots\}$. Именно в этом абстрактном (или статичном) смысле термина говорят, что генеративная грамматика порождает предложения языка. Здесь нет необходимости подробно обсуждать математический аспект проблемы. Важно лишь понять, что используемый в данном контексте термин «порождать» не имеет отношения к процессу продуцирования предложений человеком (или машиной) в реальной ситуации языкового общения. Генеративная грамматика — это математически точное описание грамматической структуры предложений, которые она «порождает».

Из данного определения не следует, что сфера применения генеративной грамматики ограничена естественными языками. Более того, оно вообще не предполагает, что генеративная грамматика предназначена для описания естественных языков. Множества синтагм, которые генеративная грамматика называет языками, на самом деле представляет собой то, что в логике называют **формальными языками**. Любая потенциально возможная синтагма является либо правильной, либо неправильной; не су-

существует синтагм с промежуточным статусом. Далее, каждая правильно построенная синтагма имеет полностью охарактеризованную структуру, приписанную ей соответствующей грамматикой. Вообще говоря, неясно, являются ли естественные языки формальными языками в указанном смысле. Многие лингвисты полагают, что это не так.

Это, впрочем, не означает, что формальные языки не могут служить моделями естественных языков. Для этого достаточно, чтобы свойство грамматичности, которое, по-видимому, не может быть полностью формализовано, получило эмпирически обоснованное формальное определение в пределах некоторых разумных ограничений, а также, чтобы те структурные свойства, которые встроены в модель, были идентифицируемы в любом естественном языке, для которого данный формальный язык служит моделью. Слово «модель» используется здесь в том же смысле, в каком экономист мог бы говорить, например, о модели монополистической конкуренции или химик — о модели молекулярной структуры. В каждом из этих случаев построение модели предполагает абстракцию и идеализацию. Точно такая же ситуация имеет место и в лингвистике. Теоретическая синхроническая микролингвистика, имеющая целью описание наиболее важных свойств языковых систем, может позволить себе отвлечься от многих деталей, которые должны будут стать предметом изучения других областей лингвистики (см. 2.1). Таким образом, тот факт, что естественные языки не являются формальными языками, сам по себе не исключает возможности использования генеративной грамматики в лингвистике.

В связи с приведенным выше определением генеративной грамматики необходимо сделать еще одно важное замечание. Это определение допускает существование разных типов генеративных грамматик. В этой ситуации перед лингвистами встает вопрос: какой из многих возможных типов следует выбрать в качестве модели грамматической структуры естественных языков. Сформулированный таким образом, этот вопрос предполагает, что существует тип генеративных грамматик, который подходит для описания всех языков. Именно эта точка зрения доминирует в современной лингвистике. Одним из аргументов в ее пользу является то, что все люди очевидно обладают способностью освоить любой естественный язык. В принципе возможно, что для описания разных языков целесообразно использовать генеративные грамматики разных типов. До сих пор, однако, мы не имеем оснований считать, что это так.

В самой ранней своей работе Хомский показал, что одни типы генеративных грамматик являются в силу особенностей своей структуры более мощными, чем другие: более мощные грамматики могут порождать как все те формальные языки, которые порождают менее мощные грамматики, так и такие формальные языки, которые менее мощные грамматики порождать не могут. Он показал, в частности, что грамматики с конечным числом состояний являются менее мощными, чем грамматики непосредственных составляющих (НС-грамматики), НС-грамматики — менее мощными, чем трансформационные грамматики. Мы не будем подробно обсуждать различия между этими тремя типами грамматик, которые Хомский назы-

вает тремя моделями описания языка (используя в данном случае термин «модель» в некотором особом смысле): существует множество работ, где эти проблемы рассматриваются с использованием как более простого, так и более сложного формального аппарата. Относительно грамматик с конечным числом состояний заметим только, что, как показал Хомский, основываясь на достаточно убедительных наблюдениях над синтаксической структурой английского и ряда других языков, грамматики этого типа не могут служить моделями для описания по крайней мере некоторых естественных языков. Особое внимание Хомского к грамматикам с конечным числом состояний как потенциальным моделям для описания языка было связано с тем, что в середине 1950-х гг. именно эти грамматики широко использовались психологами бихевиористского толка.

Трансформационные грамматики, напротив, безусловно обладают достаточной мощностью для моделирования естественных языков. Существует множество вариантов трансформационных грамматик. При этом некоторые из них, как это не парадоксально на первый взгляд, являются слишком мощными: они позволяют формулировать правила, которые, насколько известно, никогда не используются в описаниях естественных языков. В идеале, и этот момент особенно важен с точки зрения генеративизма, лингвисты хотели бы иметь в своем распоряжении версию генеративной грамматики, обладающую ровно той степенью мощности, которая необходима для эксплицитного и четкого представления самых существенных свойств грамматической структуры естественных языков. Хотя версия трансформационной грамматики, разработанная в середине 1950-х гг. Хомским и впоследствии неоднократно модифицировавшаяся, доминировала в теоретическом синтаксисе в течение почти двадцати лет, роль собственно трансформационных правил в ней постоянно ограничивалась. Сейчас будущее трансформационной грамматики как таковой (речь не идет о генеративной грамматике в целом) представляется весьма неопределенным.

В самом начале Хомский обратил особое внимание на два свойства естественных языков, которые, по его мнению, следует учитывать в первую очередь при выборе адекватной версии генеративной грамматики: рекурсивность и структура составляющих (см. 4.5). Оба они имеют четкую формулировку в НС-грамматиках. Они могут быть сформулированы также и в рамках трансформационной грамматики Хомского, которую можно в общем охарактеризовать как НС-грамматику с трансформационным расширением. На самом деле, правила (3) и (5), приведенные в разделе 4.5, могут рассматриваться как правила НС-грамматики, которая порождает цепочки символов, приписывая каждой из них размеченное скобочное представление: см. примеры (6) и (8) там же. Такие размеченные скобки называются показателями НС-структуры. Поскольку НС-грамматики представляют собой частный случай конкатенационных грамматик (т. е. грамматик, порождающих цепочки единиц), показатели НС-структуры не только приписывают синтагмам структуру составляющих и класс каждой из составляющих, но и задают их линейный порядок.

Поскольку цель данной книги — дать самое общее представление о проблемах современной лингвистики, я не буду подробно обсуждать различия между многочисленными версиями генеративной грамматики, и в частности, детально рассматривать механизм и принцип действия НС-грамматик. Подчеркну лишь, что каждая версия генеративной грамматики имеет свои достоинства, и в настоящее время неясно, какая из множества созданных и исследованных ее версий лучше подходит для моделирования естественных языков. Хотя долгое время считалось, что в этом качестве наиболее приемлемой окажется одна из трансформационных грамматик (поэтому термины «генеративная грамматика» и «трансформационная грамматика» часто использовались как синонимы), последние исследования поставили под сомнение те аргументы, которые привели Хомского и его единомышленников к такому заключению.

Дополнительная литература

В дополнение к соответствующим главам вводных курсов, перечисленных выше, для начинающих рекомендуем работу *Palmer 1971*, в которой сочетаются преимущества и недостатки нейтрального теоретического подхода. Большинство специальных работ по теории грамматики можно разделить на несколько групп в зависимости от того, в рамках какого конкретного лингвистического направления: генеративизма, функционализма и т. д., (см. главу 7) они выполнены. Ценными исключениями в этом отношении являются *Allerton 1979* и *Brown & Miller 1980*. Стандартным учебником по общей лингвистике является *Robins 1979a*, главы 5–6.

Лучшей работой по морфологии (включая словоизменение), доступной тем, кто владеет английским, является *Mattews 1981*. Для владеющих немецким, рекомендуем также *Bergenholz & Mugdan 1979*, где содержится богатый иллюстративный материал и упражнения. *Nida 1949* представляет классическое обсуждение проблемы (а также упражнения) в рамках постблумфильдского подхода.

Критический обзор проблем синтаксиса (в состав которого многие лингвисты включают также словоизменение) с исчерпывающим списком литературы представлен в *Mattews 1981*. *Householder 1972* включает целый ряд классических статей и полезное введение редактора-составителя, посвященное проблемам исторического развития синтаксической теории.

О проблемах синтаксиса в рамках конкретных теоретических подходов:

Генеративный синтаксис: большинство работ по генеративному синтаксису выполнены в духе генеративизма (см. 7.4). Существует множество заслуживающих доверия работ по генеративному синтаксису, которые, однако, в ряде аспектов приходится признать устаревшими (в частности, это касается статуса глубинных структур), тем не менее они могут быть полезны с точки зрения описания основных теоретических положений и используемого формально-го аппарата. Относительно неформальное обсуждение проблемы содержится в *Lyons 1970*, глава 6; и *1977a*. Рекомендуем также учебники *Akmajian & Heny 1975*; *Bach 1974*; *Baker 1978*; *Culicover 1976*; *Huddleston 1976*; *Keyser and Postal 1976*; *Stockwell 1977*. Многие из них содержат задачи и упражнения.

Особенно полезны в этом отношении *Koutsoudas* 1966; *Langacker* 1972. Рекомендуем также хрестоматии *Fodor & Katz* 1964; *Jacobs & Rosenbaum* 1970; *Reibel & Schane* 1969.

Функциональный синтаксис: *Dik* 1978; *Martinet* 1960, 1962.

Системная грамматика: *Berry* 1975, 1977; *Halliday, McIntosh & Strevens* 1964; *Hudson* 1971; *Sinclair* 1972.

О тагемике: *Cook* 1969; *Elson & Pickett* 1962; *Longacre* 1964.

Стратификационная грамматика: *Gleason* 1965, *Lockwood* 1972; *Makkai & Lockwood* 1973.

Следует иметь в виду, что традиционные названия различных теоретических направлений, хотя в какой-то мере безусловно полезны, вообще говоря, могут вводить в заблуждение. Теоретические подходы, которые породили эти названия, в принципе не обязательно несовместимы. Например, функциональный синтаксис не исключает возможности использования аппарата генеративной грамматики (см. *Dik* 1978); системная грамматика также может быть представлена как генеративная грамматика (см. *Hudson* 1976), а в некоторых своих версиях очень близка к функционализму (см. *Halliday* 1976). В некоторых отношениях системная грамматика имеет много общего с тагемикой, с одной стороны, и стратификационной грамматикой, с другой. Различия в терминологии и условных обозначениях часто мешают заметить это сходство.

Английская грамматика: классическими являются работы *Curme* 1935; *Jespersen* (1909–49); *Poutsma* (1926–9). Наиболее информативной из последних работ, посвященных как устному, так и письменному английскому и выполненных строго в рамках синхронического подхода, является *Quirk, Greenbaum, Leech & Svartvik* 1972: эклектичная в теоретическом плане, использующая результаты едва ли не всех направлений лингвистики, эта работа в общем достаточно надежна в том, что касается фактов. На многие вопросы к настоящей главе, связанные с английским языком, можно ответить, пользуясь информацией, которая в ней содержится.

О глагольной системе английского в дополнение к перечисленным работам см. *Leech* 1976; *Palmer* 1974.

О соотношении грамматичности и осмысленности: дополнительно *Lyons* 1977b, глава 10; *Sampson* 1975, глава 7.

О словах и морфемах: *Matthews* 1974; *Robins* 1979a, глава 5 — в обеих работах приводится исчерпывающая библиография по рассматриваемым проблемам.

О частях речи и классах форм: *Lyons* 1977b, глава 11.

О дистрибуционном подходе к грамматическому анализу: классическая работа *Harris* 1951. *Fries* 1952 демонстрирует этот подход на примере английского языка.

О грамматических категориях: *Lyons* 1968, глава 7.

О грамматике зависимостей и понятии «валентность» см. в первую очередь классическую работу *Tesnière* 1959 на французском, а также *Helbig* 1974 — на немецком; *Апресян* 1974 — на русском; *Fink* 1977 — на английском.

Так называемая падежная грамматика, на которую ссылаются многие последние учебники, близка к генеративной грамматике Хомского и испытала сильное влияние последней.

Подробное обсуждение проблемы соотношения понятий «зависимость» и «структура составляющих» представлено в *Matthews* 1981.

Вопросы и упражнения

1. Объясните, (а) что значит грамматика в широком смысле и (б) что понимается под грамматикой в данной книге?
2. Чем синтаксис отличается (а) от словоизменения и (б) от морфологии?
3. Объясните различие между исходной формой и представляющей формой лексемы.
4. Морфемы иногда определяют как минимальные значащие единицы. Чем это определение отличается от определения данного в этой книге?
5. В чем состоит различие между частями речи и классами форм?
6. Выше мы говорили о том, что формы *boy* и *boys* имеют разную дистрибуцию (см. с. 105–106). Укажите как можно больше дистрибуционных различий (а) для письменных форм *boy* и *boys* и (б) для устных форм [boi], [boiz]. Можете ли вы доказать, учитывая дистрибуционный критерий, что формы *boys*, *boy's*, *boys'* являются омофонами, но не являются омографами.
7. Рассматривая минимальные сложносочиненные и сложноподчиненные предложения (предложения-композицы, состоящие из двух простых), (а) приведите примеры английских предложений каждого из этих двух типов; (б) установите, существуют ли системные ограничения на возможность сочетания в пределах предложений-композицов повествовательных, побудительных и вопросительных (простых) предложений (т. е. повествовательного с другим повествовательным, повествовательного с побудительным и так далее); (в) укажите, как можно распространить приведенное определение на сложные предложения, содержащие более двух простых; (г) установите, может ли сложноподчиненное предложение выступать в качестве составляющей сложносочиненного, и наоборот; (д) представьте некоторые из этих возможностей в виде схемы; (е) объясните, следует ли из этого, что необходимо проводить различие между самостоятельными простыми предложениями и простыми предложениями, являющимися частями сложного предложения.
8. «Генеративная грамматика Хомского... опирается на отношение „быть составляющей“, тогда как традиционная грамматика построена прежде всего на отношении зависимости» (с. 110). Объясните, как в этом контексте понимаются термины составляющая и зависимость.
9. «Свободная форма, которая целиком складывается из двух (или более) менее крупных свободных форм... представляет собой словосочетание. Свободная форма, которая не является словосочетанием, представляет собой слово... Короче говоря, слово — это минимальная свободная форма». (*Bloomfield* 1935, 176; цит. по: *Блумфилд* 1968, 187). (а) Термин «слово» неоднозначен (см. 4.1). Какие типы слов не подпадают под определение Блумфилда? (б) Существуют ли в английском слова (в соответствующем понимании этого термина), которые не удовлетворяют этому определению? (в) Какие еще критерии можно использовать в определении «слова»?
10. Во всех ли языках существуют (а) слова, (б) морфемы, (в) предложения?
11. Составьте список из пятидесяти английских лексем, оканчивающихся на *-able* (включая “acceptable”, “edible”, “honourable”, “marriageable”, “payable”, “reasonable”). Напишите правило вида $X + able \rightarrow Y$ (подставив вместо X

- и У пометы подходящих классов форм), позволяющее порождать возможно большее число исходных форм для лексем из этого списка. Установите, для каких из них это правило является семантически удовлетворительным.
12. Какими синтаксическими свойствами отличаются в английском имена собственные от нарицательных существительных и местоимений? Укажите синтаксические различия между исчисляемыми и неисчисляемыми существительными.
 13. «Существуют правила порядка слов, которые определяют расстановку слов в английском словосочетании *all the ten fine old stone houses* [‘все эти десять прекрасных старых каменных домов’]. Некоторые из этих правил носят абсолютный характер...» (Hill 1958, 175). (а) Какие правила порядка слов, актуальные для этого примера, являются абсолютными? (б) Сколько разных английских словосочетаний вы можете построить путем замены словоформ в каждой из возможных позиций? (в) Можно ли расширить это словосочетание, вставив другие прилагательные между артиклем и существительным? (г) Какие правила порядка слов, если такие вообще существуют, могут служить дистрибуционным критерием деления прилагательных на подклассы? (см. Crystal 1971, 128–141)? (д) Какое значение в формулировке таких критериев имеют ударение и интонация?
 14. Объясните, что понимается под генеративной грамматикой. Каковы ее главные задачи?
 15. Являются ли, по вашему мнению, естественные языки формальными языками. Аргументируйте свой ответ.
 16. Используя дополнительную литературу, объясните различие между грамматиками с конечным числом состояний и НС-грамматиками.
 17. Трансформационную грамматику «можно в общем охарактеризовать как НС-грамматику с трансформационным расширением» (с. 120). Поясните это утверждение.
 18. Вообще говоря, в английском каждому повествовательному предложению (например, *John is at home* ‘Джон дома’, *His brother played football for Ireland* ‘Его брат играл в футбол за Ирландию’) можно поставить в соответствие вопросительное предложение (*Is John at home?* ‘Джон дома?’, *Did his brother play football for Ireland?* ‘Играл ли его брат в футбол за Ирландию?’), и наоборот. Аналогично, каждому утвердительному предложению (*He likes fish and chips* ‘Он любит рыбу и чипсы’, *The man in the moon is smiling at me* ‘Человек на луне мне улыбается’, *Did his brother play football for Ireland?* ‘Играл ли его брат в футбол за Ирландию?’) можно поставить в соответствие определенное отрицательное предложение (*He doesn't like fish and chips* ‘Он не любит рыбу и чипсы’, *The man in the moon isn't smiling at me* ‘Человек на луне мне не улыбается’, *Didn't his brother play football for Ireland?* ‘Не играл ли его брат в футбол за Ирландию?’), и наоборот. Сформулируйте для английского правило, связывающее повествовательные предложения с вопросительными, и правило, связывающее утвердительные предложения с отрицательными. Что общего имеют эти правила? Приведите повествовательное предложение, соответствующее вопросительному *Did anyone call?* Какое утвердительное предложение соответствует отрицательному *He didn't see anybody?* Является ли предложение *Nobody called* утвердительным или отрицательным с точки зрения вашего правила?
 19. Было выдвинуто множество предложений о том, как с помощью правил базового компонента трансформационной грамматики можно было бы порождать все словоизменительные формы английского глагола. Классическое

решение Хомского (1957), в немного измененном виде, предлагает использовать следующий набор правил:

Verb → Aux V

Aux → Tense (M) (*have en*) (*be ing*)

Tense → {Present, Past}

M → {*will, can, may, shall, must*}

V → {*open, see, come, ...*}

Здесь Aux — вспомогательный глагол; M — модальный глагол, Verb — глагол (как символ класса форм); V — конкретная глагольная лексема; Tense — время; Present — настоящее; Past — прошедшее. В круглых скобках приведены возможные варианты подстановки. В фигурных скобках приведены множества элементов, из которых при применении правила можно выбрать только один. (Более детальные пояснения вы найдете в Lyons 1977a и в стандартных учебниках по генеративной грамматике).

- (а) Приведите примеры пяти цепочек, которые можно получить с помощью этих правил, для каждой цепочки укажите соответствующие показатели структуры составляющих.
 - (б) Сколько разных цепочек для каждой глагольной лексемы можно получить с помощью этой системы правил?
 - (в) Какие дополнительные операции необходимы, чтобы получить такие словоформы, как *opened, will see, have seen, could be opening, may have been coming* и так далее? Объясните, почему *have* и *en*, а также *be* и *ing* в данных правилах объединены в одну единицу? Почему «время» (Tense) выступает в соответствующем правиле в качестве первой составляющей Aux?
 - (г) Существуют ли в английском вспомогательные глаголы, не учтенные в данных правилах?
 - (е) Почему в этих правилах не упоминаются различия по числу (единственное/множественное: например, *opens/open, has/have*) и различия по залого (активный/пассивный: *opens/is opened*)?
20. Объясните понятие синтаксическая неоднозначность, приведите примеры. Покажите, как некоторые типы синтаксической неоднозначности могут быть представлены с помощью аппарата НС-грамматик.
21. Во многих учебниках приводятся упражнения, в которых требуется провести грамматический анализ некоторого языкового материала. В этих упражнениях может использоваться материал реальных или условных (придуманных авторами) языков. Как правило, речь идет об отдельных фрагментах языка. Такого рода упражнение, которое я назвал Бонго-Бонго, приводится ниже. Оно было придумано для того, чтобы студенты могли поработать с материалом гипотетического языка (впрочем очень похожего на реальный), который во многих отношениях отличается по своим структурным характеристикам от английского. Предложения этого языка даны в широкой фонетической транскрипции. Вы должны начать с построения их фонологического представления с учетом фонетического сходства и дополнительной дистрибуции. Постарайтесь затем выявить основные морфологические и синтаксические особенности этого языка, обращая особое внимание на категории падежа, рода, числа и времени/вида. Полезно будет обратиться к курсам общей

лингвистики, чтобы уточнить, что обычно понимается под этими терминами. (Перевод приводимых предложений этого условного языка является свободным, а не буквальным.)

Таблица 4

Бонго-Бонго

1.	iwampi isulpin.	‘Он бьет свою жену (регулярно).’
2.	tixawampixer?	‘Ты кончил бить меня?’
3.	jem tiwampusu ivand?	‘Почему ты бил в этот барабан?’
4.	pul ap tiwampi isulpiθin?	‘Как давно ты перестала бить своего мужа?’
5.	ap piwampi issulpifin.	‘Мы не бьем своих жен.’
6.	iwampusi isulpin.	‘Она била своего мужа.’
7.	iθilpixet.	‘Она влюблена в тебя.’
8.	ixadilpusip.	‘Они влюбились в нас.’
9.	ixadilpuxe.	‘Они влюблены в нее.’
10.	spurje iθilpu zjelt.	‘Дети любят книги.’
11.	pixadilpixo ijelt.	‘Мы любим эту книгу.’
12.	iθungosu ujelt.	‘Она читала ту книгу.’
13.	uθimbi iθungexo jelt.	‘Та девушка читает книгу (сейчас).’
14.	izeltu uxaxarpik pu iθamp.	‘Книги на столе.’
15.	ispurje ixaxarpus.	‘Дети были в постели.’
16.	pixaxarpixe ifurj.	‘Я укладываю ребенка в постель (сейчас).’
17.	zgoldifini isurgo zalp.	‘Некоторые из наших друзей курят трубку.’
18.	pirdi isurgexo zalp.	‘Фред курит трубку (сейчас).’
19.	uholdifini ixayimkik.	‘Тот мой друг сейчас здесь.’
20.	iharti ixayiyimkosi izgoldin.	‘Этот фермер приводил своих друзей.’
21.	uθimbi ixajarcexe pird.	‘Та девушка — невеста Фреда.’
22.	ixacengosu uwing usark.	‘На ней было то дорогое платье.’
23.	icengo pirt sark.	‘Она всегда красиво одевается.’
24.	pul tixazimjek? uzgoldiθini bump bump ixazazimjexer.	‘Как давно ты встал? Те твои друзья разбудили меня очень рано.’

Продолжение таблицы 4

25.	uzgarti ihoncos: iharti ixahoncek.	‘Те фермеры богатели: этот фермер (уже) богат.’
26.	zdarbu ufirt: idarbu pirt uxafirtik.	‘Розы красивы: эта роза сейчас действительно красива.’
27.	kansi idiilpi stimb: korti idanti pirt stimb.	‘Ганс — убийца женщин: Курт — волк.’
28.	pinge idanti skuld.	‘Пинг — рыбак.’
29.	uwunt usturpi idantusi uhart isulpin.	‘Те слепые мыши, которых ты видишь вон там, гнались за женой того фермера.’
30.	ifirt istimbi idilpi gonc zgart.	‘Эти хорошенькие девушки всегда влюбляются в богатых фермеров.’

СЕМАНТИКА

5.1. Разнообразие значений

Семантика — это исследование значений. Однако что такое значение? Философы обсуждают этот вопрос применительно к языку уже более 2000 лет. И никто еще не нашел удовлетворительного ответа. Одной из причин, возможно, является то, что поставленный таким образом, он вообще не имеет ответа. Этот вопрос базируется на двух презумпциях, которые по меньшей мере проблематичны: (а) то, что называют словом «значение», действительно существует в какой-то форме; (б) то, что называют значением, имеет сходную, если не одинаковую, природу. Будем далее говорить, соответственно, (а) о презумпции существования и (б) о презумпции однородности.

Я не утверждаю, что эти две презумпции ложны, однако с философской точки зрения они противоречивы. Очень многие вводные семантические курсы проходят мимо этого важного обстоятельства. Из чего следует, что мы должны постараться не связывать себя ни с одной из них. В частности, следует избегать встречающихся во многих учебниках высказываний типа «язык строит мост между звуком и значением». Правда, такого рода утверждениям можно дать довольно изошренную интерпретацию, которая сделает их более приемлемыми, чем они кажутся на первый взгляд. Тем не менее, понятые буквально, они представляются запутанными и, с философской точки зрения, тенденциозными. Создается впечатление, что значение, как звук, существует независимо от языка и по природе однородно.

Это представление о значении, впрочем, довольно традиционно. В соответствии с господствовавшей в течение долгого времени теорией семантики, значения — это мысли, или концепты, которые существуют в сознании людей и могут быть переданы от говорящего к слушающему, воплощаясь в формах того или иного языка.

Отождествление значений с концептами не поможет нам ответить на вопрос «Что такое значение?» по крайней мере до тех пор, пока термин «концепт» не получит четкого определения. В привычном употреблении этот термин является слишком расплывчатым или общим, для того чтобы служить краеугольным камнем в традиционной концептуалистской теории значения. Что общего между концептами, связанными

со следующими словами, которые мы нашли на первой странице списка наиболее часто встречающихся английских слов: “the” ‘определенный артикль’, “for” ‘для’, “I” ‘я’, “first” ‘первый’, “year” ‘год’, “little” ‘маленький’, “write” ‘писать’, “three” ‘три’, “school” ‘школа’, “boy” ‘мальчик’, “development” ‘развитие’, “name” ‘имя’, “anything” ‘что-то’? В некоторых случаях можно считать, что соответствующие концепты — это своего рода визуальные образы. Что, однако, безусловно нельзя отнести к таким словам, как “the”, “for”, “anything” и даже “name”. Даже тогда, когда, казалось бы, вполне уместно трактовать концепты как визуальные образы, эта трактовка создает больше проблем, чем решает. Ментальные образы, связанные, например, со словом “школа”, у разных людей различны и слишком детализированы. Очень часто между индивидуальными конкретными ментальными образами мало общего. При этом мы хотели бы считать, что люди вкладывают в слова более или менее одинаковое значение. Нет никаких доказательств того, что визуальные образы, которые мы, бесспорно, можем, осознанно или неосознанно, связывать с теми или иными словами, являются главной составной частью значения этих слов или что они необходимы для использования слов в повседневной речи.

Действительно, нет оснований полагать, что концепты, в любом четко определенном понимании этого термина, необходимы для построения эмпирически обоснованной теории семантики. Очевидно, что сама расплывчатость термина «концепт» в обычном понимании не способна защитить базирующуюся на этом понятии семантическую теорию. В предстоящем обсуждении проблемы значения мы не будем ссылаться на концепты.

Вместо вопроса «Что такое значение?» мы поставим перед собой совсем другой вопрос: «Что значит слово “значение”?». Переносим внимание с обсуждения понятия значение на обсуждение слова “значение”, мы получаем целый ряд преимуществ. Прежде всего, мы уже не будем связаны с презумпциями существования и однородности значения. Мы будем, конечно, связаны с презумпцией существования слова “значение”, однако это не создаст нам больших проблем. Переход от обсуждения природы вещей к обсуждению обозначающих их слов (примем противопоставление, которое я имею в виду, в этой довольно грубой формулировке) имеет еще одно преимущество. Полезно, в частности, обнаружить, что английское слово “meaning” ‘значение’ в каком-то другом языке не имеет однозначного соответствия. И это действительно так. Например, английское “meaning” в одних контекстах можно перевести на французский как “signification” ‘значение’ или “sens” ‘смысл’, тогда как в других контекстах это невозможно. Аналогично, различие между немецким “Bedeutung” ‘значение’ и “Sinn” ‘смысл’ не соответствует ни различиям между французскими “signification” и “sens”, ни различиям между английскими “meaning” и “sense”. Такого рода наблюдения показывают, что формулируя вопрос «Что такое значение?» на том или ином конкретном языке, мы уже в какой-то мере влияем на построение семантической теории, поскольку семантика, как было сказано выше занимается исследованием

значений, т. е. того, что обозначается словом “значение”. Нет никаких оснований считать, что используемое в обычной речи слово “значение” так же, например, как слова “сила” или “энергия” можно использовать без уточнения или даже переинтерпретации в языке науки.

Как было сказано выше, вопрос «Что значит слово “значение“?» не предполагает однородности значений. Большинство слов, которые мы используем в повседневной речи, не имеет четкого значения или даже четко очерченного множества значений. Слово “значение” в этом отношении не является исключением. Неудивительно поэтому, что у лингвистов и философов нет единого представления о границах семантики. Некоторые понимают предмет семантики более широко, другие — более узко. В этой книге я буду исходить из самого широкого представления о семантике.

Проблема выбора между относительно широкой и относительно узкой интерпретацией слова “значение”, на самом деле, гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд. Поясню это на примере английского “meaning”. Как я уже говорил, возможные его интерпретации плавно переходят одна в другую. Вероятно, все согласятся с тем, что некоторые из них имеют более непосредственное отношение к семантике, чем другие, например, что в предложении

(1) *What is the meaning of “life” ?*

‘Что значит слово “жизнь”?’

реализуется более интересное с точки зрения семантики значение английского “meaning”, чем в предложении

(2) *What is the meaning of life?*

‘В чем смысл жизни?’

Аналогично, с точки зрения семантики значение глагола “mean” в предложениях

(3) *The French word “fenêtre” means “window”*

‘Французское слово “fenêtre” значит “окно”’.

(4) *The French word “fenêtre” means the same as the English word “window”*

‘Французское слово “fenêtre” значит то же, что английское “window”’

является более важным, чем то его значение, которое реализуется в предложении

(5) *He is clumsy, but he means well*

‘Он груб, но у него добрые намерения’ (где *mean* означает ‘намереваться’).

Проблема, однако, в том, что у слов “meaning” и “mean” существует целый ряд промежуточных интерпретаций, относительно которых возникают разногласия. Некоторые философы считают, что интерпретации, имеющие наиболее непосредственное отношение к языку, т. е. связанные со значением слов, предложений, высказываний, могут получить

удовлетворительное объяснение лишь на основе тех промежуточных интерпретаций, которые применимы не только к языку, но и к другим типам семиотического поведения (см. 1.5).

Я не буду далее углубляться в детали этой проблемы. Однако для тех, кто серьезно интересуется структурой и функциями языка, замечу, что существует богатая и сложная философская традиция, которая в целом ряде аспектов оказала большое влияние на лингвистическую теорию значения. В этой книге я буду пользоваться словом “значение” скорее в повседневном смысле, не давая ему строгого определения. Вместе с тем, когда речь будет идти об определенных типах значений или тех аспектах значения, которые представляют особый интерес для лингвистики, я введу по мере необходимости ряд специальных терминов.

Достаточно очевидно, что необходимо различать значения слов (точнее, лексем) — **лексические значения** и **значения предложений**. До недавнего времени лингвисты занимались в основном лексическими значениями. Однако в настоящее время ситуация существенно изменилась. Сейчас уже, пожалуй, общепризнано, что ни один из этих двух типов значений нельзя описать, не учитывая другого. Значение предложения зависит от значения входящих в его состав лексем (включая фразовые лексемы, см. 5.2), а значение большинства, если не всех, лексем в свою очередь зависит от общего значения предложения, построенного из этих лексем. Вместе с тем грамматическая структура предложения, что интуитивно очевидно, а в дальнейшем будет показано на примерах, также вносит определенный вклад в его значение. Следовательно, далее нам придется говорить о **грамматических значениях** как еще об одном компоненте значения предложения (см. 5.3). Поскольку лингвистика занимается описанием языковых систем (см. 2.6), лексические и грамматические значения, а также значения предложений безусловно входят в сферу интересов лингвистической семантики.

Более спорным является вопрос о статусе значения **высказывания**. До сих пор мы не останавливались подробно на различиях между предложением и высказыванием, хотя и упоминали о них в предыдущей главе (см. 4.4). Значение высказывания включает в себя значение произносимого предложения, однако не сводится к нему полностью. В формировании значения высказывания участвует также ряд факторов, которые, довольно приблизительно, можно охарактеризовать как контекстуальные. Многие лингвисты полагают, что значение высказывания не входит в сферу ведения лингвистической семантики и должно рассматриваться в рамках так называемой **прагматики** (см. 5.6). Эта точка зрения, однако, вызывает серьезные сомнения. Как мы увидим ниже, понятие «значение предложения» безусловно зависит, как в логическом, так и в методологическом аспектах, от понятия «значение высказывания»: мы не можем исчерпывающим образом описать значение предложения, рассматривая его безотносительно к возможным контекстам появления соответствующего высказывания.

Другое множество противопоставлений связано с различиями семиотических, или коммуникативных, функций языка. Не все, вероятно, согласятся с Витгенштейном, одним из самых авторитетных философов своего времени, который предложил считать, что значение слова или высказывания можно во многих случаях отождествлять с его использованием. Однако какая-то связь между значением и использованием (языковой единицы) несомненно существует. То обстоятельство, что Витгенштейн привлек особое внимание к этой связи, а также к разнообразию функций языка, в 1950–1960-е гг. заставило философов и лингвистов усомниться в традиционном представлении, в соответствии с которым основной функцией языка считалась передача пропозициональной, или фактологической, информации. Конечно, нельзя отрицать, что языки имеют функцию, которую я в дальнейшем буду называть описательной. Возможно также, что другие семиотические системы не используются подобным образом, иначе говоря, чтобы делать утверждения, которые могут оказаться истинными или ложными в зависимости от того, имеет ли место в реальности описываемая ситуация. И все же языки способны выполнять и другие семиотические функции.

Некоторые из этих функций системно связаны с описательной функцией (или функцией создания утверждений) и в какой-то степени соответствуют структурным различиям между предложениями. Например, как было сказано выше, функциональные различия между утверждениями, вопросами и командами во многих языках соответствуют структурно различным типам предложений — повествовательным, вопросительным и побудительным. Этот факт давно признан философами и грамматистами. Однако в последнее время выяснению природы этого соответствия уделяется гораздо больше внимания. Кроме того, стало очевидно, что утверждения, вопросы и команды далеко не исчерпывают разнообразие функций так называемых речевых актов, между которыми существует системная взаимосвязь. В последнее время в философии и лингвистической семантике велась оживленная дискуссия вокруг вопроса о том, являются ли утверждения лишь одним из в принципе равноправных речевых актов или они образуют особый, логически первичный, их тип, от которого образованы, в определенном смысле, все прочие типы. Эта проблема до сих пор остается неразрешенной. Мы вернемся к ней позже (см. 5.4, 5.6).

Далее мы можем провести различие между описательным значением утверждений и не-описательным значением речевых актов других типов. Мы можем также, по крайней мере временно, отождествить описательное значение высказывания с так называемой пропозицией, иными словами, с тем, что утверждается в высказывании и что может присутствовать, хотя и не в виде утверждения, в других речевых актах, в частности, в вопросах. Например, можно сказать, что следующие высказывания, представляющие, соответственно, утверждение и вопрос:

- (6) *John gets up late* ‘Джон встает поздно’
 (7) *Does John get up late?* ‘Джон встает поздно?’

содержат одну и ту же пропозицию, однако только высказывание (б) делает о ней утверждение, т. е. описывает, или пытается описать некую конкретную ситуацию. Главным свойством пропозиций является то, что они имеют истинностное значение, иначе говоря, могут быть либо истинными, либо ложными. Таким образом, существует глубокая внутренняя связь между значением и истинностью. Это положение составляет, как мы увидим ниже, суть семантики, основанной на условии истинности. Семантика, базирующаяся на условии истинности, практически ограничивает сферу интересов семантики только описательным значением (см. 5.6).

Из сказанного выше следует, что высказывания могут одновременно включать как описательный, так и не-описательный компонент значения. На самом деле, большинство высказываний в повседневной речи, независимо от того, являются ли они утверждениями, а также от того, имеют ли они описательное значение, передают также особый не-описательный тип значения — так называемое экспрессивное значение. Различие между описательным и экспрессивным значением состоит в том, что последнее, в отличие от первого, не является пропозицией, и его нельзя оценить как истинное или ложное. Например, если кто-то восклицает *Good heavens!* 'Боже мой!' с ударением и интонацией, указывающими на удивление, мы имеем все основания говорить, что этот человек удивлен (или не удивлен), и следовательно, что утверждение *John is surprised* 'Джон удивлен' (допустим, что восклицание принадлежит человеку по имени Джон) является истинным (или ложным). Однако было бы абсурдно считать, что *Good heavens!* описывает настроение или эмоции говорящего в том же смысле, что и *John is surprised*. Некоторые философы называют такое отождествление «натуралистической или дескриптивистской ошибкой». Конечно, *Good heavens!* — это восклицание, которое, в соответствии с традиционной грамматикой, относится к особому типу высказываний, отличному от утверждений, вопросов и команд. Кроме того, это восклицание не имеет соответствия среди утвердительных высказываний, в отличие, скажем, от *Oh Granny, what big teeth you've got!* 'Бабушка, какие у тебя большие зубы!'. Однако утверждения, вопросы и команды могут также передавать восклицательное значение. На самом деле, восклицание — это лишь один из способов, которым говорящий (или пишущий) может выразить свои чувства, убеждения и вообще свое личное отношение к чему-либо, т. е. то, что составляет его индивидуальность. Поскольку мы, естественно, не можем разделить человека и его личностные свойства и представления, вполне правомерно понимать термин «самовыражение» буквально. Экспрессивное значение относится ко всему, что подпадает под понятие «самовыражение», и в свою очередь делится на несколько типов. Одним из типов экспрессивного значения, привлекающим особое внимание литературоведов и философов-этиков, является эмотивное (или аффективное) значение.

От экспрессивного значения следует отличать социальное значение, хотя эти два типа значения безусловно взаимосвязаны. Социальное

значение связано с социальной функцией языка: язык играет важную роль в установлении и поддержании социальных ролей и социальных отношений. Эта задача является едва ли не первостепенной в повседневном использовании языка. Ее обозначают иногда термином **фатическое общение** (т. е. «общение с помощью речи»). Этот удачный термин, предложенный в 1920-е гг. антропологом Малиновским и с тех пор широко используемый в лингвистике, подчеркивает момент сотрудничества и участия в общих социальных ритуалах: отсюда — слово «общение», а не «коммуникация».

Смазкой для колес социального взаимодействия служат не только такие, явно ритуализованные, высказывания, как приветствия, извинения, тосты и подобные. В каком-то смысле фатическую функцию, по-видимому, правильно было бы признать основной функцией языка, которой подчинены все другие его функции, включая описательную. Языковое поведение в нормальном случае ориентировано на достижение определенных целей. Даже холодные и бесстрастные научные утверждения, в которых экспрессивное значение сведено к минимуму, обычно одной из своих целей имеют обретение единомышленников или влияния на людей. В целом то, что мы говорим, и то, как мы говорим, определяется социальными отношениями между участниками языкового общения и их социальными целями. Это наиболее ярко проявляется в повседневном использовании языка, но присутствует также в любой другой ситуации, связанной с языком. Более подробно мы поговорим о социальном значении в главах 9 и 10. Однако о нем не следует забывать и при чтении данной главы. Вообще естественные языки существенно различаются тем, в какой степени социальное значение может или должно быть выражено в предложениях разных типов. Было бы неправильно считать, что исследованием социального значения должна заниматься только социолингвистика, и что оно не входит в сферу ведения микролингвистики, границы которой определяет преднамеренно узкий взгляд на язык как на множество предложений (см. 2.6).

Лингвисты выделяют также целый ряд других значений. Некоторые из них будут упомянуты далее в этой главе. Однако сейчас нам достаточно различать три перечисленных типа значения: описательное, экспрессивное и социальное. В этой связи необходимо сделать еще два общих замечания. Первое, поскольку человек — социальное животное, и структура языка определяется и поддерживается его функционированием в обществе, самовыражение вообще и самовыражение посредством языка, в частности, в значительной мере контролируется выработанными и признанными обществом нормами поведения и категоризации. Большинство наших взглядов, чувств и оценок, т. е. большинство из того, что мы понимаем под словом «личность», является продуктом нашей социализации. Поэтому экспрессивное значение зависит от социальных отношений и социальных ролей. Вместе с тем то, что мы определяем как «самовыражение», в свою очередь служит распределению, поддержанию и изменению

этих социальных ролей и отношений. Именно это я имел в виду, когда говорил о взаимозависимости экспрессивного и социального значения.

Второе: если описательное значение свойственно, по-видимому, только естественным языкам, экспрессивное и социальное значение можно обнаружить также в других естественных семиотических системах, как связанных, так и не связанных с человеком. В связи с этим интересно вернуться к обсуждению языка с семиотической точки зрения (см. 1.5). Как мы установили выше, именно вербальный компонент языковых сигналов наиболее четко отличает их от других типов сигналов, производимых человеком или имеющих другое происхождение. Сейчас мы можем добавить к этому, что экспрессивное и социальное значение содержится в основном, хотя и не исключительно, в невербальном компоненте языка, тогда как описательное значение связано только с вербальным компонентом. Как бы то ни было, функции языков не менее интегрированы, чем их доступные наблюдению структурные компоненты. Это подтверждает то, что было сказано выше об отношениях между языком и не-языком: мы подчеркиваем сходство или, напротив, различие между ними в значительной мере в зависимости от наших личных или профессиональных предпочтений. В этой главе мы обсуждаем проблемы языковой семантики, т. е. исследуем значение в естественных языках, причем с учетом дополнительных ограничений, которые связаны с введенным выше понятием «языковая система» (см. 2.6), хотя в принципе можно было бы исходить и из более широкого взгляда на значение.

5.2. Лексическое значение: омонимия, полисемия, синонимия

Каждый язык имеет словарь, или лексикон, который дополняет грамматику в том смысле, что в нем не только перечислены лексемы данного языка (представленные либо в представляющей, либо в исходной форме, либо каким-то иным способом, позволяющим отличить одну лексему от другой), но для каждой лексемы указана вся информация, которая используется в правилах грамматики. Такого рода информация бывает двух типов: (а) синтаксическая; и (б) морфологическая. Например, английская лексема “go” ‘идти’ в своей словарной статье будет содержать: (а) информацию о том, что данная лексема относится к одному или нескольким классам непереходных глаголов; и (б) всю ту информацию, включая указание основы, или основ, которая необходима для построения ее форм (*go, goes, going, went, gone*).

Не все лексемы являются словами (т. е. лексемами, формами которых являются словоформы). Существует множество фразовых лексем (т. е. лексем, формами которых являются словосочетания, в традиционном понимании этого термина). Так, в словаре английского языка должны быть представлены такие фразовые лексемы, как “put up with” ‘мириться с чем-то’, “pig in a poke” ‘кот в мешке’, “red herring” ‘ложный след’,

“draw a bow at a venture” ‘попасть в точку’, “go for a song” ‘продаваться за бесценок’ и подобные. Фразовые лексемы обычно грамматически или семантически **идиоматичны**, иначе говоря, либо дистрибуция, либо значение этих единиц не могут быть описаны исходя из синтаксических или семантических свойств их составляющих. Нередко, однако, примером чего могут служить “red herring” букв. ‘красная (копченая) сельдь’, и возможно, “pig in a poke” букв. ‘свинья в мешке’, “draw a bow at a venture”, букв. ‘пустить стрелу наугад’, фразовые лексемы можно сопоставить с неидиоматическими словосочетаниями, все составляющие которых, или хотя бы часть из них, совпадают с составляющими соответствующей фразовой лексемы. Такие неидиоматические словосочетания не являются лексемами, и следовательно, не входят в словарь языка. Когда семантически идиоматической фразовой лексеме можно поставить в соответствие неидиоматическое словосочетание, традиционно говорят, что последнее имеет **буквальное значение**, а первая — метафорическое, или **переносное значение**.

Мы не будем подробно обсуждать фразовые лексемы и рассказывать об их типах и возможных степенях идиоматичности. Однако мы вернемся к противопоставлению буквального и переносного значения в связи с проблемой выделения значений лексем, а также словосочетаний, имеющих лексемный статус, и словосочетаний, не являющихся лексемами. Хотя выше, несколько упрощая проблему, мы говорили, что словарь языка состоит из слов (или слов-лексем), такие слова-лексемы составляют лишь часть словаря естественного языка. Термин «лексическое значение» в заголовке этого раздела следует интерпретировать как «значение лексем». Следует заметить также, что, хотя в любом языке имеется множество чистых случаев фразовых лексем, существует, вероятно, столько же словосочетаний, чей лексемный или не-лексемный статус является дискуссионным. Мы не располагаем общепризнанными критериями, которые позволяли бы провести четкую границу между фразовыми лексемами, с одной стороны, и так называемыми клише и **устойчивыми выражениями**, с другой. Таким образом, мы вынуждены признать, что, хотя словарь любого естественного языка безусловно конечен, определить его объем довольно трудно.

Другая причина трудностей с точным определением объема словаря конкретного языка, связана с проблемой разграничения **омонимии** и **полисемии**. Традиционно омонимы считаются разными словами (точнее, лексемами), имеющими одинаковую форму. Поскольку лексемы могут иметь более одной формы, и нередко у разных лексем совпадает лишь часть из них (причем в число общих форм не обязательно входят представляющая или исходная формы), традиционное определение омонимии следует уточнить таким образом, чтобы учесть разные случаи такой частичной омонимии. Любое уточнение такого рода должно также принимать во внимание возможность несовпадения форм устного и письменного языка, т. е. возможность того, что совпадающие формы могут быть омофонами, не являясь при этом омографами, и наоборот (см. 3.2).

На самом деле, нетрудно внести необходимые поправки в традиционное определение омонимии с учетом того, что было сказано в предыдущих главах, и я полагаю, что читатель может справиться с этой задачей самостоятельно, он может также привести примеры разных типов абсолютной и частичной омонимии. Этот аспект проблемы разграничения омонимии и полисемии мы здесь обсуждать не будем.

Полисемия (или множественность значений) является свойством, присущим одной лексеме, и в этом ее основное отличие от омонимии. Например, английские “bank₁” и “bank₂” (означающие, соответственно, ‘берег реки’ и ‘финансовое учреждение’) обычно считаются омонимами и представлены в словарях как две разные лексемы, тогда как существительное “neck” представлено как одна лексема с несколькими разными значениями, т. е. как полисемичная лексема: ср., 1) ‘часть тела’, 2) ‘часть рубашки или другой одежды’, 3) ‘часть бутылки’, 4) ‘узкая полоса земли’ и так далее. Различие между омонимией и полисемией проводят все стандартные словари. Однако на основании каких критериев проводится это различие?

Один из критериев — **этимологический**. Например, “meal₁” ‘прием пищи’ и “meal₂” ‘мука’ в большинстве словарей представлены как разные лексемы в первую очередь (и возможно, исключительно) потому, что исторически они восходят к двум неомонимичным древнеанглийским лексемам. Этимологические соображения, как мы видели выше, в принципе не должны приниматься во внимание в синхронической лингвистике (см. 2.5). В любом случае, хотя лексикографы рассматривают разное происхождение слов как достаточное условие для того, чтобы признать два слова омонимами, этимологический критерий не является необходимым или даже наиболее важным при разграничении омонимии и полисемии.

Решение этой проблемы в основном учитывает наличие связи между значениями. Так, разные значения одной полисемичной лексемы (в частности, лексемы “neck”) должны быть взаимосвязанными. Если это условие не выполняется, лексикограф предпочитает говорить о разных лексемах, и соответственно, представлять их в словаре как разные словарные статьи (таким образом, мы имели бы в словаре словарные статьи “neck₁”, “neck₂”, “neck₃” и так далее). Связь значений, впрочем, имеет и исторический аспект, что осложняет проблему. Например, можно показать, что значения английских лексем “pupil₁” ‘ученик’ и “pupil₂” ‘зрачок’ исторически связаны, хотя со временем разошлись настолько, что в настоящее время ни один носитель английского языка этой связи уже не ощущает. Нас, однако, будет интересовать только синхронически очевидная связь между разными значениями.

Легко понять, что, если вопрос об идентичности формы — это вопрос, на который можно ответить либо «да», либо «нет», на вопрос о наличии связи между значениями можно дать лишь относительный ответ: более или менее связаны. Поэтому на практике различие между омонимией и полисемией трудно провести последовательно и обоснованно.

Некоторые современные направления семантики предлагали разрубить этот «гордиев узел», признав, что в каждом подобном случае мы имеем дело с омонимией, а не полисемией. Хотя на первый взгляд это предложение выглядит довольно привлекательно, в действительности оно не может решить всех конкретных проблем, с которыми приходится сталкиваться лексикографу. Более важно, однако, то, что оно оставляет без внимания глубокую теоретическую проблему. Для лексемы нельзя указать конкретное число значений. Дискретность в языке — это свойство формы, а не значения (см. 1.5). Во всех естественных языках значения лексем плавно переходят одно в другое, между ними нет четких границ. Единственный способ решить, или, если угодно, обойти, традиционную проблему омонимии и полисемии, — вообще отказаться от семантического критерия при определении лексемы и целиком положиться на синтаксический и морфологический критерии. Следствием этого будет, в частности, объединение лексем “bank₁” и “bank₂” в одну, синхронически полисемичную, лексему с двумя (безусловно разными) значениями. Большинство лингвистов вряд ли согласится со столь радикальным решением. И все же, как с теоретической, так и с практической точки зрения, оно представляется безальтернативным. Вероятно, нам следует смириться с тем, что проблема разграничения омонимии и полисемии в принципе неразрешима.

Значение, как мы видели в предыдущем разделе, может быть описательным, экспрессивным и социальным; причем у одной лексемы часто представлены два или даже все три типа значений. Под синонимией понимается тождество значений. Назовем лексемы **полностью синонимичными** (в определенном множестве контекстов), если они имеют одинаковое описательное, экспрессивное и социальное значение (в данном множестве контекстов), и **тотально синонимичными**, если они имеют одинаковую дистрибуцию и полностью синонимичны во всех возможных контекстах. Общеизвестно, что полностью синонимичные лексемы в естественных языках довольно редки, а тотальная синонимия, в указанном выше смысле, практически вообще не встречается. Действительно, тотальную синонимию скорее всего можно найти в сфере терминологии, которой свойственно чисто описательное значение. Классический пример тотальных синонимов в английском — “caecitus” и “typhlitis” (мед. ‘тифлит (воспаление слепой кишки)’). Однако сколько носителей английского языка знакомы с этими двумя словами? В подобных случаях два (или более) тотально синонимичных термина могут в принципе сосуществовать в профессиональной среде в течение непродолжительного времени, однако затем из них будет выбран и закреплен за данным значением только один, а его «соперники» либо исчезнут из употребления, либо разовьют новые значения. Тот же процесс можно наблюдать в повседневном использовании языка, особенно если речь идет о словах, созданных для обозначения новых технических изобретений или общественных институтов: так, в английском слово “radio” практически вытеснило синонимичное ему слово “wireless”, хотя в течение какого-то времени оба эти слова

использовались в британском варианте английского языка как тотальные синонимы; в отличие от предыдущей пары слов, некогда синонимичные “aerodrome” и “airport” теперь имеют разное описательное значение: ‘аэродром’ и ‘аэропорт’.

Отмечу, что предложенное выше противопоставление «полные vs. тотальные» синонимы отмечается не во всех работах по семантике. Однако, на мой взгляд, оно является довольно важным. Контекстно-ограниченная синонимия безусловно существует, хотя встречается довольно редко. Например, английские лексемы “broad” и “wide” (обе они имеют значение ‘широкий’) не являются тотальными синонимами, поскольку существуют контексты, в которых в нормальном случае может выступать только одна из них, и замена одной лексемы на другую, если такая замена вообще допустима, приводит к изменению значения всей конструкции (например, *He has broad shoulders* ‘У него широкие плечи’, *She has a lovely broad smile* ‘У нее очаровательная широкая улыбка’, *The door was three feet wide* ‘Дверь была шириной в три фута’). Вместе с тем существуют контексты, в которых они выступают как полные синонимы (например, *They painted a wide/broad stripe right across the wall* ‘Они провели краской широкую полосу через всю стену’). Приглашаю читателя самостоятельно найти и внимательно рассмотреть подобные примеры в английском и других языках. Я думаю, вы обнаружите, что, если какое-то различие в значении между полными синонимами действительно существует, очень трудно сказать, в чем именно оно состоит. Вы увидите также, что во многих случаях действительно трудно решить, можно ли говорить о различии в значении. Поэтому, как и многие специалисты в области семантики, а также уделявшие большое внимание проблеме правильного употребления слов представители предписывающего подхода к языку, вы, вероятно, согласитесь признать, что порой лишь тончайшие нюансы отделяют значение одного слова от значения другого.

Такого рода открытия весьма полезны. Во-первых, они подтверждают выдвинутый ранее тезис о недискретности лексических значений. В то же время они показывают, что феномен знания языка, коль скоро мы рассматриваем язык как детерминированную систему, в значительной степени недоступен интроспекции. Как в случае грамматических правил, так и в случае принципов или правил, определяющих значение слов или словосочетаний (в той мере, в какой они вообще определимы), пользуясь языком, мы, с одной стороны, демонстрируем владение этими правилами: оно проявляется в нашем языковом поведении и мы можем точно фиксировать их нарушение. С другой стороны, мы безусловно не в состоянии объяснить, каковы эти правила, и, если пытаемся это сделать, обычно ошибаемся.

Проблема выделения значений существенно осложняется еще и тем, что принято называть коннотациями лексем. (В семантике существует также более специальная трактовка термина «коннотация». Здесь мы к ней обращаться не будем). При частом употреблении слова или словосочетания в определенных контекстах нередко возникает ряд ассоциаций между

значениями этого слова или словосочетания и некоторыми элементами значения, характерными для соответствующих контекстов. Например, в Англии и Уэльсе различия между словами “church” ‘церковь’ и “chapel” (небольшая) церковь (часовня) — это главным образом различие их коннотаций, а не описательного значения. Когда различия в значениях ясны как в этом случае, вопросы типа *Are they church or chapel?* ‘Это церковь или часовня?’ имеют абсолютно понятную интерпретацию. Однако часто коннотации обнаружить не так просто. И все же по крайней мере для некоторых носителей языка они вполне реальны и используются прежде всего ораторами и поэтами, но также и обычными носителями языка для достижения тех или иных целей. Вопрос о включении обусловленных контекстом коннотаций в значение лексемы решается в зависимости от того, насколько широко мы готовы понимать термин «значение». Тем не менее, подчас то, что называют коннотациями лексемы не всегда относится к ее экспрессивному или социальному значению.

Частичная синонимия — довольно распространенное явление. В частности, — и это, пожалуй, единственный явный случай идентичности одного типа значения при различии других типов, — лексемы могут иметь одинаковое описательное и разное экспрессивное и социальное значение. **Описательной синонимией** (часто называемой когнитивной или **референциональной**) является синонимия, которая в семантике рассматривается как собственно синонимия. Примерами описательных синонимов могут служить: “отец”, “папа”, “папочка”, “папка” или “туалет”, “уборная”, “клозет”, “сортир” и т. д. Можно утверждать, по крайней мере если речь идет об этих двух синонимических рядах, что разные носители языка обычно используют в своей речи не все входящие в них слова, хотя все эти слова им безусловно понятны. Второй пример, в большей степени, чем первый, иллюстрирует существование так называемых социальных табу. Использование некоторых слов указывает на принадлежность человека к определенной социальной группе. Несколько лет назад в Великобритании широко обсуждалось различие между так называемыми U и не-U словарями (U — это начальная буква английского *upper-class* ‘высшее общество’). Это противопоставление стало популярным благодаря Нэнси Митфорд, однако сама идея принадлежит не ей. Эта проблема до сих пор волнует британское общество, особенно представителей «благовоспитанного» среднего класса, хотя сами термины U и не-U сейчас устарели.

Роли социальных табу в языковом поведении людей относятся к сфере интересов социолингвистики. Мы упомянули их здесь, поскольку они тесно связаны с экспрессивным и социальным значением лексем. Диахронические исследования словаря показывают, какую важную роль в изменении описательного значения слов сыграли так называемые **эвфемизмы** — слова, выступающие в качестве заместителей табуированных слов. Из этого следует, что существует синхроническая взаимозависимость между описательным и не-описательным значением. В заключение остановимся на проблеме синонимии лексем, относящихся к разным языкам. Вопреки представлению, которое может сложиться при изучении дву-

язычных словарей, даже описательная синонимия лексем разных языков встречается довольно редко (исключение составляет терминологическая лексика). Было бы абсурдно утверждать, что ее вообще не существует, однако следует признать, что пословный перевод с одного естественного языка на другой в принципе невозможен. Теоретическое значение этого факта мы обсудим позже.

5.3. Лексическое значение: смысл и денотация

В этом разделе мы будем говорить только об описательном значении. Нам потребуется различать два его вида: смысл и денотацию. Оба термина заимствованы из философии. До недавнего времени лингвистов не занимали философские проблемы, позволившие в конечном счете выявить противопоставление, которое мы собираемся здесь обсудить. Со своей стороны философы не всегда учитывали структурное разнообразие естественных языков, имеющее весьма важное значение для описания этого противопоставления. Необходимо заметить также, что термины «смысл» и «денотация» в лингвистике и в философии часто понимаются по-разному. Я не буду подробно останавливаться на этих различиях, а лишь представлю свое видение проблемы. В определенном отношении эта проблема является дискуссионной, как, впрочем, и любая из многих проблем, возникавших на протяжении долгой истории философской семантики.

Очевидно, что некоторые лексемы связаны как с другими лексемами того же языка (например, лексема «корова» связана с лексемами «животное», «бык», «теленок» и так далее), так и с сущностями, свойствами, ситуациями, отношениями в реальном мире (так, «корова» обозначает определенный класс животных). Мы будем говорить, что лексема, связанная (тем или иным образом) с другими лексемами, связана с ними по смыслу; а связь лексемы с экстралингвистическими объектами осуществляется посредством денотации. Например, «корова», «животное», «бык», «теленок»; а также «красный», «зеленый», «синий» и подобные; или «получать», «обретать», «одалживать», «покупать», «красть» и другие, — образуют множества лексем, внутри которых имеются разного рода смысловые отношения. С другой стороны, «корова» обозначает класс сущностей, являющийся собственным подклассом класса сущностей, который обозначает лексема «животное». Класс сущностей, связанный с лексемой «корова», отличен от класса сущностей, связанных с лексемой «бык» (или «лошадь», или «дерево», или «ворота»), и частично пересекается с классом сущностей, связанным со словом «теленок», и т. д.

Очевидно, что смысл и денотация взаимосвязаны. И если бы отношения между словами и вещами — или между языком и внешним миром — были настолько однозначны и однородны, как часто представлялось исследователям, мы могли бы принять одно из этих понятий (в принципе любое) в качестве исходного и представить второе как производное. Например, мы могли бы считать, что исходным является

понятие «денотация», т. е., что слова являются в первую очередь именами, или ярлыками, для классов сущностей (таких, как коровы или животные), которые встречаются во внешнем по отношению к языку и независимом от языка мире, и что знание описательного значения состоит лишь в том, что мы знаем, какой ярлык следует приписать тому или иному классу сущностей. Эта точка зрения была эксплицитно сформулирована в традиционной реалистической теории естественных родов (т. е. естественных классов или естественных субстанций). Эта точка зрения составляет суть многих современных философских теорий семантики, базирующихся на постулатах эмпиризма. С другой стороны, мы могли бы принять в качестве исходного понятие «смысл», иными словами, считать, что независимо от того, существуют ли естественные типы, денотация лексемы определяется ее смыслом, т. е. в принципе можно знать смысл лексемы, не зная ее денотации. Этот взгляд характерен для **рационалистов** — для тех философов, которые, в отличие от эмпириков, полагают, что источником знания является разум, а не чувственный опыт (см. 2.2). В философском плане этот тезис обосновывается традиционным отождествлением значения (иначе говоря, смысла) с ассоциированной с этим словом идеей, или ментальным концептом (см. 5.1).

Мы можем здесь лишь констатировать, что каждый из этих двух просто и четко сформулированных подходов, на самом деле, порождает целый ряд неразрешимых философских проблем. Вообще говоря, существуют и более тонкие аргументы в защиту логического и психологического приоритета как смысла, так и денотации. Однако мы их сейчас рассматривать не будем. Для лингвиста важны следующие два момента: первое, большинство лексем во всех языках мира не соотносятся с естественными родами; второе, языки в значительной степени неизоморфны (иначе говоря, имеют разную лексическую структуру) как с точки зрения смысла, так и с точки зрения денотации. Рассмотрим коротко каждое из этих положений.

Во всех языках существуют лексемы, которые действительно можно соотнести с естественными родами (например с биологическими видами или материальными субстанциями): «корова», «человек», «золото», «лимон» и так далее. Вместе с тем для подавляющего большинства лексем это не так. Более того, и этот момент имеет принципиальное значение, даже в том случае, когда можно говорить о том, что лексема указывает на тот или иной естественный род, это указание, как правило, является крайне неточным. В действительности лексическая структура языка описывает те различия между классами сущностей или видами субстанций (такими, например, как вода, камень, золото), которые важны с точки зрения культуры, и эти различия могут совпадать или не совпадать с различиями, существующими в природе. Так, по мнению Блумфилда, находившегося под сильным влиянием эмпиризма, слово «соль» в нормальном случае указывает на хлорид натрия (NaCl). Действительно, слово «соль» имеет такую денотацию, хотя это не описывает его значение полностью. Несомненно также, что хлорид натрия является природной субстанцией.

Однако сам факт наличия в языке лексемы с такой денотацией объясняется тем, что соль играет очень важную роль в нашей культуре: существует множество ситуаций, в которых нам приходится ее упоминать. Тогда как тот факт, что лексема “соль” означает именно природную субстанцию, с точки зрения языка нерелевантен.

Относительно неизоморфности лексем разных языков заметим следующее. При самом поверхностном анализе словарей естественных языков легко обнаружить, что денотация лексем одного языка часто отличается от денотации лексем другого. Например, латинское “*mus*” относится как к мышам, так и к крысам (а также к некоторым другим видам грызунов), французское “*singe*” относится ко всем обезьянам, тогда как в английском есть два слова — “*ape*”, относящееся к человекообразным обезьянам, и “*monkey*”, относящееся к другим подвидам. Конечно, во многих случаях лексемы разных языков имеют одинаковую денотацию. Некоторые из этих случаев с исторической точки зрения являются результатом взаимопроникновения культур. Другие связаны с существованием определенных общечеловеческих потребностей и интересов. Лишь сравнительно небольшое число случаев такого рода можно объяснить однородностью структуры внешнего мира. Более подробно мы поговорим об этом в главе 10.

В последние годы в лингвистике получил широкое распространение метод так называемого компонентного анализа смысла, в основе которого лежит представление, что смыслы всех лексем можно представить как комплексы универсальных элементарных концептов, аналогичных универсальным фонологическим признакам (см. 3.5). В настоящее время, однако, стало очевидно, что лишь очень немногие элементарные смыслы из тех, которые предполагалось включить в такой универсальный инвентарь, действительно универсальны. Выяснилось также, что этот метод применим к весьма ограниченному кругу лексем. В лучшем случае можно говорить о том, что какая-то часть смысла отдельных лексем представима в терминах предположительно универсальных элементарных смыслов. Например, исходя из достаточно правдоподобного допущения, что [ЧЕЛОВЕК], [ЖЕНСКИЙ ПОЛ] и, возможно, [ВЗРОСЛЫЙ] являются универсальными элементами смысла, смысл английской лексемы “*woman*” ‘женщина’ можно представить в виде множества {[ЧЕЛОВЕК], [ЖЕНСКИЙ ПОЛ], [ВЗРОСЛЫЙ]}; “*man*” ‘мужчина’ — {[ЧЕЛОВЕК], [НЕ-ЖЕНСКИЙ ПОЛ], [ВЗРОСЛЫЙ]}; “*girl*” ‘девочка’ — {[ЧЕЛОВЕК], [ЖЕНСКИЙ ПОЛ], [НЕ-ВЗРОСЛЫЙ]}; “*boy*” ‘мальчик’ — {[ЧЕЛОВЕК], [НЕ-ЖЕНСКИЙ ПОЛ], [НЕ-ВЗРОСЛЫЙ]}. Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что такого рода анализ не объясняет, почему во многих контекстах отношения между лексемами “*girl*” и “*woman*” отличаются от отношений между “*boy*” и “*man*”.

Выше, при обсуждении проблемы полисемии мы отмечали, что связь между значениями имеет относительный характер. Это положение в полной мере относится и к той части описательного значения, которую мы назвали смыслом. Тем не менее в словарях естественных языков мы можем выделить целый ряд полезных с точки зрения семантического анализа

смысловых отношений. К их числу можно отнести, например, отношение, которое традиционно называют **антонимией** (или противоположностью смыслов); а также отношение, которое в последних работах по лексикографии принято называть **гипонимией**. В действительности существует несколько разных типов противоположности смыслов (ср. “неженатый” : “женатый”; “хороший” : “плохой”; “муж” : “жена”; “вверху” : “внизу” и т. д.), соответственно, понятию антонимия можно дать более широкую или более узкую интерпретацию. Некоторые авторы склонны даже расширить его таким образом, чтобы оно покрывало все типы несовместимости смыслов, например, считать антонимами слова “красный”, “синий”, “белый” и подобные. Независимо от того, какую, широкую или узкую, трактовку мы примем, с теоретической точки зрения важно, что несовместимость смыслов, и в частности, их противоположность, является одним из базовых структурных отношений, характеризующих словарь естественных языков. Таким же базовым отношением является отношение гипонимия (сам термин появился относительно недавно, однако тот тип смысловых отношений, который им обозначают, хорошо известен лексикографам, логикам и лингвистам). Гипонимия — это отношение, связывающее лексемы с более конкретным и более общим смыслом (ср., например, отношение между лексемами “тюльпан”, “роза”, с одной стороны, и лексемой “цветок”, с другой; или между “честность”, “целомудренность” и “добродетель”).

Антонимия и гипонимия — это субституциональные отношения между лексемами. Не менее важны, однако, и связывающие лексемы разнообразные синтагматические отношения (см. 3.6), такие, например, как отношения, связывающие лексемы “есть” и “пища”; “русый” и “волосы”; “пинок” и “нога”. Совокупность субституциональных и синтагматических смысловых отношений разных типов определяет структуру так называемых лексико-семантических полей. Во многих случаях можно установить соответствие между лексическо-семантическими полями в разных языках, в частности, во всех языках можно выделить поле обозначений цветов спектра, поле имен родства, поле мебели, пищи и так далее, и показать, что эти поля неизоморфны. В последние годы многие исследования в области семантики исходили из предположения, что смысл лексемы определяет сеть субстанциональных и синтагматических отношений между этой лексемой и ее соседями в одном и том же лексико-семантическом поле. Теоретические заявления сторонников данного подхода, как и сторонников компонентного анализа, часто оказывались совершенно неправдоподобными и с философской точки зрения противоречивыми. Однако полученные ими конкретные результаты внесли существенный вклад в понимание лексической структуры языка.

Особенно плодотворным в этом отношении оказался тезис о логическом приоритете выявления структурных отношений при описании смысла лексемы. Вместо того, чтобы говорить, что две лексемы являются описательными синонимами, поскольку их смыслы идентичны, представители этих направлений семантики сказали бы, что синонимия лексем

составляет часть их смысла. То же относится к антонимии и гипонимии и вообще ко всему комплексу релевантных для данной лексемы субстанциональных и синтагматических отношений. Знать смысл лексемы значит знать ее смысловые отношения с другими лексемами.

Это утверждение, как мы увидим в следующих разделах, требует определенного уточнения. Смыслом обладают не только лексемы, но и более крупные выражения, выражения, в состав которых входит более одной лексемы. Между лексемой и более крупным выражением, или между двумя более крупными, чем лексема выражениями, могут существовать точно такие же смысловые отношения, как и между двумя лексемами. Поэтому следовало бы говорить, что знание смысла лексемы предполагает также знание того, каковы ее отношения с более крупными выражениями, например, знание того, что английская лексема "spinster" 'старая дева' имеет тот же смысл, что и выражение *unmarried woman* 'незамужняя женщина' (или *woman who has never been married* 'женщина, которая никогда не была замужем'). Очевидно, что мы не можем получить такого рода дополнительные знания, не выявив грамматические правила языка и их вклад в общий смысл синтаксически сложных выражений. Многие ранние исследования в области семантики ограничивались описанием смысла лексемы как таковой, упуская из виду то, что смысл лексемы нельзя описать без учета отношений, существующих между лексемами и синтаксически более сложными выражениями.

5.4. Семантика и грамматика

Значение предложения складывается из его лексического и грамматического значения, т. е. из значения составляющих его лексем и значения грамматических конструкций, которые устанавливают синтагматические связи между лексемами (см. 5.1). Напомним, что термины «грамматика» и «грамматический» используются в этой книге в узком смысле (см. 4.1).

Существование грамматического значения станет очевидным, если мы сравним, например, такие пары предложений, как

- (1) *The dog bit the postman.* 'Собака укусила почтальона'
- (2) *The postman bit the dog.* 'Почтальон укусил собаку'.

Эти два предложения имеют разное значение. Однако это различие нельзя отнести на счет какой-то из составляющих их лексем. В этом отношении пара предложений (1) и (2) отличается от предложений (1) и (3):

- (3) *The dog bit the journalist.* 'Собака укусила журналиста',

а также от предложений (2) и (4):

- (4) *The postman pacified the dog.* 'Почтальон успокоил собаку'.

Семантическое различие между (1) и (2) традиционно объясняют тем, что в предложении (1) *the dog* является подлежащим, а *the postman* — дополнением, тогда как в предложении (2) их грамматические роли меняются на противоположные.

Семантическое различие между (1) и (2) является различием в описательном значении: его можно представить, как мы увидим ниже, в терминах их условий истинности (см. 5.5). Грамматическое значение, однако, не обязательно является описательным. Соответствующие повествовательные и вопросительные предложения, такие, как (1) и (5):

(5) *Did the dog bite the postman?* ‘Собака укусила почтальона?’

можно рассматривать как предложения, имеющие одинаковое описательное значение, но различающиеся по некоторому другому параметру. Природу этого параметра нам предстоит обсудить в разделе, посвященном различиям между предложениями и высказываниями (см. 5.5). Мы попытаемся показать, что эти различия можно связывать с экспрессивным и социальным значением. Существуют и другие грамматические различия между предложениями, которые связаны с различием не-описательного значения.

Например, во многих языках экспрессивную функцию имеет порядок слов, а также, в определенных условиях, выбор того или иного наклонения (ср., в частности, употребление сослагательного, а не изъявительного наклонения в определенных конструкциях во французском, немецком и испанском). Обратимся теперь к социальному значению. Как известно, во многих европейских языках (нормативный английский в этом отношении является скорее исключением) противопоставляются два местоимения, относящиеся к адресату, (французские “tu” : “vous”; немецкие “du” : “Sie”; испанские “tu” : “usted”; русские “ты” : “вы” и подобные). Выбор того или иного местоимения определяется социальными ролями и отношениями между участниками коммуникации (см. 10.4). Местоимения, входящие в каждую такую пару, различаются либо по числу (единственное vs. множественное), либо по лицу (2-е лицо vs. 3-е лицо), и эти грамматические различия могут быть единственными различиями между предложениями с одинаковым описательным значением. Во многих языках представлено так называемое «королевское 1-е лицо множественного числа». Рассмотрим английское предложение:

(6) *We have enjoyed ourself.* ‘Мы (= я) получили удовольствие’.

Это предложение отличается описательным значением от предложения:

(7) *We have enjoyed ourselves.* ‘Мы (= я и другие) получили удовольствие’,

и социальным и экспрессивным значением от предложения:

(8) *I have enjoyed myself.* ‘Я получил удовольствие’.

Мы подробнее остановимся на способах выражения социального и экспрессивного значения в следующих главах. Пока следует обратить вни-

вание на то, что различие между лексическим и грамматическим значением не совпадает с различием между описательным и не-описательным значением.

Различие между лексическим и грамматическим значением в принципе определяется различием между словарем и грамматикой. До сих пор мы исходили из предположения, что это различие является достаточно четким. Однако это не так. Иногда лингвисты находят полезным проводить границу между полнозначными словами, словами, относящимися к главным частям речи (существительными, глаголами, прилагательными и наречиями), с одной стороны, и так называемыми служебными словами, например определенным артиклем (*the*), предлогами (*of, at, for* и т. д.), союзами (*and, but* и т. д.), отрицательной частицей (*not*). Служебные слова образуют сравнительно немногочисленные классы, и их дистрибуция существенным образом зависит от синтаксических правил. Очень часто они выполняют ту же роль, что и словоизменение в других языках. Например, различие английских выражений *for three days* 'в течение трех дней' (с предлогом *for*) и *in three days* 'через три дня' (с предлогом *in*) семантически аналогично разному падежному оформлению подобной конструкции в латинском — *tres dies* (аккузатив) : *tribus diebus* (аблатив). Общеизвестно, что лексическое значение служебных слов в каком-то смысле беднее, чем значение существительных, глаголов, прилагательных, а также большинства наречий. Кроме того, считается, что лексическое значение одних служебных слов может быть менее богатым, чем значение других. В предельном случае, а именно, когда появление служебного слова полностью обусловлено синтаксическим контекстом, ему вообще нельзя приписать лексического значения: ср., например, английское *to* в *He wants to go* 'Он хочет уйти' или *of* в *three pounds of butter* 'три фунта масла'. Однако между чисто грамматическими словами, т. е. словами, не имеющими лексического значения, и полнозначными словами существует много подклассов служебных слов, которые, не будучи полнозначными лексемами, все-таки вносят определенное лексическое значение в общее значение предложения. Противопоставление полнозначных и служебных слов соответствует противопоставлению лексических и грамматических морфем в грамматиках, которые считают морфему базовой единицей (см. 4.3).

В связи с тем, что было сказано выше о невозможности провести четкую границу между грамматикой и словарем, следует отметить еще один важный момент. То, что лексикализовано в одном языке, может быть грамматикализовано в другом. Например, различие между английскими лексемами "kill" 'убивать' и "die" 'умирать' (которое коррелирует с грамматическими различиями в их валентностях; см. 4.4) во многих языках соответствует различию между каузативными и некаузативными глаголами. Другой пример — то, что некоторые языки выражают с помощью грамматической категории времени (прошедшее vs. настоящее), в языках, не имеющих грамматического времени, может быть выражено лексическими средствами, скажем, выражениями «в прошлом» vs. «сейчас». Вместе с тем эти два примера позволяют привлечь внимание

к проблеме, которую необходимо иметь в виду, когда мы говорим, что одно и то же семантическое различие может быть либо лексикализовано, либо грамматикализовано.

Как мы видели выше, значение лексем в большей или меньшей степени неопределенно (см. 5.2). Однако значение, которое ассоциировано с такими грамматическими категориями, как каузативность, время, наклонение, характеризуется еще большей степенью неопределенности. Соответственно, часто очень трудно решить, является ли некое лексическое различие в одном языке точным семантическим эквивалентом грамматического различия в другом. Так, каузативные формы турецкого глагола “ölmek” ‘умирать’ обычно переводятся на английский глаголом “kill” ‘убивать’. Можно, однако, не согласиться с тем, что они имеют в точности то же значение; спорным также является вопрос о тождестве значений английского выражения “cause to die” ‘заставить умереть’ и лексемы “kill” ‘убивать’. В свою очередь весьма показательно, что до сих пор не удалось удовлетворительно описать значение времен (традиционно обозначаемых терминами «прошедшее», «настоящее», «будущее») ни в английском, ни в других хорошо изученных языках. При этом, на первый взгляд, время, с семантической точки зрения, является наиболее простой для описания категорией. Как отмечалось выше, несомненно существует определенная связь между частями речи и грамматическими категориями (см. 4.3).

Вместе с тем мы должны признать, что очень трудно определить характер этой связи. Вообще, чем больше мы узнаем о языке, тем более сложной она оказывается. Это следует иметь в виду, когда мы читаем описания значений грамматических категорий в малоизученных языках. Почти все традиционные ярлыки, которыми обозначают значения грамматических категорий, слишком просты, что часто вводит в заблуждение: «прошедшее время» не обязательно указывает на событие, имевшее место в прошлом; «единственное число» — на единичный объект; «повелительное наклонение» используется во многих конструкциях, не имеющих ничего общего с командами, и так далее. Нет никаких оснований считать, что другие ярлыки, используемые в грамматических описаниях, более точны.

Обратимся теперь еще к одному аспекту отношений между семантикой и грамматикой — к вопросу об осмысленности и грамматичности. Выше мы говорили о том, что не следует отождествлять эти два свойства предложений (см. 4.2). Однако, как часто бывает, провозгласить тот или иной принцип гораздо легче, чем реализовать его на практике. В данном случае существует целый ряд осложняющих обстоятельств. Во-первых, не все, что на первый взгляд представляется грамматическим правилом, действительно является таковым. Например, в английском, вопреки широко распространенной точке зрения, отсутствует грамматическая категория рода. То, что в английском обычно описывают как согласование по роду, на самом деле, по крайней мере, когда речь идет о взрослых человеческих существах, зависит только от пола, который говорящий в момент произнесения высказывания приписывает соответствующему

референту (т. е. внеязыковой сущности, на которую указывает определенное слово; см. 5.5). При этом реальный пол референта в принципе не является существенным. Если я по ошибке принял мужчину за женщину, или наоборот, и, соответственно, неправильно выбрал местоимение, это не означает, что я нарушил какие-то правила английского языка. Такие предложения, как

(9) *My brother had a pain in her stomach.* букв. 'У моего брата болел ее живот'

казалось бы опровергают то, что было сказано о согласовании по роду. Однако предложение (9) не является ни семантически, ни синтаксически аномальным. Например, если Y знает (или, говоря более строго, уверен), что X — девочка, которая играет в спектакле роль брата Y-а, предложение (9), произнесенное Y-ом, будет вполне допустимым. Спорным является вопрос, будет ли оно отличаться по значению от предложения *My brother had a pain in his stomach* букв. 'У моего брата болел его живот', сказанного в той же ситуации. Однако этот вопрос мы обсуждать не будем. Y также может использовать предложение (9), если X изменил пол: в этом случае приемлемость предложения (9), принимая во внимание проблемы такта, отношение Y-а к данной ситуации, может оцениваться разными говорящими по-разному. С другой стороны предложение

(10) *He had a pain in her stomach* 'У него болел ее живот'

безусловно аномально. Вместе с тем оно не нарушает чисто синтаксических правил английского языка. Конечно, есть все основания считать, что оно не является семантически правильно построенным предложением. Его аномальность, которая состоит в том, что один и тот же человек оказывается референтом местоимений *he* 'он' и *her* 'ее', предполагает непоследовательность говорящего (т. е. изменение им своего первоначального замысла непосредственно в процессе порождения высказывания). Здесь следует упомянуть еще одну важную проблему — проблему различия между семантически правильно построенными и контекстуально приемлемыми предложениями; к этой проблеме мы вернемся позже, когда речь пойдет об отношениях между значением предложений и значением высказываний. Мы привели лишь один пример того, что цепочки слов, в которых обычно усматривают нарушение грамматических правил языка, на самом деле, могут оказаться грамматически и семантически правильно построенными предложениями. Можно было бы привести множество примеров такого рода, включая примеры из последних работ по семантике и грамматике, авторы которых слишком поспешно отнесли к аграмматичным те или иные из приводимых ими предложений.

Еще один трудный вопрос, связанный с осмысленностью и грамматичностью, касается так называемых коллокаций (т. е. грамматически связанных сочетаний лексем). Вопрос этот состоит в следующем: можно ли объяснить аномальность тех или иных коллокаций исходя только из значения составляющих их лексем и грамматической конструкции,

которая эти лексемы объединяет. Например, *the blond (-haired) boy* 'светловолосый мальчик' и *the bay (-coloured) horse* 'гнедая лошадь' являются нормальными коллокациями, тогда как *the blond horse* 'светловолосая лошадь' и *the bay (-haired, -coloured) boy* 'гнедой мальчик' — аномальными. Является ли их аномальность следствием значения — а точнее, смысла и денотации — лексем "blond" и "bay"? Даже если волосы человека имеют в точности тот же красновато-коричневый цвет, что и шкура лошади, описывая их, мы никогда не используем лексему "bay". И наоборот, если цвет гривы или шкуры лошади в точности соответствует цвету волос блондина, мы вряд ли отнесем к ней эпитет "blond". Во всех языках есть много лексем, значение которых нельзя считать независимым от характерных для них коллокаций. Во всяком случае границу между коллокацией и грамматическим правилом можно установить лишь произвольно.

И наконец, существует еще одна проблема общего характера. Лингвисты заинтересовались ею сравнительно недавно, хотя в течение долгого времени она обсуждалась в рамках философии. Эта проблема связана с разграничением собственно языковых и внеязыковых аспектов грамматичности. Генеративисты часто формулируют ее как проблему разграничения знаний о языке и знаний о внешнем мире, или, что представляется неудачным использованием полезного терминологического противопоставления, как проблему разграничения языковой компетенции и использования языка (см. 7.4). Например, следующую цепочку слов (соответствующим образом просодически оформленную)

(11) *The President of the United States has just elapsed*

букв. 'Президент Соединенных Штатов только что истек'

большинство носителей английского языка сочтут бессмысленной. Однако является ли она аграмматичной? Если так, то ее неправильность можно объяснить в терминах валентностей глагола "elapse" 'истекать': этот глагол относится к тому подклассу непереходных глаголов, которые должны иметь в качестве подлежащего существительные, относящиеся к множеству {"year" 'год', "month" 'месяц', "day" 'день', "century" 'век'...}.

Однако, если (11) нарушает это предполагаемое синтаксическое правило английского языка и тем самым является аграмматичным, аграмматичным следует признать и предложение

(12) *Three presidents have been elapsed and nothing has changed*

букв. 'Три президента истекли, однако ничто не изменилось.

= За три президентских срока никаких изменений не произошло'.

Однако (12) безусловно допускает приемлемую интерпретацию. Можно возразить, конечно, что, для того чтобы приписать ему некую интерпретацию, нам придется рассматривать слова "elapse" или "president" в переносном смысле. Наиболее вероятно, мы будем понимать "president" как "presidency" 'президентский срок' (ср. *three presidents later* 'после того, как истекли три президентских срока' и т. п.). В традиционной грамматике это явление называли синекдохой или метонимией. В настоящее время

эти термины малоупотребительны, а разработанная традиционной грамматикой классификация так называемых **фигур речи** (как и традиционная теория частей речи) подверглась всесторонней критике. Следует, однако, подчеркнуть следующее. Мы легко понимаем предложение (12) потому, что нам известна связь между значением глагола “elapse” и его грамматическими валентностями. Независимо от того, примем ли мы решение считать (11) и (12) грамматичными или аграмматичными, это решение будет продиктовано исключительно теоретическими или методологическими соображениями. Если оба они будут признаны грамматичными, семантика позволит объяснить их аномальный статус, а также то обстоятельство, что предложению (12), в отличие от (11), все же можно приписать некий смысл.

Действительно сложным философским вопросом является вопрос о том, каким образом грамматическая структура конкретного языка и языка вообще связана с внешним миром. Мы вернемся к этому вопросу в главе 10. Здесь мы упомянули его в связи с тем, что он представляется исключительно важным для понимания отношений между семантикой и грамматикой. Вообще говоря, в последнее время лингвисты иногда проявляют излишнюю самоуверенность в вопросе разграничения собственно языковых и не-языковых знаний. Часто аграмматичными признаются цепочки слов, статус которых является по меньшей мере спорным. А во многих случаях мы находим в статьях и учебниках примеры предложений, которые, вопреки представлению их авторов, безусловно являются и грамматически и семантически правильными.

Мы начали этот раздел с утверждения, что общее значение предложения складывается из его лексического и грамматического значения. Теперь стало очевидно, что, хотя различие между этими типами значений безусловно существует, провести четкую границу между ними не так легко, как нам бы хотелось. Мы поняли также, что различие между осмысленностью и грамматичностью в силу целого ряда причин является довольно расплывчатым. Рассмотрим далее более внимательно, что можно понимать под значением предложения.

5.5. Значение предложения и значение высказывания

Во-первых, мы должны провести различие между значением предложений и значением высказываний. Лингвисты и логики, придерживающиеся более узкого взгляда на семантику, чем тот, который принят в этой книге, полагают, что значение предложений входит в сферу интересов семантики, тогда как исследованием значения высказываний должна заниматься прагматика (см. 5.6). Генеративисты, разделяющие идеи Хомского, отождествляют различие между предложениями и высказываниями, а также между семантикой и прагматикой с различием между языковой компетенцией и использованием языка (см. 7.4).

Те, кто в принципе различает предложения и высказывания, характеризуют предложения как абстрактные сущности, независимые от ситуационного контекста в том смысле, что они не связаны с какой-то конкретной по времени и месту ситуацией использования — они суть единицы определенной языковой системы. Это определение, по-видимому, не должно вызывать возражений. К сожалению, термин «высказывание» (как и многие другие слова, относящиеся к языку) неоднозначен: он может означать как определенное действие, так и продукт этого действия, иначе говоря, как элемент языкового поведения, так и интерпретируемый сигнал, который является продуктом этого поведения и передается от отправителя к получателю по тому или иному каналу коммуникации (см. 1.5). Никто, разумеется, не спутает предложение с высказыванием как определенного рода действием. Однако довольно часто предложения отождествляются, вольно или невольно, с тем, что было «высказано». Слово «предложение» в повседневном употреблении безусловно имеет соответствующий смысл. Например, мы можем сказать, что первый абзац этого раздела состоит из трех предложений. В этом смысле слово «предложение» может относиться либо к высказываниям (заметим, что термин «высказывание» в равной мере применим и к устному и к письменному языку), либо к связанным частям одного высказывания. И, в этом смысле слова «предложение» (предложение — это то, что «высказано»), предложения в большей или меньшей степени зависят от ситуационного контекста. Однако все же их можно повторить в разное время и в разных местах. Зависимость от ситуационного контекста, таким образом, не предполагает их уникальности во времени и пространстве; в свою очередь абстрактность, т. е. несвязанность с определенным местом и временем, не предполагает полной независимости от ситуационного контекста.

Следует отметить также, что большинство высказываний (точнее, «высказываний-продуктов»), встречающихся в нашей повседневной речи, не являются полными предложениями — как правило, они эллиптические. Например,

- (1) *Next Friday, if I can manage it* 'В следующую пятницу, если смогу'
- (2) *How about Peter's?* 'Как насчет того, чтобы у Питера?'
- (3) *You'll just have to, won't you?* 'Тебе просто придется, разве нет?'

представляют типичные случаи того, что в лингвистике, как и в традиционной грамматике, называют неполными, или эллиптическими, предложениями. Вместе с тем их значение совпадает со значением тех полных предложений, от которых они были образованы в определенной речевой ситуации.

Мы не будем детально рассматривать вопрос о том, как предложения языковой системы связаны с реальными или потенциальными высказываниями. С учетом сказанного выше, можно считать, что в значение высказывания вносят определенный вклад как значение предложения, так и ситуационный контекст. В целом значение высказывания бога-

че значения предложения (или предложений), на основе которого оно построено.

Вместе с тем следует отметить, что носителям языка, насколько известно, недоступно значение оторванных от контекста, абстрактных единиц, которые лингвисты называют предложениями. Предложения, в этом смысле, возможно, вообще не обладают психологической реальностью; они являются конструктами общей грамматической теории. Когда мы предъявляем носителю языка то, что мы называем предложениями, и просим ответить на вопросы «Является ли это предложение приемлемым?» или «Имеют ли эти два предложения одинаковое значение?», мы, на самом деле, просим его оценить, интуитивно или осознанно, потенциальные высказывания. Лингвисты в принципе могут провести различие между значением предложения и значением высказывания, абстрагируясь от того, что может рассматриваться как собственный компонент значения последнего, т. е. от того, что непосредственно связано с ситуационным контекстом: от взглядов и оценок конкретных людей, от отсылок к конкретным сущностям во внешнем мире, от норм вежливости, принятых в конкретном обществе, и так далее. Однако нет никаких оснований полагать, что обычные носители языка могут сделать то же, основываясь на своей языковой компетенции. Языковая компетенция — в любом из двух смыслов слова: «знание языка» или «способность овладеть языком» — всегда ориентирована на использование языка.

Как было отмечено выше, определенные типы предложений связаны с определенными типами высказываний: повествовательные предложения — с утверждениями, вопросительные предложения — с вопросами и так далее. Природу этой связи принято объяснять, используя понятие характерное использование (предложения). Однако общепризнано, что в конкретном случае говорящий может использовать предложение в нехарактерной для него функции, придать ему совсем другое или какое-то дополнительное значение. В то же время существует внутренняя связь между значением предложения и его характерным использованием. Например, некоторые повествовательные предложения могут быть использованы косвенно, т. е., для того чтобы задать вопрос, отдать приказ, дать обещание, выразить чувства говорящего и так далее. Однако, если бы предложения с определенной грамматической структурой, предложения, которые мы называем повествовательными, не ассоциировались носителями языка с речевым актом утверждения, и эта ассоциативная связь между определенной грамматической формой и определенной коммуникативной функцией не поддерживалась бы в постоянной речевой практике, у нас не было бы оснований выделять повествовательные предложения как особый тип предложений. Кроме того, использование предложения в нехарактерной для него функции обычно можно объяснить исходя из его характерного использования. Рассмотрим известный пример:

(4) *It's cold here.* 'Здесь холодно.'

По форме — это повествовательное предложение, однако в определенных обстоятельствах оно может быть использовано в нехарактерной для него функции, или косвенно, вместо:

(5) *Close the window (please)!* ‘Закрой окно, пожалуйста!’

для того, чтобы побудить адресата выполнить определенное действие, иными словами, как просьба. Именно в силу того, что по своей характерной функции (4) является утверждением, которое адресат может осмыслить, и из которого, с учетом конкретной ситуации, может сделать определенные выводы, предложение (4) в некоторых обстоятельствах приобретает нехарактерную для него функцию.

Следует подчеркнуть, что слово «характерный» не означает «наиболее частый». Кроме того, понятие «характерное использование» в принципе относится не к конкретному предложению, а к классу предложений с одинаковой грамматической структурой. В повседневном языковом поведении предложения очень часто используются в нехарактерной функции. Например,

(6) *Can you tell me the time?* ‘Не могли бы вы сказать, который час?’

является скорее просьбой, чем вопросом. Если адресат в ответ на это высказывание просто скажет «Да» и тем самым не откликнется на обращенную к нему просьбу, его обвинят либо в грубости и некооперативном поведении, либо в буквализме, т. е. в том, что он понял данное высказывание неправильно, а именно, буквально, в том значении, которое является характерным для предложений данной грамматической структуры (в данном случае вопросов).

Тот факт, что буквализм существует как узнаваемое (и порицаемое обществом) явление — а лингвисты и философы склонны к нему в силу своей профессии! — служит обоснованием теоретических противопоставлений характерного vs. нехарактерного использования предложений, а также прямых vs. косвенных речевых актов. Однако это лишь теоретические понятия. Не следует думать, что во всех случаях нехарактерного, в указанном смысле, использования предложений адресат должен шаг за шагом выводить его косвенное, или не-буквальное значение исходя из прямого, или буквального. В принципе можно различать разные степени отступления от буквального значения. Так, (4), в качестве просьбы, является в большей степени косвенным, чем (6) и, соответственно, для правильной его интерпретации требуется больше знаний о ситуационном контексте. В силу сложившихся в обществе конвенций многие предложения, или определенные их части, используются главным образом в косвенном значении. Например, *Can you...?* ‘Не могли бы вы...?’ или *Would you mind...?* ‘Вас не затруднит...?’ (в отличие, скажем, от более или менее синонимичных им предложений *Are you able to...?* ‘Вы можете...?’ или *Would it trouble you...?* ‘Я не побеспокою вас...?’) — чаще всего имеют функцию просьбы, а не вопроса.

Положение о внутренней связи между значением предложения и его характерным использованием можно обобщить. Часто проводят различие

между ингерентным значением языкового выражения и тем значением, которое вкладывает в него говорящий. (На самом деле, философы выявили целый ряд различий, связанных с интерпретацией термина «значение», однако мы ограничимся обсуждением лишь одного из них.) В некоторых случаях говорящий может вложить в языковое выражение значение, несколько отличное от того, которое выводимо из лексического и грамматического значения данного выражения. Однако он не может делать это постоянно. Он не может также вложить в то или иное выражение абсолютно произвольный смысл. Если говорящий предварительно не договорился с адресатом о том, как следует понимать используемое выражение, он будет вынужден учитывать его ингерентное значение. А его ингерентное значение определяется характерным использованием. Хотя безусловно не следует отождествлять значение и использование, а также значение предложения и значение высказывания, мы должны иметь в виду, что значение предложений существенно зависит от их характерного использования. Поэтому семантику в узком смысле нельзя считать логически первичной по отношению к прагматике. Семантика предложения и прагматика взаимосвязаны.

В заключение необходимо сказать несколько слов о **референции** и **дейксисе** и о том, как они дополняют значение высказывания. Референция, как и денотация, устанавливает связь между языковыми выражениями и сущностями, свойствами или ситуациями во внешнем мире (см. 5.3). Однако между денотацией и референцией существует важное различие. В отличие от денотации, референция связана с ситуационным контекстом. Например, выражение *эта корова* может использоваться в соответствующей ситуации как указание на конкретную корову, которая будет **референтом** этого выражения. В разных ситуационных контекстах оно может указывать на разных коров: в каждом конкретном случае его референция определяется частично его ингерентным значением (включая денотацию слова «корова»), частично ситуацией, в которой оно произносится. Большинство **референтных выражений** в естественных языках так или иначе зависят от ситуационного контекста. Однако часто забывают, что независимую от контекста, уникальную референцию могут иметь не только имена собственные.

Зависимость от ситуационного контекста имеет следующее важное с точки зрения семантики следствие: пропозиция, которая передается в процессе произнесения высказывания, при изменении ситуации также несколько модифицируется. Так, например, предложение

(7) *My friend has just arrived* 'Мой друг только что приехал'

может использоваться для построения утверждений о неограниченном числе людей в зависимости от референции выражения *my friend* 'мой друг' в каждом конкретном случае произнесения высказывания. Когда мы говорим о семантических отношениях, которые устанавливаются между предложениями на основе их пропозиционального содержания, мы

в явном виде или по умолчанию исходим из допущения, что референция всех референтных выражений остается постоянной.

Как было сказано выше, одно и то же выражение может в разных случаях относиться к разным сущностям. Вместе с тем разные выражения могут указывать на одну и ту же сущность. Так, местоимение “он”, имя собственное *Джон* и любое из описательных выражений *человек, пьющий martini, молочник, муж Мэри* могут иметь при определенных обстоятельствах одну и ту же референцию, в частности, ту же, что и выражение *мой друг*. Этот факт заслуживает особого внимания.

Подчеркнем, что потенциальная референция языковых выражений определяется не только их ингерентным значением и такими факторами ситуационного контекста, как общие знания говорящего и адресата, но также и действующими в пределах предложения или более крупных фрагментов текста грамматическими правилами, с одной стороны, и стилистическими нормами и тенденциями, с другой. В частности, такие правила или стилистические тенденции (причем не всегда легко понять, что из двух) контролируют то, что принято называть **корреферентией**: соотношенностью с одной сущностью (или с одним множеством сущностей) разных языковых выражений или разных вхождений этого выражения в текст. Например, в

(8) *My friend missed the train and he has just arrived* ‘Мой друг опоздал на поезд и (он) только что приехал’

и

(9) *Since he missed the train, my friend has just arrived* ‘Мой друг только что приехал, потому что (он) опоздал на поезд’

выражения *my friend* ‘мой друг’ и *he* ‘он’ могут быть, хотя и не обязательно, корреферентны. Однако в нормальном случае (если только не будет использовано какое-то особое интонационное оформление или паралингвистические характеристики) они не будут признаны корреферентными в

(10) *He missed the train and my friend has just arrived* ‘Он опоздал на поезд, и мой друг только что приехал’.

Обычно, и, возможно, справедливо, это относят на счет грамматического правила, связанного с различием сочинения и подчинения. С другой стороны, в английском нет (вопреки мнению некоторых лингвистов) правила, запрещающего предложения типа:

(11) *John loves John* ‘Джон любит Джона’.

Существует скорее стилистическая тенденция, рекомендующая заменять подобные предложения предложениями типа:

(12) *John loves himself* ‘Джон любит себя’

или

(13) *John loves him* ‘Джон любит его’

в зависимости от того, корреферентны ли подлежащее и дополнение. В последнее время феномену потенциальной корреферентности были

посвящены многие исследования, выполненные в русле генеративной грамматики.

Довольно близко к референции явление дейксиса. Эти два явления частично пересекаются. При этом понятие дейксис одновременно шире и уже понятия референция. Референция может быть *дейктической* и *недейктической*, с другой стороны, дейксис не обязательно предполагает наличие референции. Основным свойством дейксиса (сам термин происходит от греческого глагола со значением 'указывать' или 'показывать') состоит в том, что он определяет структуру и интерпретацию высказывания в зависимости от времени и места его произнесения, от того, кто является говорящим и адресатом, от объектов и событий, непосредственно связанных с реальной ситуацией общения. Например, нельзя определить, к какому референту относится выражение *von тот человек*, если не знать, кто и в каком месте его произносит. Это относится также к слову "вчера" и ко многим другим *дейктическим* выражениям. Во многих языках дейксис грамматикализован в категориях лица и времени: выбор и интерпретация (в данном случае референция) местоимений "я" или "ты" определяются тем, что говорящий принимает на себя эту роль и приписывает другому роль адресата; использование того или иного времени (допустим для простоты, что это так, хотя обычно ситуация здесь является гораздо более сложной) связан со временем произнесения высказывания. Дейктическими являются указательные местоимения "этот" и "тот", а также такие наречия времени и места, как "сейчас", "потом", "завтра", "здесь", "там". Все это лишь наиболее типичные примеры дейктических категорий и лексем. В действительности дейксис пронизывает всю грамматику и словарь естественных языков.

5.6. Формальная семантика

Термин «формальная семантика» в принципе можно отнести к целому ряду различных подходов к исследованию значения. Однако в настоящее время его чаще всего связывают с определенной версией так называемой *семантики, основанной на условиях истинности*, которая первоначально возникла в логике в процессе исследования искусственно сконструированных формальных языков и лишь недавно была применена к описанию естественных языков. В данном разделе мы рассмотрим ее основные положения. Формальную семантику, в том смысле, который мы вкладываем здесь в этот термин, обычно рассматривают как дополнение *прагматики*. Прагматику определяют как исследование употребления, а не значения; как исследование той части значения, которая не связана исключительно с условиями истинности; как исследование использования языка, а не языковой компетенции и т. д.

Начнем с того, что проведем различие между истинностным значением *пропозиции* и условиями истинности предложения. О пропозициях нам нужно знать лишь следующее: их можно подтверждать или опровергать; их можно знать, подвергать сомнению, в них можно верить; они могут

сохраняться при перифразировании или переводе; и наконец, каждая пропозиция имеет определенное истинностное значение. Истинностным значением пропозиции является ее истинность или ложность. Мы можем изменить наше мнение об истинности пропозиции: допустим, когда-то мы верили, что земля плоская, а потом, обоснованно или необоснованно, изменили свое мнение на противоположное. Из этого, однако, не следует, что некогда истинная пропозиция стала ложной. Это — момент, заслуживающий особого внимания¹⁾.

Большинство предложений, однако, не имеет истинностного значения. Как следует из предыдущего раздела, пропозиция, которую передают предложения, в общем случае зависит от референции входящих в ее состав действительных и не-действительных выражений. Например, предложению

(1) *My friend has just arrived* 'Мой друг только что приехал'

можно поставить в соответствие бесконечно много истинных и ложных пропозиций, принимая во внимание множественную референцию действительных выражений *my friend* (с действительным местоимением *my*), *just*, а также прошедшего времени. Однако предложения могут иметь условия истинности, т. е. условия, которые определяют истинностное значение передаваемых предложениями пропозиций в тех случаях, когда предложения используются в функции утверждений. Приведем классический пример польского логика Тарского:

(2) *"Snow is white" is true if and only if snow is white*

'«Снег белый» истинно, если и только если снег белый'.

Этот пример представляет собой утверждение, сделанное по-английски и об английском. В принципе мы могли бы, говоря об английском, являющемся в данном случае языком-объектом, использовать любой другой язык, который стал бы в этой ситуации метаязыком, при условии, что такой метаязык обладал бы необходимым теоретическим словарем, включающим, в частности, такие термины, как «истинный», «значение» и подобные. Заключенная в кавычки часть предложения (2) представляет собой английское повествовательное предложение, а остальная часть предложения (2) описывает условия, при которых это предложение языка-объекта может стать истинным утверждением о внешнем мире, или иначе, говорит о том, как должен быть устроен мир, чтобы пропозиция *Snow is white* 'Снег белый' была истинной. Предложение (2), как и любой пример такого рода, в явном виде устанавливает интуитивно очевидную связь между истинностью и реальностью. Формальная семантика исходит из того, что эта связь действительно существует. Кроме того, согласно ее постулатам, знать значение предложения значит знать условия его истинности.

Однако это не сильно продвигает нас в понимании проблемы. Очевидно, что мы не выявляем условия истинности предложений, сравнивая

¹⁾ То, что было здесь сказано о пропозициях, в какой-то мере зависит от принятой нами точки зрения. Другие определения «пропозиции», впрочем, по сути не меняют тех положений, о которых речь пойдет ниже.

всякий раз предложения с реальным положением дел во внешнем мире. Помимо прочего, как предложения естественного языка, так и возможные ситуации во внешнем мире — это очень большие, может быть, бесконечные, множества. Формальная семантика в конечном счете лишь определяет то значение лексем, которое вносит вклад в условия истинности предложений, и предлагает формальную процедуру вычисления условий истинности произвольного предложения на основе значения составляющих его лексем и его грамматической структуры. В дальнейшем мы увидим, что формальная семантика по сути близка одной из версий генеративной грамматики (см. 7.4).

Существование глубокой внутренней связи между описательным значением и истинностью не вызывает сомнений. Кроме того, вполне убедительным представляется положение, что знать значение предложения значит знать те реалии, которые оно описывает (при том, разумеется, условия, что данное предложение используется в функции утверждения). Из этого, однако, ни в коем случае не следует, что все предложения имеют условия истинности и что эти условия полностью определяют значение предложений.

Как отмечалось в предыдущем разделе, необходимо различать значение предложения и значение высказывания, причем значение предложения в конечном счете определяется значением высказывания (вспомним в этой связи о понятии «характерное использование предложений»). По крайней мере на первый взгляд, может сложиться впечатление, что условия истинности присущи только повествовательным предложениям, поскольку только они предназначены для того, чтобы делать утверждения. Для других типов предложений, в частности для побудительных и вопросительных, эта функция нехарактерна. Однако, если мы не готовы принять абсурдно узкую трактовку понятия «значение», придется признать, что эти предложения не менее осмысленны, чем повествовательные и, кроме того, что различия в значении соответствующих друг другу повествовательных и не-повествовательных предложений, в тех случаях, когда такое соответствие можно установить (например, между *My friend has just arrived* и *Has my friend just arrived?*), носят системный и постоянный характер. В рамках формальной семантики предлагались самые разные решения этой проблемы.

В соответствии с одним из них не-повествовательные предложения считаются логически эквивалентными особому типу повествовательных предложений, которые философ Дж. Л. Остин назвал перформативными, например:

- (3) *I promise to pay you 5 pounds* 'Я обещаю заплатить тебе 5 фунтов'
- (4) *I name this ship the "Mary Jane"* 'Я называю этот корабль «Мэри Джейн»'.

Главная функция перформативных предложений состоит не в описании некоего внешнего и независимого события, а в том, чтобы стать

существенным и эффективным компонентом этого события. Предложенное Остином понятие «перформатив» положило начало теории речевых актов (которая была упомянута, однако подробно не объяснена в 5.5). Исходя из допущения, что не-повествовательные предложения должны получить тот же статус, что и перформативные, мы должны признать, что предложение *Is the door open?* ‘Дверь открыта?’ логически эквивалентно (т. е. имеет те же условия истинности) предложению:

(5) *I ask whether the door is open* ‘Я спрашиваю, открыта ли дверь’
а предложение *Open the door* ‘Открой дверь’ — предложению

(6) *I order you to open the door* ‘Я приказываю тебе открыть дверь’

и так далее. Однако сам Остин утверждал, что предложения (3) и (4), если они используются как перформативные, не имеют условий истинности. (Заметим, что эти предложения могут в принципе использоваться также для того, чтобы делать обычные описательные утверждения.) Это положение Остина было подвергнуто сомнению некоторыми исследователями, работающими в русле формальной семантики. Однако независимо от того, какое из этих двух решений мы примем, следует признать, что перформативные предложения имеют особый статус, отличающий их от обычных повествовательных предложений. При этом многие лингвисты и философы полагают, что нет никаких оснований считать предложения (5) и (6) более базовыми с точки зрения семантики, чем предложения *Is the door open?* и *Open the door!*.

Дополнительные проблемы создают дейктические выражения, которые часто называют индексными знаками. Во всех повествовательных английских предложениях (как и во многих не-повествовательных) присутствует время; большинство из них содержат также разного рода языковые выражения, зависящие от ситуационного контекста, т. е. выражения, чья референция определяется дейксисом. Простота примера Тарского (пример (2)) в этом отношении обманчива. Кроме того, этот пример не может рассматриваться как типичное английское предложение. Он эксплуатирует ожидаемую нами интерпретацию и предложения языка-объекта *Snow is white*, и предложения метаязыка *if and only if snow is white*. Однако каждое из них может иметь как дейктическую интерпретацию (‘Снег (условно) белый в то время и в том месте, где произносится высказывание’), так и недейктическую, или родовую, (‘Снег (по природе) всегда и везде белый’). Очевидно, что Тарский имел в виду именно последнюю. Феномен дейксиса и его широкое распространение в естественных языках в принципе не исключает возможности применить теорию значения, основанную на условиях истинности, в лингвистике. Однако он создает на этом пути существенные препятствия технического характера.

Дело осложняется еще и тем, что многие лексемы естественных языков имеют, в большей или меньшей степени, неопределенное значение. Например, мы должны исходить из того, что в определенном контексте предложение (1) передает пропозицию, которая должна быть либо истинной, либо ложной. Однако как давно должен был прибыть референт

выражения *мой друг (my friend)*, чтобы мы могли сказать, что он прибыл *только что (just)*? При этом слово *just* ни в коей мере нельзя признать нетипичным.

Мы упомянули лишь часть проблем, которые осложняют, если вообще не исключают, возможность использовать формальную семантику для описания значения в естественных языках. Я склоняюсь к более содержательному определению значения, и прежде всего, к определению, которое не рассматривало бы описательное значение как теоретически первичное по отношению к не-описательному (см. 5.1). Однако я хочу подчеркнуть, что сама попытка применить аппарат формальной семантики к описанию материала естественных языков, для которых он, по-видимому, не вполне приемлем, независимо от того, окажется ли она успешной или нет, безусловно способствует более глубокому пониманию природы языкового значения. В последнее время это становится все более очевидным.

Кроме того, даже если мы в конечном счете приходим к заключению, что языковое значение не может быть исчерпывающим образом описано с помощью формальной семантики, это не исключает возможности более строгого определения понятий «смысл» и «денотация» в терминах условий истинности, учитывая взаимосвязанность значений многих лексем (см. 5.3). Если два предложения имеют одинаковые условия истинности (во всех возможных мирах), эти предложения имеют одинаковое описательное значение: ср., *John opened the door* 'Джон открыл дверь' и *The door was opened by John* 'Дверь была открыта Джоном'. Если два языковых выражения взаимозаменяемы в предложениях, имеющих одинаковые условия истинности, эти два выражения синонимичны, т. е. имеют одинаковый смысл. Формальная семантика позволила точно сформулировать то, что более традиционные теории значения описывали крайне туманно или вообще считали само собой разумеющимся. Не менее важно также, что в формальной семантике была предпринята серьезная попытка дать объяснение явлению, которое в начале раздела 5.4 мы довольно приблизительно описали следующим образом: значение предложения складывается из его лексического и грамматического значения. Именно формальная семантика попыталась точно сформулировать, как конкретно осуществляется взаимодействие этих двух типов значения.

Дополнительная литература

Разделы, посвященные семантике, в большинстве ранних учебников и вводных лингвистических курсов следует признать довольно слабыми. Лучше обстоит дело в более поздних работах, однако теоретические вопросы часто трактуются в них весьма поверхностно, кроме того, они сосредоточены главным образом на описании проблем, которые находились в центре внимания семантики в то время, когда эти работы создавались. Они существенно расходятся во взглядах на предмет и задачи семантики, на соотношение между семантикой и прагматикой.

Из множества работ, посвященных исключительно семантике, я рекомендую следующие.

- (а) *Для начинающих*: Leech 1971, главы 1–7; Lyons 1981; Palmer 1976; Waldron 1979. Из них наиболее исчерпывающей является Palmer 1976; в работе Leech 1971 в последних главах используются совершенно особая система обозначений; работа Lyons 1981 тесно связана с настоящей работой и с более подробной работой Lyons 1977b. Ullmann 1962 до сих пор остается лучшей работой по лексической семантике в традициях европейского структурализма. Dillon 1977 дает сравнительно простое описание семантики с позиций генеративизма.
- (б) *Для более продвинутого читателя*: Fodor 1977; Kempson 1977; Levinson 1981; Lyons 1977b. Kempson 1977 и Levinson 1981 в общем представляют одну и ту же точку зрения (хотя и расходятся в трактовке отдельных проблем); Fodor 1977 дает лучшее и сравнительно простое описание исследований значения, выполненных в русле генеративной грамматики Хомского, и кроме того, посвящает отдельную главу философской семантике, однако чтение этой работы предполагает владение формальным аппаратом генеративной грамматики; работа Lyons 1977b — наиболее полное описание проблем современной семантики, однако ее полезно дополнить изучением работ по исторической семантике, упоминаемых в Ullmann 1962, эта работа отражает главным образом собственные взгляды автора, иногда не совпадающие с общепринятыми.

Все работы, которые мы рекомендуем продвинутому читателю, содержат подробную библиографию по проблемам, которые в них затрагиваются. В совокупности они содержат весь тот материал, который необходим для ответов на вопросы, прилагаемые к данной главе.

Большинство работ по формальной семантике технически слишком сложны, поэтому мы не стали упоминать их здесь. Представление о ее базовых понятиях и условных обозначениях вы найдете в Allwood, Andersson & Dahl 1977.

Необходимое представление о философском аспекте семантических исследований можно найти в хрестоматиях Olshewsky 1969 и Zabeeh, Klemke & Jacobson 1974.

Вопросы и упражнения

1. Охарактеризуйте основные типы значений, которые могут передавать естественные языки. Приведите примеры.
2. «„Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше“ — сказал Шалтай-Болтай презрительно» (Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье. — цит. по: Кэрролл 1979, 188). Всегда ли говорящий имеет в виду то, что значит его высказывание? Всегда ли он имеет в виду то, что говорит? Следует заметить, что Шалтай-Болтай интересовало только значение слов. Можно ли ограничиться этим при ответе на поставленные вопросы? Можно ли в данном случае сказать, что Шалтай-Болтай (а) говорит то, что имеет в виду; (б) имеет в виду только то, что говорит (обратите внимание на слово «презрительно»)? (Ср., «„Значение говорящего“ — это то, что говорящий хочет сказать, когда порождает высказывание. Значит, если мы говорим буквально, т. е. хотим сказать именно то, что значат наши слова, между языковым значением и „значением говорящего“ не будет большой разницы. Однако, если мы говорим не-буквально, то, что мы хотим сказать будет отличаться от того, что значат слова, которые мы используем» (см. Akmajian, Demers & Harnish 1979, 230).
3. Обсудите связь между пропозициональным значением высказывания и описательной функцией языка с учетом понятия «истинность».

4. «Противопоставление языковой компетенции и использования языка... предполагает, в частном случае, различие между значением предложения и интерпретацией высказывания» (Smith & Wilson 1979, 148). Обсудите.
5. Объясните различие между тотальной и частичной омонимией, приведите примеры.
6. В чем различие между омонимией и полисемией? Можно ли вообще говорить о том, что такое различие существует?
7. Некоторые лексикографы полагают, что английские слова “almost” и “nearly” ‘почти’ являются тотальными синонимами. Верно ли это, если речь идет (а) о вашем повседневном использовании языка; (б) о более официальном варианте литературного английского? Если они не являются тотальными синонимами, являются ли они полными синонимами? Являются ли они описательными синонимами?
8. Объясните, какие следствия вызывает (а) замена *pretty* на *handsome* (а также, независимо от нее, замена *girl* на *woman* в предложении *She is a (very) pretty girl*; (б) замена *pretty* на *handsome* (а также *boy* на *lad* или *man*) в предложении *He is a (very) handsome boy*. Являются ли синонимами слова “handsome” и “pretty” (см. дополнительно Leech 1971, 20)? Являются ли синонимами слова “boy” и “lad”?
9. «Примерами описательных синонимов могут служить: “отец”, “папа”, “папочка”, “папка”...» (с. 140). Можете ли вы расширить этот ряд? Составьте аналогичный ряд, начинающийся со слова “мать”. Укажите социальные и эмоциональные факторы, которые влияют на выбор того или иного из этих слов в вашей собственной речи или в речи ваших знакомых? Влияет ли на этот выбор пол и социальное происхождение говорящего?
10. В чем различие между смыслом и денотацией?
11. В чем состоит метод так называемого компонентного анализа смысла (иначе определяемого как лексическая декомпозиция)? Укажите его достоинства и недостатки.
12. Объясните, что такое антонимия и гипонимия. Приведите свои собственные примеры этих явлений.
13. Следует ли из пропозиций «X — тюльпан/роза» пропозиция «X — цветок»? Следует ли из пропозиций «X честен/целомудрен» пропозиция «X добродетелен». Если вы затрудняетесь с ответом, или второй вопрос представляется вам более сложным, чем первый, обратитесь к с. 144 этой книги.
14. Исходя из того, что в приводимых ниже примерах Сократ — это знаменитый древнегреческий философ, живший в 5 в. до н. э., что вы могли бы сказать о различии в их значениях и приемлемости:
 - (1) *Socrates says that no one does wrong intentionally* ‘Сократ говорит, что никто не совершает неправильных поступков намеренно’.
 - (2) *Socrates said that no one does wrong intentionally* ‘Сократ говорил, что никто не совершает неправильных поступков намеренно’.
 - (3) *Socrates said that no one did wrong intentionally* ‘Сократ сказал, что никто не совершал неправильных поступков намеренно’.
 - (4) *Socrates has said that no one does wrong intentionally* ‘Сократ сказал, что никто не совершает неправильных поступков намеренно’.
 Отвечая на этот вопрос, подумайте, рассматриваете ли вы (1)–(3) как предложения или как высказывания.

15. Придумайте ситуационный контекст для предложения *He had a pain in her stomach?* такой, чтобы соответствующему высказыванию можно было приписать разумную интерпретацию и чтобы его пропозиция была непротиворечива (см. с. 148–149). Должны ли местоимения *he* и *her* обязательно относиться к одному человеку?
16. Объясните, что понимается под условиями истинности предложения.
17. Некоторые исследователи полагают, что предложение *You are the cream in my coffee* букв. 'Ты — сливки в моем кофе.' обязательно ложно (Kempson 1977, 71). Согласны ли вы с этим? Обоснуйте свой ответ, обращая особое внимание (а) на интерпретацию слова «обязательно»; (б) на значение местоимения *you* 'ты'; (в) на различие между предложениями и высказываниями; (г) на точку зрения автора этой книги по поводу взаимозависимости условий истинности и буквальной интерпретации предложения.
18. Обсудите понятие характерное использование предложения и его актуальность для анализа косвенных речевых актов.
19. В чем различие, если такое различие вообще существует, между референцией и денотацией?
20. «...Дейксис пронизывает всю грамматику и словарь естественных языков» (с. 157). Обсудите.

ИЗМЕНЕНИЕ ЯЗЫКА

6.1. Историческая лингвистика

Наука, которую мы называем исторической лингвистикой, сформировалась в основном в XIX в. (см. 2.1).

То, что язык со временем изменяется, лингвисты заметили уже достаточно давно. Они знали также, что многие современные европейские языки в некотором смысле произошли из более древних языков. Так, например, было известно, что современный английский произошел из англосаксонского, а языки, которые мы сейчас называем романскими — французский, испанский, итальянский и другие — восходят к латинскому языку. Однако до тех пор, пока не были сформулированы основные принципы исторической лингвистики, не было понимания того, что изменение языка — это универсальный, непрерывный и в значительной мере регулярный процесс.

Далее каждый из этих трех аспектов языкового изменения будет рассмотрен подробнее. Пока лишь отметим, что универсальность и непрерывность этого процесса, а именно то, что ему подвержены все живые языки и что он происходит постоянно, для большинства исследователей не было очевидным, так как этому препятствовали консерватизм литературных языков Европы и нормативный характер традиционной грамматики (см. 2.4). Особенно важен в этом отношении статус латинского языка. В течение многих веков этот язык использовался в Западной Европе в качестве языка науки, делопроизводства и дипломатии. Начиная с эпохи Возрождения, он постепенно уступил место для выполнения этих функций появившимся новым романским языкам, а также другим языкам, которые произошли не от латинского языка: английскому, немецкому, нидерландскому, шведскому, датскому и другим. К началу XIX в. латинский язык почти стал мертвым языком, однако он все еще сохранял свой особый статус, отличающий его от большинства других языков. Для традиционных грамматистов он продолжает оставаться особым языком и по сей день. С современной точки зрения специфика особого статуса латинского языка состоит в том, что даже и после эпохи Возрождения его рассматривали как язык, который на протяжении около двух тысячелетий оставался почти неизменным живым языком, и был огражден от порчи как нормативными грамматиками, так и тем, что им пользовались образованные

люди. Как мы уже видели, такой же подход практиковался и по отношению к современным литературным европейским языкам в ту эпоху, когда они сформировались, или, точнее, когда они были признаны годными для использования в качестве литературных — т. е. после эпохи Возрождения.

К литературным языкам относились с большим почтением, чем к нелитературным языкам и диалектам: любые отмеченные грамматистами расхождения между литературным и разговорным или между литературным языком и диалектами обычно осуждались и рассматривались как неаккуратность или как недостаток образования. Лишь немногие осознавали значимость того факта, что процесс передачи литературных европейских языков от поколения к поколению сильно отличается от того, как люди в детстве усваивают свой родной язык. Недостаточно внимания уделялось и тому, что во многих европейских языках, например, в английском и французском, система правописания основана на произношении слов, характерном для прошлых веков, и поэтому скрывает многие фонетические и фонологические изменения, имевшие место в этих языках. Если мы хорошо владеем английским или французским языком, нам нетрудно читать Шекспира или Ронсара, но мы вряд ли бы поняли их произведения, если бы услышали их в устном исполнении авторов. Только после того, как в период с 20-х по 70-е гг. XIX в. — время, которое сейчас мы считаем классическим периодом исторической лингвистики — была проделана скрупулезная работа по исследованию языковых фактов, лингвисты стали лучше понимать связь, с одной стороны, между письменным и устным языком и, с другой стороны, между литературным и нелитературными языками.

На основании этих скрупулезных исследований с использованием так называемого сравнительно-исторического метода (он будет описан далее в 6.3) было убедительно показано, что не только все великие литературные европейские языки берут свое начало от устных диалектов, но и их происхождение и развитие описывается только на основании тех принципов, которые определяют усвоение и использование соответствующего разговорного языка. Однако традиционные взгляды и навыки образования оказываются настолько сильны, что большинству из нас трудно мыслить в этих категориях без специальной подготовки.

Так, например, мы не всегда по достоинству оцениваем тот факт, что в некоторый момент времени язык может начать исчезать, и в этом случае, используя метафору, мы говорим о том, что он вымирает; однако оказывается, что говорить о том, что язык рождается, с использованием такой же биологической метафоры — это скорее бессмыслица¹⁾. Приведенное замечание существенно еще и потому, что терминология исторической лингвистики, как мы увидим далее, по существу основана

¹⁾ По-видимому, о пиджинах и креольских языках все-таки можно говорить, что они рождаются от союза двух языков-родителей, каждый из которых продолжает функционировать отдельно, параллельно со своим отпрыском (см. 9.3). Но эта более или менее приемлемая метафора для понятий «отцовства» и «рождения» не имеет отношения к тому, что обсуждается в данном разделе.

на метафорах. Мы объединяем языки в языковые семьи на основании их общего происхождения от более древнего языка-предка. Мы говорим также, что языки, чье происхождение мы можем проследить от общего языка-предка, — аналогично тому, как романские языки восходят к латинскому языку — являются генетически родственными. Когда эти термины стали впервые употребляться в лингвистике XIX в., они часто воспринимались более буквально, чем в наши дни, и объяснялось это влиянием немецкого романтизма, с одной стороны, и эволюционной теории Дарвина, с другой. Следует особо подчеркнуть, что нельзя точно указать момент, когда, скажем, англосаксонские диалекты в одночасье превратились в английский язык, или же когда латинский язык положил начало романским языкам, продолжая при этом оставаться в течение нескольких веков языком научного общения. Однако именно так ошибочно представляют себе происхождение языков люди, не являющиеся лингвистами.

Истина же заключается в том, что превращение одного языка в другой происходит не скачкообразно, а постепенно. То, что мы делим историю английского языка на три периода — древнеанглийский (или англосаксонский), среднеанглийский и новоанглийский — и рассматриваем их как три разных языка, или как три этапа в развитии одного и того же языка, в значительной мере является условностью и лишь одним из возможных решений. При таком членении мы учитываем как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Современный литературный английский язык, если иметь в виду наиболее важные черты фонетики, грамматики и значительной части лексики, является наследием лондонского диалекта. Географически этот диалект был расположен близко от точки соприкосновения трех из четырех древнеанглийских диалектов, а именно мерсийского, уэссекского и кентского, и поэтому унаследовал черты всех трех из перечисленных диалектов. Лондонский диалект характеризуется также некоторыми отдельными чертами, которые восходят к четвертому древнеанглийскому диалекту — нортумбрийскому; это местоименные формы *they* 'они', *their* 'их' (= принадлежащий им), *them* 'их', а также большинство слов, начинающихся на *sk-* (*skill* 'мастерство', *sky* 'небо', *skin* 'кожа, шкура', *skirt* 'юбка' и др.). Эти слова в свою очередь были заимствованы из языка викингов (т. е. древнескандинавского языка), влиянию которого нортумбрийский диалект подвергался еще с IX в.

После того, как в 1066 г. Британия была завоевана норманнами, языком правящих классов стал французский язык, и в течение следующих полутора веков он выступал в качестве языка литературы и государственных документов. Когда в начале XIII в. английский язык стал вновь использоваться в качестве литературного, он уже значительно отличался от англосаксонского языка предшествующего периода. Помимо прочих изменений, которые произошли за это время, язык, который мы сейчас называем среднеанглийским, в области лексики и грамматики подвергся значительному влиянию норманнского диалекта французского языка. Заметим, в частности, что известный английский писатель этого времени Чосер писал на лондонском диалекте среднеанглийского языка, который,

благодаря политической и экономической важности столицы, стал теперь играть роль литературного национального языка. В XV в., к концу Столетней войны, Англия, уже вполне осознавшая свою национальную независимость, превратилась из феодального государства в государство с образованной, богатой и все более могущественной буржуазией. Это стало важным фактором в становлении и стандартизации литературного среднеанглийского языка.

Среднеанглийский период отделен от новоанглийского эпохой Возрождения, которая достигла берегов Англии в конце XV в. Одним из наиболее важных следствий этого события в области культуры и образования стало возрождение латыни в качестве литературного языка. Но это положение сохранялось сравнительно недолго. Хотя латинский язык и пользовался статусом литературного языка вплоть до начала XIX в., наиболее значительные литературные произведения, созданные во времена королевы Елизаветы и позже, например, такие, как пьесы Шекспира и поэма Мильтона «Потерянный рай», были все же написаны по-английски. Тем временем Британия начинала играть все более важную роль на мировой арене. В XVII в. появились первые поселения английских колонистов в Северной Америке, а к началу XIX в. английский стал языком государственных документов, высшего образования и делопроизводства не только в Соединенных Штатах, Канаде, Австралии и Новой Зеландии, где он был родным языком для большинства политически и экономически активных поселенцев и их потомков, но также в Индии и других азиатских и африканских странах, входящих в состав Британской империи. Английский язык после эпохи Возрождения стал мировым языком, так же, как двумя тысячелетиями ранее мировым языком стала латынь (в так называемом Старом свете Европы, Северной Африке и некоторых областях Азии). И причины тому в обоих случаях были сходны. Но и латынь, и английский были по своему происхождению просто местными диалектами небольших племен, в первом случае — италийских, во втором — германских. В лингвистическом отношении эти диалекты ничем не выделялись среди родственных италийских и германских диалектов соседних племен.

Приведенное выше краткое и весьма упрощенное описание развития и распространения английского языка призвано показать, что если и есть основания делить внешнюю и внутреннюю историю языка на более или менее четкие периоды, сам процесс изменения языка происходит непрерывно. То, что создает впечатление скачкообразности, например, между древнеанглийским и среднеанглийским, или, в меньшей степени, между среднеанглийским и новоанглийским, представляя собой не что иное, как совпадение определенной совокупности факторов. К таким факторам относятся, с одной стороны, промежутки во времени между отчетливо выделяющимися периодами, и, с другой стороны, относительная стабильность литературного языка в течение достаточно долгих периодов времени. У нас почти не сохранилось письменных памятников нелитературных диалектов древнеанглийского и среднеанглийского языка. Однако мы можем с уверенностью утверждать следующее: во-первых,

с древнейших времен диалекты разговорного английского языка всегда были менее однородны и менее четко отличались друг от друга, чем это пытаются представить традиционные описания истории английского языка, основанные на литературных письменных памятниках; во-вторых, даже если бы мы и располагали памятниками какого-либо разговорного диалекта, будь то лондонский диалект или диалект деревни в самом отдаленном уголке страны, мы все равно бы не смогли однозначно определить, в какой именно момент данный диалект превратился из диалекта одного периода в диалект другого периода. В некоторые периоды времени языки изменяются быстрее, чем в другие периоды. С течением времени изменяются даже литературные языки. Разговорный язык, усвоенный в детстве и используемый в течение всей жизни в самых разных ситуациях, т. е. живой язык в полном смысле этого слова, изменяется более явно, чем литературные языки. Более того, ни один из живых языков не является чем-то застывшим, постоянным (см. 1.6), и, как мы увидим далее, именно этим обстоятельством объясняется изменение языка во времени.

Далее я для начала изложу основные положения исторической лингвистики так, как это мог бы сделать один из так называемых младограмматиков или их последователей (исключение составляют лишь некоторые детали, которые прояснились относительно недавно или имеют отношение именно к нынешнему состоянию науки). Младограмматики (нем. *Junggrammatiker*) — это группа ученых, деятельность которых в конце XIX в. была первоначально связана с Лейпцигским университетом. Именно они впервые сформулировали основные принципы и методы исторической лингвистики, которые затем легли в основу большинства исследований в этой области. Когда эти принципы впервые стали достоянием лингвистической общественности, они выглядели достаточно спорными и подверглись жесткой критике, которая, как мы теперь знаем, была в значительной степени справедлива. Тем не менее, принципы младограмматиков господствовали в науке на протяжении почти целого века. Именно на них основывается наше привычное представление о том, как изменяется язык, и именно они отражены в традиционных описаниях языковых семей, приводимых в энциклопедиях и других справочных изданиях. В последующих разделах настоящей главы некоторые принципы, предложенные младограмматиками, будут критически проанализированы и переформулированы в свете современных знаний.

6.2. Языковые семьи

Когда мы говорим, что два или несколько языков принадлежат одной и той же языковой семье, или, что то же самое, что они родственны, это означает, что они являются разошедшимися вариантами, или потомками, общего языка-предка, или праязыка.

Обычно у нас нет прямых свидетельств праязыка, от которого произошли члены данной языковой семьи или группы. Чрезвычайно нетипична в этом смысле ситуация с романскими языками: все они произошли

от диалекта латинского языка, и хотя он явно отличался в области грамматики и лексики от тех образцов разговорной речи, которые до нас дошли, все же мы имеем более четкое представление о структуре предполагаемого **прароманского** языка, чем о многих других праязыках.

В целом можно сказать, что праязык — это гипотетический конструкт, который обычно исторически не зафиксирован, но предположительно существовал и имел определенную структуру; именно из него и произошли два или несколько засвидетельствованных родственных языков. Например, в качестве предка германских языков (английского, немецкого, нидерландского, датского, исландского, норвежского, шведского и др.) постулируется **прагерманский** язык, в качестве предка славянских языков (русского, польского, чешского, словацкого, сербскохорватского, болгарского и др.) — **праславянский** язык. В каждом из этих случаев у нас имеются письменные памятники, относящиеся к более древним этапам истории развития данной языковой семьи. Для германских языков в нашем распоряжении, помимо некоторых отрывочных древних надписей, имеется перевод Библии на готский язык, датируемый IV в. н.э. (на этом языке говорили вестготы, в это время жившие в низовьях Дуная), довольно объемные тексты на различных диалектах англосаксонского (или древнеанглийского) языка, относящиеся к периоду с VI по XI вв., тексты саг на древнеисландском (или древненорвежском) языке, относящиеся к XII в. н.э., тексты на древневерхненемецком языке, датируемые второй половиной VIII в. и так далее. Для славянских языков самые ранние доступные нам письменные памятники — это тексты, написанные на славянском языке и датируемые IX в. н.э. Ни в одном из рассмотренных выше случаев мы не располагаем письменными памятниками, которые были бы столь же близки к постулируемому праязыку-предку, как дошедшие до нас латинские тексты близки тому разговорному диалекту латинского языка (часто называемому народной, или вульгарной латынью), который мы называем **прароманским** языком.

На основании имеющихся письменных памятников и при помощи тех методов, которые были детально разработаны в исторической лингвистике в XIX в., а в своей основной части сформулированы младограмматиками, лингвисты с большой долей вероятности могут **реконструировать** основную часть звуковой системы и некоторые черты грамматического строя и прагерманского, и праславянского языка. Можно также реконструировать промежуточные этапы в развитии засвидетельствованных языков данной языковой группы, начиная от праязыка. На рис. 3 схематически изображаются этапы развития современных германских языков, а также готского языка, который достиг пика периода упадка в раннем Средневековье и затем через несколько веков окончательно вымер (его заменил один из славянских диалектов).

Стоит обратить внимание на то, что английский, который, как мы уже упоминали в предыдущем разделе, в эпоху наиболее ранних письменных памятников уже имел диалектные различия, изображен здесь как язык, генетически более близкий к фризскому, чем к нидерландскому

Рис. 3. Германские языки. Реконструированные праязыки помечены звездочкой перед названием. Названия вымерших языков даны курсивом. Герм = германский, ЗГерм = западногерманский, СГерм = северогерманский, ВГерм = восточногерманский, АФ = англо-фризский, Нид-Нем = нидерландско-немецкий, ЗСканд = западноскандинавский, ВСканд = восточноскандинавский.

или немецкому, но в то же время он генетически ближе к этим трем языкам, чем к скандинавским языкам. На фризском языке когда-то говорило большее количество народа, чем сейчас. Хотя он и не является национальным языком, как остальные современные германские языки, указанные на рис. 3, все же он используется как язык общения в провинции Фрисландия в северной части Нидерландов. Правда, здесь он постоянно подвергается сильному влиянию литературного нидерландского языка, по крайней мере в области лексики. Не только английский, но и другие обозначенные на рис. 3 современные германские языки имеют диалектное членение, причем часто граница между диалектами не резкая, а постепенная. Как мы увидим далее, условное изображение генетических связей языков в виде родословного древа обычно слишком упрощает реально наблюдаемые факты. Можно даже сказать, что оно искажает действительность, так как не может отразить явления конвергенции и диффузии языков, представляя родственные связи языков только как результат их обязательной и постоянной дивергенции.

Если мы будем продвигаться вглубь веков и расширим область наших языковых данных, включив в них хеттские надписи в Малой Азии (расшифрованные в 1915 г.), крито-микенские греческие таблички (расшифрованные в 1952 г.), а также ведийские гимны, написанные наиболее архаичной формой санскрита, — то есть памятники, относящиеся приблизительно к середине второго тысячелетия до н. э., — мы можем частично реконструировать фонологическую систему и некоторые черты грамматики и лексики праиндоевропейского языка — гипотетического предка прагерманского, праславянского, пракельтского, праиталийского, праиндоиранского и других праязыков, т. е. в конечном счете всех индоевропейских языков, как древних, так и современных.

Мы можем также с некоторой степенью уверенности указать предположительную локализацию праиндоевропейского языка во времени

и пространстве — это равнины юга России, четвертое тысячелетие до н. э. Сопоставляя лингвистические данные с археологическими, мы можем также кое-что сказать о материальной культуре праиндоевропейских племен. Например, в большинстве засвидетельствованных древних индоевропейских языков имеются слова, которые восходят к индоевропейским праформам со значениями 'лошадь', 'собака', 'корова', 'овца' и др. То, что в реконструированной праиндоевропейской лексике содержатся указанные слова, а также слова, относящиеся к прядению, ткацкому делу, пахоте и другим сельскохозяйственным и животноводческим занятиям, достаточно ясно говорит о том, что носители праиндоевропейского языка вели достаточно оседлый образ жизни. Слова, обозначающие флору и фауну, климатические явления и т. д. дают нам возможность с некоторой степенью точности определить географическую среду обитания, тогда как лексические группы, относящиеся к общественным и религиозным институтам, позволяют сделать выводы о более общих чертах культуры праиндоевропейцев. В частности, достаточно очевидно, что их общественный строй был довольно патриархальным, что они поклонялись богу солнца и другим обожествленным явлениям природы. Что касается данных археологии, то, согласно недавно высказанной гипотезе, они указывают на то, что праиндоевропейцы были носителями так называемой курганской культуры, относящейся к бронзовому веку, которая в четвертом тысячелетии до н. э. была распространена с западу от юга России, а в более позднюю эпоху — к востоку вплоть до Ирана. Хотя это предположение и является наиболее правдоподобным из всех высказанных ранее, оно принимается далеко не всеми учеными. Многие выражают сомнение относительно того, что на основании современных данных можно утверждать что-либо определенное об области распространения и о культуре носителей праиндоевропейского языка.

Причина, по которой я упомянул об этом аспекте, заключается в том, что индоевропеистика занимает особое место в исторической лингвистике. Отчасти это связано с тем, что, как мы уже говорили, многие индоевропейские языки имеют памятники письменности, возраст которых исчисляется сотнями, если не тысячами лет. И хотя материала современных языков в принципе достаточно, чтобы установить большинство генетических связей внутри индоевропейской семьи, все же без соответствующих древних текстов невозможно выявить некоторые детали этого родства, как невозможно было бы реконструировать праиндоевропейский язык с той степенью достоверности, с какой это реально сделано.

Утверждение о том, что можно установить родство многих, если не всех, индоевропейских языков даже и без письменных памятников более ранних эпох, означает, что мы уже руководствуемся идеей объединения языков в языковые семьи и, более того, что мы располагаем надежной методикой сравнения языков и установления их родства. Отсюда вытекает другая причина того, почему индоевропейская языковая семья занимает особое место в исторической лингвистике. Дело в том, что именно реконструкция праиндоевропейского языка и промежуточ-

ных праязыков для различных групп этой семьи (в первую очередь для германской группы) стала той основой, на которой, как мы теперь знаем, базируются доказательства и в конечном счете методология исторической лингвистики. Есть основания полагать, что не только историческая лингвистика, но и лингвистика вообще возникла как самостоятельная научная дисциплина в XIX в. в результате того, что можно с некоторой долей романтизма назвать поиском праиндоевропейского языка.

По традиции началом индоевропеистики как науки принято считать заявление, сделанное в 1786 г. сэром Уильямом Джоунзом (1746–1794) по поводу санскрита, древнего священного литературного языка Индии, и его родства с древнегреческим, латинским и другими языками:

«Независимо от того, насколько древен *санскрит*, он обладает удивительной структурой. Он более совершенен, чем *древнегреческий* язык, более богат, чем *латинский*, и более изыскан, чем каждый из них. При этом он обнаруживает столь явное сходство с этими двумя языками как в глагольных корнях, так и в грамматических формах, что это вряд ли может быть случайностью. Это сходство настолько поразительно, что любой филолог, который займется исследованием этих языков, непременно придет к выводу о том, что они произошли из общего источника, которого уже не существует. Аналогичные причины, хотя и не столь убедительные, заставляют нас признать, что из того же источника, что и *санскрит*, произошли также *готский* и *кельтские* языки, хотя и смешанные с совершенно различными наречиями. К этой же семье можно добавить и *древнеперсидский* язык».

В этой знаменитой цитате есть много такого, на что следует обратить внимание. Особо подчеркнем, что Джоунзу в конце XVIII в. казалось очевидным, что поразительное сходство классических языков Европы и санскрита объясняется их принадлежностью одной языковой семье. В другую же историческую эпоху, людям с другим образованием и менее свободными взглядами, это бы не показалось столь очевидным. Во времена Джоунза эволюционные идеи уже витали в воздухе, и с середины XVIII в. их успешно применяли к языку такие ученые, как Кондильяк (1715–1780), Руссо (1714–1778) и Гердер (1744–1803), не говоря уже о Джеймсе Бёрнетте (1714–1799), с которым сэр Уильям Джоунз одно время состоял в переписке. К концу XVIII в., после эпохи Возрождения, вследствие географической экспансии европейцев, ученым стало известно уже довольно много о разнообразии языков мира. И если предыдущие поколения ученых привыкли руководствоваться тезисом о том, что все языки должны быть сходны по структуре, теперь это уже не казалось таким очевидным. Сходство древнегреческого и латинского принималось на веру в течение многих веков. Но в контексте того, что было известно о разнообразии языков, факт удивительного сходства санскрита с древнегреческим и латинским требовал объяснения. И объяснение, предложенное сэром Уильямом Джоунзом, которое казалось таким естественным ему самому и его современникам, на самом деле было подготовлено всем ходом развития европейской мысли.

Стоит также сказать несколько слов о важности нового течения — романтизма, который был особенно силен в Германии, и о его связи с национальным самосознанием. Гердер утверждал, между языком и национальным характером существует неразрывная связь. Эта идея получила наибольшее распространение в Германии. Она способствовала укреплению мнения о том, что изучение более ранних этапов развития немецкого языка является неотъемлемой частью утверждения и определения национальной принадлежности людей, говорящих на немецком языке.

В этой связи важно подчеркнуть разницу между языком и этносом. Термины «германский» и «индоевропейский» относятся в первую очередь к языковым семьям. Они неприменимы к тому, что антрополог может считать отдельным биологическим этносом. Не существует и никогда не существовало германского или индоевропейского этноса. Поскольку употребление этих терминов в исторической лингвистике предполагает существование в прошлом языкового сообщества, говорившего на прагерманском или праиндоевропейском в определенный период времени и в определенном месте, вполне разумно предположить, что члены каждого из этих языковых сообществ могли считать себя принадлежащими к одной и той же культурной и этнической группе. Наличие общего языка является и, как полагают, всегда было важным показателем культурной и этнической принадлежности. Однако прямой связи между антропологической группой, с одной стороны, и культурной или этнической группой, с другой, на самом деле не существует.

Мы акцентируем наше внимание на этом обстоятельстве по двум причинам. Первая причина состоит в том, что такие термины, как «германский» и «индоевропейский», или, по-другому, «нордический» и «арийский», довольно часто получали расовую, а по сути, расистскую, интерпретацию. Лингвисты и антропологи должны исправить неправильное понимание этих терминов, на котором базируется их расистская интерпретация. Нет никаких оснований считать, что носители индоевропейских языков имеют расовые отличия. Еще меньше оснований у предположения относительно расового превосходства отдельных этносов, тезис, который использовали нацисты в 30-х гг. XX в. То же самое верно в отношении таких терминов, как «кельтский», «славянский» или «английский», а также вообще всех терминов, которые обозначают языки и языковые семьи.

Вторая причина, объясняющая, почему не существует имманентной связи между этносом и языком — и это укрепляет позиции первой причины — заключается в том, что такое представление помогает нам лучше понять процесс образования языковых семей и через него — природу самого языка. Мы не знаем, существовал ли некогда один праязык, из которого произошли все языки мира, аналогично тому, как германские языки произошли от прагерманского, а тот, в свою очередь, от праиндоевропейского. Мы даже пока не можем достаточно точно установить генетические связи индоевропейских языков с другими уже известными большими языковыми семьями. Вполне возможно, что все

естественные языки восходят к одному языку-предку, существовавшему в далеком прошлом — возможно, полмиллиона лет назад — и таким образом, являются членами (в техническом смысле этого слова) одной языковой семьи. С другой стороны, некоторые впечатляющие структурные сходства, наблюдаемые в языках мира, которые на первый взгляд как будто бы подтверждают гипотезу моногенеза, на самом деле объясняются явлениями диффузии и конвергенции языков.

Передача языка от одного поколения другому является отчасти биологическим, отчасти культурным процессом. Будучи людьми, мы обладаем врожденным свойством обучаться человеческому языку, но мы не обладаем врожденным свойством обучаться конкретному языку. Из этого следует, что в соответствующих социальных и культурных условиях не только отдельные индивиды, но и целые сообщества могут научиться говорить на языке или диалекте, отличном от языка или диалекта своих родителей. Великие ученые XIX в., основатели исторической лингвистики, которым мы обязаны используемым здесь понятием языковой семьи, не придавали этому факту той теоретической значимости, которую, как мы знаем теперь, он заслуживает. Довольно часто ученые предполагали, что распространение языков на большие территории объясняется только великими переселениями народов. Такое предположение является по меньшей мере неправильным. Как мы увидим далее, диффузия и конвергенция культур — не менее важное объяснение языкового изменения, чем миграции народов и распространение языков. Традиционное же изображение родственных связей языков в виде родословного древа позволяет отразить лишь постоянное расхождение языков от общего языка-предка.

Индоевропейская семья языков — одна из многих различных языковых семей, установленных на данный момент. Многие ученые считают, что языки мира можно разделить примерно на тридцать больших языковых семей таким образом, что некоторые общеизвестные языковые семьи становятся их членами (однако большинство из наиболее приемлемых классификаций все же остаются предметом споров). Например, в Африке имеется более тысячи различных языков. Согласно недавним исследованиям, эти языки (кроме английского, французского, испанского, африкаанс и других, появившихся в Африке в период европейской колонизации) делятся на четыре больших семьи, одна из которых, семито-хамитская (или афразийская), охватывающая все местные языки, на которых говорят народы, живущие к северу от Сахары, включает традиционно признанную семитскую семью, самыми известными представителями которой являются арабский, древнееврейский и амхарский. Кроме того, в настоящее время обычно считается, что языки банту (включающие суахили, коса, зулу и др.) являются ответвлением нигеро-конголезской семьи. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении других языков мира. Процесс уточнения классификации языков идет по линии уменьшения большого числа языковых семей и объединения разных языковых семей в меньшее число так называемых макросемей. Поскольку языковых данных для такого укрупнения часто бывает недостаточно, результаты

классификации оказываются лишь гипотезами, и именно так к ним и надо относиться. Степень достоверности состава языковой семьи и точности ее названия для разных языковых семей бывает различной.

6.3. Сравнительно-исторический метод

Наиболее стандартный способ установления родственных связей языков — это так называемый сравнительно-исторический метод. Он развивался и совершенствовался во время, которое мы уже ранее назвали классическим периодом исторической лингвистики (см. 6.1). Метод основывается на том, что во многих похожих словах исследуемой группы языков обнаруживаются регулярные фонетические и морфологические соответствия. К 80-м гг. XIX в. ученые достигли такого высокого уровня в применении сравнительно-исторического метода к языкам, чье родство было очевидным, что можно было быть уверенным в надежности применения этого метода и к таким языкам, чье родство было менее очевидным.

Ниже я продемонстрирую принцип регулярных соответствий в первую очередь на романских языках. Этот пример удачен не только тем, что родство этих языков не вызывает сомнения, но и тем, что мы располагаем прямым свидетельством праязыка, из которого они произошли — латинского языка. Однако, как мы увидим далее, бывают случаи, когда на основе данных романских языков реконструируются праформы, отличающиеся от тех, что зафиксированы в латыни.

В табл. 5 обобщено сравнение нескольких рядов безусловно родственных слов (в их обычной орфографической записи) из латыни и трех романских языков: французского, итальянского и испанского. Эта таблица может быть расширена как по горизонтали — за счет соответствующих слов из других романских языков и диалектов (румынского, португальского, каталанского, сардского, ладино и др.), так и по вертикали — за счет других рядов родственных слов. Хотя в табл. 5 представлен весьма ограниченный материал, все же приведенные здесь данные могут продемонстрировать то, что называется принципом регулярных соответствий.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что слова, записанные в табл. 5 в одном ряду, сходны не только по внешнему виду — именно поэтому здесь можно применить принцип регулярных фонетических соответствий — но и по значению. Вообще говоря, с течением времени значения слов могут изменяться. Например, обычным для классической латыни словом для обозначения лошади является не *caballus*, которое в точности означало 'вьючная лошадь' и даже употреблялось в уничижительном значении в смысле 'кляча', а другое слово — *equus*. Однако поскольку слова *caballus* и *equus* явно связаны по значению, правомерно предположить, что в поздней латыни (т. е. в прароманском) *caballus* потеряло и более конкретное, и уничижительное значение и стало общим и стилистически нейтральным словом, занявшим место *equus*. И наоборот, приведенные в таблице слова, восходящие к латинскому *caput*,

Таблица 5

Некоторые регулярные фонетические соответствия между латинским и тремя романскими языками.

		латинский (лат.)	французский (фр.)	итальянский (ит.)	испанский (исп.)
(1)	‘вещь’	<i>causa</i>	<i>chose</i>	<i>cosa</i>	<i>cosa</i>
	‘голова’	<i>caput</i>	<i>chef</i>	<i>capo</i>	<i>cabo</i>
	‘лошадь’	<i>caballus</i>	<i>cheval</i>	<i>cavallo</i>	<i>caballo</i>
	‘петь’	<i>cantare</i>	<i>chanter</i>	<i>cantare</i>	<i>cantar</i>
	‘собака’	<i>canis</i>	<i>chien</i>	<i>cane</i>	
	‘коза’	<i>capra</i>	<i>chèvre</i>	<i>capra</i>	<i>cabra</i>
(2)	‘растение’	<i>planta</i>	<i>plante</i>	<i>pianta</i>	<i>llanta</i>
	‘ключ’	<i>clavis</i>	<i>clef</i>	<i>chiave</i>	<i>llave</i>
	‘дождь’	<i>pluvia</i>	<i>pluie</i>	<i>pioggia</i>	<i>lluvia</i>
(3)	‘восемь’	<i>octo</i>	<i>huit</i>	<i>otto</i>	<i>ocho</i>
	‘ночь’	<i>nox/noctis</i>	<i>nuit</i>	<i>notte</i>	<i>noche</i>
	‘факт’	<i>factum</i>	<i>fait</i>	<i>fatto</i>	<i>hecho</i>
	‘молоко’	<i>lacte</i>	<i>lait</i>	<i>latte</i>	<i>leche</i>
(4)	‘дочь’	<i>filia</i>	<i>fille</i>	<i>figlia</i>	<i>hija</i>
	‘красивый’	<i>formosus</i>			<i>hermoso</i>

приобрели более узкое, а иногда и метафорическое значение, например фр. *chef*, равно как и ит. *capo*, означает ‘глава, начальник’, а исп. *cabo* означает ‘мыс’, ‘капрал’ или ‘конец’ и т. д. Но опять же, существует интуитивно ясная связь между значением лат. *caput* и значениями слов, которые от него произошли.

Ни одно из приведенных в табл. 5 слов не вызывает сомнения с точки зрения того, что слова одного ряда семантически родственны, даже если иногда и появляется почва для разногласий по поводу характера этого родства. Однако часто — особенно в случае языков, для которых у нас меньше данных, чем для романских — бывает неясно, являются ли данные слова

семантически родственными или нет. Именно поэтому сравнительно-исторический метод основывается в первую очередь на сходстве звучания. Следует также заметить, что с течением времени слова не только изменяются по значению, но в силу различных причин они могут также вообще выйти из употребления и замениться другими словами. Именно этим объясняются пробелы в некоторых строках табл. 5. Так, в современном испанском языке слово, восходящее к латинскому *canis*, было заменено словом *perro*, а в итальянском и французском не сохранилось слов, восходящих к лат. *formosus*.

Теперь обратимся к представленным в таблице регулярным фонетическим соответствиям. Все слова здесь приведены в орфографии, характерной для каждого языка. В латинском, испанском и итальянском существуют относительно небольшие расхождения между написанием слов и их произношением. Следует также помнить о том, что в современном испанском буква <h> вообще не произносится, что в испанском и итальянском буква <c> произносится по-разному в зависимости от позиции, что в итальянском сочетание <ch> произносится как [k], а в испанском — как [tʃ], и т. д. Но эти расхождения все же не слишком велики, поэтому, не искажая фактов, мы можем считать, не слишком искажая фактов, что соответствие между буквами (или, в ряде случаев, сочетаниями букв, как исп. <ll>, <ch>, ит. <ch>, <ggi>) и фонемами является взаимно-однозначным. Например, орфография французского языка не позволяет определить, что слово *clef* произносится как [kle], а слово *chef* — как [ʃef], или же что слово *huit* обычно произносится с конечным [t], тогда как *nuit* и *lait* произносятся без [t] (за исключением некоторых устойчивых выражений), а для *fait* существуют разные варианты произношения. Однако поскольку французская орфография (равно как и английская) отражает произношение, которое реально было несколько веков назад, для наших целей нам достаточно рассматривать французские слова так, как они буквально пишутся. Не следует также преувеличивать значение того факта, что латинским источником исторически связанных французских, испанских и итальянских слов почти всегда оказывается не исходная форма существительных и прилагательных, каковой является номинатив, а аккузатив, который и становится праформой для романских основ, ср. лат. *canem*, *caballum* и т. д. (конечное [m] здесь было потеряно еще в эпоху поздней латыни, т. е. в прароманском).

Если сравнить слова табл. 5, записанные в одной строке, но в разных столбцах, оказывается, что между родственными формами (т. е. между формами родственных слов) существуют регулярные фонетические соответствия. Эти соответствия выделены в таблице жирным шрифтом и могут быть записаны при помощи звуков (с учетом того, какой звук закреплен обычно за данной буквой) следующим образом:

(1) лат. [k] = фр. [ʃ] = ит. [k] = исп. [k]

(2) лат. [pl], [kl] = фр. [pl], [kl] = ит. [pj], [kj] = исп. [ɫ]

(3) лат. [kt] = фр. [it] = ит. [tt] = исп. [tʃ]

(4) лат. [f] = фр. [f] = ит. [f] = исп. [h]

И французское <it>, и испанское <h> здесь интерпретируются как определенные звуки, которые, как мы знаем, реально произносились в этих языках на более ранних этапах: именно это я имею в виду, когда говорю, что буквам приписывается их обычное звуковое обозначение. Мы бы могли использовать фонетическую (или фонологическую) транскрипцию современных слов. В этом случае мы также могли бы выявить регулярные фонетические соответствия. Но они не дали бы столь очевидного сходства. Следует отметить, что, в дополнение к соответствиям (1)–(4), из табл. 5 можно также выписать и некоторые другие соответствия:

(5) лат. [b] = фр. [v] = ит. [v] = исп. [b]

(6) лат. [a] = фр. [ε] = ит. [a] = исп. [a]

и так далее. Как мы объясняем эти регулярные соответствия?

Ответ на этот вопрос, который дали основоположники сравнительно-исторического метода, состоит в том, что звуковые изменения, которые происходят в языке с течением времени, являются регулярными. Однако принцип регулярности звуковых изменений не учитывался до середины 70-х гг. XIX в., когда младограмматики провозгласили его в наиболее сильной и бескомпромиссной форме: «Звуковые изменения, которые мы наблюдаем в языках, чья история документирована письменными памятниками, происходят в соответствии со строгими законами, которые не знают исключений, кроме случаев, когда вступают в действие другие законы». На первый взгляд, утверждение о том, что звуковые законы (как их теперь называют) действуют без исключений, было очевидным образом неверным. Есть много примеров явно родственных слов, в которых ожидаемые звуковые соответствия не соблюдаются. Рассмотрим один известный пример, который казался очевидным исключением вплоть до того момента, пока связанная с ним проблема не была блестяще решена в 1875 г. датским ученым Карлом Вернером.

В 1822 г. Якоб Гримм (один из двух братьев, которые больше известны как собиратели немецкого фольклора) обратил внимание на то, что между согласными германских языков, с одной стороны, и согласными индоевропейских языков, с другой стороны, существует определенное регулярное соответствие. Он не был первым, кто заметил это соответствие: заслуга этого открытия по праву принадлежит датскому лингвисту Расмусу Раску. Но работа Гримма, написанная по-немецки, была более доступна мировой лингвистике, поэтому закон, регулирующий наблюдаемые соответствия, известен больше как закон Гримма. Если сформулировать этот закон в терминах современной артикуляторной фонетики (в упрощенном виде), он звучит так:

- (а) праиндоевропейские (ПраИЕ) звонкие аспираторные [*b^h, *d^h, *g^h] в прагерманском (ПраГерм) перешли в звонкие смычные [*b, *d, *g], или, возможно, в звонкие фрикативные [*β, *ð, *γ];
- (б) ПраИЕ звонкие смычные [*b, *d, *g] в ПраГерм перешли в глухие смычные [*p, *t, *k];

(в) ПраИЕ глухие смычные [$*p$, $*t$, $*k$] в ПраГерм перешли в глухие фрикативные [$*f$, $*\theta$, $*h$].

В соответствии с давно установившейся традицией исторической лингвистики, звездочка перед звуком означает, что этот звук — реконструированная единица, которая вряд ли была зафиксирована исторически. Сейчас мы уже вплотную подошли к понятию реконструкции. И праиндоевропейский, и прагерманский очевидным образом суть гипотетические конструируемые (см. 6.2).

Закон Гримма, сформулированный в том виде, как он приведен выше, покрывает большое число наблюдаемых соответствий. Например, он объясняет тот факт, что английский (англ.) имеет [b] там, где в латинском (лат.), греческом (греч.), санскрите (санскр.) и других языках представлено [p], ср. англ. *father* 'отец' : лат. *pater*, греч. *pater* : санскр. *pitar-*; англ. *foot* 'нога' : лат. *pes/pedis* : греч. *pous/podus* : санскр. *pāt/padas*. Этот закон объясняет также начальные и срединные согласные готского слова *talhun* 'десять' : лат. *decem* : греч. *deka* : санскр. *daśa* : англ. *ten* не сохранил никакого следа срединного согласного, ср., однако, современное немецкое *zehn*, древневерхненемецкое *zehan* и древнесаксонское *tehan* (в немецком языке начальная аффриката [t^s], обозначаемая в орфографии буквой <z>, получилась в результате так называемого верхненемецкого передвижения согласных, которое имело место около VI в. н. э.). Звук [ç] в санскр. *daśa* является результатом палатализации ПраИЕ [$*k$], которая в древнейшие времена отразилась во многих восточных группах индоевропейских языков, включая индоиранские, балтийские и славянские, а также армянский и албанский. В этой связи следует признать, что существуют определенные сложности относительно реконструкции праиндоевропейских согласных, которые я здесь для простоты обозначил как велярные смычные [$*g^h$, $*g$, $*k$], но это не влияет на формулировку и значимость закона Гримма. С учетом последующего развития этих согласных в конкретных языках или промежуточных праязыках, закон Гримма в том виде, как он был описан выше, подтверждается значительным числом примеров регулярных соответствий.

Наряду с этим было обнаружено довольно много явных исключений. По поводу некоторых из них писал и сам Grimm: «Это передвижение согласных происходит в подавляющем большинстве случаев, но все же может нарушаться в конкретных примерах. Некоторые слова остаются внешне такими, какими они были в древний период, поток новых изменений обходит их стороной». Например, звук [p] в англ. *spit*, *spew* 'плевать' соответствует звуку [p] других языков, что грубо нарушает закон Гримма, ср. лат. *spuo* и т. п. Аналогично, герм. [t] = лат. [t], греч. [t], санскр. [t], ср. англ. *stand* 'стоять', лат. *sto/stare* и т. п. Здесь действительно согласные, как говорил Grimm, не затронуты потоком новых изменений. Обратим, однако, внимание на то, что в каждом из этих случаев глухие смычные [$*p$, $*t$, $*k$] выступают как второй сегмент в двухсегментном консонантном сочетании. Следовательно, все, что мы должны сделать,

это изменить приведенную выше формулировку закона Гримма таким образом, чтобы он не применялся к германским рефлексам (т. е. отражениям) праиндоевропейских [**p, *t, *k*] в определенном фонетическом (или фонологическом) контексте. То есть, используя современную терминологию, мы хотим сказать, что закон Гримма описывает звуковое изменение, обусловленное фонетическим контекстом. И если мы соответствующим образом переформулируем закон Гримма, то сохранение глухих смычных в словах типа англ. *spit/ spew, stand, eight* и т. п. будет выглядеть уже как регулярное соответствие.

Более интересен другой класс исключений. Если мы возьмем слова 'отец' и 'брат' в разных германских языках, кроме английского, мы обнаружим, что они различаются срединным согласным, ср. готск. *fadar : brōðar*, нем. *Vater : Bruder*, и т. п. Древнеанглийский язык демонстрирует ту же разницу, ср. др.-англ. *faedar : brōþor*. То, что немецкий, как и его предок древневерхненемецкий (*fater : bruodar*), имеет глухой смычный в слове 'отец' и звонкий смычный в слове 'брат', объясняется все тем же верхненемецким передвижением согласных. На основе существующих данных мы можем достаточно надежно реконструировать в качестве прагерманских форм рассматриваемых слов праформы **fader-* и **brōðar*, где буквой <*d*> обозначен либо смычный [d] либо фрикативный [ð] но в любом случае это звонкий согласный, отличный от глухого фрикативного [θ] в слове 'брат'. Поскольку соответствующие родственные слова остальных индоевропейских языков не обнаруживают этой разницы (лат. *pater : frater*, санскр. *pitar-* : *bhrātar-* и т. п.), а, согласно закону Гримма, ПраИЕ [**t*] должно было бы дать ПраГерм [**θ*], слово 'отец' оказывается регулярным в отношении срединного, но не начального согласного.

Решение этой проблемы предложил Вернер. Он показал, что, в том случае, когда праиндоевропейские слова 'отец' и 'брат' различались ударением, как это имеет место в санскрите (*pitár-* : *bhrātar*), прагерманское слово-исключение **fader* может быть объяснено при помощи закона, который был назван **законом Вернера**. Этот закон гласит следующее: в интервокальной позиции глухие фрикативные, например [θ,] переходят в соответствующие звонкие, при условии, что им не предшествует словесное ударение. Иными словами, звуковые изменения происходили поэтапно, что может быть представлено следующим образом:

(i)	ПраИЕ	<i>*pátér-</i> : <i>*bʰráter-</i>
(ii)		<i>*faθér-</i> : <i>*bróðar-</i>
(iii)		<i>*faðér-</i> : <i>*bróðar-</i>
(iv)	ПраГерм	<i>*fáder-</i> : <i>*bróðar-</i>

Переход от этапа (i) к этапу (ii) объясняется законом Гримма, а переход от этапа (ii) к этапу (iii) — законом Вернера. Следует отметить,

что оба закона действовали в исторический период, предшествовавший прагерманскому, который, в свою очередь, характеризовался словесным ударением на первом слоге. Звуковые изменения, которые принято объяснять действием закона Гримма и закона Вернера, сегодня могут получить другое объяснения, однако это не имеет отношения к нашему рассуждению. Суть того, что мы хотели показать, заключается в следующем: целый класс очевидных исключений из закона Гримма представлен, как показал Вернер, случаями, попадающими под действие другого вспомогательного звукового закона — закона Вернера.

Приблизительно в то же время, что и закон Вернера, были открыты и некоторые другие языковые законы. В совокупности они позволили ученым лучше понять хронологию изменений в разных ветвях индоевропейской семьи языков. И, что важнее всего, после открытия этих законов верность знаменитого тезиса младограмматиков об абсолютной регулярности звуковых изменений стала еще более очевидной, чем она представлялась предыдущим поколениям лингвистов. Когда этот тезис был провозглашен в 70-х гг. XIX в., он выглядел довольно спорным. Тем не менее, довольно скоро большая часть научной общественности приняла его как основу не только сравнительно-исторического метода, но и исторической лингвистики в целом. Далее у нас будет возможность критически рассмотреть и сам принцип регулярности языковых изменений, и то, в каком смысле младограмматики употребляли термин «закон». Но ничего из того, что будет сказано в рамках этой оценки, не должно умалять методологическую значимость принципа регулярности. Это заставило тех, кто провозгласил этот принцип, провести различие между контекстно-обусловленными и контекстно-необусловленными звуковыми изменениями, а также по возможности точнее указать условия, в которых наблюдается контекстно-обусловленное изменение конкретных звуков. Кроме того, это также возложило на них ответственность объяснить формы, которые нарушали данный языковой закон, хотя сами условия были в них выполнены. Двумя главными факторами, на которые опирались младограмматики и их последователи, чтобы объяснить эти нарушения, были изменения по аналогии и заимствования (см. 6.4).

В данном разделе мы рассматриваем технику реконструкции праформ с использованием сравнительно-исторического метода. Необходимо предостеречь читателя от неправильного понимания так называемых форм под звездочкой (т. е. гипотетических форм, перед которыми стоит знак *, например, ПраИЕ **pǝtér-* или ПраГерм **fǝder-*), которые являются результатом применения техники реконструкции. Такие формы не должны считаться реальными формами праиндоевропейского или какого-либо другого праязыка. Для этого существует несколько причин.

Во-первых, сравнительно-исторический метод предполагает слишком большую степень регулярности в реконструированном языке-предке. И иллюстрация тому — разница, обнаруживаемая между зафиксированными латинскими словами и формами, которые мы считаем прароманскими и от которых произошли слова французского, итальянского,

испанского и других языков. В латинском языке имеется слово 'голова' с формой номинатива *caput* и основой косвенных падежей *capit-*. Ни в одном из современных романских языков не сохранилось следа конечного согласного [t]. В противоположность этому, данные этих языков указывают на то, что прароманская форма была **caru(m)*, см. выше табл. 5. Похоже, что в поздней латыни существительное 'голова', имевшее нерегулярные формы, было унифицировано, однако прямым указанием на это мы не располагаем. Возможно, это слово было унифицировано в более позднее время и независимо в разных романских языках. Суть нашего рассуждения состоит в том, что нерегулярности разного рода имеют тенденцию со временем исчезать, а сравнительно-исторический метод, вообще говоря, не способен их реконструировать.

Во-вторых, сравнительно-исторический метод основан на предположении о том, что каждый член языковой семьи является прямым потомком праязыка и в процессе своего развития не подвергался влиянию других родственных языков и диалектов. Это предположение по меньшей мере не соответствует действительности. Все языки в большей или меньшей степени имеют диалектные различия. Нет никаких оснований полагать, что языки, которые мы рассматриваем как источник возникновения современных языковых групп и семей — праиндоевропейский, прагерманский, праславянский и другие праязыки — таких диалектов не имели. Сравнительно-исторический метод позволяет реконструировать, если такая реконструкция вообще возможна, только одну праформу для всех родственных слов. Отсюда следует, что реконструированный праязык, не только в отношении морфологии, но и в отношении диалектного членения будет более регулярным, чем любой другой реально существующий язык. Более того, нельзя вообще с достоверностью утверждать, что звуки, указанные в данной праформе, существовали в одно и то же время и в одном и том же диалекте праязыка.

В силу этих и некоторых других причин реконструированный праязык следует рассматривать только как гипотетический конструкт, который лишь отчасти похож на реально существовавший в прошлом язык. Мы не можем здесь вдаваться в технические подробности этого вопроса, а также в обсуждение того, какие критерии следует учитывать в процессе реконструкции. Для наших целей достаточно просто привлечь внимание к тому факту, что любая историческая реконструкция обычно идеализирует и упрощает факты. Что касается конкретных форм под звездочкой, скажем только, что в некоторых частях реконструкция может быть более обоснована, чем в других, и что ни одна часть реконструкции не может быть надежнее, чем факты, на которых она базируется. А факты бывают очень разные.

В заключение заметим, что, хотя в данном разделе мы рассматривали реконструкцию внешнего облика слов, в некоторых благоприятных случаях можно реконструировать и черты грамматического строя праязыка. Очевидно, что именно морфологические соответствия между родственными языками произвели наибольшее впечатление на представителей

первого поколения компаративистов, так как, по их мнению, грамматические черты, такие, как словоизменительные окончания, не могли передаваться от языка к языку при помощи заимствований (см. 6.4).

6.4. Изменение по аналогии и заимствования

Понятие **аналогии** восходит ко временам античности. Сам термин происходит от греческого слова *analogia*, которое означает 'регулярность', а в более специальном употреблении математиков и лингвистов — 'пропорциональная регулярность'. Например, пропорциональное отношение между числами 6 и 3, с одной стороны, и между 4 и 2, с другой, является аналогией, иными словами, имеется в виду следующее: соотношение между четырьмя числовыми величинами — 6, 3, 4 и 2 — таково, что если первое число разделить на второе, эта величина равна той, которая получится, если третье число разделить на четвертое, т. е. $6 : 3 = 4 : 2$. Рассуждение по аналогии широко использовалось Платоном, Аристотелем и их последователями не только в математике, но и в других естественных и гуманитарных науках, в частности, в лингвистике. Пока мы не оценим по достоинству этот факт, мы не сможем понять одно из важнейших понятий традиционной грамматики — понятие **парадигмы**. Предположим, у нас есть парадигма английского глагола *jump* 'прыгать' — *jump, jumps, jumping* и *jumped* (термин «парадигма» происходит из греческого слова, означающего 'модель' или 'образец'), тогда, сравнивая ее с парадигмой глагола *help* 'помогать', мы можем построить такие пропорциональные равенства, как $jump : jumps = help : x$; $jump : jumped = help : y$ и т. д. Мы даже можем решить эти равенства, приписав неизвестным переменным x , y и т. д. подходящие значения — *helps, helped* и т. д.

Именно такое понимание аналогии используется в традиционной лингвистике, и именно оно стало камнем преткновения в споре между сторонниками аналогий и сторонниками аномалий, который возник во II в. до н. э. и длился, с большей или меньшей силой, до наших дней, оказывая огромное влияние на развитие лингвистической теории. Просто говоря, можно сказать, что сторонники аналогий исходили из того, что отношение между формой и значением регулируется принципом пропорциональной регулярности, а сторонники аномалий придерживались противоположной точки зрения. Нет необходимости вдаваться в детали этого путаного и сбивающего с толку спора. Тем не менее важно понимать, что все это является частью того исторического фона, на котором младограмматики провозгласили принцип изменения по аналогии и указали на его важную роль в историческом развитии языков.

Остановимся на следующем примере. Английский язык, равно как и немецкий, различает две группы глаголов, которые традиционно называются слабыми и сильными глаголами. Глаголы первой группы, к которой относится большинство глаголов, образуют прошедшее время путем присоединения к основе специального суффикса (ср. англ. *jump-s* 'прыгает', *jump-ed* 'прыгал'; нем. *lieb-t* 'любит', *lieb-te* 'любил'). Глаголы второй

группы в той или иной степени демонстрируют разницу в огласовке основы настоящего и основы прошедшего времени и при этом не имеют специального суффикса, присущего слабым глаголам (ср. англ. *ride-s* 'едет', *rode* 'ехал'; нем. *reit-et* 'едет', *ritt* 'ехал'; *sing-t* 'поет', *sang* 'пел'). Сильные глаголы различают несколько подклассов в зависимости от того, какими чередованиями гласных противопоставлены формы настоящего и прошедшего времени. Такие глаголы обычно считаются нерегулярными глаголами. Они действительно менее регулярны, чем слабые глаголы, которые в течение многих веков увеличивались в числе и подпадали под действие продуктивного правила. То, что это правило продуктивно, подтверждается обучением родному языку детьми, а также способностью взрослых носителей языка образовывать прошедшее время от новых глаголов, которые им встретились впервые в форме настоящего времени (или причастия настоящего времени). Если говорить об обучении родному языку, факт усвоения ребенком правила регулярного образования прошедшего времени при помощи суффикса подтверждается тем, что он образует не только правильные глагольные формы (как *jumped* 'прыгал', *walked* 'гулял', *loved* 'любил'), но также и некоторые неправильные формы типа *rided* 'ехал' или *goed* 'шел'. Как это ни парадоксально, на самом деле образование таких неправильных форм по аналогии с типичным представителем регулярного класса слабых глаголов (*jump* : *jumped* = *ride* : *x*, откуда *x* = *rided*) является более надежным свидетельством того, что ребенок действительно применяет правило, чем употребление любого количества правильных форм прошедшего времени, которые в принципе он мог просто запомнить и воспроизвести как нерасчленимое целое (ср. 8.4).

В истории английского языка есть примеры того, как некоторые слабые глаголы в силу принципа аналогии превратились в сильные. Например, в некоторых диалектах американского варианта английского языка прошедшее время от *dive* 'нырять' будет не *dived*, как в британском, а *dove*, причем в противоположность тому, что можно было бы подумать, *dove* является результатом инновации. Однако в большинстве случаев принцип аналогии действовал в другом направлении, увеличивая число слабых глаголов за счет сильных. Например, зафиксированное в среднеанглийском языке прошедшее время глагола 'помогать' *holp* (ср. *got* 'получил') было заменено на современное *helped*. Заметим, что переход *dived* → *dove* является таким же изменением по аналогии, как и *holp* → *helped*. Язык в данном случае имеет две модели образования прошедшего времени, каждая из которых может служить образцом для изменения по аналогии.

Заметим также, что наличие похожих чередований гласных в родственных английских и немецких словах является особенно убедительным аргументом в пользу гипотезы родства этих двух языков, ср. глагольные формы англ. *begin-s*, *began*, *begun* : нем. *beginn-t*, *begann*, *begonn-en* 'начинать'; англ. *bring-s*, *brought* : нем. *bring-t*, *brach-te*, *ge-brach-t* 'приносить'; англ. *find-s*, *found* : нем. *find-et*, *fand*, *ge-fund-en* 'находить'; англ. *give-s*, *gave*, *giv-en* : нем. *gib-t*, *gab*, *ge-geb-en* 'давать' (здесь в английском и немецком приводятся формы причастия прошедшего времени в том случае, если

они отличаются от формы прошедшего времени, что почти всегда наблюдается в немецком языке). Принцип аналогии действовал в английском и немецком независимым образом в течение нескольких веков в направлении упрощения чередований гласных. Так, например, в английском языке глагол *help* 'помогать' — слабый глагол, тогда как родственный ему глагол *helfen* в немецком языке является сильным глаголом (*helf-t, half, ge-holf-en*). Кроме того, звуковые изменения, которые происходили независимым образом в разных германских языках, также оказали влияние на чередования гласных, в результате чего количество рядов чередований гласных увеличилось, а соответствия между формами конкретных глаголов стали менее регулярными, чем в более древний период. Тем не менее, есть десятки глаголов, демонстрирующих одинаковые типы чередований гласных. То же самое верно и в отношении нидерландского языка, который, как мы уже видели ранее (см 6.2), более близок к немецкому, чем к английскому языку, ср. нидерл. *begin-t, begon, begon-n-en* 'начинать', *breng-t, brach-t, ge-brach-t* 'приносить', *vind-t, vond, ge-vond-en* 'находить'. Сильные глаголы есть и в скандинавских языках. У этих глаголов формы прошедшего времени, причастия прошедшего времени и формы настоящего времени также имеют более или менее регулярные чередования гласных, ср. швед. *skriver, skrev, skrivit* 'писать', *kryper, krop, krupit* 'ползти'. В действительности все эти чередования гласных восходят к праиндоевропейскому периоду, ср. греч. *peith-ō, pe-poith-a, e-pith-on* 'заставлять', *leip-ō, le-loip-a, e-lip-on* 'оставлять' и т. д. Как уже отмечалось в предыдущем разделе, именно этот тип регулярных звуковых соответствий — который, как отмечал сэр Уильям Джоунз, демонстрирует «столь явное сходство... как в глагольных корнях, так и в грамматических формах, что это вряд ли может быть случайностью» (см. 6.2) — так поразил отцов-основателей исторической лингвистики. Но в данном разделе нас интересует изменение по аналогии, и в этой связи необходимо остановиться на двух обстоятельствах.

Первое обстоятельство отметили еще младограмматики. Оно заключается в том, что изменение по аналогии может дать результат, значительно отличающийся или даже вовсе противоположный тому, что ожидается в результате регулярного звукового изменения. Так, например, после действия закона Вернера (см. 6.3), но до появления первых письменных памятников, интервокальный [s] в германских языках перешел в [r]. Именно этим звуковым изменением объясняется присутствие буквы <г> — которая все еще произносится в некоторых английских диалектах — в форме множественного числа прошедшего времени глагола 'быть', в противоположность тому, что представлено в форме единственного числа, где орфография сохраняет букву <s>, ср. *were* 'были' : *was* 'был'. Такое же противопоставление (но сопровождаемое разницей в огласовке) представлено и в нидерландском языке, ср. *ik was* 'я был' : *wij waren* 'мы были'. С другой стороны, в немецком языке форма единственного числа была изменена по аналогии с формой множественного числа, ср. *ich war* 'я был' : *wir waren* 'мы были'. В этом примере исторически регулярный конечный [s] в форме единственного числа был заменен на исторически

нерегулярный [r]. Интересно отметить, что в ранней латыни интервокальный [s] также изменился в [r]. Отсюда противопоставление в классической латыни формы номинатива единственного числа *honus* 'почет' и других форм того же существительного: *honorem*, *honoris* и т. д. (из **honosem*, **honosis* и т. д.). В латыни более позднего периода *honus* заменилось на *honor*, так что основа *honor-* была распространена на всю парадигму. Стоит также добавить, что изменение по аналогии является причиной того, что глагол 'быть' — это единственный глагол в современном английском литературном языке, в котором в прошедшем времени есть противопоставление форм единственного и множественного числа. В среднеанглийском языке такое противопоставление наблюдалось во многих глаголах. Благодаря изменению по аналогии позже произошла унификация основы прошедшего времени либо по единственному, либо по множественному числу (а в некоторых случаях и по причастию прошедшего времени). Именно этим объясняются значительные вариации форм как по английским диалектам, так и по говорам отдельных носителей языка.

Второе обстоятельство, которое следует упомянуть в связи с изменением по аналогии, является гораздо более значительным фактором языкового изменения, чем то полагали младограмматики. Дело в том, что в действительности младограмматики прибегали к объяснению через аналогию только тех случаев, которые были явными исключениями из постулируемых ими звуковых законов. Более того, некоторые из них проводили различие между звуковым изменением как физиологически объяснимым процессом и изменением по аналогии как результатом случайного и непредсказуемого вмешательства человеческого ума. Для тех, кто придерживался такого мнения, звуковые законы были подобны так называемым естественнонаучным законам. Сейчас нам уже стало ясно следующее. Во-первых, не существует строгой границы между физическим и физиологическим, по крайней мере в языке. Во-вторых, изменение по аналогии — при условии, что это понятие трактуется скорее традиционно, чем буквально — происходит как на фонологическом, так и на грамматическом уровне структуры языка. То, что традиционно описывалось в терминах пропорциональной регулярности, может быть обобщено с помощью более общего принципа регулярности на основе существующих типов соответствия между формой и значением. На самом деле было бы разумно установить соответствие между сосюрковским понятием языковой структуры и генеративистским понятием языкового творчества, регулируемого правилами, используя при этом модернизированный вариант традиционного понятия изменения по аналогии. Но это уже более объемная и более сложная проблема (ср. 7.4).

Другое явление, к которому обращались младограмматики, чтобы объяснить некоторые очевидные исключения из действия звуковых законов, — это заимствования. Например, в современном французском языке, помимо слова *chef* 'глава, руководитель', которое мы признали выше французским наследником латинского *caput*, с возможной исходной прароманской формой **capu(m)* (см. табл. 5), мы находим слово *cap*

(ср. выражение *de pied en cap*, буквально 'с ног до головы'). Очевидно, что форма *cap* нарушает все три звуковых закона (не считая потери конечного гласного), которые требуются, чтобы получить форму *chef* из **capu*. Это объясняется тем, что форма *cap* была заимствована французским из провансальского языка, в котором указанных звуковых переходов не наблюдалось. Аналогично, в английском языке есть много слов, которые на письме начинаются со *sk-* (ср. *sky* 'небо', *skill* 'мастерство', *skirt* 'юбка' и т. д.) и являются очевидными исключениями из звукового закона, согласно которому [sk] перед гласными переднего ряда перешло в [ʃ] (ср. *shirt* 'рубашка', *ship* 'корабль', *shed* 'навес, сарай' и т. д.). Все эти слова были заимствованы из тех или иных скандинавских диалектов, которые были занесены в Англию во времена нашествия викингов и оказывали значительное влияние на местные диалекты в пределах распространения так называемого «Датского закона». (И по сей день значительную часть лексики диалектов северной Англии и южной Шотландии составляют слова скандинавского происхождения, однако здесь мы рассматриваем только те заимствованные слова, которые попали в литературный английский язык.) Пары слов, выражающие сходные понятия и состоящие из исконного и заимствованного слова, типа английских *skirt* и *shirt* или французских *chef* и *cap*, обычно называют дублетами. Следует заметить, что лексические дублеты редко бывают синонимами (ср. *skirt* 'юбка': *shirt* 'рубашка', *skipper* 'шкипер': *shipper* 'грузоотправитель').

Про заимствования можно сказать то же самое, что и про изменение по аналогии: заимствования являются гораздо более значительным фактором языкового изменения, чем это полагали младограмматики (а также многие их последователи). В частности, как и аналогия, это не только способ объяснения явных исключений из звуковых законов. Если рассматривать английский язык как типичный западногерманский язык — а он обычно именно таковым и считается (см. 6.2) — мы вынуждены признать, что в ходе истории он заимствовал много элементов, причем не только в области лексики, но также и в области грамматики и фонетики, из других языков и диалектов.

Но имеет ли смысл обсуждать эти вопросы так, как если бы существовала четкая граница между исконными и заимствованными словами языка? Уже давно стало очевидно, что общепринятое изображение развития языков и языкового родства в виде родословного древа может искажать действительность, если рассматривать это изображение как реальную модель исторического процесса. Последние исследования в области диалектологии и социалингвистики показали важность синхронных диалектных и стилистических расхождений внутри одного языкового сообщества как важного фактора изменения языка. В условиях синхронных расхождений — а особенно в условиях билингвизма или диглоссии (см. 9.4) — традиционное понятие заимствования оказывается скорее всего неприменимым.

Независимо от того, что есть в реальности, можно утверждать, что младограмматики проводили слишком резкую границу между тем, что

подчиняется звуковым законам, и тем, что объясняется аналогией и заимствованиями. Тем не менее, большинство исследований исторического развития языков следуют в этом отношении принципам младограмматиков.

6.5. Причины изменения языка

Почему язык с течением времени меняется? На этот вопрос нет общепринятого ответа. Имеется несколько гипотез относительно изменения языка, однако ни одна из них не объясняет всю совокупность фактов. Самое большее, что мы можем сделать, это перечислить и пояснить наиболее важные факторы, на которые обращают внимание лингвисты, пытаясь объяснить изменение языка.

При обсуждении этой проблемы обычно используют два типа различий: (а) различие между звуковыми изменениями, с одной стороны, и грамматическими и лексическими изменениями, с другой; (б) различие между внутренними и внешними факторами. Однако не следует преувеличивать каждое из этих различий, взятых по отдельности. Как мы уже видели, тезис младограмматиков о том, что звуковые изменения существенным образом отличаются от всех остальных изменений, является лишь частью правды. Даже такие более или менее физиологически объяснимые процессы, как *ассимиляция* (полное или частичное уподобление двух соседних звуков по месту и способу образования — ср. итал. *otto, notte* и т. д. в табл. 5 раздела 6.3) или *гаплоглогия* (выпадение одного из двух стоящих рядом похожих слогов, ср. др.-англ. * *Engla-land* 'страна англов' > *England* 'Англия'), тоже требуют объяснения с точки зрения более общих факторов, если предполагается, что они являются причиной постоянных изменений звукового строя языка. Что же касается различия между внешними и внутренними факторами, основанного на абстрагировании собственно системы языка от культурных и социальных условий, в которых данная система используется, то это различие тоже в конечном счете оказывается недостаточным, так как коммуникативная функция языка, заключающаяся в соотношении формы и значения в рамках данной языковой системы, соотносит также данную языковую систему с культурой и обществом, которое она обслуживает.

В предыдущем разделе уже были упомянуты два наиболее важных фактора изменения языка — аналогия и заимствование. На данном этапе мы уже можем определенно сказать, что многое из того, что младограмматики объясняли через звуковые законы, является результатом совместного действия указанных двух факторов. Сами по себе звуковые законы ничего не объясняют, они являются всего лишь констатацией того, что произошло в конкретном месте (точнее, в конкретном языковом сообществе) в определенный промежуток времени. Однако если посмотреть на данное звуковое изменение ретроспективно и в общем виде, оно может показаться достаточно регулярным (в том смысле, как представляли себе регулярность младограмматики и их последователи). Тем не менее,

наблюдения над звуковыми изменениями, происходящими в настоящее время, показывают, что они могут возникнуть в заимствованных словах и со временем распространиться по аналогии на другие слова.

Одним из показателей того, что язык изменяется, является процесс, называемый обычно **гиперкоррекцией**. Пример тому — распространение южноанглийского произношения гласного <u> в словах типа *butter* 'масло' (т. е. [ʊ]. — *Прим. перев.*) на слова типа *butcher* в северных английских диалектах (где ранее произносилось [ʌ]. — *Прим. перев.*), которые восприняли (т. е. заимствовали) такое произношение этого класса слов (т. е. с [ʊ]. — *Прим. перев.*) из литературного языка. Звуковая гиперкоррекция такого рода не отличается, по крайней мере по характеру влияния, от гиперкоррекции другого рода, которая повлияла на то, что носители южноанглийских диалектов, принадлежащие среднему классу и получившие образование, говорят *between you and I* (вместо литературного *between you and me*. — *Прим. перев.*). Можно считать, что гиперкоррекция первого рода (но не второго) могла бы в конечном счете привести к тому, что можно описать, в общем виде и ретроспективно, как регулярное звуковое изменение.

Мы вовсе не имеем в виду, что таким образом можно объяснить все звуковые изменения. Мы должны также допускать возможность постепенного и неощущаемого **фонетического перехода** в течении определенного времени во всех словах, где встречается данный звук. Суть нашего рассуждения заключается в том, что целый набор факторов может привести к одному и тому же конечному результату, а именно к тому, что обычно, по крайней мере в традиции младограмматиков, считается регулярным звуковым изменением и противопоставляется таким как будто бы нерегулярным явлениям, как изменение по аналогии и заимствования.

Лингвисты, настаивающие на различии между внутренними и внешними факторами — особенно те, которые следуют принципам структурализма и функционализма (см. 7.2, 7.3) — склонны объяснять как можно большее число языковых изменений за счет внутренних факторов, особенно за счет постоянных перестроек, осуществляемых языком на своем пути от одного устойчивого (или почти устойчивого) состояния к другому. Одним из наиболее влиятельных сторонников такой точки зрения был французский лингвист Андре Мартине, который пытался объяснить изменение языка, и в особенности звуковые изменения, основываясь на разработанной им концепции саморегулирующихся семиотических систем, управляемых двумя дополнительными принципами — принципом экономии усилий и принципом коммуникативной ясности. Первый принцип (к которому можно отнести такие физиологические объяснимые явления, как уже упомянутые ранее ассимиляции и гаплогогии, а также тенденцию сокращать формы с высокой степенью предсказуемости) влечет за собой уменьшение числа фонологических противопоставлений и одновременное увеличение значимости обоих принципов. Действие принципа экономии усилий, однако, сдерживается необходимостью сохранять нужное количество фонологических противопоставлений для различения выска-

званий, которые в противном случае могли бы стать неразличимыми в тех акустических условиях, которые присущи устной форме языка. Данный принцип интуитивно вполне обоснован, и с его помощью можно объяснить достаточно большое количество звуковых изменений. Тем не менее, он пока еще недостаточно убедительно продемонстрировал ту объяснительную силу, которую ему приписывают его сторонники.

Основной вклад, который внесли в развитие исторической лингвистики структуралисты и функционалисты, происходит из их настойчивого утверждения о том, что каждое постулируемое в структуре языка изменение должно быть оценено в терминах его следствий для системы в целом. Например, они показали, что разные переходы закона Гримма (или Великого передвижения гласных, которое имело место при переходе от среднеанглийского к ранненованглийскому языку) должны быть проанализированы вместе. Представители указанных направлений поставили также ряд интересных вопросов относительно цепных реакций, которые, как представляется, имели место в определенные периоды исторического развития языков. Возьмем для примера закон Гримма. Верно ли, что потеря аспирации праиндоевропейскими звонкими аспирированными [*b^h, *d^h, *g^h] стала причиной потери звонкости праиндоевропейскими звонкими неаспирированными смычными [*b, *d, *g], что в свою очередь вызвало спирантизацию праиндоевропейских глухих смычных [*p, *t, *k]? Или же сначала изменению подверглись праиндоевропейские глухие смычные и тем самым инициировали весь этот процесс, вызывая переход соседнего ряда согласных на освободившееся место? Возможно, на эти вопросы нельзя ответить. Но структуралисты и функционалисты по крайней мере признают тот факт, что разные переходы, объединенные в законе Гримма, могут быть взаимосвязаны.

Заслугой структурализма можно также считать метод, который называется методом внутренней реконструкции (в противоположность сравнительно-историческому методу). Этот метод базируется на представлении о том, что наблюдаемые на синхронном уровне отдельные закономерности и асимметрии могут быть наследием того, что на более раннем этапе было вполне регулярным продуктивным процессом. Например, даже если бы у нас не было письменных памятников английского языка и материала для сравнения его с другими германскими языками, мы могли бы предположить, что относительная регулярность, наблюдаемая в сильных английских глаголах (ср. *drive* : *drove* : *driven* 'ехать, водить', *ride* : *rode* : *ridden* 'ехать верхом'; *sing* : *sang* : *sung* 'петь', *ring* : *rang* : *rung* 'звонить' и т. д.), является наследием древней, более регулярной системы глагольного словоизменения. Метод внутренней реконструкции является в настоящее время признанным инструментом методики исторической лингвистики, который не раз подтвердил свою состоятельность.

Как мы увидим далее, генеративизм является наследием и отчасти своеобразной разновидностью структурализма. Для генеративизма характерно представлять звуковые законы как результат добавления, упразднения и перегруппировки правил, определяющих языковую компетенцию

носителя языка. Поскольку используемое в генеративизме противопоставление языковой компетенции/использования языка в сосюррианском структурализме соответствует противопоставлению «язык/речь» (см. 7.2), вклад, который внесли в теорию и методологию исторической лингвистики генеративисты, можно рассматривать как уточнение и развитие структуралистской концепции языкового изменения. В обоих случаях предпочтение отдается тому, что считается внутренними факторами. Структуралистское понятие саморегуляции было заменено генеративистами на понятие реструктуризации правил и тенденции к упрощению языковой системы. Между этими двумя понятиями довольно трудно найти существенную разницу.

Тем не менее, одно различие между противопоставлением «языковая компетенция/использование языка» у Хомского и «язык/речь» у Соссюра все же существует. Оно заключается в том, что первое противопоставление более удобно для психологической интерпретации, чем второе. Как мы увидим далее, в силу различных причин генеративисты уделяли большое внимание проблеме усвоения языка детьми. Они особо подчеркивали тот факт, что когда ребенок начинает усваивать свой родной язык, он не обучается правилам глубинного уровня, а выводит их из образцов соответствия между формой и значением, которые он слышит в высказываниях, произнесенных другими людьми. То, что обычно считается ложной аналогией (например, стремление ребенка употребить неправильную форму *goed* вместо *went* 'ушел'), генеративистами рассматривается как часть более объемлющего процесса усвоения языка.

Генеративисты не были первыми, кто искал объяснение изменению языка в передаче языка от одного поколения к другому. Но генеративисты более внимательно, чем другие, рассмотрели на процесс усвоения языка с учетом природы правил, которые требуются на определенных этапах этого процесса. Более того, они стали детально исследовать в первую очередь синтаксические, а не фонетические и морфологические изменения. До этого синтаксические изменения вообще почти не исследовались, разве что время от времени и не систематически. Однако наиболее важно то, что генеративизм снабдил историческую лингвистику более точным представлением о формальных и содержательных универсалиях. В сопоставлении с универсалиями изменения, постулируемые для доисторических и незафиксированных этапов языка, могут быть оценены как более или менее вероятные.

Недостатком структурализма и генеративизма является то, что они уделяли недостаточное внимание синхронной вариативности языка как важному фактору языкового изменения. Помимо прочего, невнимание к синхронной вариативности породило псевдovoпросы следующего типа: Является ли изменение звуков внезапным или постепенным? Где зарождается изменение языка — в области языковой компетенции или в области использования языка? Относительно первого вопроса можно отметить следующее. Прошло вот уже более ста лет с того времени, как Иоганнес Шмидт подверг критике теорию объяснения родства языков

с помощью родословного древа, которую так поддерживали младограмматики, и указал на то, что инновации любого рода, и в особенности звуковые изменения, могут распространяться от центра возникновения к периферии и, подобно волнам на озере, терять свою силу по мере продвижения. В последующие десятилетия лингвистами было обнаружено много языкового материала, в особенности в области романских языков, в пользу так называемой **волновой теории родства языков**, которая по крайней мере в целом ряде случаев объясняла многие факты лучше, чем это делала более ортодоксальная **теория родословного древа**, с присущей ей презумпцией о том, что расхождение родственных диалектов происходит неожиданно и затем перерастает в длительный процесс. Как показали диалектологи, в противоположность представлению о том, что звуковые изменения происходят одновременно во всех словах, где есть соответствующие условия, изменение звука может сначала произойти в одном или двух словах и затем распространиться на другие слова и, в процессе коммуникации, на другие регионы. Если все именно так и происходит, становится ясно, что вопрос о том, является ли изменение звуков постепенным или внезапным, теряет свой смысл. А поскольку отдельные индивиды также могут употреблять вариативные формы, колеблясь между более старой и более новой формой, то же самое происходит и с вопросом о том, где зарождается изменение языка: в области языковой компетенции или в области использования языка.

Как показали недавние социолингвистические исследования, то, что верно относительно географического взаимовлияния фонетических, грамматических и лексических вариантов, в равной степени верно и по отношению к их взаимовлиянию в различных социальных группах одного и того же языкового сообщества. Таким образом, становится ясно, что социальные факторы (подобно тем, что будут рассматриваться в главе 9) играют более важную роль в изменении языка, чем это осознавалось ранее. В конце концов, степень языкового взаимовлияния людей, живущих в одном и том же регионе, ограничена не только географическими или даже политическими границами. Различие диалектов по социальным группам может быть столь же четким, как и различие по географическим областям. С другой стороны, при заданных социальных условиях (нарушения традиционной социальной структуры общества, подражание формам и выражениям, используемым правящими классами и т. д.) диалект одной социальной группы может измениться под влиянием диалекта другой социальной группы. Действительно, сейчас уже принято считать, что такие явления, как **билингвизм** и **диглоссия** на одной территории, или даже **пиджинизация** и **креолизация**, могли сыграть более решающую роль в формировании языковых семей, чем это считалось ранее (см. 9.3, 9.4).

Мы начали данный раздел вопросом: Почему язык с течением времени изменяется? Вывод, к которому мы приходим, является повторением того, что было сказано выше (см. 2.5): тезис о всеобщем характере и непрерывности процесса изменения языка не кажется таким абсурдным, если признать, что многое из того, что в общих чертах описывается как

изменение языка, является в конечном счете результатом синхронной вариативности, обусловленной социальными причинами. Это, разумеется, не означает, что так можно объяснить все, что касается изменения языка, однако все же социальным факторам принадлежит более важная роль, чем это считалось ранее.

Дополнительная литература

Книги по общему языкознанию обычно содержат специальные главы, посвященные историческому изменению языков. В частности, с изложением концепции младограмматиков можно познакомиться, прочитав главы 18–27 в книге *Bloomfield 1935*; там же приводится много ставших уже классическими примеров из английского и других языков.

Собственно введениями в историческую лингвистику являются книги *Aitchison 1981*, *Vynon 1977*, *Lehmann 1973*. В *Vynon 1977*, 281–282 можно найти дополнительный список работ по каждой проблеме, обсуждаемой в данной главе; в *Aitchison 1981* особо подчеркивается роль социальных факторов, влияющих на изменение языка.

Об истории английского языка (с различной степенью подробности) см. *Barber 1972*, *Baugh 1965*, *Francis 1967*, *Lass 1969*, *Potter 1960*, *Strang 1970*, *Traugott 1972*. О других языках и языковых семьях см. *Encyclopaedia Britannica*, 15th edn, 1974, которая является наиболее удобным справочным изданием.

Вопросы и упражнения

1. Какие имеются основания для признания трех различных периодов в истории английского языка: древнеанглийского (англосаксонского), среднеанглийского и новоанглийского?
2. На основании информации, содержащейся в энциклопедиях и других справочных изданиях, перечислите современные языки, входящие в состав германской, романской и славянской групп языков.
3. Что такое праязык?
4. Объясните, в чем заключается цель реконструкции в исторической лингвистике.
5. Английский язык, равно как французский, русский, хинди и др., считается индоевропейским языком. Что это означает и верно ли это? Что вы можете сказать о финском, венгерском, баскском, турецком, тамильском языках?
6. Как вы думаете, почему сэръ Уильям Джоунз придавал такое значение тому, что он называл «глагольными корнями» и «грамматическими формами» (см. с. 173)?
7. «Одной из главных причин для того, чтобы согласиться с презумпцией регулярного фонетического изменения, является тот факт, что структура слова-наследника... проясняет источник появления новых форм» (*Bloomfield 1935*, 405). Обсудите.
8. Сформулируйте закон Гримма (приведя примеры, отличные от тех, что были перечислены в данной главе) и покажите, как он соотносится с законом Вернера.

9. Объясните, что такое унификация по аналогии синхронных неправильных форм.
10. Какие выводы об историческом развитии языка можно сделать на основании анализа лексических дублетов? Приведите список из десяти пар подобных лексем современного английского языка, отличных от тех, что были приведены в данной главе. Какие различия вы можете усмотреть (если таковые имеются) между лексическими дублетами и сосуществующими грамматическими вариантами форм одной и той же лексемы (ср. варианты форм прошедшего времени английских глаголов *got* : *gotten* 'получать', *learn* : *learned* 'учить', *dived* : *dove* 'нырять')? Как вы оцениваете в этом отношении различия между вариантами английских форм множественного числа типа *brothers* : *brethren* 'братья', *mediums* : *media* 'средства', а также форм причастий прошедшего времени *struck* : *stricken* от глагола 'ударять'?
11. Поясните следующие более или менее застывшие формы и конструкции: *Rest in peace!* 'Мир праху твоему!', *Bless you!* 'Господи помилуй!' (выражение удивления или негодования), *If it please your Majesty...* 'Будьте так добры, ваше Величество...' (ср. также *If your Majesty pleases...* 'С позволения Вашего Величества...'), *methinks* 'мне кажется' (vs. *I think* 'Я думаю'). Что говорят эти выражения о более ранних этапах развития английского языка?
12. Такие устойчивые выражения современного английского языка, как *meat and drink* 'огромное удовольствие' (букв. 'мясо и питье'. — *Прим. перев.*) и *neither flesh nor fowl (nor good red herring)* 'ни рыба ни мясо' (букв. 'ни мясо, ни птица (ни хорошая копченая селедка)'). — *Прим. перев.*), сохраняют прежние значения некоторых или всех своих компонентов. Не могли бы вы привести другие подобные примеры?
13. Покажите, как заимствование может быть предъявлено как очевидное исключение из действия какого-либо звукового закона.
14. «Изменение языка является, таким образом, важным свидетельством самой природы естественного языка, а именно того, что он подчиняется определенным правилам» (*Akmajian, Demers & Harnish 1979, 226*). Прокомментируйте это утверждение в связи с генеративистским понятием реструктуризации правил.
15. «Наиболее важный вклад в понимание реального механизма изменения языка внесли детальные социолингвистические исследования по изучению живой речи языковых сообществ» (*Vynon 1977, 198*). Прокомментируйте это утверждение.
16. Поясните, что такое метод внутренней реконструкции. Приведите примеры.
17. Найдите сходства и различия в теории родословного древа и волновой теории родства языков (нем. *Wellentheorie*).
18. Оцените вклад структурализма и генеративизма в теорию и методологию исторической лингвистики.
19. Какое значение имеют исследования в области (а) усвоения языка и (б) пиджинов и креольских языков для исторической лингвистики? (На этот вопрос лучше ответить после прочтения главы 8 и главы 9.)

НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ШКОЛЫ И ТЕЧЕНИЯ

7.1. Историзм

В настоящей главе я остановлюсь на некоторых течениях в лингвистике XX в., которые отражают современные подходы и допущения. Первое из таких течений, которое я называю историзмом, считается присущим раннему этапу развития лингвистической мысли. Этот период важен для нас в связи с тем, что он подготовил почву для структурализма.

В 1922 г. великий датский лингвист Отто Есперсен так начал самую интересную и спорную из своих книг по общей лингвистике: «Как теперь становится ясно, отличительной чертой науки о языке является ее исторический характер». Здесь Есперсен высказал ту же мысль, что и Германн Пауль в своей книге *Prinzipien der Sprachgeschichte (Принципы истории языка)*, впервые опубликованной в 1880 г., которая обычно считается библией ортодоксальных младограмматиков. Пауль писал, что «как только мы идем дальше простой констатации отдельных фактов, как только мы пытаемся уловить их связь [нем. *den Zusammenhang*], понять эти явления [нем. *die Erscheinungen*], тогда мы оказываемся в области истории, хотя, быть может, и не вполне осознанно» (цитируем по пятому изданию книги Пауля, которая вышла в 1920 г.). Следует отметить, что и книга Есперсена, и пятое издание *Принципов* Пауля были опубликованы всего несколькими годами после того, как вышло посмертное издание книги Соссюра *Курс общей лингвистики (Cours de linguistique générale)*, появление которой ознаменовало венчание на царство направления, известного как структурализм, и лишь несколькими годами раньше основания Пражского лингвистического кружка, который соединил структурализм с функционализмом и породил некоторые идеи современного генеративизма. Структурализм, функционализм и генеративизм — это и есть те течения, или подходы, которые мы будем обсуждать в данной главе.

Попутно интересно отметить, что Блумфилд в своей книге *Язык* (1935), признавая великое значение книги Пауля *Принципы*, критиковал ее не только за историзм, но и за способ рассуждения и замену им того, что Блумфилд считал «философскими и психологическими

псевдообъяснениями», на которых базируется индуктивное обобщение на основе «изучения языка путем его описания». Наконец-то колесо совершило полный оборот! Потому что, как мы увидим далее, дескриптивизм Блумфилда (который можно считать своеобразной американской разновидностью структурализма) и стал той благодатной почвой, на которой возник генеративизм Хомского, причем как раз в противовес этому самому дескриптивизму. В данной книге мы не можем уделить должного внимания всей сложности отношений, существующих между лингвистическими школами XX в. и тому влиянию, которое одни школы оказывали на другие. То, о чем говорится далее, это всего лишь выборочное изложение, которое, по необходимости, отражает главным образом личные взгляды автора. Достаточно очевидно, что описать современные идеи и взгляды в подлинно исторической перспективе практически невозможно. Даже попытку сделать это можно расценить как своего рода историзм!

Но что же все-таки такое историзм — в том смысле, в котором мы употребляем здесь этот термин? Это взгляд на лингвистику как на науку, которая является по своей сути исторической, или по крайней мере должна быть таковой. Наиболее четко это положение было сформулировано Паулем — в том месте его книги, откуда выше мы процитировали одно предложение. Говоря точнее, сторонники историзма полагают, что единственное правильное объяснение в лингвистике — это то, которое может дать историк, а именно: языки являются такими, какие они есть, в силу того, что с течением времени они подвергаются действию внутренних и внешних факторов (эти факторы были перечислены нами в последнем разделе главы об исторической лингвистике — см. 6.5). Руководствуясь этим принципом, великие лингвисты XIX в. оспаривали идеи французских философов эпохи Просвещения и их предшественников, традиция которых восходила в конечном итоге к Платону, Аристотелю и стоикам, которые пытались вывести универсальные свойства языка из того, что они считали, или полагали, универсальными свойствами человеческого ума.

Историзм, в том смысле, в котором этот термин употребляется здесь, не обязательно означает эволюционизм, т. е. предположение о том, что в историческом развитии языков наблюдается определенная направленность. На самом деле эволюционизм оказал значительное влияние на лингвистику конца XIX в.; в частности, сторонником одной из разновидностей эволюционизма выступал Есперсен — в книге, которая была упомянута выше. Другие варианты эволюционизма разрабатывались идеалистами разных школ, а также, разумеется, марксистами — в рамках диалектического материализма. Следует, однако, признать, что, за несколькими примечательными исключениями, в XX в. большинство лингвистов отказались от идей эволюционизма (см. 1.4). Как мы увидим в следующем разделе, историзм — это одно из тех течений, с которым полемизировал структурализм и на фоне которого он может быть охарактеризован.

7.2. Структурализм

Направление, которое принято называть **структурализмом**, особенно в Европе, имеет разные истоки. В качестве удобной и общепринятой даты его возникновения как отдельного направления в лингвистике обычно считают публикацию в 1916 г. *Курса общей лингвистики* Соссюра. Многие из того, что Соссюр обобщил в своих лекциях, которые он читал в Женевском университете с 1907 по 1911 гг. (и на которых основана его книга), является развитием лингвистических идей XIX в. и даже более раннего времени.

Некоторые из наиболее важных противопоставлений, на которых основан соссюрианский структурализм, уже были введены в научный обиход ранее (хотя и в иной терминологии). Достаточно просто напомнить читателю об этих противопоставлениях и показать, как они соответствуют соссюрианским понятиям. Поскольку мы только что обсуждали историзм, естественно начать с противопоставления между синхроническим и диахроническим взглядом на изучение языка (см. 2.5).

Как мы уже видели, младограмматики придерживались мнения о том, что лингвистика, будучи объяснительной наукой, должна непременно быть исторической по своей сути. В противоположность этому, Соссюр считал, что синхроническое описание конкретных языков может быть столь же научным и объяснительным. Синхроническое толкование фактов языка отличается от диахронического, или исторического, прежде всего тем, что оно направлено именно на **структуру** языка, а не на причины, лежащие в ее основе, и поэтому дает иной ответ на вопрос «Почему в языке все устроено именно так, а не иначе?» Вместо того, чтобы проследивать историческое развитие разных форм и значений, синхроническое описание показывает, как эти формы соотносятся с соответствующими значениями в конкретный момент времени в конкретном языке. При этом важно понимать, что, полемизируя с младограмматиками, Соссюр вовсе не отрицал значимость исторического толкования фактов. Будучи еще совсем молодым человеком, он начал свою карьеру с того, что блестяще выполнил реконструкцию праиндоевропейской системы гласных, да и в последующие годы никогда не терял интереса к исторической лингвистике. В своих Женевских лекциях он лишь подчеркивал, что синхроническое и диахроническое толкования языковых фактов находятся в отношении дополнительной дистрибуции и что второе логически зависит от первого.

Это похоже на то, как если бы, скажем, нас попросили объяснить, почему определенная модель двигателя автомобиля Роллс Ройс конкретного года выпуска выглядит так, а не иначе. Мы могли бы начать рассказывать историю о том, как изменялся с течением времени дизайн карбюратора, коленчатого вала и т. д., и все это было бы вполне удовлетворительным ответом на данный вопрос. Но можно поступить и иначе, а именно: описать роль каждого компонента в синхронической системе. Таким способом мы бы объяснили, как в моторе все соединяется вместе и как он работает. И это будет уже не историческим, а струк-

турным (и функциональным) объяснением фактов. Поскольку языки не являются чьим-либо дизайном и, как полагал Соссюр, их изменение не направлено на достижение каких-то внешних или внутренних целей, мы не должны проводить слишком прямую аналогию между примером с автомобильным двигателем и языком (точно также мы не должны придавать слишком большого значения предложенной Соссюром аналогии с игрой в шахматы — см. 2.5). В силу допущения об отсутствии автора дизайна и о существенной разнице между машиной и социальным явлением, мы имеем все основания утверждать, хотя и метафорически, что структурное описание языка просто объясняет нам, как в нем соединяются вместе разные компоненты.

В противопоставлении Соссюром диахронического и синхронического взгляда на язык существуют некоторые спорные, если не сказать парадоксальные, аспекты. Это, в частности, его утверждение о том, что структурализму нет места в исторической лингвистике. Это особенно парадоксально, если учесть, что в своей собственной ранней работе 1879 г. о прайндоевропейской системе гласных Соссюр использовал прием, который позже получил название метода внутренней реконструкции. Как мы уже видели, этот метод впоследствии усовершенствовали и приняли лингвисты, которые считали себя структуралистами и черпали вдохновение (по крайней мере некоторые из них) из работ Соссюра (см. 6.5). Тем не менее, похоже, Соссюр был убежден, правильно это или нет, что все изменения в языке происходят в силу причин, находящихся за пределами самого языка, и не могут быть объяснены тем, что впоследствии стало считаться структурным давлением внутри системы, играющим роль внутренних причин языкового изменения. Больше по этому поводу нам нечего сказать.

Не стоит также говорить и по поводу соссюрианской дихотомии языка и речи, т. е. языка как системы и языковой деятельности. На что нужно в связи с этим обратить внимание, так это на абстрактность соссюрианского понимания языка. Язык (фр. *langue*), говорил Соссюр, это форма, а не субстанция. Термин «форма» употребляется в таком смысле в философии и соотносится, с одной стороны, с понятием внутренней формы языка Вильгельма фон Гумбольдта (нем. *innere Sprachform*), а с другой, с понятием формы в противоположность содержанию, введенному русскими формалистами для литературного анализа. Но это понятие может ввести в заблуждение (см. 2.6). Мы не искажем идею Соссюра, если скажем, что язык — это структура, имея в виду, что структура независима от физической субстанции, или средства, при помощи которого она реализуется. В этом смысле понятие «структура» более или менее эквивалентно понятию «система», а именно: язык — это двухуровневая система синтагматических и субстанциональных (или парадигматических) отношений (см. 3.6). Именно такое понимание структуры, при котором особый акцент делается на внутренних комбинаторных и контрастивных отношениях внутри языковой системы, позволяет употреблять термин «структурализм» по отношению к нескольким различным лингвистическим школам XX в. Эти школы, очевидно, отличаются друг от друга

многими признаками, включая степень абстрактности понятия языка и своим отношением к иллюзии однородности языка (см. 1.6). Как мы увидим далее, с точки зрения такого общего понимания структуры, генеративизм также является некоторой разновидностью структурализма.

Но существуют и другие черты соссюринского структурализма, которые можно считать его отличительными чертами. Одна такая особенность заключается в том, что «единственным и истинным объектом лингвистики является язык [фр. *la langue*], рассматриваемый в самом себе и для себя» (цит. по: Соссюр 1977, 269). На самом деле, эта известная цитата из последнего предложения *Курса*, возможно, не отражает взгляды Соссюра, поскольку это предложение было добавлено публикаторами без соответствующей записи в конспектах лекций. Кроме того, есть сомнения в том, что именно означают слова «в самом себе и для себя» (фр. *elle-même et pour elle-même*). Тем не менее, в соссюринской традиции обычно подразумевается, что язык — это структура, которая должна быть отделена не только от породивших ее исторических процессов, но также и от социальных условий, в которых она функционирует, и от психолингвистического процесса, который способствует ее усвоению и делает пригодной для использования. При таком понимании языка приведенный выше лозунг, будь то собственное высказывание Соссюра или чье-то еще, часто используется для обоснования принципа автономности лингвистики (т. е. независимости лингвистики от других дисциплин) и методологического различия того же типа, что и обсуждавшееся нами ранее различие между микролингвистикой и макролингвистикой (см. 2.1). Этот лозунг иногда отождествляют с другим, не менее структуралистским лозунгом, согласно которому любой язык уникален и должен описываться в своих собственных терминах. Позже мы еще вернемся к этому вопросу (см. 10.2).

Может показаться, что существует противоречие между положением Соссюра (если только это действительно было его высказывание) о том, что язык должен исследоваться в отрыве от языкового сообщества, в котором он используется, и положением (которое он, конечно, разделял) о том, что язык — это социальный продукт. Однако конфликт существует только на поверхности. Поскольку даже если язык и является социальным продуктом — в том смысле этого термина, в котором его употребляет современник Соссюра, великий французский социолог Эмиль Дюркгейм (1858–1917), все же он имеет свои собственные конструктивные особенности. Как мы уже объясняли выше, структурный анализ языка не следует путать с объяснением причин, которые привели к его нынешнему состоянию. Говоря о том, что язык является социальным продуктом, Соссюр имел в виду несколько разных вещей, а именно: что он отличается от материальных объектов, хотя и не менее реален, чем последние; что он является чем-то внешним по отношению к индивиду и навязывает ему определенные правила; что он представляет собой систему обозначений, принятую в данном обществе.

Иными словами, Соссюр считал, что языки являются семиотическими системами, в которых то, что обозначается — означаемое (фр. *le signifié*),

произвольным образом соотносится с тем, при помощи чего это обозначается — означающим (фр. *le signifiant*). Это — знаменитый тезис Соссюра о произвольности языкового знака (фр. *l'arbitraire du signe*), тезис, который уже обсуждался нами ранее (см. 1.5), вне зависимости от того, какую роль он играет в соссюрианском структурализме. Здесь нам важно подчеркнуть — и это существенно для понимания соссюрианского структурализма, что знак вовсе не является формой без содержания. Знак — это сложная сущность, которая является результатом установления соотношения между двумя типами субстанции с использованием комбинаторных и контрастивных отношений в системе данного языка. Значения не могут существовать отдельно от форм, в которых они выражены, и наоборот. Мы не должны, говорит Соссюр, думать о языке как о номенклатуре, где существуют имена, или ярлыки, для существующих понятий, или значений. Значение слова, или скорее то, что Соссюр называл «означаемым» (тот аспект значения, который является внутренним фактором по отношению к языку, т. е. скорее смысл слова, а не способ его соотнесения с действительностью — см. 5.3), есть продукт семантических отношений, связывающих данное слово с другими словами того же языка. Если использовать традиционное философское противопоставление между сущностью и существованием, можно сказать, что слово выводит не только сущность (т. е. то, чем оно является), но и существование (т. е. тот факт, что оно существует) из системы отношений, накладываемых языком на то, что в противном случае было бы неструктурированной ментальной субстанцией. Аналогичным образом, то, что Соссюр называл «означающим» слова — т. е. его звуковую оболочку — в конечном счете является результатом тех противопоставлений и отождествлений, которые накладывает данный конкретный язык на континуум звуковой субстанции.

На этом мы можем остановиться в нашем анализе соссюрианского структурализма как такового. То, что было уже сказано о нем, довольно трудно понять, когда это сформулировано в таких общих терминах, как здесь. Легче понять ту часть нашего изложения, которая касается структурирования звуковой субстанции, учитывая то, что говорилось ранее о фонетике и фонологии (см. 3.5). Иное дело, когда речь идет о ментальной субстанции. Не вполне ясно, можем ли мы и в этом случае говорить на законных основаниях о подобном структурировании.

Утверждение Соссюра об уникальности языка и уникальности отношения между структурой и субстанцией естественным образом, хотя и не обязательно, приводит к тезису о лингвистической относительности, который заключается в том, что не существует универсальных свойств естественных языков (отличных от таких наиболее общих семиотических свойств, как произвольность, продуктивность, дуализм и дискретность, ср. 1.5). Этот тезис означает также, что каждый язык является законом для самого себя. Любое лингвистическое направление (или подход), которое принимает такую точку зрения, обычно считается релятивизмом и противопоставляется универсализму. В той или иной форме релятивизм присущ большинству разновидностей структурализма XX в. С методологической

точки зрения, это отчасти нормальная реакция на практику описания туземных языков Нового света в терминах категорий традиционных западных грамматик. Но релятивизм также отстаивается его сторонниками в рамках структурализма, в более сложном контексте споров по поводу таких традиционных философских категорий, как отношение языка и мышления, а также роли языка в усвоении и представлении знаний (см. 10.2). Как мы увидим далее, Хомский и его последователи, формулируя принципы генеративизма, отказались и от философского, и от методологического релятивизма (см. 7.4). Здесь необходимо подчеркнуть, что хотя Хомский и его последователи отрицали историческую связь между структурализмом и релятивизмом, Якобсон и другие члены Пражской лингвистической школы (см. 7.3) никогда не признавали крайних форм релятивизма. Такая ситуация наблюдается не только в лингвистике, но и в других дисциплинах, например, в социальной антропологии, на которую в XX в. значительное влияние оказал структурализм.

Мы не имеем возможности вдаваться в детали отношений между структурной лингвистикой и структурализмом в других направлениях исследований. Следует, однако, признать, что структурализм в значительной степени является междисциплинарным направлением. В частности, сосюррианский структурализм стал мощной движущей силой для развития особого французского подхода к семиотике (или семиологии) и ее применения, с одной стороны, к анализу произведений художественной литературы, а с другой, к анализу общества и культуры. К структурализму в общем смысле подходят слова, произнесенные в 1945 г. философом Эрнстом Кассирером: «Структурализм — это не изолированное явление. Оно является скорее отражением общего развития научной мысли, которое в последние десятилетия становится все более и более заметным во всех областях науки». Структурализм в общем смысле придает больше значения отношениям между сущностями, чем самим сущностям. С этой точки зрения, существует естественное сходство между структурализмом и математикой, поэтому один из наиболее частых пунктов критики в отношении структурализма состоит в том, что структурализм преувеличивает значение регулярности, красоты и всеобщности системы отношений в тех данных, которые он описывает.

7.3. Функционализм

Термины «функционализм» и «структурализм» часто используются в антропологии и социологии для обозначения направлений, различающихся методами анализа. Однако в лингвистике функционализм обычно означает одно из направлений внутри структурализма. Это направление характеризуется убежденностью в том, что фонетическая, грамматическая и семантическая структура языка определяется тем, какие функции данный язык выполняет в обществе, использующем его. Наиболее известные представители функционализма в таком понимании — это члены Пражской школы, которая возникла в рамках Пражского лингвистического

кружка, основанного в 1926 г. и оказавшего большое влияние на европейскую лингвистику перед Второй мировой войной. Далеко не все члены Пражского лингвистического кружка жили и работали в Праге, и не все были чехами. Двое из наиболее влиятельных членов этого кружка — Роман Якобсон и Николай Трубецкой — были эмигрантами из России, причем первый преподавал в Брно, а второй — в Вене. Начиная с 1928 г., когда манифест Пражской школы (как его можно назвать) был представлен на Первом международном конгрессе лингвистов в Гааге, ученые из многих европейских стран стали в большей или меньшей степени присоединяться к этому направлению. Пражская школа всегда признавала заслуги соссюрианского структурализма по многим проблемам, особенно в области разграничения противопоставления синхронической и диахронической лингвистики и однородности языковой системы.

Но первой областью, в которой Пражская школа заявила о себе, была фонология. На самом деле, заслуга введения понятия функционально значимой оппозиции, которое уже было использовано выше для разграничения фонетики и фонологии, принадлежит Трубецкому. Ему же принадлежит и понятие **различительных признаков**, которое, будучи модифицировано Якобсоном, а позднее и Халле (работавшим в сотрудничестве с Хомским), было взято на вооружение генеративной фонологией (см. 3.5). Но различительная функция фонетических признаков — это только одна из лингвистически значимых функций, которые были введены Трубецким и его последователями. Другие функции, о которых необходимо сказать — это, с одной стороны, **демаркативные функции**, и, с другой стороны, **экспрессивные функции**.

Многие из обсуждавшихся выше супraseгментных признаков — ударение, тон, долгота и т. д. (см. 3.5) — имеют в конкретном языке скорее демаркативную, чем различительную функцию. Они являются тем, что Трубецкой называл пограничными сигналами (нем. *Grenzsignale*). Пограничные сигналы не используются для различения двух слов на оси замещения членов оппозиции (по Соссюру — на парадигматической оси). Их назначение — усилить фонологическое единство слов и способствовать отождествлению их как синтагматических единиц при помощи маркирования границ между словами в потоке речи. Например, во многих языках, в частности, в английском, в одной словоформе существует не более одного основного ударения. Поскольку позиция ударения в английских словоформах предсказуема лишь отчасти, связь ударения с одним, а не с другим слогом не указывает на границы слов с той степенью точности, как это имеет место в языках с так называемым фиксированным ударением (таких, как польский, чешский или финский). Тем не менее, словесное ударение в английском языке не имеет существенной демаркативной функции. То же самое можно сказать и о встречаемости конкретных последовательностей фонем. Например, в английском языке /h/ редко встречается в позициях кроме начала морфемы (исключение составляют собственные имена), а /ŋ/ никогда не встречается без последующего согласного, за исключением позиции

конца слова. Таким образом, встречаемость каждой из этих фонем может служить для обозначения границы морфемы. Демаркативные функции могут иметь не только просодические признаки, и именно этот факт часто недооценивается фонологами. То, что далеко не все последовательности фонем образуют возможные словоформы, является важным для определения тех форм, которые встречаются в высказываниях на данном языке.

Экспрессивная функция фонологического признака означает указание на чувства или отношение говорящего. Например, во французском языке словесное ударение не является различительным, не играет оно также и демаркативной роли, в отличие от многих других языков. Тем не менее, во французском языке наблюдается особое эмфатическое произнесение начала слова, которое обладает признанной экспрессивной функцией. По-видимому, можно даже утверждать, что каждый язык предоставляет в распоряжение носителей языка богатый арсенал фонологических средств для выражения чувств. Если не сводить понятие лингвистического значения к тому, что делает высказывание истинным или ложным, экспрессивную функцию языка можно считать столь же важной, как и его описательную функцию (см. 5.1).

Фонология была не единственной областью, где члены Пражской школы демонстрировали возможности функционализма и особенно свою готовность учесть все экспрессивные и коммуникативные функции языка. С самого начала пражцы противопоставляли себя не только историзму и позитивизму концепции языка младограмматиков, но и интеллектуализму традиционной западной философии до XIX в., согласно которой язык — это воплощение или выражение мысли (при этом «мысль» понимается как суждение). Интеллектуализм, как мы увидим далее, является составной частью того сложного и разнородного направления современной лингвистики, которое мы называем общим термином «генеративизм» (см. 7.4). Между функционализмом и интеллектуализмом нет логического противоречия. В конечном итоге, мы можем как интеллектуалисты — считать, что единственной и первоочередной функцией языка является выражение суждения, и одновременно как функционалисты — отстаивать положение о том, что структура языка определяется его целенаправленной адаптацией к выполнению этой единственной и первоочередной функции. На практике, однако, не только представители Пражской школы, но и другие лингвисты, относящие себя к функционалистам, всегда старались подчеркивать **многофункциональность** языка и важность его экспрессивной, социальной и конативной функций, в отличие или в дополнение к его описательной функции.

Одним из постоянных интересов представителей Пражской школы в области грамматической структуры языков была **функциональная перспектива предложения** (если использовать термин, который подчеркивает функциональную мотивацию исследований по данной теме). Выше было показано, что предложения

- (1) *This morning he got up late* 'Сегодня утром он встал поздно'
(2) *He got up late this morning* 'Он встал поздно сегодня утром'

могут рассматриваться либо как варианты одного и того же предложения, либо как разные предложения (см. 4.2). Какой бы подход мы не выбрали, очевидны две вещи: во-первых, что (1) и (2) эквивалентны с точки зрения истинности и поэтому, при узком понимании термина «значение», могут рассматриваться как выражающие одинаковое значение (см. 5.1); во-вторых, что контексты, в которых может быть употреблено предложение (1), регулярным образом отличаются от контекстов, в которых может быть употреблено предложение (2). Поскольку порядок слов относится к области синтаксиса, можно утверждать, что по крайней мере в некоторых языках синтаксическая структура высказываний (или предложений — при таком понимании термина «предложение», когда (1) и (2) будут считаться разными предложениями) обусловлена коммуникативным контекстом высказывания, и в особенности тем, что именно считается само собой разумеющимся, или данным в качестве фоновой информации, а что, наоборот, представлено на этом фоне как новое для адресата и тем самым по-настоящему информативным. Соображения такого рода учитываются при определении того, что лингвисты Пражской школы назвали функциональной перспективой предложения. Существующая разница в терминологии и интерпретации значительно затрудняет сравнение разных функционалистских трактовок коммуникативных контекстов высказываний в рамках единого теоретического подхода. Однако для всех этих трактовок характерна убежденность в том, что структура высказывания обусловлена его предназначением и тем коммуникативным контекстом, в котором оно употреблено.

В общем можно сказать, что функционализм в лингвистике стремится подчеркнуть, что язык является инструментом. Таким образом, существует естественное сходство между функциональным подходом, социолингвистическим подходом и подходом тех философов, которые относят языковое поведение к более всеобъемлющему понятию социального взаимодействия. По этому и другим признакам функционализм противопоставляется генеративизму (см. 7.4).

Но верно ли, как это утверждают функционалисты, что структура естественных языков обусловлена несколькими взаимосвязанными семиотическими функциями, которые они выполняют — экспрессивной, социальной и описательной? Если бы это было так, их структура не была бы в этом отношении произвольной, ведь коль скоро различные языки выполняют одни и те же семиотические функции, можно было бы ожидать, что по своей структуре они будут похожи, если не идентичны. Быть может, иногда лингвисты преувеличивают произвольность грамматических процессов и не могут надлежащим образом учесть функциональные факторы при описании конкретных явлений. Возможно также, что в конечном итоге функциональные объяснения будут обнаружены для многих

фактов, которые в настоящее время кажутся немотивированными: например, тот факт, что в английском языке прилагательное обычно стоит перед определяемым существительным, а во французском — после него; что в немецком языке глагол в придаточном ставится в конце предложения; и т. д. В некоторых случаях можно заметить, что наличие в языке одного такого явно немотивированного свойства обычно предполагает наличие или отсутствие другого также немотивированного свойства. Но пока имплицативные универсалии такого рода еще не получили удовлетворительного объяснения в функциональных терминах. Представляется, что в действительности невербальные компоненты языковых систем, и в особенности их грамматическая структура, характеризуются значительной долей произвольности (см. 7.4). Из этого, разумеется, не следует, что более умеренные варианты функционализма, согласно которым структура языков частично, но не полностью, обусловлена их функциями, столь же непригодны. Лингвисты, которые считают себя функционалистами, обычно придерживаются одного из умеренных вариантов функционализма.

7.4. Генеративизм

Термин «генеративизм» употребляется здесь по отношению к теории языка, которая на протяжении последних двадцати лет или около того разрабатывалась Хомским и его последователями. В таком понимании генеративизм стал чрезвычайно популярным не только в лингвистике, но и в философии, психологии и других дисциплинах, связанных с изучением языка.

Генеративизм означает прежде всего приверженность идее о том, что именно использование генеративной грамматики того или иного типа обеспечивает успешность и осуществимость главной цели — описания языка. Но в генеративизме есть и многое другое. Как уже указывалось, хотя приверженность принципам генеративизма обязательно означает использование генеративной грамматики, обратное неверно (см. 4.6). Так, когда Хомский впервые выступил со своими идеями в конце 1950-гг., лишь немногие из тех, на кого произвели впечатление технические возможности и эвристическая ценность трансформационно-генеративной грамматики, открыто приняли всю совокупность презумпций и доктрин, которая теперь называется генеративизмом. Отметим также, что все эти презумпции и доктрины по большей части логически связаны между собой. Как я покажу далее, некоторые из них более общеприняты, чем другие. Тем не менее, влияние генеративизма Хомского на современную лингвистическую теорию было так глубоко и так широко распространено, что даже те, кто отвергают то или иное его положение, делают это в терминах, которые предложил Хомский.

Обычно считается, что генеративизм как направление возникло из критики господствующей ранее школы постблумфилдианского американского дескриптивизма. Кстати, если принять эту точку зрения, искать истоки генеративизма внутри лингвистики исторически вполне

оправдано. Однако, как обнаружил позже и сам Хомский, в генеративизме есть много черт, которые роднят его с более старыми и более традиционными взглядами на язык. Есть и такие черты, которые генеративизм, без должной критики, заимствовал из постблумфилдианского дескриптивизма и которые никогда не пользовались успехом в других лингвистических школах. В настоящей книге мы не имеем возможности подробно проанализировать исторические связи генеративизма Хомского со взглядами его предшественников, и для наших целей пытаться делать это необязательно. Я назову и прокомментирую лишь наиболее важные для современного генеративизма положения теории Хомского.

Как уже отмечалось в главе 1, язык является продуктивной системой в том смысле, что он позволяет порождать и понимать бесконечно много высказываний, не встречавшихся ранее в языковой практике носителей данного языка (см. 1.5). На самом деле, из презумпции о том, что естественные языки обладают свойством рекурсивности — а это довольно важная презумпция (см. 4.5) — следует, что множество потенциальных высказываний любого конкретного языка является, в буквальном смысле этого слова, бесконечным. На это обстоятельство Хомский обратил внимание еще в своей ранней работе, где он критикует широко распространенное мнение о том, что дети изучают родной язык, полностью или частично повторяя высказывания взрослых людей. Действительно, если дети с раннего возраста способны построить новые высказывания, которые взрослый носитель языка признает грамматически правильными, значит, процесс обучения языку содержит нечто, отличное от простой имитации. По-видимому, дети делают логические выводы, заучивают или как-нибудь по-другому воспринимают грамматические правила, благодаря которым высказывания, которые они произносят, воспринимаются как грамматически правильные. Позже мы еще займемся проблемой усвоения языка (см. 8.4), а пока отметим только, что независимо от того, прав Хомский или нет в отношении других связанных с этим проблем, нет сомнения в том, что дети не заучивают высказывания путем механического запоминания и не воспроизводят их целиком в качестве реакции на внешние стимулы.

Я не случайно употребил здесь термины «стимул» и «реакция». Эти термины являются ключевыми для направления психологии, известного как «бихевиоризм», которое было очень популярно в Америке до и после Второй мировой войны. Согласно бихевиоризму, все, что обычно описывается как продукт человеческого разума, включая язык, может быть адекватно объяснено в терминах закрепления и обусловленности чисто физиологических рефлексов — в конечном счете, в терминах привычек — по модели стимул—реакция, построенной с участием того типа обусловленности, который позволяет психологам-экспериментаторам натренировать лабораторных крыс выбираться из лабиринта. Поскольку в свое время сам Блумфилд принял принципы бихевиоризма и открыто пропагандировал их в качестве основы научного изучения языка в своей классической книге *Язык* (1935), эти принципы были широко распро-

странены в Америке не только среди психологов, но и среди лингвистов, в так называемый постблумфилдский период.

Хомский в большей степени, чем кто-либо, показал бесплодность бихевиористской теории языка. Он указал на то, что большинство специальных терминов из словаря бихевиоризма («стимул», «ответ», «обусловленность», «закрепление» и др.), если приглядеться к ним повнимательнее, на самом деле не имеют никакого отношения к усвоению и использованию естественного языка. Хомский показал, что отказ бихевиористов признавать существование чего-либо, кроме наблюдаемых физических объектов и процессов, основан на устаревшем псевдонаучном предрасудке. Он утверждал — насколько можно судить, правильно, — что язык независим от контроля стимулами. Именно это имеет в виду Хомский, когда говорит о языковом творчестве: высказывание, которое кто-то произносит по конкретному поводу, является в принципе непредсказуемым и не может быть адекватно охарактеризовано, в специальном смысле этих терминов, как реакция на некоторый опознаваемый лингвистический или нелингвистический стимул.

Языковое творчество по Хомскому — это специфически человеческое свойство, которое отличает людей от машин и, насколько нам известно, от животного мира. Но это творчество, регулируемое правилами. И именно в этот момент начинает действовать генеративная грамматика. Высказывания, которые мы произносим, характеризуются некоторой грамматической структурой: они отвечают определенным требованиям грамматической правильности. В той мере, в какой мы можем сформулировать требования грамматической правильности, или правила грамматичности, мы сможем дать удовлетворительное, с научной точки зрения, объяснение того свойства языка — а именно продуктивности (см. 1.5) — которое позволяет нам осуществлять языковое творчество. Следует заметить, что продуктивность не тождественна языковому творчеству, но между ними существует внутренняя связь. Наше творчество в использовании языка — т. е. независимость от контроля стимулами — проявляется в тех пределах, в которых проявляется творческий характер языка. Более того, Хомский считает — и это является центральным моментом его генеративной теории — что правила, определяющие продуктивность естественного языка, характеризуются формальными свойствами, которые определяют структуру человеческого мышления.

Теперь мы должны остановиться на направлении, которое называется ментализм. Не только бихевиористы, но и психологи и философы других направлений отказались от строгого противопоставления между материальным и идеальным. Хомский же считает, что это очень важное различие (хотя и допускает, что это можно формулировать в иных терминах по сравнению с тем, как это делалось ранее), и утверждает, что лингвистика играет важную роль в исследовании природы мышления, т. е. идеального. Далее мы еще вернемся к этой проблеме (см. 8.2). Попутно заметим, что между взглядами Блумфилда и Хомского на природу и предмет лингвистики существует гораздо меньше различий, чем это можно

предположить. Приверженность Блумфида бихевиоризму мало повлияла на методы лингвистического описания, которые развивал он сам и его последователи. Что же касается ментализма Хомского, можно утверждать, говоря словами Блумфида, что взгляды Хомского не «предполагают, что разнообразие поведения человека объясняется вмешательством какого-либо нематериального фактора». Ментализм Хомского разрушает старую оппозицию материального и идеального, к которой здесь апеллирует Блумфилд. Хомский, в не меньшей степени, чем Блумфилд, считает, что язык следует изучать в рамках тех понятий и презумпций, которые предоставляют естественные науки.

Тем не менее, существуют все же значительные различия между генеративизмом Хомского, с одной стороны, и блумфилдианским и постблумфилдианским структурализмом, с другой. Одно из этих различий связано с трактовкой лингвистических универсалий. Блумфилд и его последователи (как и большинство постсосюринских структуралистов — см. 7.2) подчеркивали структурное разнообразие языков, тогда как генеративистов, наоборот, интересовало больше то, что общего есть у разных языков. В этом отношении генеративизм возвращается к более ранней традиции универсальной грамматики — представленной, например, в грамматике Пор-Рояля, впервые изданной в 1660 г., а также в многочисленных трактатах о языке XVIII в., тогда как Блумфилд и Сосюр, со своей стороны, заклеили универсальную грамматику как спекулятивную и антинаучную. Но позиция Хомского в этом отношении все же отличается от позиции его предшественников. В то время как предшествующие Хомскому сторонники универсальной грамматики пытались вывести существенные свойства языка из универсально значимых категорий логики или внеязыковой действительности, Хомского больше интересуют те универсальные свойства человеческого языка, которые нельзя так объяснить — т. е. то, что универсально, но вместе с тем произвольно (см. 1.5). Другое различие заключается в том, что Хомский придает больше значения формальным свойствам языка и природе правил, которые используются при описании языка, чем отношениям языка с окружающим миром.

Причина такого смещения акцента объясняется стремлением Хомского найти доказательства того, что языковая способность человека характеризуется врожденностью и видоспецифичностью, т. е. что она передается генетически и присуща именно человеку. Любое универсальное свойство языка, будь то функциональная полезность, отражение в нем устройства материального мира или же логические категории, в свете этого положения теряют свою значимость. Согласно Хомскому, существует несколько сложных структурных свойств, характерных для всех языков, которые тем не менее являются совершенно произвольными в том смысле, что не служат никакой осмысленной цели и не выводимы из того, что мы знаем о самом человеке и о мире, в котором он живет.

Существуют ли на самом деле такие универсальные структурные свойства, которые постулируют генеративисты, пока не совсем ясно. Но их поиску и попытке создать общую теорию структуры языка, в кото-

рой им нашлось бы место, посвящены наиболее интересные исследования как в теоретической, так и в описательной лингвистике последнего времени. И результаты таких исследований довольно значимы, независимо от того, подтверждают они гипотезу Хомского о врожденном характере языковой способности и ее специфичности для человека или нет.

Еще одно различие между генеративизмом, с одной стороны, и блумфилдианским и постблумфилдианским структурализмом, с другой, связано с предложенным Хомским противопоставлением языковой компетенции и использования языка, и в этом отношении генеративизм сближается с соссюрианским структурализмом. Языковая компетенция — это часть знаний, а именно знания о языке как таковом, благодаря которым говорящий способен построить бесконечно много предложений, составляющих данный язык (что соответствует предложенному Хомским определению языка как множества предложений на этом языке — см. 2.6). В противоположность этому, использование языка представляет собой языковое поведение, а оно в свою очередь определяется, помимо языковой компетенции говорящего, множеством нелингвистических факторов, включающих, с одной стороны, принятые в данном обществе условности, представления об окружающем мире, эмоциональное отношение говорящего к предмету сообщения, его презумпции относительно адресата и т. д., а с другой стороны — психологические и физиологические механизмы, участвующие в процессе порождения высказываний.

Противопоставление языковой компетенции и использования языка составляет ядро генеративизма. Согласно работам последних лет, это противопоставление следующим образом соотносится с ментализмом и универсализмом. Языковая компетенция говорящего — это набор правил, которые говорящий строит, применяя врожденную языковую способность к анализу тех высказываний, которые он слышит с детства. Грамматика, которую строит лингвист для данного языка, может рассматриваться как модель языковой компетенции носителя языка. При условии, что эта грамматика правильно отражает такие свойства языковой компетенции, как способность строить и понимать бесконечное множество предложений на данном языке, она может рассматриваться также как отражение одной из способностей человеческого мозга. В той мере, в какой теория генеративизма способна выделить область изучения лингвистической компетенции и построить ее модель, которая, будучи универсальной (и одновременно произвольной), отражает врожденные свойства человека, в такой мере эта модель сближается с когнитивной психологией и таким образом вносит свой вклад в науку о человеке. Именно эта сторона генеративизма, с ее новой формулировкой и возрождением традиционной универсальной грамматики, привлекает большое внимание психологов и философов.

Установленное Хомским различие между языковой компетенцией и использованием языка сходно с противопоставлением языка и речи у Соссюра. Оба подхода основаны на возможности отделить то, что относится к собственно лингвистике, от того, что к ней не относится, и оба

признают, что тезис об однородности языка является иллюзией (1.6). Что касается различия этих подходов, нет оснований считать, что подход Соссюра в меньшей степени связан с психологией, чем подход Хомского. Хотя мнение самого Соссюра по этому поводу не вполне ясно, многие из его сторонников считают, что язык — это абстрактность, которая отличается от лингвистических знаний самого идеального носителя языка. Более ясной представляется разница между двумя направлениями во взглядах, касающихся роли синтаксических правил. Соссюр считал предложения языка проявлениями речи; и он сам, и его последователи говорят о языке как о системе отношений и почти ничего или совсем ничего не говорят о правилах, при помощи которых эти предложения должны строиться. Хомский, напротив, с самого начала настаивал на том, что синтаксически правильные предложения являются главным, по сути, самым главным компонентом языковой компетенции носителя языка. В этом отношении генеративизм Хомского бесспорно, сделал шаг вперед по сравнению со структурализмом Соссюра.

Введенное Хомским противопоставление языковой компетенции и использования языка не раз подвергалось жесточайшей критике. Отчасти это связано со значимостью того, что я называю иллюзией однородности языка; если под «значимостью» понимать успешность описания и сравнения языков, этим направлением критики можно пренебречь. На том же основании можно пренебречь и той частью критики, которая упрекает Хомского в слишком жестком разграничении лингвистической компетенции и других типов знаний и когнитивных способностей, вовлеченных, в частности, в процесс построения грамматической и фонетической структуры (семантический анализ более сложен — см. 5.6, 8.6). В то же время приходится признать, что термины «языковая компетенция» и «использование языка» недостаточно точны и даже вводят в заблуждение в тех случаях, когда нам надо определить, что относится к лингвистике, а что нет. Предположим, мы согласимся с тем, что языковое поведение, в той мере, в какой оно систематично, предполагает использование разных типов когнитивных способностей, иначе — компетенцию, и что один из таких типов — это знание говорящим грамматики и словаря языка. Тогда представляется нелогичным — как это обычно делают последователи Хомского, по крайней мере на словах, — ограничивать термин «языковая компетенция» тем, что принадлежит собственно языковой системе, а все остальное сваливать в кучу под общим термином «использование языка». Было бы разумнее говорить, с одной стороны, о лингвистической и нелингвистической компетенции, и, с другой стороны, об использовании языка, или реальном языковом поведении. Справедливости ради заметим, что в своих последних работах Хомский сам проводит различие между лингвистической компетенцией и тем, что он называет прагматической компетенцией.

Но самые противоречивые положения генеративизма связаны с ментализмом и признанием традиционного философского учения о врожденном знании (см. 8.2). Если рассматривать генеративизм в более

узком лингвистическом аспекте (т. е. микролингвистику — см. 2.1), можно также найти в нем много противоречий. Но эти противоречия являются общими для генеративизма и постблумфилдианского структурализма, из которого он возник, а также и для других лингвистических школ, включая соссюрианский структурализм и Пражскую школу, с которой генеративизм тесно связан во многих отношениях. Так, например, в продолжении постблумфилдианской традиции, в области синтаксиса генеративная теория в качестве основной единицы анализа рассматривает морфему и придает больше значения отношениям между составляющими, чем зависимости (см. 4.4). Утверждение генеративизма об автономности синтаксиса (т. е. о том, что синтаксическая структура языка может быть описана без обращения к семантике) также может быть отнесено на счет постблумфилдианского наследия, хотя и вне постблумфилдианского направления есть много лингвистов, разделяющих это мнение. Как мы уже убедились, генеративизм Хомского близок соссюрианскому и постсоссюрианскому структурализму в отношении установления различия между языковой системой и ее использованием в конкретных высказываниях. Он близок также соссюрианскому структурализму и его поздним европейским разновидностям в отношении подхода к описанию семантики. И, наконец, в области фонологии генеративизм много заимствовал из Пражской школы, хотя и не разделял принципов функционализма. Генеративизм слишком часто представляют как цельное направление, в котором технические особенности формального аппарата выступают наравне с некоторым набором логически не связанных между собой идей об устройстве языка и о философии науки. И это требует тщательного анализа и соответствующей оценки.

Дополнительная литература

Об истории лингвистики последних десятилетий см. *Ivić 1975; Leroy 1963; Malmberg 1964; Sommerfelt & Whatmough 1961; Norman & Sommerfelt 1963; Robin 1979b.*

О соссюрианском и постсоссюрианском структурализме дополнительно см. *Culler 1976; Ehrmann 1970; Hawkes 1977; Lane 1970; Lepschy 1970.* Для тех, кто читает по-французски, можем рекомендовать книгу *Sanders 1979*, представляющую собой прекрасное введение к *Курсу общей лингвистики* Соссюра и другим более специальным критическим изданиям и комментариям.

О Пражской школе структурализма и функционализма см. *Garvin 1964; Jakobson 1973; Vachek 1964, 1966.* Несколько иной подход содержится также в *Halliday 1970, 1976.*

О генеративизме Хомского издана обширная литература, как популярная, так и научная, однако большинство из этих книг содержат противоречия, неправильно толкуют основные принципы генеративизма или просто устарели. Относительно простое введение в теорию и работы Хомского, с библиографией и списком дополнительной литературы можно найти в *Lyons 1977a.* К уже упомянутым работам можно добавить также следующие: *Matthews 1979*, содержащую яркую критику основных принципов генеративизма; *Piatelli-Palmarini 1979*, которая особенно

интересна тем, что содержит комментарии самого Хомского по поводу биологических и психологических аспектов генеративизма; *Sampson* 1980, которая является модификацией и дальнейшей разработкой *Sampson* 1975, а также *Smith & Wilson* 1979, живое и легкое для чтения описание лингвистики с точки зрения идеи Хомского. Последние работы самого Хомского посвящены в основном техническим проблемам генеративизма, но книга *Chomsky* 1979 познакомит читателя с современным генеративизмом.

Вопросы и упражнения

1. Что такое историзм? Чем он отличается от эволюционализма? Какую роль играют оба эти направления в формировании лингвистики XX в.?
2. Каковы, по вашему мнению, наиболее важные черты структурализма Сосюра?
3. Поясните различие между структурализмом в обычном смысле и структурализмом как направлением, противопоставленным генеративизму.
4. «...структурализм основан в первую очередь на осознании того факта, что если действия человека или произносимое им высказывание имеет смысл, то должна быть изначальная система общепринятых соответствий, которая делает этот смысл понятным» (*Culler* 1973, 21–2). Обсудите это утверждение.
5. Поясните, что имеется в виду под функционализмом в лингвистике в связи с Пражской школой.
6. «Хомский в большей степени, чем кто-либо, показал бесплодность бихевиористской теории языка» (с. 208). Обсудите это утверждение.
7. Термин „глубинная структура“ оказался, к сожалению, очень неудачным. Он заставил многих предполагать, что глубинные структуры и их свойства являются действительно „глубинными“ в нетерминологическом смысле этого слова, тогда как все остальное является поверхностным, неважным, различающимся от языка к языку, и так далее. При введении этого термина мы вовсе не имели этого в виду» (*Chomsky* 1976, 82). Как Хомский проводит различие «глубинное/поверхностное» представление в своей книге *Аспекты* (*Chomsky* 1965; рус. пер.: *Хомский* 1972)? Каков ныне статус этого противопоставления в работах самого Хомского и других генеративистов?
8. Почему Хомский придавал такое значение понятию структурных универсалий?
9. «...между взглядами Блумфилда и Хомского на природу и предмет лингвистики существует гораздо меньше различий, чем это можно предположить» (с. 208–209). Обсудите это утверждение.
10. «У нас есть много проблем, над которыми стоит задуматься. И если мы подумаем над ними, мы вновь откроем для себя истинные достоинства генеративной грамматики в качестве формального аппарата для описания языка, особенно удобного для описания синтаксиса, а не в качестве модели языковой компетенции» (*Matthews* 1979, 106). Верно ли это утверждение? Достаточно ли оснований приводит автор для того, чтобы сделать такой вывод?

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

8.1. Универсальная грамматика и ее значение для развития лингвистики

С древних времен существует тесная связь между философией языка и такими традиционно признанными направлениями философии, как логика (наука о рассуждении) и эпистемология (наука о знании). Что касается логики, само название этой науки, которая сейчас уже стала достаточно разработанной и более или менее независимой дисциплиной, указывает на следующие коннотации: греческое слово *logos* образовано от глагола 'сказать, говорить' и в данном употреблении может быть переведено как 'рассуждение' или 'речь'. Происхождение этого названия никого не удивляет. Здравый смысл и наблюдение указывают нам на то, что мысль — это разновидность внутренней речи. В течение многих веков ту же идею, но в более утонченном варианте, высказывали и философы. Действительно, на протяжении более чем двух тысяч лет, в течение которых западноевропейская лингвистическая традиция правит бал в различных научных центрах, до сих пор не проводилось четкой границы, по крайней мере в области теории, между грамматикой и логикой. В конкретные исторические периоды — особенно в XIII в., а затем в XVIII — развивалась традиция так называемой универсальной грамматики, в рамках которой демонстрировалась и философски обосновывалась очевидная связь между логикой и грамматикой. Поскольку принципы логики считались универсально значимыми, во всех таких случаях грамматика оказывалась второстепенной по отношению к логике.

В XIX в. лингвисты скептически относились к идее универсальной грамматики, основанной на философских принципах. С одной стороны, к этому времени уже стало ясно, что грамматическая структура языков различается гораздо больше, чем это предполагали предшествующие поколения лингвистов. С другой стороны, общий дух времени, а также значительные достижения новой дисциплины — диахронической лингвистики, требовали скорее исторического, чем философского объяснения (см. 7.1). Находились и такие, кто начал сомневаться, были ли категории классической, т. е. аристотелевской, логики действительно универсальными. В 60-х гг. XIX в. немецкий лингвист и философ, специалист в области классических языков А. Тренделенбург (1802–1872) высказал

идею о том, что если бы Аристотель говорил не на греческом, а на китайском или на языке дакота, категории его логики могли бы быть совершенно другими. Такую же точку зрения разделяли Гердер (1744–1803) и Вильгельм фон Гумбольдт (1762–1835), которые подчеркивали как разнообразие языков, так и влияние структуры языка на категоризацию мыслей и опыта. Мы еще вернемся к этой проблеме при обсуждении так называемой гипотезы Сепира—Уорфа (см. 10.2). Здесь же отметим только, что в конце XIX в. историзм, не говоря уже об эволюционной теории Дарвина, оказал значительное влияние на развивающиеся тогда дисциплины — антропологию и психологию. В то время не только было принято рассуждать об эволюции культуры от стадии варварства до цивилизации, но даже такие ученые, как Леви-Брюль, были готовы отстаивать мнение о том, что мышление так называемых дикарей отличается от мышления цивилизованных людей.

Таким образом, в XIX в. в силу различных причин универсальная грамматика, в ее традиционном понимании, вышла из моды. В последние двадцать лет она была возрождена Хомским и его сторонниками в качестве составной части направления, которое я называю генеративизмом (см. 7.4). Универсальная грамматика, предложенная Хомским, как и предыдущие ее разновидности, основана на идее об универсальности логики и независимости языка и мышления. Однако, согласно Хомскому, практика исследования языка может дать философии мышления больше, чем традиционная логика и философия языка — лингвистике. Здесь мы видим существенное отличие аргументации Хомского в тех случаях, когда суть проблемы представляется традиционной — например, является ли языковая способность врожденной или нет. В этом отношении оригинальный подход Хомского был обобщен в недавно опубликованном введении в лингвистическую теорию Хомского: «возможно, он был первым, кто привел подробные аргументы в пользу того, чтобы объяснять природу мышления через природу языка, а не наоборот» (*Smith & Wilson 1979, 9*).

Многое из того, что традиционно находилось за рамками предмета философии мышления, включая эпистемологию, теперь изучается философами и психологами совместно, хотя и с разных точек зрения. Поскольку объектом исследования является именно язык, а не какие-то другие свойства или особенности человеческого ума, в последние годы развилась новая смежная дисциплина, которая называется психолингвистика. Как следует из самого названия, эта дисциплина является областью пересечения психологии и лингвистики и основывается на результатах обеих наук. В теоретическом плане она основывается также на достижениях логики и философии мышления. Психолингвистика связана, с одной стороны, с нейролингвистикой (наукой о нейрологических основах лингвистики) и когнитивистикой (ср. 8.6), а, с другой, с социолингвистикой. Поле исследования психолингвистики довольно обширное, однако пока не существует общепринятой совокупности принципов, на базе которых можно было бы сформулировать согласованную междисциплинарную программу исследований. Тем не менее, в определенных областях, в частности,

в области изучения восприятия речи и усвоения языка, уже получены определенные результаты. Цель настоящей главы заключается в том, чтобы дать краткое изложение основных теоретических проблем, связанных с исследованием языка и мышления, и познакомить читателя с экспериментальными данными, полученными в области нейролингвистики, усвоения языка и того, что называется когнитивной лингвистикой.

Но сначала кратко поясним употребление слова «мышление». Конечно, это слово является общеупотребительным. В то же время оно используется для обозначения предметной области определенного направления в философии, а также психологии. Будучи близким к таким словам, как «интеллект», «разум», «понимание» и «суждение», в повседневном языке оно употребляется в более узком смысле, чем то, как оно употребляется в качестве термина в философии мышления и в психологии (теми психологами, которые им пользуются). В терминологическом смысле это слово обозначает не только способность человека мыслить, но также и его чувства, память, эмоции и желания. Это очень важное обстоятельство — тем более важное, что, как мы увидим далее, в последние годы в области теоретической лингвистики и философии мышления наметилась тенденция слишком узко интерпретировать термин «мышление» (равно как и термин «ментализм»).

Стоит также обратить внимание читателя на то, что взаимоотношение индивида и мышления, которое ему присуще и с которым он каким-то образом ассоциируется, составляет одну из давних и дискуссионных проблем философии. Среди разных признанных попыток сформулировать, а иногда и решить так называемую проблему соотношения материи и сознания, можно назвать следующие философские направления: дуализм, материализм, идеализм и монизм.

Философское учение, которое называется дуализм, ассоциируется прежде всего с именами Платона и Декарта. Но, с другой стороны, из-за того, что это учение тесно связано с христианской традицией, любой не склонный к размышлению средний европеец безоговорочно принимает его также в качестве символа веры. Дуализм утверждает, что сознание не только существует, но что при этом оно отличается от материи тем, что является нематериальным. В традиционном христианском вероучении мышление обычно описывается как свойство души. Для Платона и других греческих философов не было четкой границы между сознанием и душой, и то, и другое они обозначали греческим словом *psyche*. В рамках дуализма предложено много разных теорий по поводу того, почему явления, представляющие материю и сознание, взаимосвязаны между собой.

Материализм, который сейчас менее распространен, чем в конце XIX в. — начале XX в., утверждает, что в мире нет ничего, кроме материи, и что явления, относящиеся к сфере сознания, в конечном счете могут быть объяснены через сугубо физические свойства материальных объектов. Разновидностью материализма является бихевиоризм, согласно которому не существует такого явления, как сознание, а такие термины ментализма, как «сознание», «мысль», «эмоция», «воля» и «желание», должны

рассматриваться как относящиеся к определенным типам поведения, или как ориентиры для определенных типов поведения. Ранее уже отмечалось, что бихевиоризм стал важным направлением не только в американской психологии, но также, благодаря открытой поддержке Блумфилда, и в до-хомскианской американской лингвистике (см. 7.4). На европейскую лингвистику бихевиоризм не оказал сколько-нибудь значительного влияния, однако он оставил след в европейской философии (см. Ryle 1949).

Аналогично тому, как материализм отрицает существование сознания, идеализм отрицает существование материи и заявляет, что все, что существует, относится к идеальному. Термин «идеализм» часто заменяется термином «ментализм». Однако в последнее время, особенно в лингвистике, термин «ментализм» стал употребляться в нетрадиционном смысле, что часто сбивает с толку (см. 8.2).

И, наконец, монизм, в противоположность дуализму, утверждает, что реальность едина. Таким образом, и материализм, и идеализм могут рассматриваться как разновидности монизма. Однако термин «монизм» обычно закреплен за таким взглядом на мир, согласно которому ни материя, ни сознание не являются первичными реальностями: оба они — лишь различные проявления некоторой более нейтральной и фундаментальной сущности.

Ясно, что невозможно передать всю полноту значения философских терминов при помощи таких общих определений, которые я здесь привел. Несмотря на то, что эти определения с точки зрения философии могут быть неточны, они помогают адекватно оценить те из последних работ в области лингвистики, психологии и когнитивистики, которые посвящены тому, что традиционно называется проблемами языка и мышления.

8.2. Ментализм, рационализм и врожденность механизмов усвоения знаний

Хомский и те лингвисты, которые принимают принципы генеративизма, утверждают, что язык свидетельствует в пользу ментализма, т. е. дает основания верить в то, что сознание существует. Это приводит к изрядной путанице. «Ментализм» часто отождествляют либо с «идеализмом», либо с «дуализмом». Именно в таком смысле употреблял термин «ментализм» Блумфилд (см. 7.4). Но Хомский и его сторонники не являются ни идеалистами, ни тем более дуалистами. Они лишь говорят о том, что усвоение и использование языка нельзя объяснить, не прибегая к принципам, которые находятся вне сферы психологической оценки человека. При этом хомскианцы не считают мышление нематериальной сущностью, отличной от мозга или какой-либо другой части тела. С другой стороны, они не хотят связывать себя методологическими предрассудками некоторых психологов, особенно бихевиористов, которые настаивают на том, что все, что традиционно описывается как ментальное, является продуктом простых физических процессов.

Ментализм Хомского имеет как отрицательную, так и положительную стороны, причем последняя более интересна и противоречива, чем первая. К отрицательной стороне относится антиматериализм, точнее — в контексте тех идей, которые доминировали ранее в американской лингвистике и психологии — антибихевиоризм. Как мы уже знаем, бихевиоризм — это просто некоторая разновидность материализма, которая сужает предметную область психологии до поведения человека и ставит своей целью объяснение разных типов поведения, включая речевое поведение (определяемое как внутренняя речь) — на базе детерминистических физиологических и биохимических процессов (см. 7.4). Возможно, мы преувеличиваем важность бихевиоризма в блумфилдианской и пост-блумфилдианской лингвистике. Но нет сомнения в том, что бихевиоризм значительно повлиял на американскую психологию и отвратил многих лингвистов от серьезных занятий семантикой и сотрудничества с психологами и философами по проблемам, традиционно объединяемым под общим названием «язык и мышление». Существуют и более сложные варианты бихевиоризма, которые можно защитить или опровергнуть. Та разновидность бихевиоризма, которую отстаивал Блумфилд, а также та, которую критиковал Хомский в своей знаменитой рецензии на книгу Б. Ф. Скиннера *Речевое поведение* (1957), мягко говоря, не оставляют никаких надежд. А Хомский может благодарить судьбу за то, что в его время бихевиоризм утратил то влияние, которое он оказывал на лингвистику и психологию еще поколение назад.

То, что я представил здесь в качестве отрицательной стороны ментализма Хомского, не следует порицать и недооценивать. Как мы уже видели ранее, в первые десятилетия XX в. лингвистов волновал статус лингвистики как науки (см. 2.2). Они полагали, что любая дисциплина, которая претендует на статус науки, должна непременно строиться по подобию так называемых строгих наук — физики и химии. Такое предположение часто объединялось, как в случае Блумфилда, с философским учением, известным как **редукционизм**, согласно которому одни науки являются более базовыми, чем другие, в том смысле, что понятийный аппарат менее базовых наук в конечном счете должен определяться через понятийный аппарат более базовых наук. Например, если принять, что физика более базовая наука, чем химия, химия более базовая, чем биология, биология более базовая, чем психология, и так далее, то сторонник редукционизма будет доказывать, что терминология, используемая психологами, в конечном счете определяется биологией, а терминология биологии определяется химией и так далее.

Становится ясно, как такой подход связан с материализмом и вообще с тем, что считается типичным для естественных наук XIX в. Сейчас уже почти нет философов, которые были бы готовы защищать редукционизм. Однако в общественных науках найдется немало практиков и теоретиков, которые ошибочно считают, что постулирование сущностей и процессов, не описываемых в физических терминах, не может быть научным. Именно благодаря Хомскому среди лингвистов подобные настроения уже

не так распространены, как это было раньше, а лингвистика стала более содержательной и интересной наукой.

На этом мы завершаем обзор отрицательной стороны ментализма Хомского и тех, кто следует его принципам в лингвистике, психологии и философии. Позитивные предложения Хомского составляют наиболее оригинальную и противоречивую часть того, что я называю хомскианским ментализмом. Одна из главных проблем философии мышления связана с усвоением знаний, в частности с тем, какую роль в этом процессе играет мышление, или разум, с одной стороны, и чувственный опыт, с другой. Те, кто делают упор на роль разума, как Платон или Декарт, традиционно называются **рационалистами**, а те, кто настаивает на превалирующей роли опыта, или чувственных данных, как Локк или Юм, называются **эмпириками**. Хомский принимает сторону рационалистов. Более того, как и другие рационалисты, он считает, что механизмы, обеспечивающие усвоение знаний, являются **врожденными**: человеческое сознание представляет собой не просто «чистую дощечку для письма» (традиционный латинский термин *tabula rasa*), на котором опыт оставляет свой отпечаток, скорее его можно сравнить, как это делал Лейбниц, с глыбой мрамора, из которой можно высечь разные формы, но структура которой ограничивает творческий замысел скульптора.

Усвоение языка является конкретным проявлением более общего процесса усвоения знаний. В то же время, многие полагают, что тот аспект усвоения родного языка, который связан с пониманием значений слов, является интегральной частью процесса усвоения всех остальных видов знаний. Это вытекает из того, что процесс усвоения знаний ребенком, согласно традиционной точке зрения, включает и усвоение тех понятий, которые ранее были ему неизвестны, и что существует связь между открытием или формированием новых понятий (при условии, что это возможно) и пониманием значений слов. Является ли наличие у нас определенных понятий предпосылкой для усвоения и правильного использования лексики родного языка? Иначе говоря, верно ли, что язык и мышление связаны таким образом, что мы не способны провести логическую границу между усвоением некоторого понятия и пониманием значения соответствующего слова, которое как раз определяет и закрепляет это понятие в нашем сознании? С учетом всего этого неудивительно, что проблема усвоения языка в течении многих веков играла такую важную роль в спорах между рационалистами и эмпириками.

Подобно своим предшественникам — последователям рационалистического учения, — Хомский исходит из того, что язык служит для выражения мысли, что человек обладает врожденной (т. е. генетически передаваемой) способностью формировать одни определенные понятия, а не другие, и что процесс формирования понятий является предпосылкой для усвоения значений слов. Но в трактовке языка Хомский отличается от своих предшественников-рационалистов в двух аспектах, и именно это позволяет считать его вклад в философский спор по этой проблеме важным и оригинальным. Во-первых, он показал, что процесс обучения (или,

употребляя более нейтральный термин, усвоения) грамматической структуре родного языка требует научного объяснения точно так же, как и процесс соотнесения значения слова с его формой; кроме того, предложенный Хомским формализованный вариант генеративной грамматики задал новые стандарты точности лингвистического описания для тех, кто хочет оценить структурную сложность естественных языков в сопоставлении с другими коммуникативными системами (см. 1.5). Во-вторых, Хомский провозгласил тезис о том, что природа языка и процесс усвоения языка не могут быть объяснены иначе, как с помощью предположения о том, что способность к усвоению языка является врожденным свойством.

Указанные два аспекта связаны между собой. Как мы уже видели, Хомский основывает свой тезис о том, что языковая способность человека является врожденной и видоспецифичной, на универсальности определенных произвольных структурных свойств языка (см. 7.4). Эти структурные свойства обычно обобщаются в виде общего принципа **структурной зависимости (примата структуры)**, которая характерна прежде всего для синтаксиса, хотя обнаруживается также в фонологии и морфологии. Когда мы говорим, что некоторое правило (или принцип) является структурно зависимым, это означает, что тот набор единиц, к которой данное правило применяется, обладает внутренней структурой, причем эта структура выступает либо в качестве условия применения правила (или принципа), либо в качестве указания на то, как именно оно применяется. Например, если предложения какого-либо языка характеризуются таким типом синтаксической структуры, которая обычно описывается лингвистами в терминах составляющих, эти предложения могут быть построены с помощью грамматики непосредственных составляющих, правила которой являются структурно зависимыми в указанном смысле (см. 4.6). Более того, отношения между соответствующими предложениями различных типов (например, *John wrote the book* 'Джон написал книгу' и *Did John write the book?* 'Джон написал книгу?'; *John wrote the book* 'Джон написал книгу' и *Was the book written by John?* 'Книга была написана Джоном?' и т. д.), могут быть соотнесены с показателями структуры непосредственных составляющих, формализующих данную структуру (на определенном уровне описания), с помощью трансформационных правил, которые по своему статусу важнее правил формирования структуры непосредственных составляющих и включают более сложное понятие примата структуры.

В данном случае нас не интересуют технические стороны принципа примата структуры или его формализации средствами той или иной разновидности генеративной грамматики. Позитивный вклад Хомского в философию мышления, с одной стороны, а также в психологию усвоения языка, с другой, основан на признании им важности примата структуры как явно универсального свойства естественных языков, а также на необходимости показать, как дети обучаются этому мастерству в процессе усвоения и использования языка. Как полагает Хомский, то, что мы называем мышлением, лучше описывать в терминах набора абстрактных структур, материальная основа которых пока неясна, но которые похожи

на такие органы человеческого тела, как сердце или печень, в том отношении, что они тоже развиваются в процессе взаимодействия с окружающей средой в соответствии с генетически заложенной программой.

Прав ли Хомский? Немедленный, и абсолютно неудовлетворительный ответ: возможно — да, а возможно — нет. Наиболее доступные свидетельства такого рода — исследования по усвоению языка, работы о различного рода расстройствах речи, эксперименты над приматами, в частности шимпанзе, достижения в области нейрофизиологии мозга и другие научные факты — не кажутся нам убедительными. Важно подчеркнуть, однако, что инвентарь таких данных постоянно расширяется. Нет ничего невозможного в том, что чисто философский спор, который длится уже в течении многих веков, будет наконец разрешен с помощью междисциплинарных эмпирических исследований. Обратите внимание на то, что термин «эмпирический» в данном случае не означает приверженности эмпиризму!

Ментализм Хомского является лишь одной из многих разновидностей ментализма, которые появились в последние годы и связаны с теорией усвоения языка. Не менее значительной стала теория, предложенная швейцарским психологом Пиаже. Согласно Пиаже, в развитии умственных способностей ребенка следует различать четыре стадии. Наиболее важной с точки зрения усвоения языка, по мнению Пиаже, является переход от чувственно-двигательной стадии, длящейся приблизительно до двухлетнего возраста, во время которой ребенок манипулирует конкретными окружающими его предметами, к так называемой *предоперационной* стадии, когда он обучается складывать слова в предложения на основе предшествующего опыта о том, как можно сравнивать, двигать и изменять конкретные предметы; эта стадия длится до того времени, когда он достигает возраста рассуждения (около семи лет). Привлекательной стороной работ Пиаже многие психолингвисты считают очевидную связь его теории с функционализмом (см. 7.3), а также его попытки описать процесс усвоения языка в рамках более общих принципов умственного развития. Но, как мы уже видели, Хомский утверждал, что в этом вопросе имеющиеся результаты исследований свидетельствуют далеко не в пользу теории Пиаже, а именно: конкретная синтаксическая структура не может быть описана в терминах функционализма, а процесс усвоения языка не зависит прямым образом от различий в интеллектуальных способностях детей. Однако справедливости ради следует добавить, что многие лингвисты и психологи считают, что такие свидетельства не вполне надежны.

Считается, что предложенная Пиаже теория умственного развития находится между традиционными границами рационализма и эмпиризма. С одной стороны, Пиаже подчеркивает важность опыта, в особенности чувственно-двигательного опыта; с другой стороны, он описывает различные стадии развития интеллекта как специфичные для человека и генетически заданные (т. е. определенные тем, что можно представить как врожденные идеи — в современном значении этого старого рационалистического термина). Аналогичным образом, хотя Хомский считает себя

рационалистом, он не оспаривает важную роль опыта в процессе усвоения знаний, или, скорее, роль того, что он с готовностью опознает (пользуясь терминологией, характерной для эмпирической, или даже бихевиористской, психологии) как процесс передвижения предметов и придания им определенной формы. В заключение данного раздела будет, по-видимому, справедливо заметить, что современные достижения в области генетики, нейрофизиологии и психологии существенно повлияли на традиционный спор между рационалистами и эмпириками. В результате сейчас уже невозможно без существенных оговорок использовать традиционную терминологию любого из этих двух направлений в тех случаях, когда нам нужно оценить какую-либо аргументированную позицию по спорным вопросам, отделяющим одну группу философов и психологов от другой. И это можно квалифицировать как прогресс, так как отсюда следует, что современные варианты того, что сами авторы считают относящимся в целом к эмпиризму или рационализму, должны разрабатываться с учетом разнообразных данных, которые не были доступны великим философам прошлого. Первоначально весьма общие проблемы, разногласия по которым позволили назвать, скажем, Декарта рационалистом, а Локка — эмпириком, сейчас уже разделились на множество более узких вопросов, ответы на которые могут дать только совместные эмпирические исследования разных дисциплин.

8.3. Язык и мозг

В наши дни никто не будет отрицать, независимо от своих взглядов на известную проблему соотношения сознания и материи (см. 8.1), что из всех человеческих органов мозг играет самую важную роль в том, что мы называем мыслительными операциями.

Человеческий мозг отличается сложным устройством, и мы еще пока только отчасти понимаем, как он выполняет различные функции. Но в последние годы в этой области был достигнут значительный прогресс, и некоторые из этих достижений непосредственно связаны с предметом настоящей главы.

Мозг, а точнее его основная часть *cerebrum*, состоит из двух частей, или полушарий, соединенных между собой (в обычном состоянии) посредством мозолистого тела (*corpus callosum*). Внешний слой обоих полушарий состоит из серого вещества — коры головного мозга, содержащей приблизительно 10^{10} нейронов, или нервных клеток. Нервные клетки, в свою очередь, при помощи многочисленных волокон соединяются с белым веществом, находящимся под корой головного мозга. Правое полушарие отвечает за работу (а также реагирует на сигналы) левой части тела, тогда как левое полушарие контролирует правую часть тела. В силу этого нарушение работы мозга или образование тромба в каком-либо одном полушарии вызывает паралич в конечностях противоположной стороны тела. А сигналы, получаемые от одной стороны тела — осязательные,

слуховые, зрительные — сначала поступают в соответствующее полушарие, а затем уже с помощью мозолистого тела передаются для обработки в другое полушарие. Отсюда следует, что если хирургическим путем перерезать мозолистое тело, сигналы с правой стороны тела могут быть обработаны только левым полушарием и наоборот (такая операция еще совсем недавно применялась для лечения эпилепсии, однако затем были выявлены ее нежелательные последствия).

Уже более сотни лет известно, что существует особая связь между языком и левым полушарием (эта связь наблюдается у всех правшей и у большинства, но не у всех, левшей), так что вообще говоря, можно утверждать, что языком (у большинства людей) ведает левое полушарие. Процесс, согласно которому конкретные функции связаны с деятельностью только одного полушария, называется **латерализацией**. (В небольшом числе случаев для левшей, у которых языком ведает не левое, а правое полушарие, латерализация все равно имеет место.) Латерализация относится к разряду совершенствующихся процессов, а именно: она является врожденной, но совершенствуется в процессе развития организма ребенка. Разумеется, в биологическом развитии разных видов можно обнаружить много таких совершенствующихся процессов. Но процесс односторонней ориентации полушарий мозга характерен именно для человека. Считается, что он начинается с двухлетнего возраста и завершается где-то между пятью годами и началом полового созревания.

Латерализация является по отношению к языку далеко не единственным примером специализации функций полушарий головного мозга у человека. В общем виде латерализация рассматривается обычно как предпосылка развития у человека интеллекта. Кроме того, сейчас многие согласны с тем, что латерализация является предпосылкой для усвоения языка (как с точки зрения филогенеза, так и с точки зрения онтогенеза). В качестве аргумента в пользу такого утверждения можно привести свидетельство о том, что процесс усвоения языка начинается приблизительно тогда же, что и латерализация, а заканчивается, если иметь в виду наиболее важные аспекты этого процесса, к тому времени, когда латерализация завершается. Другим аргументом является тот факт, что усвоение языка после завершения латерализации становится чрезвычайно трудной задачей. Действительно, похоже, что существует так называемый **критический возраст** для усвоения языка в том смысле, что человек либо вовсе не может усвоить язык, либо по крайней мере не может усвоить его полностью, во всем его многообразии, так, как его может усвоить ребенок в соответствующем возрасте.

Хотя мнение о том, что существует критический возраст для усвоения языка, разделяется далеко не всеми, подтверждением тому является удивительный, но печальный случай с девушкой, известной в научной литературе под именем Джини. Когда Джини была обнаружена социальными работниками в Лос-Анджелесе в 1970 г., ей было тринадцать лет. Родители воспитывали ее в полной изоляции как от самих себя, так и от окружающего мира, били ее каждый раз, когда она издавала ка-

кие-либо звуки, и вообще лишали ее возможности получать какой бы-то ни было эмоциональный и чувственный опыт. И одним из следствий этого стало то, что она совершенно не умела говорить. Когда заботу о ней взяли на себя социальные службы, она стала под руководством психологов и лингвистов усиленно изучать язык, и вначале делала успехи. Более того, она даже прошла все те стадии обучения английскому языку, которые проходят обычные дети в соответствующем возрасте. На первый взгляд, случай с Джини опровергал теорию о критическом возрасте. Однако оказалось, что хотя она имела хорошую память на слова и ее общее интеллектуальное развитие оценивалось как удовлетворительное, ей с трудом давались все, даже самые простые, правила английской грамматики. Поэтому пришлось признать, что случай с Джини не только подтверждает теорию о критическом возрасте, но и указывает на то, что способность к усвоению языка отличается от других интеллектуальных способностей.

До недавнего времени считалось, что несмотря на врожденный характер латерализации, человеческий мозг обладает определенной гибкостью в том смысле, что функции одного полушария может брать на себя другое полушарие, исконно для этого не предназначенное. Это может произойти, например, в случае повреждения мозга или как следствие хирургического вмешательства — при условии, что необходимость в этом возникла до завершения процесса латерализации. Однако более детальное исследование речевого поведения тех людей, у кого еще в детстве функции одного полушария стало выполнять другое, показывает, что все же у них есть трудности с употреблением некоторых грамматических конструкций, хотя это и не всегда сразу заметно.

До сих пор мы говорили о связи языка с одним из полушарий мозга только в общем виде. Хотя в данном разделе мы не можем подробно вдаваться в детали этой проблемы, отметим лишь, что, как оказалось, одни аспекты функционирования языка связаны с левым полушарием в большей степени, чем другие. Например, правое полушарие без труда распознает отдельные слова, обозначающие физические объекты, но не всегда справляется с грамматически сложными словосочетаниями. С другой стороны, левое полушарие более приспособлено для распознавания звуков речи, тогда как остальные звуки успешно распознает правое полушарие. Считается также, что в целом левое полушарие отвечает за ассоциативное и аналитическое мышление, тогда как правое полушарие не только интерпретирует визуально-пространственные образы, но и распознает интонационные модели, а также, что примечательно, отвечает за восприятие музыки. Отсюда следует, что речевое поведение включает в себя совокупность нескольких различных нейрофизиологических процессов. В общем, можно утверждать, что то, что на других основаниях признается наиболее существенной частью языка (см. 1.5), на самом деле связано именно в левым полушарием. Возможно, именно эта часть языка предназначена для усвоения, если только она вообще усваивается, до достижения ребенком критического возраста, и именно эта часть языка не может быть усвоена, скажем, шимпанзе и другими приматами.

То, о чем было сказано в настоящем разделе, неразрывно связано с теорией Хомского о том, что способность к усвоению языка, присущая только человеку и передаваемая генетически, отличается от других типов умственных способностей, хотя и используется во взаимодействии с ними. Подчеркнем, однако, что данные нейробиологических исследований еще очень скудны (хотя и постоянно пополняются) и далеки от конкретных результатов. Таким образом, психологи и философы по-прежнему дают разные ответы на вопрос о том, является ли способность к усвоению языка врожденной или нет.

8.4. Усвоение языка

Данный раздел я начну с сугубо терминологического вопроса. Почему многие современные психологи и лингвисты предпочитают говорить именно об усвоении языка, а не об обучении языку? Объясняется это просто тем, что термин «усвоение» является нейтральным по отношению к тому, что обычно ассоциируется в психологии с термином «обучение». Конечно, найдутся и такие, кто, признавая большую нейтральность термина «усвоение» в рассматриваемом отношении по сравнению с термином «обучение», все-таки сочтут термин «усвоение» не совсем точным, поскольку он предполагает усвоение навыков, которых у данного индивида ранее не было. А ведь если способность говорить на языке является врожденной, ее нельзя усвоить, она просто совершенствуется естественным способом, или, как сказал бы Хомский, органически. Тем не менее, «усвоение» уже стало стандартным термином, и мы будем использовать его далее.

Следующий вопрос, который мы собираемся обсудить, не является чисто терминологическим. То, что принято считать усвоением языка, в обычных условиях проявляется в умении понимать и говорить на конкретном языке. Именно это имелось в виду в первой главе, когда говорилось о том, что нельзя владеть (или пользоваться) языком вообще без владения (или пользования) конкретным языком (см. 1.1). Хотя приведенное утверждение можно оспорить с философской точки зрения, сейчас оно уже сформулировано здесь в таком виде, что является безусловно верным (особенно с добавлением словосочетания «в обычных условиях»). Термин «усвоение языка» может пониматься либо как «усвоение языка вообще», либо как «усвоение конкретного языка». Даже если мы допустим, что имеет смысл считать, что язык (т. е. то, что Хомский и другие называли языковой способностью (*language-faculty*)) не усваивается, мы все равно будем иметь основания утверждать, что значительная часть структуры английского, французского, русского и других языков все же усваивается (хотя и не обязательно изучается) теми, кто использует данный язык как его носители.

Термин «усвоение языка» обычно употребляется без оценки того процесса, результатом которого становится знание родного языка (или родных языков). Есть основания полагать, что усвоение иностранного языка,

независимо от того, изучается ли он систематически в школе или нет, осуществляется совершенно иным способом. Действительно, как мы уже видели, усвоение родного языка после предполагаемого «критического возраста» в силу нейропсихологических факторов может значительно отличаться от обычного усвоения родного языка ребенком (см. 8.3). Как показывают недавние клинические исследования двуязычных пациентов с черепно-мозговыми травмами, можно предполагать, что усвоение второго языка, независимо от того, изучает ли его ребенок или взрослый, имеет определенные нейропсихологические следствия. Таким образом, нам надо быть очень осторожными, когда мы переносим результаты наблюдений над усвоением родного языка одноязычным ребенком в обычных условиях на проблему обучения иностранному языку. Так, например, по-видимому, можно найти аргументы в поддержку так называемого прямого метода обучения иностранному языку в школе. Но аргумент, к которому обычно прибегают защитники этого метода — «именно так мы изучаем родной язык» — очевидным образом ни на чем не основан. В дальнейшем мы будем говорить об усвоении языка только в обычном смысле.

Начнем с анализа нескольких фактов. Одни из этих фактов основаны на каждодневных наблюдениях, другие являются результатом кропотливых исследований и экспериментов. Все нормальные дети без специального обучения усваивают язык, который они слышат от окружающих. Они начинают говорить приблизительно в одном возрасте и проходят одни и те же стадии в развитии своей речи. Временами это происходит настолько быстро и успешно, что и родители, и исследователи отмечают, как трудно бывает последовательно и систематично зафиксировать этот процесс. Более того, успешность развития речи практически не зависит от уровня интеллектуального развития детей и от тех социальных и культурных условий, в которых они находятся.

Хотя я только что утверждал, что дети начинают говорить приблизительно в одном возрасте, про каждого отдельного ребенка невозможно сказать, когда именно он начал говорить. Во-первых, неясно, что здесь может служить критерием: умение ребенка правильно употреблять отдельные слова? умение составлять высказывания из двух слов на основе продуктивных и регулярных правил? И это всего лишь два из нескольких возможных критериев, среди которых ни одному нельзя отдать предпочтение. Вторая причина заключается в том, что переход от одной определяемой стадии в развитии речи к другой является скорее постепенной, чем скачкообразной. Хотя мы и можем установить относительно четкую последовательность этапов развития речи в том, что касается усвоения фонетики, грамматики и лексики родного языка, не стоит думать, что ребенок внезапно совершает переход от одной стадии к другой. Еще одна трудность состоит в том, что порождение ребенком самостоятельных высказываний может не совпадать со степенью его понимания услышанных высказываний. На самом деле обычно считается, что в процессе развития речи понимание всегда опережает порождение высказываний. Отсюда

следует, что спонтанное порождение ребенком высказываний напрямую не отражает его знаний об усваиваемом языке.

В настоящее время уже известно, что в первые несколько дней своей жизни (если не раньше) младенцы реагируют не только на человеческий голос как таковой, но и на разницу в звучании звонких и глухих согласных. Иногда это считают свидетельством в пользу того, что ребенок обладает врожденным знанием так называемых универсальных различительных фонологических признаков (см. 3.5). Однако недавние исследования показали, что те же самые звуковые противопоставления способны различить и маленькие шимпанзе. Но у шимпанзе данная способность не развивается далее в речь, а дети свою способность различать согласные по признаку звонкости используют, как для восприятия, так и для порождения, не ранее, чем на втором году жизни. Таким образом, вряд ли можно согласиться с тем, что способность данного биологического вида различать некоторый фонетический признак сама по себе является врожденной. По-видимому, следует считать, что это общая для людей и высших приматов особенность, которую, однако, только человек способен наделить различительной функцией и использовать это различие в языке, где эта функция и проявляется. Еще раз подчеркнем, что эти данные пока не очень убедительны. Это не означает, однако, что проблема врожденности тех или иных свойств и их принадлежности определенным биологическим видам не может быть исследована экспериментально. Напротив, постоянно появляются все новые данные по этой проблеме, и вполне возможно, что она будет решена в самом ближайшем будущем.

В первые шесть месяцев своей жизни ребенок обычно непременно переходит от плача к агуканью, и от агуканья к лепету. Нет сомнения в том, что такая последовательность предопределена генетически, поскольку звуки, произносимые во время плача и агуканья, а также в ранний период лепета, не зависят от языкового окружения, в котором находится ребенок, при этом глухие от рождения дети плачут, агукуют и, по крайней мере на раннем этапе, лепечут точно также, как это делают дети, которые слышат. Особого интереса заслуживает тот факт, что во время периода лепета (который длится приблизительно до возраста одного года) ребенок произносит много таких звуков речи, которые не используются в его родном языке и которые он потом будет произносить с большим трудом, когда ему придется изучать соответствующий иностранный язык. К концу периода лепета большинство детей овладевает и основными интонационными моделями своего родного языка. Однако мы не располагаем данными, свидетельствующими о том, что интонационные модели, накладываемые на высказывания в виде лепета, обладают отчетливой коммуникативной функцией (тем не менее взрослые часто интерпретируют эти высказывания так, как если бы она там была). И хотя в некотором смысле лепет очевидным образом прокладывает путь языковому поведению, есть сомнения в том, что именно в этом заключается его первичная биологическая функция.

Когда ребенку исполняется около девяти месяцев, он начинает проявлять признаки усвоения фонологической системы своего родного язы-

ка. При этом необходимо помнить о том, что мы говорим о среднестатистическом ребенке, так как в действительности разные дети достигают тех или иных стадий в развитии речи в разном возрасте, и нет причин полагать, что эта разница отражает развивающуюся языковую компетенцию ребенка или его общие интеллектуальные способности. В некоторых случаях лепет продолжается и тогда, когда уже начался процесс усвоения и использования фонологических противопоставлений, и тогда разница между лепетом и речью становится вполне очевидной. Большинство фонологических противопоставлений ребенок полностью овладевает к пятилетнему возрасту. Но некоторые более трудные, а также, если речь идет о просодии, функционально более сложные противопоставления звуков могут быть усвоены ребенком в более позднем возрасте. Если рассматривать противопоставления сегментов речи, здесь существует достаточно надежно установленная последовательность их усвоения (отчасти это подтверждает предсказания Романа Якобсона, сделанные им почти сорок лет назад), а именно: в области согласных лабиальные предшествуют дентоальвеолярным и велярным, смычные — фрикативным, а оральные смычные — назальным смычным. Можно сделать также некоторые обобщения, касающиеся комбинаторного, или синтагматического аспекта. На ранних этапах, независимо от того, на каком языке говорит ребенок, в его речи появляются такие слова, которые не содержат стечений согласных и по структуре являются редупликациями (напр., [dada], [kiki]), или же такие, где согласные относятся к одному месту образования (напр., [gek], [ginin] вместо англ. *leg* 'нога', *singing* 'пение'). Следует, однако, обратить внимание на то, что часто ребенок способен различить слова в речи взрослых (напр., *bad* 'плохой', *bath* 'ванна', *back* 'спина' в таком произношении английского языка, где все эти слова имеют одинаковые гласные), хотя сам он произносит их одинаково, т. е. как омофоны.

С грамматикой происходит то же, что и с фонетикой: есть данные, свидетельствующие о том, что по крайней мере на ранних этапах развития речи последовательность разных стадий не зависит от структуры языка, который окружает ребенка. Сначала наступает так называемый голофрастический период, во время которого ребенок произносит то, что считается однословными предложениями (отсюда и термин «голофрастический»). Этот период может продолжаться до возраста от девяти месяцев до полутора лет; на смену ему приходит телеграфный период, когда ребенок начинает порождать двусловные (или, используя более нейтральный термин, двусоставные) предложения. Термин «телеграфный» используется здесь для обозначения этого периода потому, что в это время ребенок не употребляет окончаний и так называемых служебных слов (т. е. предлогов, артиклей и союзов), что делает его речь похожей на телеграфный стиль. По мере развития его речи, еще во время телеграфного периода, ребенок постепенно переходит от двусловных к более длинным предложениям, и его речь в отношении порядка слов и других признаков становится все более похожей на речь взрослых. Если язык, который он усваивает, имеет окончания и служебные слова, он постепенно начинает правильно

употреблять их, так что к четырехлетнему возрасту его речь перестает быть похожей на телеграфный стиль, хотя все еще имеет недостатки по сравнению с речью взрослых. Следует, однако, обратить внимание на то, что импрессионистический термин «телеграфный» оказывается непригодным для описания усвоения так называемых изолирующих языков (напр., вьетнамского языка), в которых нет морфологического варьирования.

До начала 60-х гг. XX в. было сравнительно мало исследований, посвященных усвоению грамматики языка. Ситуация изменилась коренным образом после того, как Хомский показал, что структура языка регулируется правилами (что в первую очередь касается именно грамматики), и когда стало ясно, что существующие теории обучения не могут адекватно объяснить усвоение (и творческое использование) языка, который регулируется правилами и обладает свойством продуктивности. В течение 60-х гг. психолингвисты в своих исследованиях детской речи занимались исключительно грамматикой, но большинство из них пришло в заключение о том, что невозможно изучать развитие грамматической компетенции ребенка в отрыве от его общего когнитивного, эмоционального и социального развития.

В настоящее время спектр проблем исследований в области детской речи значительно расширился, и теперь это не только фонетика, грамматика и лексика, но и семантическая структура высказывания, роль высказываний в социальном общении и их отражение представления ребенка о мире. Изменилась и глубина исследований, т. е. произошли изменения в обоих направлениях. В настоящий момент проводится много исследований, посвященных тому, какие можно обнаружить предпосылки для усвоения грамматики в таких стадиях развития речи, как детский плач, агуканье и лепет. Сейчас уже становится ясно, что довольно большая часть грамматики совершенствуется только к десятилетнему возрасту или даже позже (хотя употребляемые ребенком грамматические конструкции могут не содержать явных признаков грамматической неправильности). Само по себе это открытие не опровергает гипотезу о врожденности языковой способности и ее видоспецифичности, а также связанную с ней гипотезу о том, что языковая способность отличается от других интеллектуальных способностей человека. Но аргументировать эти теории становится сложнее.

Усвоение языка интересует нас в настоящей главе постольку, поскольку это важно для изучения природы языка в его отношении к человеческому разуму. Конечно, существуют и другие, более конкретные причины для обсуждения этой проблемы. Врачи, занимающиеся лечением расстройства речи у детей, а иногда и у взрослых, могут правильно поставить диагноз и прописать надлежащее лечение только в том случае, если достаточно хорошо понимают, что такое нормальное и аномальное развитие речи. Учебные материалы для школьников младших классов могут стать гораздо лучше, если их лексика и грамматика будут соответствовать уровню языковой компетенции детей, для которых они предназначены. Более того, поскольку уровень интеллектуального развития ребенка,

с которым занимаются учителя, отчасти определяется тестами на развитие речи, можно выяснить, насколько данные тесты адекватны и надежны. Особенно важно, чтобы учителя и вообще все люди, связанные с обучением детей, с одной стороны, вовремя заметили бы случаи частичного отсутствия слуха у ребенка или начинающуюся дислексию, а с другой, не поставили бы без достаточных оснований диагноз запоздалого развития или так называемого языкового дефицита. Недавние исследования в области усвоения языка, будь то лингвистика, психология или философия мышления, хотя и не способны пока решить наиболее важные теоретические проблемы, все же немало способствуют получению более надежных результатов.

8.5. Другие проблемы психолингвистики

Процесс усвоения языка — не единственная область психолингвистических исследований. И это не единственная область, интерес к которой возник в связи с расцветом генеративизма Хомского.

Ранее мы уже говорили о том, что общая теория языка Хомского базируется на противопоставлении языковой компетенции и использования языка (см. 7.4). Эти термины появились в научном обиходе лишь тогда, когда в 60-х гг. XX в. была разработана стандартная теория трансформационной грамматики. Тем не менее, различие между языком как системой правил, известной носителям языка, и использованием этих правил в языковом поведении было очевидно и ранее, хотя и формулировалось в других терминах. Важность противопоставления языковой компетенции и использования языка не только для психолингвистики, но и для изучения человеческого поведения вообще, более или менее сразу была признана выдающимся американским психологом Джорджем Миллером, который обобщил идеи Хомского и познакомил с ними своих коллег (см. *Miller, Galanter & Pribram* 1960). Миллер сотрудничал также с Хомским в некоторых из его ранних теоретических работ о моделях использования языка. В этом месте нашего повествования уместно процитировать знаменитое высказывание Миллера по поводу того влияния, которое работы Хомского оказали на него самого и на его коллег: «Теперь я верю в то, что мозг — это не просто слово из четырех букв».

Большинство из ранних психолингвистических исследований, для которых генеративизм Хомского стал источником вдохновения, были посвящены так называемой проблеме психологической адекватности лингвистической модели. На самом деле с точки зрения противопоставления языковой компетенции и использования языка эта проблема распадается на несколько разных проблем. (Напомним читателю, что данное Хомским определение «использования языка» часто понималось неправильно и включало не только непосредственное речевое поведение, но также и те нелингвистические знания, т. е. компетенцию, которые лежат в основе такого поведения — см. 7.4). Верно ли, что в голове у носителей языка (т. е. в мозгу в виде нейрофизиологических связей) хранятся наборы

правил, подобные тем, что лингвисты формулируют в порождающей модели языка? Иными словами — если иметь в виду понятие системной двусмысленности, введенное самим Хомским, в соответствии с которым термин «грамматика» используется для обозначения как самой грамматики, так и ее модели, — верно ли, что генеративная грамматика находится у нас в головах? Это первый вопрос. Второй вопрос (который подразумевает положительный ответ на первый) звучит так: Какая именно роль, если таковая имеется, отводится этим правилам при построении и понимании высказываний?

Некоторые из ранних психолингвистических работ, появившиеся под влиянием генеративизма Хомского, были нацелены на решение второго вопроса. Они основывались на презумпции (которой у самого Хомского не было) о том, что все правила, необходимые для порождения предложения, использовались также носителями языка и в речевом поведении, т. е. при построении и понимании высказываний. (Помимо всего прочего, различие между предложениями и высказываниями не получило всеобщего признания — см. 5.5.) Например, было экспериментально подтверждено, что носители языка быстрее реагировали на предложения в активном залоге, чем на предложения в пассивном залоге, а на утвердительные предложения реагировали быстрее, чем на отрицательные. Более того, оказалось, что разницу во времени между реакцией на утвердительные предложения в активном залоге и отрицательные предложения в пассивном залоге можно объяснить за счет сложения разницы между предложениями в активном и пассивном залоге, с одной стороны, и разницы между утвердительными и отрицательными предложениями, с другой. Первоначально этот факт рассматривался как печальное подтверждение гипотезы о том, что осмысление предложений включает и такие правила, как формирование пассива и вставка отрицания (эти правила в раннем варианте порождающей грамматики формулировались как трансформационные). Позже, однако, было обнаружено, что существуют и другие потенциально важные переменные, и в тех случаях, когда они, насколько это возможно, зависели от других параметров, результаты были менее четкими.

На самом деле в 60-х гг. XX в. уже стало ясно, что даже если в наших головах и содержится генеративная грамматика родного языка, структура лингвистической модели такой грамматики не обязательно должна отражать операции, используемые в языковом поведении. Это связано с тем, что некоторые факторы, имеющие отношение к языковому поведению (ограниченность внимания и памяти, мотивация и интерес, фактические знания, идеологические взгляды и т. д.) лингвисты намеренно отвергают, так как они не релевантны для определения правильной структуры языка и формулировки общих представлений о природе языка. Если генеративная грамматика действительно является психологически адекватной в том смысле, что в наших головах имеется система правил, которая хранится в мозгу с помощью нейрофизиологических средств, разумно предположить, что при построении и понимании высказываний в действие вводятся другие психологические правила и стратегии, которые

помогают нам пренебрегать некоторыми собственно грамматическими правилами. В любом случае ясно (например, в силу того очевидного обстоятельства, что мы обычно не замечаем опечаток и оговорок), что процесс понимания базируется скорее на шаблонах, чем на полном анализе входящего сигнала. Аналогичным образом мы ежедневно наблюдаем, и это подтверждается экспериментальными исследованиями, как мы угадываем грамматическую структуру высказываний (не говоря уже об их фонологической структуре и значении) с того самого момента, как только наш собеседник начинает говорить. Если нашей предварительной интерпретации услышанного высказывания ничто не противоречит — а мы обычно не уверены в правильности этой интерпретации до тех пор, пока услышим в сигнале, анализируемом с помощью шаблона, информации, которая может ее опровергнуть — для понимания услышанного высказывания нам не требуется полного лингвистического анализа его структуры.

В силу этих, а также некоторых других причин, исследование так называемой проблемы психологической адекватности оказывалось более сложным, чем это представлялось многим психологам в 60-х гг. XX в. Следует также заметить, что хотя сам Хомский продолжает считать, что на данном этапе при определении понятия языковой компетенции лингвисты могут пока оставить в стороне то, что известно про психолингвистические механизмы и процессы, некоторые генеративисты с ним не согласны. В настоящее время движение за создание психологически адекватной лингвистической модели постепенно набирает силу. Какого бы взгляда ни придерживаться по поводу проблемы психологической адекватности (в любой из этих двух интерпретаций) и ее значимости для лингвистики, нет сомнения в том, что психологические исследования в области лингвистической компетенции и использования языка достигли в последние годы значительных успехов именно под влиянием теории Хомского. Многие результаты экспериментальных исследований, касающиеся стратегий восприятия, роли кратковременной памяти, интерпретации двусмысленных предложений и т. д., имеют определенную научную ценность, даже если конкретные гипотезы, для проверки которых данные эксперименты проводились, были затем отвергнуты (например, гипотеза о том, что высказывания анализируются одновременно на двух уровнях анализа — глубинном и поверхностном). Лингвистическая теория Хомского оказалась особенно привлекательной для психологов в первую очередь потому, что она содержала гипотезы, которые можно проверить экспериментальным путем.

Разумеется, с точки зрения лингвистики сама по себе теория Хомского отнюдь не лишена недостатков. Кроме того, философы указывают на неправильность и даже на недопустимость использования термина «знания» по отношению к языковой компетенции. Уже было показано, что языковая компетенция (т. е. «ноу-хау», проявляющееся в языковом поведении), отличается от других типов знания, которые оцениваются как истинные в силу убеждения. Иными словами, можно утверждать, что теория мышления Хомского отражает его чисто интеллектуалистский

подход к проблеме в том отношении, что вопреки традиционным взглядам на структуру мышления, она ничего не говорит о некогнитивных способностях человека, таких как эмоции и воля. Самому Хомскому уже не раз приходилось защищаться от подобных нападок философов.

Хотя психолингвистические исследования последних лет находились под сильным влиянием генеративизма, было бы ошибочным полагать, что все психологи, занимающиеся проблемами языка, имели непосредственное отношение к проверке тех или иных аспектов генеративной модели языка. Исследования в этой области продолжались по многим традиционно признанным в психологии языка темам — язык и мышление, язык и память и др. — в рамках теорий, которые либо совсем не используют противопоставления языковой компетенции и использования языка, либо не зависят напрямую от того, как формулирует эти термины Хомский.

Что касается проблемы языка и мышления, Хомский, как мы уже говорили выше, принимает традиционную точку зрения, характерную для рационалистов XVII в., согласно которой язык служит для выражения заранее возникшей и оформившейся мысли. В XVIII в. это положение оспаривалось французскими философами Кондильяком (1746) и Руссо (1755), а немного позже и немецким ученым Гердером (1772) в его знаменитой работе о происхождении языка. Гердер, в частности, считал, что язык и мышление возникли одновременно, причем одно неотделимо от другого, и что по мере того, как развивалась лексика и грамматика естественных языков, одновременно обе эти части языка определяли и отражали национальные особенности мышления. Как мы увидим далее, от Гердера прямая линия ведет к Сепиру и Уорфу, которые в XX в. в Америке занимались популяризацией в значительной мере тех же самых положений о лингвистической предопределенности и лингвистической относительности (см. 10.2). Здесь мы должны упомянуть лишь о том, что так называемая гипотеза Сепира—Уорфа была предметом многочисленных экспериментальных исследований и что полученные результаты подтверждают только облегченный вариант этой гипотезы, согласно которому конкретный язык, на котором говорит человек, влияет на его мышление, хотя и не определяет его полностью.

8.6. Когнитивистика и искусственный интеллект

Главная причина того, что мы включили в настоящую главу отдельный, хотя и очень краткий раздел, посвященный когнитивистике и искусственному интеллекту, объясняется желанием привлечь внимание к тому, что сейчас уже стало отдельной и бурно развивающейся дисциплиной, опирающейся на достижения философии, психологии, лингвистики, компьютерных наук, но все же не совпадающей ни с одной из них. Термины «когнитивистика» и «искусственный интеллект» неточны в том смысле, что оба они ограничивают область предполагаемого исследования до ментальных процессов, которые традиционно связываются со способностью думать, причем термин «когнитивистика» не содержит указания на то, чем

именно новая дисциплина отличается от других наук в подходе к изучению мышления и мыслительных процессов. Если рассматривать термин «интеллект» в широком смысле, можно утверждать, цитируя выдающегося теоретика и практика в своей области Минского (*Minsky 1968, v*), что искусственный интеллект — это «наука, обучающая машины совершать операции, для выполнения которых люди обычно используют свой интеллект». Очевидным образом, одной из таких операций является порождение и распознавание речи.

Но зачем нам вдруг понадобилось создавать машину — более конкретно, компьютер общего назначения с соответствующей программой — для порождения и распознавания речи? Существует, конечно, немало практических причин, в частности, полная или частичная автоматизация операций, на которые сейчас затрачиваются многие часы работы высококвалифицированных специалистов: перевод документов с одного языка на другой, поиск информации в библиотеке, диагностирование болезней на основе заполнения стандартной анкеты, и так далее. Хотя все эти практические приложения очень важны, они прежде всего предполагают решение множества теоретических проблем, которые пока остаются нерешенными. В данном разделе нас интересуют именно теоретические проблемы, и больше всего тот вклад, которые могут внести когнитивистика и искусственный интеллект в понимание ментальных процессов, связанных с использованием языка.

Но сначала сделаем одно замечание. Даже если бы и удалось создать компьютер, выполняющий операции типа ментальных операций, которые выполняет человек, это вовсе не означало бы, что человек — это что-то вроде машины. Без соответствующей программы машина не может сделать ничего из того, что нас здесь интересует. Ведь именно программное обеспечение, а не устройство компьютера, отвечает за способность компьютера копировать мыслительную деятельность человека. Некоторые полагают, что программное обеспечение соотносится с компьютером так же, как мышление соотносится с мозгом, и что, представляя живой человеческий мозг как специально запрограммированный компьютер, мы можем обойти, а может и решить традиционную проблему соотношения сознания и материи. Как бы то ни было, необходимо подчеркнуть, что проблема создания искусственного интеллекта сама по себе не имеет прямого отношения к противопоставлению дуализма и монизма, с одной стороны, и материализма и идеализма, с другой. И решение этой проблемы не может нанести оскорбления ни достоинству человека, ни его свободному волеизъявлению.

Одним из первых и самых благотворных уроков, которые можно извлечь из попыток написать пусть даже самую простую компьютерную программу, является вывод о том, что если что-то надо описать с точностью до мельчайших деталей, это оказывается далеко не просто. В результате мы начинаем проникаться уважением к почти скрытому от нас сложному механизму наших каждодневных мыслительных процессов, включая также порождение и понимание высказываний. Более

того, мы уделяем больше внимания факторам, которые в противном случае мы бы восприняли как сами собой разумеющиеся просто потому, что они (говоря языком компьютерных наук) встроены в наш мозг или заранее запрограммированы как генетически передаваемые шаблоны. На данный момент моделирование человеческой речи при помощи компьютерного анализа и синтеза еще не оказало решающего влияния на развитие лингвистики вообще и психолингвистики в частности. Но это серьезным образом повлияло на спор по поводу психологической адекватности лингвистической модели.

Значение, которое мы придаем когнитивистике и искусственному интеллекту, во многом определяется нашим отношением к объяснительной силе моделей в естественных и общественных науках. Модель может успешно копировать действие некоторой физической системы, будь то организм или социальный институт, и одновременно не быть похожей на копируемую систему по своей внутренней структуре. С другой стороны, чем более сложным оказывается действие системы и чем более разнообразны черты сходства между моделью и той реальной системой, которую она копирует, тем больше наша уверенность в том, что между моделью и ее прообразом существует и структурное сходство. На основании такого критерия любой успех в области компьютерного моделирования языкового поведения на основе того, что психологи знают о памяти, стратегиях восприятия, времени для понимания и т. д., а также того, что лингвисты знают о структуре языка, обязательно должен расширить наше представление о языке и мышлении. Но сможем ли мы смоделировать на компьютере все ментальные процессы, участвующие в построении и понимании высказываний, остается пока неясным.

Дополнительная литература

О философских проблемах, связанных с данной тематикой, см. *Edwards 1967*, — по темам «Проблема соотношения материи и сознания», «Идеализм», «Материализм» и др.

О психолингвистике как таковой см. *Aitchison 1976; Greene 1972; Slobin 1971* — это доступные пониманию, в различных отношениях дополняющие друг друга книги. Более исчерпывающее пособие — *Clark & Clark 1977*. Можно познакомиться также с работами: *Jakobovits & Miron 1967; Johnson-Laird & Wason 1977; Oldfield & Marshall 1968*.

О языке и мозге, афазии, нейролингвистике см. *Akmajian, Demers & Harnish 1979*, глава 13; а также *Fry 1977*, глава 9, где можно найти краткий элементарный обзор. Много полезных, доступно изложенных сведений можно найти в *Blakemore 1977*.

О процессе усвоения языка в качестве краткого, недорогого и легкого для чтения введения можно порекомендовать *Villiers & Villiers 1979*. См. также *Donaldson 1978*. В дополнение к более общим учебникам по психолингвистике см. *Dale 1976, Eliot 1981; McNeill 1970*. Доступное изложение теоретических проблем и основных достижений в данной области с рекомендациями учителям и логопедам содержится в *Crystal 1976*. Наиболее исчерпывающий, авторитетный и соответствующий

современному уровню науки обзор теории и практики конкретных исследований содержится в книге *Fletcher & Garman 1979*.

О влиянии теории Хомского на развитие философии и психологии см. *Greene 1972; Lyons 1977a*, главы 9–10. В дополнение к указанным выше работам по психолингвистике, а также к работам, указанным в литературе к главе 6 по генеративизму, см. также *Hacking 1975, Harman 1974, Hook 1969*. О связи теории Хомского с работами Пиаже см. *Piattelli—Palmarini 1979*.

О когнитивистике и искусственном интеллекте см. *Bobrow & Collins 1975; Boden 1977*, часть 3; *Charniak & Wilks 1976; Fodor 1975; Minsky 1968; Ritchie 1980; Sloman 1978; Wilks 1972; Winograd 1972*.

Вопросы и упражнения

1. «Знание языка является результатом взаимодействия исконно заданных структур мышления человека, процессом его взросления и контакта с окружающей средой» (*Chomsky 1972b*, 26). Обсудите это высказывание.
2. В чем отличие ментализма Хомского от более традиционных философских учений с тем же названием?
3. Поясните, что имеется в виду под латерализацией в связи с процессом усвоения языка и языковым поведением.
4. Что свидетельствует в пользу существования критического возраста для усвоения языка?
5. Что такое афазия? Перечислите доходчиво симптомы наиболее известных форм афазии. Что они говорят нам о нейроанатомической основе языка и речи?
6. «Механизм усвоения языка играет в теории Хомского двоякую роль. Во-первых, с его помощью можно объяснить удивительное сходство естественных языков, даже тех, которые, как известно, исторически и географически очень далеки друг от друга... Во-вторых, с помощью механизма усвоения языка можно объяснить также ту скорость, легкость и регулярность, с которой дети обучаются родному языку...» (*Smith & Wilson 1979*, 249–51). Обсудите это высказывание.
7. В какой мере усвоение языка зависит от интеллектуального развития? Сравните точки зрения Хомского и Пиаже.
8. Объясните, почему употребляемые ребенком явно неправильные формы *comed, goed* и т. д. вместо правильных форм *came, went* и т. д. следует считать доказательством нормального развития процесса усвоения языка?
9. Какое влияние на усвоение языка ребенком оказывает давление родителей в виде поощрений и наказаний?
10. «...даже в обществах, отличных от западного, в которых принято, чтобы о младших детях заботились в основном старшие дети, с младшим ребенком говорят на упрощенном языке» (*Villiers & Villiers 1979*, 99). Что вы можете сказать о роли так называемого материнского языка в усвоении родного языка ребенком?
11. Можете ли вы дать правдоподобное объяснение так называемой телеграфной речи, которая характерна для маленьких детей?
12. Психолингвисты часто говорят о так называемом ментальном лексиконе. Что они имеют в виду? Как они изучают его?

-
13. Что мы можем узнать о языке и языковом поведении, изучая оговорки?
 14. Назовите и проанализируйте какие-либо экспериментальные данные о психологической адекватности порождающих грамматик.
 15. Что нового ожидают узнать о языке лингвисты и психолингвисты из исследований в области когнитивистики и искусственного интеллекта?

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

9.1. Социолингвистика, этнолингвистика и психолингвистика

На настоящий момент мы пока еще не располагаем теорией, в рамках которой можно было бы заниматься макролингвистикой, т. е. изучать язык в разных, одинаково интересных аспектах: социальном, культурном, психологическом, биологическом и т. д. (ср. 2.1). Более того, есть сомнения в том, будет ли вообще когда-нибудь создана такая обобщающая теория. Важно всегда помнить об этом.

Сегодня уже мало кто следуют позитивистским принципам редукционизма в том виде, так это делали полвека тому назад Блумфилд и его коллеги по движению «Единство науки» (см. 2.2). Но есть много людей, которые защищают более ограниченный вариант редукционизма, в соответствии с которым предпочтение отдается связям между лингвистикой и одной из указанных дисциплин, с которыми ассоциируется лингвистика. Одни лингвисты, такие как Хомский и его последователи, делают акцент на связи лингвистики с когнитивной психологией, другие же говорят, что поскольку язык обусловлен социумом и функционирует как социальный институт, в конечном итоге не следует проводить резкую грань между лингвистикой и такими дисциплинами, как социология или социальная антропология. Вполне естественно, что в силу особенностей ума, образования или специальных интересов одни лингвисты принимают одну точку зрения, а другие — другую. Но при этом недопустимо, чтобы принимающие одну конкретную сторону считали, что это единственно возможная научная точка зрения. В настоящее время существует уже несколько признанных направлений макролингвистики — психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика и т. д., которые являются смежными дисциплинами в том отношении, что используют методологию и понятийный аппарат двух и более наук. Вопреки тому, что обычно пишут в некоторых более доктринерских учебниках, неверно, что в рамках междисциплинарных макролингвистических исследований лингвистика может оказаться ближе к одной из смежных дисциплин, чем к другой.

Отсутствие единой общепринятой теории макролингвистики, в рамках которой были бы правильно установлены взаимосвязи всех дисциплин, имеющих отношение к языку, — отнюдь не единственная проблема.

Предметом споров являются также границы между этими дисциплинами и спорные вопросы внутри самих дисциплин: В чем разница между социологией и антропологией? Как когнитивная психология соотносится с социальной психологией? Вопросы такого типа неизбежно влияют на представление о таких смежных областях, как социоллингвистика, этнолингвистика и психоллингвистика. Отсюда неудивительно, что существует такое разнообразие мнений по поводу определения содержания и границ той или иной области, которое отражается и в современных учебниках по этой тематике.

Если попытаться дать определение социоллингвистики в самом широком смысле (с которым многие специалисты не согласятся именно потому, что оно слишком широкое), можно сказать, что это «изучение языка в его отношении к обществу» (см. *Hudson* 1980, 1). Аналогичным образом мы можем определить этнолингвистику в широком смысле как изучение языка в его отношении к культуре — если термин «культура» понимать так, как он употребляется в антропологии, а также в целом в общественных науках (см. 10.1). Но культура в таком понимании предполагает общество, а общество, в свою очередь, зависит от культуры. Получается, что предложенные определения социоллингвистики и этнолингвистики в широком смысле определяют эти два направления макролингвистики таким образом, что их предметные области в значительной степени пересекаются. Каждое такое направление можно сузить, добавив к определению условие о том, что теория и практика таких исследований должна быть нацелена в первую очередь на лингвистику, а не на социологию, антропологию, психологию и т. д., и что прежде всего данное направление должно ответить на вопрос «Что такое язык?» (см. 1.1). Но, к сожалению, это дополнение лишь незначительно уменьшает степень пересечения дисциплин.

Из всего вышесказанного становится ясно, что распределение материала между данной главой и последующей в некотором смысле произвольно. Ни одна из этих глав не претендует на то, чтобы дать исчерпывающее описание той области, которой она посвящена. Здесь я лишь отобрал несколько тем из тех, которые были предметом обсуждений и исследований в последнее время, и распределил их по главам в зависимости от того, с чем они связаны в первую очередь: со структурой самого общества или с той системой верований и обычаев, которые для данного общества характерны. По природе вещей, такое разделение бывает часто достаточно искусственным.

Определенные трудности могут возникнуть даже при разграничении таких областей, как психоллингвистика, с одной стороны, и социоллингвистика или этнолингвистика, с другой, особенно если понимать психоллингвистику в широком смысле, т. е. как изучение языка и мышления. Многое из того, что двадцать лет назад относили к психоллингвистике, сейчас уже относят к другим областям макролингвистики. В этом случае, как и во многих других, это вопрос моды. Например, в данный момент среди психоллингвистов модно больше интересоваться тем, что является

биологически обусловленным и универсальным, чем тем, что является социально и культурно обусловленным. С другой стороны, социолингвисты сейчас обычно больше интересуются вопросами изменения языка. Но эти различия в подходах не должны приниматься во внимание при определении таких наук, как психолингвистика и социолингвистика. В принципе нет оснований для того, чтобы психолингвисты не интересовались разнообразием и изменчивостью человеческих языков, а социолингвисты, со своей стороны, не интересовались бы лингвистическими и социальными универсалиями. В предыдущей главе, где рассматривались проблемы языка и мышления, было уделено мало внимания социальным и культурным факторам, определяющим структуру языка, в противоположность биологическим факторам. Было отмечено, однако, что существует психолингвистическое исследование на предмет так называемой гипотезы Сепира—Уорфа (см. 8.5). Подробнее мы расскажем об этом в главе «Язык и культура». Однако с таким же успехом мы могли бы изложить это и в главе «Язык и мышление».

9.2. Акцент, диалект и идиолект

Степень разнообразия форм языка, которые описываются в терминах различий «язык — диалект — идиолект», уже была предметом нашего обсуждения в связи с несостоятельностью идеи об однородности языка (см. 1.6). Мы упоминали также и о различии акцентов и диалектов. В данном разделе нас будет интересовать социальная значимость противопоставления таких форм языка.

Наиболее очевидное различие между терминами «акцент» и «диалект» заключается в том, что первый обозначает вариации только в произношении, тогда как второй предполагает различия также и в грамматике и лексике. В повседневном употреблении эти понятия часто путают. Например, про человека, который говорит на литературном английском языке (*Standard English*), обнаруживающем довольно широкое разнообразие территориальных акцентов, могут сказать, что он говорит на диалекте. При этом выражение «на диалекте» используется здесь в том смысле, как его обычно употребляют лингвисты, т. е. означает «на диалекте, отличном от литературного языка». Аналогичным образом в Великобритании, особенно в Англии, выражение «говорит с акцентом» означает «его произношение отличается от нормативного произношения (*Received Pronunciation*)» (ср. 3.2), или же «его произношение отличается от того, к которому я привык». Любой человек говорит на каком-то диалекте, как любой человек говорит с каким-то акцентом. Люди могут говорить на одном диалекте, но с совершенно разными акцентами. Термины типа «кокни» (*Cockney* — лондонское просторечие), «джорди» (*Geordie* — речь уроженцев Ньюкасла и Тайнсайда) и «скауз» (*Scouse* — речь уроженцев Ливерпуля) часто употребляются для обозначения таких разновидностей языка, которые на основании грамматики и лексики и из разнообразных практических соображений обычно квалифицируются как литературный

язык. Далее мы рассмотрим социальную значимость различий между литературными и нелитературными диалектами (см. 9.3). Следует особо подчеркнуть, что в тех случаях, когда описывается речь британцев, особенно англичан, необходимо четко различать такие понятия, как, например, «нормативное произношение» и «литературное произношение» (которые часто неправильно употребляются в обыденных выражениях типа «королевский английский язык» и «английский язык дикторов Би-Би-Си»).

Обратим также внимание на то, что термины «британский вариант английского языка (или британский английский)» (*British English*) и «американский вариант английского языка (или американский английский)» (*American English*) иногда употребляются неправильно, даже лингвистами, таким образом, как если бы речь шла о двух сравнительно близких диалектах одного и того же языка. Разумеется, существует много лексических различий между речью среднего образованного американца и среднего образованного англичанина, валлийца, шотландца и ирландца, ср. *elevator vs. lift* 'лифт', *gas vs. petrol* 'бензин' и т. д. Но значительная часть лексики литературного американского английского и литературного британского английского, если только последний существует, все же совпадает. То же самое можно сказать и о грамматической структуре, хотя существуют такие конструкции и формы, которые характерны только для американского варианта (*It is important that you not come* 'Важно, чтобы ты не приходил', *gotten* 'полученный', причастие прошедшего времени от *get* 'получать' и т. д.) или только для британского варианта (*in hospital* 'в больнице', *between you and I* букв. 'между тобой и мной', *move house* 'переехать (в другой дом)' и т. д.). Но если учитывать литературные диалекты обеих стран, такие конструкции и формы все же немногочисленны, и некоторые из них употребляются в Америке или в Великобритании далеко не повсеместно.

Термин «британский английский» не совсем точен, тогда как термин «американский английский» (а также термины «австралийский английский», «индийский английский», «карибский английский» и т. д.) вполне правомерен. Термин «американский английский» обычно означает 'литературный английский язык, на котором говорят (и пишут) в Соединенных Штатах'. Термин же «британский английский» фактически используется в более узком смысле, обычно он означает 'литературный английский язык, на котором говорят (и пишут) в Англии'. Разумеется, такое употребление объясняется множеством социополитических причин, поскольку именно этот вариант литературного английского языка использовался в качестве языка государственных органов и образования во всей Британской империи. Тем не менее, термин «британский английский» неудовлетворителен, поскольку он скрывает тот факт, что шотландский английский и ирландский английский соотносятся с английским Англии так же, как с последним соотносится американский английский. Если же употреблять термин «британский английский» в его традиционном значении, то оказывается, что шотландский и ирландский английский отличаются от него больше, чем, скажем, австралийский или индий-

ский английский. На самом деле было бы разумнее относить к британскому английскому именно австралийский или индийский английский, а не шотландский и ирландский варианты. Хотя, если посмотреть на это с более общих позиций, все эти варианты можно рассматривать как незначительно различающиеся разновидности одного и того же языка. Дело в том, что по сравнению со многими другими языками, распространенными на больших территориях, английский язык выступает как весьма стандартизованный язык, по крайней мере в отношении грамматики и лексики (см. 9.3).

Как мы уже говорили выше (см. 2.6), две языковые разновидности считаются одним языком (независимо от того, какими средствами это выражается), если и только если они изоморфны. Именно потому, что языковые разновидности с одной и той же фонологической системой могут реализовываться по-разному на уровне звуковых средств, можно говорить об одном и том же диалекте, даже если в нем наблюдаются разные акценты (см. 3.4). В силу этого термин «акцент» можно отнести к любым разновидностям фонетического варьирования, включая и такие, которые являются субфонемными, т. е. не участвуют в функциональном контрасте — в том смысле, как это понятие используется в фонологии. Например, наличие или отсутствие фонетической разницы при произнесении так называемого «темного» (т. е. веляризованного — см. 3.3) и «светлого» (невеляризованного) аллофона фонемы /l/ в английском языке не является функционально значимым, если термин «функциональный» понимать в узком смысле. Но это противопоставление конечно же значимо для определения акцента человека. Значимым оказывается также и качество конкретного аллофона в определенных позициях, а именно: степень веляризации служит, наряду с другими сопутствующими различиями, для того, чтобы отличить акцент уроженцев Бристоля и юго-западной Англии от акцентов уроженцев многих других регионов (см. *Hughes & Trudgill 1979*). Рассмотрим еще один пример. Во многих американских диалектах гласные в определенных позициях характеризуются заметной степенью назализованности, и это (наряду с разницей в качестве гласных, не говоря уже о просодических различиях — см. 3.5) является одним из признаков того, как можно по акценту отличить большинство американцев от других носителей английского языка. Но это различие не является функциональным в узком смысле этого термина.

Есть и другие особенности произношения, которые влияют на распознавание форм. Например, многие английские акценты, в том числе и нормативное произношение, имеют противопоставление гласных фонем ([u] и [ʌ]. — *Прим. перев.*) в словах типа *put* 'класть' vs. *putt* 'загонять мяч в лунку (в гольфе)', *could* 'мог' vs. *cut* 'жвачка', *butcher* 'мясник' vs. *butter* 'масло', которое не наблюдается в северных и центральных английских диалектах. Соответственно, есть формы — это инфинитив, простое настоящее время и причастие настоящего времени глаголов *put* и *putt* — которые различаются в нормативном произношении, но не различаются в типичном северном или центральном диалектах. Контекстные особен-

ности (включая и те, которые вытекают из разных синтаксических свойств слов *put* и *putt*) обычно помогают разрешить эту омонимию, аналогично тому, как это происходит в письменном английском, где форма *putting* может быть причастием настоящего времени как глагола *put*, так и глагола *putt*. Тем не менее, здесь мы имеем дело с различием акцентов, которое следует квалифицировать как различие диалектов, поскольку исходные языковые системы на фонологическом уровне не являются изоморфными.

Таким образом, термины «акцент» и «диалект» не описывают отношение дополнительной дистрибуции, как это можно было бы предположить, исходя из нашего предыдущего замечания о том, что люди могут говорить на одном диалекте — особенно на литературном английском языке — но с разными акцентами. То, что относится к одному и тому же диалекту с точки зрения грамматики и лексики, может соотноситься с несколькими более или менее различающимися фонологическими системами. Именно такую ситуацию мы наблюдаем в литературном английском языке. К примеру, вокалические системы шотландского английского и ирландского английского с точки зрения критерия функционального контраста, не изоморфны нормативному произношению или какому-либо другому английскому диалекту.

Понятие акцента, несмотря на то, что оно частично пересекается с понятием диалекта, особенно важно с точки зрения социолингвистики именно потому, что члены языкового сообщества часто воспринимают субфонемные и фонемные различия в произношении говорящего как показатели его территориального или социального происхождения. В той степени, в какой члены данного языкового сообщества, сознательно или нет, замечают эти особенности, так называемые субфонемные различия приобретают социальную значимость, а также, возможно, значимость для описания языка (см. 5.1). В противоположность тому, что говорили ранее многие лингвисты, носители языка далеко не всегда пропускают мимо ушей вариации аллофонов. Например, большинство носителей английского языка хорошо слышат произнесение гортанного смычного в позиции между гласными в качестве аллофона фонемы /t/, характерное для многих городских типов произношения Англии и Шотландии (включая Лондон, Манчестер и Глазго), равно как и опущение звука [h] в начале слова (так называемое *aitch-dropping*). Однако появление гортанного смычного в других позициях может быть не столь ощутимым.

Важно осознавать, что определенные особенности акцентов могут осуждаться обществом, как осуждаются некоторые лексические и грамматические особенности диалектов. Родители и учителя часто пытаются искоренить в речи детей те черты, которые они считают показателями более низкого происхождения или местного наречия. Но даже если им не удастся этого сделать, они все равно способствуют укреплению в данном языковом сообществе того мнения, что конкретное произношение является показателем образованности и высокого социального статуса, а это, в свою очередь, повышает значимость акцента в восприятии окружающих. Среди множества особенностей произношения, на которые

в целом реагируют члены некоторого языкового сообщества, при этом не всегда осознавая, что именно делает речь другого человека отличной от их собственной речи, есть такие особенности, которые обладают особой значимостью и легко идентифицируются. В речи англичан к таким значимым особенностям относятся опущение начального [h] и употребление интервокальных гортанных смычных, которые считаются признаком просторечия. Особенно это касается тех людей, которые претендуют на более высокий социальный статус, чем тот, который соответствует указанному произношению. В силу аналогичных причин отсутствие звука [r] перед согласными в словах типа *farm* 'ферма', *farther* 'отец' и т. д. считается показателем неправильного произношения в Нью-Йорке, но не в штатах Новой Англии, и, конечно, не в самой Англии, где отсутствие [r] является характерной чертой нормативного произношения.

Все эти факты уже давно известны не только лингвистам, но и достаточно наблюдательным и умным обывателям. Известно также и то, что во многих странах, особенно в Англии, в речи социальных низов наблюдается больше территориальных особенностей, чем в речи верхних слоев общества. Имеются даже данные о том, что только 3 % населения Англии использует нормативное произношение, которое ничего не говорит о том, откуда человек родом, но является в большинстве случаев просто результатом обучения в привилегированной частной школе. Значительно больший процент использует произношение, во многих отношениях (например, произношение слова *bath* 'ванна' и др.) близкое к нормативному, но все же содержащее некоторые черты, указывающие на географические корни носителя языка. Последние социолингвистические исследования подтверждают как эти выводы, так и то, что в подавляющем большинстве случаев чем ниже на социальной лестнице (с точки зрения образования, дохода, профессии и т. д.) находится носитель языка, тем больше его акцент отличается от нормативного произношения и тем больше в нем можно найти черт, указывающих на его географические корни.

Наряду с этим, существенно более интересные данные были обнаружены при помощи исследовательской методики, впервые использованной американцем Уильямом Лабовом. Суть этих открытий заключается в том, что акцент или диалект, используемый конкретным носителем языка, значительно варьирует в зависимости от ситуации, в которой он находится. Например, жителей Нью-Йорка нельзя разделить на группы с точки зрения того, произносят они [r] перед согласным в словах типа *farm*, *farther* или нет. Большинство жителей Нью-Йорка, принадлежащих к среднему классу, используют оба варианта произношения. В целом можно сказать, что чем выше социальный статус человека, тем чаще в его неформальной и относительно неконтролируемой речи будет встречаться [r] перед согласным. Наряду с этим было обнаружено, что когда общение протекает в более формальных условиях, в речи более низких слоев среднего класса [r] перед согласным встречается чаще, чем в речи высших слоев среднего класса. Это, вероятно, объясняется тем, что люди амбициозные, но не уверенные в устойчивости своего социального

статуса, относятся к своему произношению с повышенным вниманием. Подобные данные были получены и в результате социолингвистических исследований акцентов и диалектов Великобритании (см. *Trudgill 1978*). Особенно интересное наблюдение заключается в том, что и в Америке, и в Британии женщины в целом чаще, чем мужчины, склонны перенимать тот тип произношения или тот диалект, который в целом характерен для более высокого социального статуса.

Существует много причин, почему в современном западном обществе женщины в отношении к языку и другим аспектам жизни оказываются более восприимчивыми к норме и связанному с ней высокому социальному статусу. Для тех женщин, которые в Англии продвинулись по службе и приобрели опыт благодаря нормативному произношению, оказался важен, среди прочих, следующий факт: в то время, как употребление местного акцента рабочими северных регионов ассоциируется с мужественностью и кастовой преданностью, использование нормативного произношения женщинами тех же регионов приводит к тому, что они выше оцениваются с точки зрения разных параметров, часть которых обычно ассоциируется с мужскими качествами (профессиональная компетенция, настойчивость и т. д.), а часть — с женскими. Независимо от того, является ли это основной причиной различия между речью мужчин и женщин в отношении того, что в целом можно считать социально престижным, нет сомнения в том, что признак пола, с точки зрения социолингвистики, является одним из наиболее важных параметров для всех языков. В научной литературе приводится немало документально засвидетельствованных диалектных различий, связанных с полом, которые не обязательно отражают такое же отношение к социальному статусу и к мужским и женским ролям, как связанные с полом языковые различия в нашем обществе. Отношения между вариантами языка и их социальными коррелятами таково, что широкие обобщения в терминах таких категорий, как пол, возраст и социальная группа, в конкретных случаях вскоре уступают место более подробным и более содержательным утверждениям, относящимся к структуре различных обществ и к взаимоотношениям между их членами (т. е. к культуре).

Из того, что было сказано в данном разделе выше, становится ясно, что понятие *идиолекта* менее значимо, чем это может показаться на первый взгляд. И дело не только в том, что индивид в течение жизни может изменять и расширять свой идиолект, хотя к концу жизни этот процесс замедляется (см. 1.6). Более важно то, что, как мы уже говорили, индивид может иметь в своем распоряжении несколько диалектных разновидностей и переходить от одной к другой в зависимости от ситуации, в которой он оказывается. Гораздо удобнее считать — по крайней мере с точки зрения социолингвистики, — что лингвистическая компетенция индивида включает знание нескольких частично изоморфных диалектов, каждый из которых знают также члены той или иной социальной группы, чем думать, что диалект в обычном смысле — это наборы пересекающихся идиолектов. Языковое варьирование у индивида и языковое варьирование в языковом сообществе — это две стороны одной медали.

Приведенное рассуждение имеет прямое отношение к тому, что было сказано об экспрессивном и социальном значении в главе о семантике: эти значения взаимосвязаны и пересекаются (см. 5.1). Коль скоро в языковом поведении человека отражается его личность и индивидуальность, это осуществляется при помощи социальных категорий, закодированных, так сказать, в вариантах языка того сообщества, членом которого он является. Более того, социальное значение, приписываемое вариациям акцента и диалекта, зависит по большей части от того, что называют стереотипом. Мы можем связывать определенный акцент или диалект — не говоря уже о качестве голоса, несмотря на то, что качество голоса отчасти зависит от чисто анатомических факторов, — с конкретными чертами личности (т. е. с умом, дружелюбием, мужеством) и в результате нашего по большей части поверхностного повседневного общения с людьми оценивать их, соотнося с определенными стереотипами. Исследования показывают, что члены одной конкретной социальной группы положительно или отрицательно реагируют на определенные акценты и диалекты, а также, не видя или ничего не зная о говорящем, могут высказать свое мнение о его личности на основании только его голоса. Особенно интересно то, что человек не обязательно оценивает акцент или диалект своей социальной группы по всем параметрам личности и характера выше, чем акцент или диалект другой социальной группы. По крайней мере в некоторых случаях члены более низкой социальной группы, как представляется, признают стереотип, в соответствии с которым их оценивают члены более высокой социальной группы.

Следствия, которые имеет данный лингвистический предрассудок для образования и карьеры — если только правомерно называть это предрассудком (см. *Hudson 1980, 195*), — достаточно очевидны. Позже мы еще вернемся к этому аспекту данной проблемы (см. 9.5). Однако следует также обратить внимание на более общее положение о том, что личность по своей природе представляет собой социальное явление. То, что мы называем личностью, является, по крайней мере отчасти, результатом социализации — процесса, при помощи которого мы превращаемся в членов конкретного общества и носителями культуры, которая присуща этому обществу. А то, что мы называем самовыражением, является отражением того или иного социально интерпретируемого образа. Именно поэтому экспрессивное и социальное значения, как в языке, так и в других видах коммуникации, в конечном счете неотделимы друг от друга. Как мы уже упоминали в данном разделе, различия акцентов и диалектов могут играть важную роль при отражении конкретных социальных образов. Это утверждение было сделано в связи с данными английского языка. Далее мы увидим, что английский язык — отчасти потому, что он характеризуется высокой степенью стандартизации, а отчасти потому, что его используют в качестве родного языка так много народу в разных частях света и он служит основным языком международного общения — во многих отношениях является чрезвычайно нетипичным образцом естественного языка. В Индии, например, диалектные различия представляют собой

совершенно иную картину (см. *Burling* 1970, 103 ff). Однако, благодаря замечанию о социальной структуре (например, в отношении важности кастовых различий в индийском обществе), все, что было ранее сказано здесь о социальной значимости диалектных различий, оказывается верным и для Индии и всех тех стран, где наблюдаются значительные диалектные расхождения.

9.3. Литературный язык и местные диалекты

Когда мы впервые в данной книге обсуждали различие между языками и диалектами, я сказал, что хотя с исторической точки зрения литературный диалект языка (если он один) ничем особо не выделяется на фоне остальных диалектов, все же существуют социальные и культурные причины для того, чтобы в синхронном описании придерживаться другой точки зрения (ср. 1.6). Теперь настало время дать соответствующую оценку заявлению, которое часто делают лингвисты, о том, что все диалекты равны. Для удобства изложения далее я буду употреблять термин «местный диалект» (*vernacular*) в том смысле, в каком он обычно употребляется повседневно, т. е. не только по отношению к нелитературным диалектам того же самого языка, но и по отношению к генетически не родственным диалектам, которые в некоторых странах с функциональной точки зрения так же соотносятся с литературным диалектом, как соотносятся с ним генетически родственные диалекты в других странах. Однако в социолингвистике термин «местный диалект» употребляется в более узком и техническом значении.

Процесс стандартизации конкретного диалекта по сравнению с одним или несколькими местными наречиями не обязательно является результатом продуманной политики. Например, литературный английский язык формировался как таковой на протяжении столетий, в силу политического и культурного значения Лондона, а литературный французский язык сформировался аналогичным образом благодаря господству Парижа. В каждом из этих случаев литературный язык возник на базе диалекта, на котором говорили высшие слои общества, жившие при дворе или в столице. Это не означает, однако, что стандартизация английского или французского языков не была частью осознанного действия. Французская Академия наук, основанная Ришелье в 1635 г., была только одним из ряда подобных учреждений, которые появились в Европе в период после Возрождения и взяли на себя труд по стандартизации национального литературного языка путем составления авторитетных нормативных грамматик и словарей. И эти учреждения до сих пор продолжают подобную работу. В англоязычных странах нет соответствующих учреждений, так что нельзя с определенностью ответить на вопрос о том, что является, а что не является особенностью литературного английского языка. Тем не менее, в Великобритании, Соединенных Штатах и других англоязычных странах различные институты, включая школы, университеты, издательства, оказавшиеся под влиянием блюстителей нормы — грамматистов XVIII в. и их

последователей, — неофициально играли такую же нормирующую роль, какую во Франции и других европейских странах официально играли литературные академии. Тем не менее, в силу политических причин французский и английский языки в большей степени стандартизованы как литературные языки, чем другие основные языки Европы. Так, например, в Италии, где политическое объединение страны произошло сравнительно недавно, существует несколько престижных культурных центров, каждый из которых все еще продолжает использовать свой литературный диалект.

Следует заметить, что во всех этих случаях письменный язык стремится к большей степени стандартизации по сравнению с устной речью тех, кто на нем говорит. Однако общепринятая норма письменного языка является образцом правильности речи для образованных людей в любом обществе, где владение хорошим письменным языком считается престижным и способствует повышению социального статуса. Литературные языки Европы, многие из которых по своему происхождению являются местными диалектами латыни, в течение многих веков оказывали нормирующее влияние на устные диалекты образованных людей, а также косвенно и на другие диалекты, для которых образцом была речь образованных людей. Это влияние особенно велико в случае формальных стилей речи. Таким образом, когда мы считаем, что кто-то говорит на литературном английском или литературном французском языке, мы имеем в виду, что та разновидность языка, на которой он говорит в условиях формального общения, более или менее идентична по своей лексике и грамматике письменной литературной норме. Однако в условиях менее формального общения он может использовать местный диалект или же диалект с меньшими социальными ограничениями. Как мы увидим далее, разница между литературным языком и диалектом во многих обществах настолько велика, что, независимо от того, являются ли они разновидностями одного и того же языка или нет, в современных социолингвистических исследованиях их функциональная дифференциация трактуется как разновидность билингвизма — диглоссия (ср. 9.4).

Стандартизация одного отдельного диалекта для официального общения имеет свои преимущества. Особенно это важно для современных демократических государств, где провозглашается принцип всеобщей грамотности. Становление нормы литературного английского и литературного французского языков происходило в течение долгого периода времени и в значительной мере в результате того, что мы склонны считать естественным историческим процессом. Однако становление литературной нормы подобным образом происходило далеко не во всех языках. Часто правительствам разных стран приходилось предпринимать усилия для ускорения или максимально быстрого прохождения этого исторического процесса путем выбора и стандартизации отдельного диалекта для использования его в образовании, средствах массовой информации, публичных собраниях, официальных документах и т. д. Кроме практического удобства использования одного литературного диалекта для подобных целей, существуют также важные исторические связи между языком и нацио-

нальной и этнической принадлежностью. Решение проблемы создания литературного языка официальным путем, при помощи выбора одного из нескольких используемых диалектов, имеет тот недостаток, что в этом случае носители выбранного диалекта политически и социально оказываются в более благоприятных условиях, чем носители других диалектов. Именно по этой причине английский язык по-прежнему используется в Индии как государственный язык. И хотя язык хинди (наряду с некоторыми другими языками) также считается официальным государственным языком Индии, он не может быть принят в качестве государственного языка теми, кто говорит на другом, быть может не родственном хинди языке. С подобными проблемами сталкиваются многие страны, которые сравнительно недавно обрели государственность. Израиль, например, решил эту проблему, выбрав в качестве государственного языка классический древнееврейский язык иврит.

Термины «литературный язык», «национальный язык» и «официальный язык», конечно, не являются синонимами. Связь между этими терминами заключается в том, что любой язык, который воспринимается носителями языка как символ нации (т. е. политической и культурной принадлежности) или который объявлен официальным языком правительством страны, непременно будет подвергаться стандартизации либо в качестве предварительного условия, либо как следствие этого факта, причем независимо от того, происходит это намеренно или нет. Однако обратное неверно. То есть существуют нормативные языки, которые не являются ни национальными, ни официальными (хотя возможно когда-то они были таковыми). Наиболее яркие примеры — великие классические языки Европы и Азии (см. 10.1). Что же касается различия между официальными и национальными языками, то последние более четко определены, чем первые. В некоторых случаях, как уже говорилось выше, страна сама объявляет какой-либо национальный язык государственным, т. е. языком, который является официальным языком государственного общения. Но это не обязательно национальный язык, который является языком данного государства в более глубоком понимании этого термина. Танзания, например, имеет в качестве официального язык суахили. Однако этот язык, по крайней мере в данный момент, не является символом национальной и культурной принадлежности для большинства жителей этой страны, которые относятся к разным этническим и языковым группам. В заключение отметим, что язык может иметь статус официального языка на уровне ниже общенационального общения или для более узких рамок официального общения, как, например, в Индии.

Мы привели здесь эти замечания о соотношении литературных языков, с одной стороны, и официальных и национальных языков, с другой, для того, чтобы показать читателю, насколько сложна данная проблема и как разнообразны взаимоотношения нормы и диалектов в разных частях земного шара. Если мы являемся носителями одного из тех немногих языков мира, которые являются национальными и одновременно официальными языками в одной или нескольких странах мира (английский, фран-

цузский, японский, испанский, русский и т. д.), у нас может сложиться неправильное представление о других языках и их роли в сообществах, где на них говорят. На самом деле мы даже не всегда правильно понимаем, каково реальное соотношение между литературным языком и другими диалектами в нашем языковом сообществе. Мы также не всегда способны понять чувства людей, которые говорят на языке (например, на валлийском, бретонском или баскском), находящемся на грани исчезновения, независимо от того, признан ли он в качестве официального в определенных сферах общения или нет. Социолингвистические исследования сами по себе не могут решить эти проблемы. Но они могут обеспечить правительства той информацией, которая поможет их решить (в той мере, в какой это вообще может быть сделано при помощи политических решений). Если посмотреть на эти проблемы с более общей точки зрения и не на политическом уровне, такая информация может помочь любому человеку, в том числе и лингвисту-теоретику, лучше понять природу языка. И сейчас уже достаточно много данных такого рода о многих странах.

В заключение данного раздела необходимо упомянуть пиджины и креольские языки, которые возникают как ограниченные диалекты особого типа, но при этом креольские языки в определенных условиях могут получить статус литературного языка. Все наиболее известные пиджины сформировались в результате контактов между людьми, которые говорили на разных языках. Например, во многих частях земного шара есть пиджины, созданные на основе английского языка в том смысле, что некоторая часть их грамматики и лексики, а иногда и фонологическая система, были заимствованы из английского языка в результате того, что торговцы и миссионеры использовали его для общения с людьми, языка которых они не знали. Впрочем, наверное не совсем правильно говорить о том, что эти языки созданы на основе английского языка. Обычно многое в их структуре, и даже большая часть, происходит из других источников заимствования. Вообще говоря, такие языки правильнее рассматривать как смешанные языки, хотя иногда не вполне ясно, из каких именно компонентов и в какой пропорции изначально составлены эти смеси. То же самое можно сказать и про пиджины на основе европейских языков. В действительности в самом понятии пиджинизации имеется много противоречивого. Каковы бы ни были особенности происхождения пиджинов, это понятие, по крайней мере первоначально, употреблялось только по отношению к довольно ограниченному кругу явлений и касалось прежде всего лексики и грамматики. Однако со временем в некоторых языковых сообществах пиджины стали употребляться более широко, а в отношении грамматики и лексики они развились до такого состояния, которое уже можно с достаточным основанием считать полноценным языком.

Если пиджин усваивается ребенком в качестве родного языка, он считается креольским языком. Наиболее известные примеры — это креольский язык острова Ямайки, основанный на английском языке, а также креольский язык острова Гаити, основанный на французском языке. Меланезийский пиджин (так называемый «ток писин» из англ.

pidgin talk 'язык пиджин') и язык крио сейчас являются официальными литературными языками соответственно Новой Гвинеи и Сьерра Леоне. Бывает и так, что в языковых сообществах, где креольские языки используются как диалекты по отношению к более престижным языкам и диалектам, развивается диглоссия и наблюдается переход с одного диалекта на другой (см. 9.4).

Только недавно пиджины и креольские языки стали изучать как полноправные языки, а не как испорченные и сокращенные варианты европейских языков, из которых они произошли (или по крайней мере считалось, что они произошли из этих языков). И одно из следствий состоит в том, что пиджинизация и креолизация уже не считаются периферийными факторами развития диалектов и языков мира. Так, сейчас уже общепризнанно, что афроамериканский английский — диалект низших слоев городского чернокожего населения северных штатов США — унаследовал многие структурные черты креольских языков, на которых говорили их предки-рабы. А если это так, то получается, что в настоящее время этот диалект в не меньшей степени является диалектом английского языка, чем другие территориальные и социальные диалекты. Когда мы рассуждаем о пиджинизации и креолизации в более общих терминах (не говоря уже о частичной декреолизации, как, например, в случае с афроамериканским английским США или с диалектами, на которых в Великобритании говорят некоторые иммигранты из Вест-Индии), мы обнаруживаем, что разнообразие диалектов, традиционно объясняемое в исторической лингвистике при помощи теории родословного древа, может на самом деле быть результатом подобного же процесса. Например, не являются ли романские языки результатом сосуществования в течение долгого времени литературного латинского языка и различных креольских диалектов на основе латинского языка? Коль скоро мы ставим этот вопрос в такой форме — даже если сам вопрос в данном конкретном случае кажется нам столь же уместным, как в других ситуациях, — мы приходим к выводу о том, что пиджинизация и креолизация вовсе не обязательно связаны исключительно с так называемой экспансией европейцев или с работорговлей.

9.4. Билингвизм, смена языкового кода и диглоссия

Некоторые страны официально являются двуязычными (или многоязычными) в том смысле, что у них есть два (или более) официальных языка, на общегосударственном или региональном уровне (см. 9.3). Два наиболее известных примера официально двуязычных стран — это Канада и Бельгия, каждая из которых имела проблемы того рода, что были описаны в предыдущем разделе (см. 9.3). Столь же известным примером официально многоязычной страны, которая, однако, не имела подобных проблем, является Швейцария. В других странах, хотя они официально и не являются двуязычными (или многоязычными), также говорят

на двух (или более) языках. Большинство стран мира относится именно к такой категории. Кроме того, хотя это прямо и не следует из того, что было сказано выше, во многих странах, независимо от того, двуязычны (либо многоязычны) они или нет, существуют языковые сообщества, которые являются двуязычными (либо многоязычными) в том смысле, что их члены обычно используют в своей повседневной жизни два (и более) языка. В действительности, разумеется, житель официально двуязычной (либо многоязычной) страны не обязательно говорит на более чем одном языке, и не обязательно знает другие языки. В настоящем разделе нас будет интересовать именно двуязычие в языковых сообществах (далее я буду употреблять термин «билингвизм (двуязычие)» и по отношению ко многоязычию).

Очевидно, что языковое сообщество нельзя считать двуязычным, если только достаточное число его членов не являются двуязычными. Но что означает, когда мы говорим, что человек является двуязычным? Чисто теоретически мы можем представить себе идеальное двуязычие, под которым понимается такая же однозначная компетенция в области каждого из двух языков, какая наблюдается в области одного языка у обычного одноязычного человека. Идеальный билингвизм, если только таковой существует, встречается крайне редко, так как реально человеку не надо пользоваться каждым из двух языков во всех ситуациях и тем самым приобретать необходимую компетенцию. Тем не менее, многие люди близки к идеальному билингвизму, так как одинаково хорошо владеют двумя языками, оказываясь в довольно разнообразных ситуациях. В таких случаях, независимо от того, усвоили ли они эти языки одновременно с рождения или сначала усвоили один в качестве родного языка, а второй немного позже, с точки зрения психолингвистики их считают либо сложными, либо координатными билингвами, в соответствии с тем, объединены ли у них две языковые системы в одну на глубинном уровне психологической организации или же сосуществуют раздельно. На данном этапе исследований пока не совсем ясно, является ли такая дихотомия исконной и, если да, то каковы ее нейрофизиологические следствия (см. 8.3). В случаях, которые значительно отклоняются от идеального билингвизма, один язык обычно является главным, а другой — зависимым. При этом считается, что употребление зависимого языка предполагает процесс перевода с главного языка на зависимый, который происходит на весьма поверхностном, хотя и не обязательно осознаваемом уровне психологического формирования высказываний.

Приведенная выше классификация билингвов может быть подтверждена или не подтверждена исследованиями в области психологии и нейрофизиологии. Но именно на проверку этой классификации нацелены все последние исследования. По крайней мере в ней акцентируется идея о том, что существуют разные типы билингвов.

Аналогичным образом, существуют разные типы двуязычных сообществ. Они могут различаться тем, является ли какой-то один язык главным для большинства членов данного сообщества; является ли дан-

ный язык главным для одних, но не для других членов; приближаются ли какие-либо члены сообщества к идеальному билингвизму или нет; усваиваются ли оба языка одновременно или нет; и так далее. Тем не менее, независимо от всех этих различий, существует одна черта, общая для многих, если не для всех, двуязычных сообществ. Это четкая функциональная дифференциация двух языков в отношении того, что в социолингвистике называется сферой использования языка. Например, одной сферой использования может быть домашняя жизнь, под которой имеется в виду не только конкретное место, где происходит разговор, но также и участники разговора, его тема и другие существенные параметры. Таким образом, один язык может быть языком бытового общения, т. е. использоваться в качестве языка неформального общения с членами семьи по поводу домашних проблем. Тогда как другой язык может быть использован вне дома, или же дома, но в присутствии посторонних (даже если они могут также быть двуязычными) или когда разговор идет не на тему домашних проблем. Понятие сферы использования (которое может рассматриваться как обобщающее понятие для типичных определяемых и повторяющихся ситуаций) представляется интуитивно привлекательным. Большинство теоретических и описательных работ в области социолингвистики, вдохновленные книгой (*Fishman 1965*), посвящены выявлению тех параметров, которые определяют такие интуитивно признаваемые сферы использования для конкретных сообществ.

Изменение значения одного из параметров, определяющих данную сферу использования, может привести к смене языкового кода. Например, два человека в Танзании, ведущие деловые переговоры на английском языке, в случае, когда тема разговора меняется от собственно бизнеса к более личным вопросам, могут перейти с английского на суахили, или, если они члены одной этнической или лингвистической группы, на местный диалект. Такая смена языкового кода наблюдается во многих двуязычных сообществах: в Индии — у людей, говорящих по-английски и на хинди/урду, а также на бенгальском, тамильском или на каком-либо другом из многочисленных местных языков; в Парагвае — у говорящих на испанском и гуарани, в пуэрто-риканской общине Нью-Йорка — у говорящих на английском и испанском, и так далее.

До сих пор мы рассуждали здесь о двух разных языках так, как если бы граница между ними была такая же четкая, как между английским и французским, испанским и гуарани, хинди/урду и тамильским и т. д. Но на самом деле это не так. Во-первых, употребление терминов «язык» и «диалект» определяется разнообразными политическими и культурными факторами. Во-вторых, даже если различие между двумя литературными разновидностями (будь то языки или диалекты) достаточно четкое, между ними может быть множество промежуточных социальных и территориальных диалектов, про которые трудно сказать, к какой именно литературной разновидности они ближе. Например, хинди и урду, представляющие собой два разных литературных стандарта, как таковые возникли в Индии в XIX в. во времена британского правления (и еще

более разошлись с тех пор, как Индия получила независимость, а затем от нее отделился Пакистан). Между тем рассматривать хинди и урду с точки зрения их языковой структуры как разные диалекты практически невозможно. Но существуют диалектные разновидности, которые являются промежуточными для хинди/урду и бенгальского языка, а также для любой пары родственных литературных языков, на которых говорят на индийском субконтиненте. То же самое можно сказать и про соотношение языковых разновидностей во многих частях Европы: нидерландский и нижненемецкий (*Platdeutsch*), итальянский и французские диалекты, собственно английский язык и шотландский диалект английского языка, норвежский и датский, и так далее. В большей части западной Европы образование, почти всеобщая грамотность, урбанизация, возрастающая миграция населения и другие факторы привели к поляризации соседствующих диалектов в сторону национального или регионального литературного стандарта в зависимости от того, с кем именно данное языковое сообщество больше связано в политическом или культурном отношении. Но даже и в таких случаях, если мы расширим понимание термина «билингвизм (двуязычие)», с одной стороны, до знания двух (и более) нелитературных диалектов того же языка и, с другой стороны, до знания литературного стандарта и нелитературного диалекта того же языка, различие между одноязычием и двуязычием все же остается не вполне ясным.

Мы еще вернемся к этому вопросу далее. Теперь попытаемся определить такую разновидность билингвизма (в широком смысле), которую лингвисты, вслед за Фергюсоном (*Ferguson 1959*), называют диглоссией. Существует много двуязычных сообществ, члены которых используют один диалект для общественных и официальных целей, а другой — для неформальных, разговорных ситуаций. Если согласиться с важностью различия между формальным и неформальным общением (которое в конкретных социумах можно определить в терминах релевантных сфер использования), с помощью этого чисто функционального критерия мы можем различать диалект высокого стиля (В) и диалект низкого стиля (Н). Диалект В часто является литературным стандартом, а в некоторых случаях он может быть разновидностью литературного стандарта, которую мы называем классическим диалектом, или же диалектом, близким к классическому, тогда как диалект Н обычно бывает просто местным диалектом. Например, классический арабский соотносится с несколькими различными разговорными диалектами арабского языка, представленных в арабоязычных странах, как В и Н. Аналогичным образом соотносятся литературный немецкий и швейцарский немецкий в Швейцарии, литературный французский и французский креольский на Гаити, кафаревуса («очищенный», продолжающий аттическую норму. — *Прим. перев.*) и димотика («народный», созданный на основе центральных говоров. — *Прим. перев.*) в Греции и т. д. И, конечно же, латинский язык для большей части Европы до эпохи Ренессанса был диалектом В по отношению к зарождающимся романским языкам.

Следует подчеркнуть, что во всех этих случаях противопоставление диалектов В и Н отличается от противопоставления двух социальных диалектов. Может оказаться, что во многих случаях только образованная часть населения одинаково хорошо владеет диалектами В и Н. Кроме того, в определенных ситуациях в силу ряда культурных причин язык В может рассматриваться как более правильная или более чистая разновидность данного языка: известно, что именно так обстоит дело с классическим арабским, который считается священным языком ислама. Тем не менее, для тех, кто одинаково хорошо владеет диалектами В и Н, употребление той или иной языковой разновидности определяется не социальным классом говорящего как таковым (какие бы правила ни действовали в данном обществе), но той ситуацией, в которой оказывается говорящий. Здесь так же, как и в других случаях, различие между языковыми разновидностями и стилями ослабляется (ср. 9.6). С точки зрения языковой структуры (т. е. с учетом степени различий в области фонологии, грамматики и лексики) варианты В и Н являются диалектами, однако с функциональной точки зрения их следует рассматривать как стили.

Большинство из рассмотренных выше типов диглоссии можно найти в самых разных языковых сообществах, которые, хотя и подпадают под наше расширенное понимание билингвизма, обычно считаются одноязычными, т. е. арабоязычным сообществом, грекоязычным и т. д. В других сообществах, из-за проблем с определением того, что считать с политической или культурной точки зрения отдельным языком, даже внутри одного сообщества может не быть единого мнения о том, является ли оно одноязычным или нет. Например, найдутся люди, которые будут считать, что швейцарский немецкий является отдельным языком, родственным литературному немецкому, но все же находящимся с ним на одном уровне; другие же с ними не согласятся. Важнее осознать, что общего имеют различные случаи диглоссии, чем разделять их в зависимости от того, существуют ли они в обществе, которое обычно считается одноязычным, или нет.

Теперь мы закономерно подходим к последнему вопросу: кроме тех сообществ, в которых диглоссия безусловно представлена, и сообществ, в которых она безусловно не представлена, есть много переходных случаев. Например, обычно считается, что франкоязычное сообщество во Франции не является примером диглоссии. Однако существует очевидное различие между литературным французским в качестве диалекта В, который преподается в школе и используется в условиях формального общения, особенно в пишущей среде, и обычным разговорным диалектом Н. Различия между этими разновидностями представлены не только в лексике, но и в грамматике, а у некоторых носителей языка еще и в фонологии. И хотя к литературной норме ближе языковая разновидность В, было бы неправильно считать языковую разновидность Н, на которой говорят образованные парижане, нелитературным местным диалектом.

Хотя понятие диглоссии приложимо к указанным двум разновидностям французского языка, похоже, его нельзя использовать по отношению

к английскому языку, на котором говорят в разных частях земного шара. Разумеется, следует различать литературный английский и многие его территориальные и социальные диалекты. А внутри литературного английского существуют лексические и грамматические различия, которые соответствуют функциональным различиям на шкале «формальный — разговорный». Но различия между формальной и разговорной разновидностями в английском не столь велики, как во французском. И ни один из нелитературных диалектов не связан с литературным английским отношением типа Н — В (за исключением, быть может, некоторых креольских языков на основе английского, если только вообще их можно считать английскими диалектами). Самое большее, что мы можем здесь обнаружить, — это отдельных носителей языка, которые переходят с литературного английского на нелитературный диалект, когда попадают из одного языкового сообщества в другое. Это случается не так уж редко. Но вряд ли это можно считать диглоссией, или тем более билингвизмом, если учесть, какое влияние со стороны литературного английского языка испытывают на себе нелитературные, особенно территориальные диалекты. Таким образом, англоязычные сообщества еще раз демонстрируют свою нетипичность по сравнению с другими языковыми сообществами мира.

Но тогда получается — и это главный вывод, который можно пока сделать на основе социалингвистических исследований, — что типичного языкового сообщества просто не существует. Действительно, англоязычные сообщества демонстрируют такое разнообразие, что нужно остерегаться поспешных обобщений относительно роли английского языка в тех сообществах, где английский используется в качестве единственного, или по крайней мере — основного языка.

9.5. Прикладные задачи

Один из пунктов нашего обсуждения различий между теоретической и прикладной лингвистикой состоял в том, что, хотя это различие принципиально иное, нежели различие между макролингвистикой и микролингвистикой, во многих направлениях прикладной лингвистики, включая использование результатов как теоретической, так и описательной лингвистики в преподавании иностранных языков, важно стоять на точке зрения макролингвистики (ср. 2.1). Психолингвистика вносит определенный вклад в наше понимание того, как усваиваются языки, в качестве родного языка в детстве или в качестве второго языка по достижении того возраста, который считается критическим для усвоения родного языка (см. 8.4). Свой вклад вносит также и социалингвистика — при условии, что разница между психолингвистикой и социалингвистикой объясняется не только различием в методологических установках и сменой академической моды (см. 9.1). В частности, многое из ранее упомянутого в настоящей главе, независимо от того, посмотреть ли на это

с точки зрения психологии или социологии, является чрезвычайно важным для традиционных областей прикладной лингвистики. Рассмотрим, к примеру, преподавание иностранных языков: хотя в настоящее время ситуация в разных частях земного шара меняется, иностранные языки по-прежнему преподаются без должного внимания к разнице между письменным и устным языком, с одной стороны, и между литературной нормой и диалектами, с другой. Преподавание английского в качестве иностранного языка в последние годы значительно улучшилось за счет того, что были подготовлены специалисты с соответствующими подходами и навыками, и сейчас они обеспечены грамматиками и учебными материалами, содержащими более точную информацию о формальном и разговорном литературном английском языке, чем та, которая была доступна ранее. Преподавание иностранных языков в школах и университетах в англоязычных странах также улучшилось, хотя и не в такой степени.

Обучение родному языку ставит проблемы другого рода. Исследования показывают, что учителя, как и большинство других образованных людей языкового сообщества, независимо от своего собственного происхождения имеют ряд предубеждений против нелитературных территориальных и социальных диалектов. Они могут даже неосознанно занижать умственные способности ребенка просто из-за того, что его диалект (или даже акцент) отличается от диалекта, на котором говорят его сверстники. Негативные оценки такого рода отрицательно влияют как на самого ребенка, так и на перспективы его дальнейшего образования. Так что по крайней мере более глубокое понимание сути отношений между литературным стандартом и диалектами может уменьшить непреднамеренную дискриминацию и несправедливость.

Но есть более глубокие проблемы, которые может прояснить теория и практика социолингвистики, даже если в конечном счете она не может их решить полностью. Это чрезвычайно важные проблемы, определяемые политическими параметрами. Так, например, многие считают, что дети из рабочих семей имеют языковой дефицит по сравнению с детьми из семей, принадлежащих к средним и высшим слоям общества, на том основании, что: (а) тот нелитературный язык, который усвоили такие дети, несовершенен по сравнению с литературным стандартом; и (б) в типично рабочей семье меньше занимаются разговорами на разные темы и вообще используют более ограниченный с функциональной точки зрения язык, чем в семье, типичной для средних и высших слоев общества. Наш вариант теории языкового дефицита основан на различии между ограниченным языковым кодом и разработанным языковым кодом, на которые указал Бернстайн (*Bernstein* 1971). Работа Бернстайна оказала чрезвычайно большое влияние на людей, занимающихся проблемами образования, но, с точки зрения социолингвистики, она является безусловно спорной. Ограниченный языковой код считается неэксплицитным и контекстно зависимым (т. е. использует много местоимений и эллиптических конструкций, которые предполагают способность адресата извлекать информацию из контекста), тогда как разработанный

языковой код совершенно не такой. Согласно данной теории, ребенок из рабочей семьи, который, в отличие от ребенка из семьи с более высоким социальным статусом, привык пользоваться только ограниченным языковым кодом, в школе оказывается в неблагоприятной ситуации из-за того, что там требуется знание разработанного языкового кода.

Сформулированное самим Бернштейном (хотя не всегда поддерживаемое его последователями) различие между разработанным и ограниченным языковым кодом не следует отождествлять с различием между литературной нормой и диалектами. С другой стороны, между этими парами понятий существует определенная связь, заключающаяся в том, что в ситуациях, когда ребенок проходит тестирование на знание языка, разработанный языковой код сравнивается с ограниченным нелитературным диалектом. При том, что дети из рабочих семей как бы обороняются, когда им противостоят исследователи, в основном представляющие средний класс, они не могут постоять за себя в ситуации тестирования, тогда как дети из среднего класса, обладающие большей уверенностью в себе, демонстрируют лучшее владение разработанным языковым кодом. Более того, сторонники данной теории считают, что многие на практике, а возможно и в теории, смешивают понятие ограниченного языкового кода с нелитературным диалектом, так как сами исследователи не всегда осознают структурную сложность и коммуникативный потенциал нелитературных диалектов, таких как кокни или афроамериканский английский. Те же, кто считают, что нелитературные диалекты являются не ущербными, а просто другими, и что та разновидность коммуникативной компетенции, которой обычно руководствуются носители этих диалектов, также отличается от той, которую обычно требует от детей школа, яростно критикуют теорию языкового дефицита.

Никто не отрицает того факта, что при нынешнем положении дел дети, говорящие на диалекте, значительно отличающемся от литературного стандарта, придя в школу, сталкиваются с проблемой, которая у других детей, говорящих на литературном языке, просто не возникает. Им также может быть непонятна значительная часть материалов, использующих лексику и грамматику литературного стандарта. Данную конкретную проблему, по всей видимости, можно немного смягчить, используя специально подобранный материал, базирующийся на пересечении литературного стандарта и конкретного нелитературного территориального или социального диалекта. Но такой подход означал бы подготовку разного материала для чтения с учетом конкретных групп детей, а это невозможно в тех районах, где живет смешанное и часто меняющееся население. Во многих языковых сообществах по социальным и политическим причинам оказывается невозможным использовать в качестве языка преподавания нелитературный диалект, кроме, быть может, преподавания в ограниченном объеме устной речи в начальной школе. С другой стороны, можно использовать тот факт, что по крайней мере для некоторых языков внутри литературного стандарта имеется фактическое, но не всегда замечаемое варьирование. Такая ситуация характерна для английского языка, при

том что английский язык, по сравнению со многими другими языками, характеризуется относительно высокой степенью стандартизации. Так, например, было бы неразумно, если бы учитель английского языка расширил программу обучения и требовал от носителей нелитературного диалекта Эдинбурга или Глазго, чтобы они употребляли вспомогательные глаголы так, как это делают носители литературного английского языка на юге Англии (см. *Hughes & Trudgill 1979, 20ff*).

Эти проблемы особенно остро стоят для детей иммигрантов и других этнических меньшинств. Разрываясь между двумя культурами, они являются билингвами, но плохо говорят на обоих нелитературных диалектах. Разумеется, их билингвизм и принадлежность двум культурам имеют свои преимущества и недостатки в отношении образовательного и социального развития ребенка. Сейчас уже во многих странах более широко, чем раньше, признается, что родной язык национальных меньшинств необходимо поддерживать, а не считать его барьером для интеграции в основное языковое сообщество. То, что обычно называется верностью родному языку, во многих странах является теперь официальной политикой по отношению к некоторым, если не ко всем, малым языкам, как местным, так и иностранным. Однако оказывается, что гораздо легче сформулировать основы такой программы, заявляя о том, как это желательно с политической и социальной точки зрения, чем реально претворить ее в жизнь — или, в конкретных случаях, даже просто представлять, как это сделать.

Социолингвистика — теоретическая, описательная и прикладная — уже внесла свой вклад в понимание того, какие образовательные, социальные и политические следствия имеют те или иные аспекты языкового планирования, не только в развивающихся странах, но также — особенно в последние годы — конкретно по отношению к нуждам этнических и языковых меньшинств в индустриально развитых обществах. И похоже, что в ближайшем будущем эта наука сможет дать еще больше. Ведь то, что обычно называют языковыми проблемами, на самом деле часть более общей проблемы — социальной и культурной дискриминации. А эта проблема, в силу политических причин, стала во многих странах более насущной, чем это было раньше.

9.6. *Стилистическое варьирование и стилистика*

Понятие стилистического варьирования было введено в главе 1, где оно было противопоставлено, с одной стороны, различиям в акценте и диалекте, а с другой — различиям в средстве (см. 1.7, 1.4).

Один из подходов к трактовке стилистического варьирования заключается в том, чтобы осмыслить то обстоятельство, что язык часто представляет носителям языка альтернативные способы выражения одного и того же смысла. Но синонимия, как мы уже убедились, редко бывает тотальной и почти никогда не бывает абсолютной (см. 5.2). Два слова или словосочетания могут быть эквивалентны с описательной точки

зрения, но различаться социальным и экспрессивным значениями (ср. *father* 'отец' vs. *daddy* 'папа'). Такие частично синонимические выражения можно считать стилистическими вариантами, а более точно — стилистически неэквивалентными вариантами. Считать ли эти выражения неэквивалентными в семантическом, а также в стилистическом отношении, — определяется, разумеется, тем, что термины «значение» и «семантика» понимаются скорее в широком, чем в узком смысле (см. 5.1).

Мы должны также учитывать существование таких выражений, которые являются тотальными, но не абсолютными синонимами, т. е. выражения, которые: (а) семантически эквиваленты во многих, но не во всех своих значениях, или (б) различаются набором контекстов, в которых они встречаются. Из этих двух типов неабсолютной синонимии последний тип — зависимый от контекста — является очевидным образом наиболее важным с точки зрения проблемы стилистических вариантов. Ведь ясно, что если одно из синонимических выражений никогда не встречается в конкретном контексте, вопрос о том, существует ли стилистически значимый выбор между двумя возможными выражениями, отпадает сам собой. Тем не менее, если два или более синонимических выражений приемлемы в определенном контексте, следует различать две потенциально возможные ситуации: либо эти выражения различаются степенью приемлемости, уместности и нормальности, либо вообще не различаются. Если они различаются указанными параметрами, мы опять же можем говорить о стилистических вариантах. Если же нет, варианты являются стилистически незначимыми, и здесь мы имеем дело с так называемым полным свободным варьированием.

Полные свободные варианты, которые включают тотальную синонимию, встречаются довольно редко, особенно в литературных текстах, где показатели контекстуальной приемлемости более многочисленны и разнообразны, чем при каждодневном спонтанном использовании языка. Как мы уже видели, термин «свободное варьирование» обычно употребляется фонологами для обозначения того, что мы можем теперь квалифицировать как отдельный тип частичного свободного варьирования, в котором понятие функционального контраста ограничивается функцией различения одной формы от другой (см. 3.4.). Представители Пражской школы всегда достаточно широко интерпретировали понятие функционального контраста, и это согласуется с их интересом к стилистическим вариантам всех видов (см. 7.3).

Многое (если не все) из того, что относится к термину «контекст», является социальным и подпадает под определяемое в социалингвистике понятие сферы действия дискурса (см. 9.4). Многие исследователи склонны включать в социальный контекст высказывания не только наиболее явные социалингвистические параметры (социальное положение, возраст, пол участников дискурса; формальные/неформальные условия общения и т. д.), но также и чувства говорящего и его коммуникативные намерения. Я уже говорил о том, что личность, по крайней мере отчасти, является продуктом социализации и что так называемое самовыражение — это

отражение того или иного социально интерпретируемого образа (см. 9.2). Но это предположение оставляет открытым вопрос о том, что, возможно, одни индивиды успешнее других используют или нарушают границы социальных ограничений, характерных для конкретного языка. В среде писателей и литературных критиков существует давний спор в области эстетики по поводу того, до какой степени отдельный писатель, используя признанный творческий аспект языка, ограничен социальными факторами. Не высказывая предубеждений по поводу решения этого спора, можно сосредоточить внимание на следующем пункте, связанном с проблемой определения: коль скоро стилистические варианты определяются, или обусловлены, социальным контекстом, они подпадают под социолингвистическое понятие функционального стиля. В литературе можно встретить и другие определения понятия функционального стиля. Но то определение, которое мы привели здесь, наиболее распространенное.

Варьирование стилей, а особенно варьирование функциональных стилей — это не только вопрос лексических различий. Оно затрагивает также грамматику, а в случае устной речи и произношение. Например, эллиптические высказывания (типа *Been shopping?* 'Ходил за покупками?', *Just wanted to say "Thanks" for last night* 'Хотел сказать «спасибо» за прошлый вечер' и т. д.), а также подтверждающие вопросы (типа *You haven't seen my pen, have you?* 'Ты не видел моей ручки, нет?' и т. д.) чаще встречаются в неформальном английском, чем в формальном. Что же касается произношения, в обычной разговорной речи, в беглых формах, встречается больше случаев ассимиляции, чем в более формальном стиле. Важно понимать, что в английском и в других языках более неформальные функциональные стили регулируются правилами в той же степени, что и более формальные стили. По большей части эти правила в обоих случаях скорее имманентны, чем абстрактны. Однако основной принцип традиционной грамматики заключается в том, чтобы игнорировать этот факт и считать, что неформальная речь является небрежной и не следует никаким правилам (см. 2.4).

Важно также не смешивать неформальные функциональные стили с нелитературными диалектами данного языка (ср. 9.3). Носители литературного английского языка употребляют соответствующие неформальные функциональные стили в разных видах типичного неформального общения: во время разговора с друзьями и коллегами, за семейной трапезой и так далее. Нелитературные диалекты характеризуются меньшим набором функциональных стилей, чем литературный язык, просто в силу того, что в официальных и полуофициальных ситуациях нелитературные диалекты часто не используются. Как уже указывалось ранее, в языковых сообществах, для которых характерна диглоссия, различие между диалектами и стилями менее значимо (ср. 9.4). Тем не менее, это различие существенно, и при обсуждении подобных проблем оно далеко не всегда рассматривалось как различие между ограниченным и разработанным языковым кодом (ср. 9.5).

Все, что мы говорили ранее о стилистическом варьировании в связи со случаями частичной синонимии, относится также и к различию стилистических средств в области грамматики и произношения. Например, в английском языке вопрос может быть задан либо в виде вопросительного предложения, либо в виде повествовательного предложения, но с явно выраженной повышающейся интонацией, характерной для вопросительных предложений:

(1) *Is it raining?* 'Идет дождь?'

(2) *It's raining?* 'Идет дождь?'

В предложении (2) знак вопроса для письменного английского языка является просто условным обозначением соответствующей интонационной модели. Можно спорить о том, является ли пример (2) повествовательным предложением (как я его охарактеризовал выше) или же особым типом вопросительного предложения. Но для данной проблемы разница во мнениях несущественна. Примеры (1) и (2) различаются грамматической структурой, но в качестве высказываний, а может, и предложений, они частично, но не полностью, эквиваленты. Помимо вопросительной функции, пример (2) имеет также дополнительную экспрессивную функцию и выражает определенное чувство говорящего — удивление, огорчение, возмущение и т. д. Разумеется, пример (1) также может иметь дополнительную экспрессивную функцию, выражаемую при помощи особой просодии, но сам по себе он стилистически более нейтрален, чем пример (2).

Другой тип контекстно обусловленного стилистического варьирования содержится в примере

(3) *We want Watney's* 'Мы хотим выпить Уотни',

который противопоставляется примеру

(4) *What we want is Watney's* 'Что мы хотим выпить, так это Уотни'.

В данном случае пример (3) стилистически нейтрален, тогда как пример (4), аналогично примеру (2), противопоставленному примеру (1), является стилистически маркированным (т. е. не нейтральным)¹⁾. В данном случае стилистическая разница между маркированной и немаркированной, или стилистически нейтральной, конструкцией не рассматривается как варьирование функциональных стилей. Скорее всего разница этих примеров заключается в том, что представители Пражской школы сочли бы функциональной перспективой предложения, а другие — теморематическим членением или же информационной структурой высказывания (см. 7.3). Хотя примеры (3) и (4) эквивалентны с точки зрения условий истинности и, следовательно, выражают одну и ту же пропозицию, они не эквивалентны с точки зрения контекста их обычного

¹⁾ *Уотни* — известная марка пива, которая продается в разных районах Великобритании. Пример (4) представляет собой один из слоганов, используемых для рекламы этого пива.

употребления. Одна из причин того, что высказывание (4) по сравнению с (3) оказывается более эффективным в качестве рекламного слогана, состоит в том, что в (4), как это видно из контекста, подразумевается, что человек, произносящий это высказывание, хочет что-то выпить. (Разумеется, пример (4) оказывается более эффективным еще и потому, что данная конструкция характеризуется также аллитерацией и ассонансом.) Многие примеры стилистического варьирования, описываемые в терминах функциональной перспективы предложения или же темо-рематического членения, связаны с выбором определенного порядка слов либо необходимой грамматической конструкции, а также с выбором места логического ударения и интонации, если речь идет об устной речи.

С точки зрения коммуникативных интенций способность говорящего правильно использовать различия функциональных стилей и строить высказывание в соответствии с контекстом является неотъемлемой частью его языковой компетенции, т. е. знания конкретного языка. Например, любой, кто на основании своего знания английского языка понимает, что примеры

(5) *I have read that book* 'Я прочел эту книгу'

и

(6) *That book I have read* 'Эту книгу я прочел'

грамматически правильны, но не понимает, что пример (6) является стилистически маркированным, и не может определить это по контексту, в данном отношении хуже знает английский язык, чем тот, кто интерпретирует примеры (5) и (6) так же, как и носитель английского языка. Изучающие язык часто осознают свое отличие от носителей языка именно тогда, когда допускают стилистически неправильные выражения, например, в случае противопоставления двух стилистически маркированных выражений, одно из которых относится к разговорному языку, а другое — к письменному. С другой стороны, юмористы и поэты часто намеренно употребляют стилистически неправильные выражения для создания определенного стилистического эффекта. Но подобного рода отклонения от нормы лишь подтверждают существование самой нормы. Стилистическая неправильность признается таковой и производит соответствующее впечатление именно в сравнении с нормами стилистической правильности.

Недавние исследования показали, что нормы стилистической правильности являются по своей природе главным образом статистическими. Например, несмотря на то, что некоторые выражения и конструкции можно охарактеризовать как сугубо формальные или сугубо неформальные, различие между формальным и неформальным английским языком не сводится к употреблению в одной языковой разновидности таких выражений и конструкций, которые в другой не употребляются. В большей степени это различие зависит от соотношения более формальных и менее формальных вариантов в конкретных устных и письменных текстах.

На самом деле носители языка не переключаются с одного функционального стиля на другой по мере того, как они попадают из одной ситуации, или сферы общения, в другую.

Следует особо подчеркнуть, что выявление стилистически маркированных языковых выражений на фоне стилистически нейтральных зависит от того, какой именно функциональный стиль уместен в данной ситуации. Так, например, в научных письменных текстах на английском языке принято избегать активные конструкции с субъектом первого лица (*I decided to...* 'Я решил, что...', *We selected five specimen for each group...* 'Мы отобрали по пять экземпляров для каждой группы...' и т. д.), взамен которых обычно употребляются безличные пассивные конструкции (*It was decided that... should/would...* 'Было решено, что...', *Five specimen for each group were selected...* 'Было отобрано по пять экземпляров для каждой группы' и т. д.). Хотя безличные пассивные конструкции являются стилистически маркированными по сравнению с активными конструкциями с субъектом первого лица не только в повседневном разговорном английском, но также и в формальных функциональных стилях, в научных английских текстах ситуация прямо противоположная. Это обстоятельство является для нас особенно важным. Оказывается, что эффект намеренного употребления стилистически маркированного языкового выражения (или конструкции) зависит от стилистической маркированности данного выражения не в рамках языка в целом, а в рамках того функционального стиля, в контексте которого оно встречается.

Теперь мы можем поговорить о стилистике как о более или менее устоявшемся направлении макролингвистики (см. 2.1). Одно из определений этой науки, которое разделяют довольно многие, звучит так: стилистика — это изучение стилистического варьирования в языке и его использования носителями языка. Разумеется, это определение носит слишком общий характер, оно охватывает все, что только можно иметь в виду под стилистикой. Но вряд ли оно охватывает слишком большую область. При таком определении стилистика полностью входит в социоллингвистику (в широком понимании — см. 9.1) и прагматику (ср. 5.6). Есть лингвисты, которым нравится такое понимание стилистики.

Однако обычно представление о стилистике ограничивается, с соответствующими пояснениями или без них, только литературной стилистикой, а именно — изучением языка художественных произведений. Но сами термины «литературный» и «литература» также могут употребляются как в широком, так и в узком смысле. Литература, в том смысле, как мы понимаем этот термин в рамках нашей культуры, не является единым понятием для всего человечества. В то же время существует более общее понятие литературы, согласно которому литература не ограничивается только письменным языком или видами и жанрами, характерными только для нашей культуры. Как писал Блумфилд (*Bloomfield 1935, 21–22; цит. по Блумфилд 1968, 36*): «Художественные произведения, будь они в устной или (как это теперь принято) в письменной форме, состоят из прекрасных или в каком-либо ином аспекте примечательных выска-

званий». Можно по-разному понимать слова «прекрасный» и «примечательный», но слово «высказывания» нужно понимать таким образом, чтобы оно означало не просто отдельные высказывания, но целые связанные тексты. Определение Блумфилда позволяет нам осознать, что наше представление о литературе в нашей собственной культуре является лишь частным проявлением того, что обнаруживается во всех культурах, а именно: признание того, что некоторые высказывания и тексты благодаря своим эстетическим и драматургическим свойствам в большей степени, чем другие, заслуживают того, чтобы их сохраняли, переписывали и комментировали. В таком смысле литература не просто универсальное свойство культуры, она представляет собой важнейшую характеристику, при помощи которой одна культура отличается от другой.

К сожалению, в последние годы между лингвистическими и литературоведческими исследованиями образовалось что-то вроде раскола. В основном это произошло, с одной стороны, из-за отсутствия взаимопонимания и предрассудков, а с другой, из-за завышенных притязаний отдельных лингвистов и отдельных литературоведов, касающихся целей и результатов той дисциплины, которой они занимаются. Хотя непонимание и предрассудки все еще сохраняются в обеих дисциплинах в разных местах, сейчас их уже стало меньше. Лингвисты уже больше не отстаивают так рьяно, как раньше, научный статус своей дисциплины (см. 2.2). Они стали более аккуратно формулировать принцип первичности устного языка, а также более осторожно критиковать литературный и предписывающий характер традиционной грамматики (см. 1.4, 2.4). Но некоторые литературоведы все же осознают, что отстаиваемое лингвистами положение о том, что использование языка в литературе является далеко не единственным, и даже не основным видом использования языка, полностью соответствует их мнению о том, что литературные функции языка заслуживают особого изучения. Действительно, сейчас профессиональные интересы многих ученых, работающих в области литературоведческой стилистики, уже распространяются и на язык, и на литературу, в том смысле, в каком эти термины обычно употребляются в школах и университетах.

В настоящем разделе мы весьма поверхностно очертили цели литературоведческой стилистики. Однако очевидно, что поскольку использование языка в литературе предполагает особенно эффективное творческое использование стилистических средств на всех уровнях языковой структуры, приведенное выше общее определение стилистики как изучения стилистического варьирования языка и его использования носителем языка приложимо также и к литературоведческой стилистике. Стилистическая неправильность, намеренная двусмысленность, смелая метафора, не говоря уже об аллитерации, ассонансе, размере, ритме и т. д., которые в конечном счете зависят от звуковых возможностей языка — таковы лишь немногие из наиболее очевидных лингвистических средств, которые поэт или оратор использует при порождении «прекрасных или в каком-либо ином аспекте примечательных высказываний».

И литературная стилистика сама ставит перед собой задачу описания таких средств. Более подробный анализ этого можно найти в работах, включенных в прилагаемый ниже список дополнительной литературы.

Дополнительная литература

В дополнение к общим работам, указанным в литературе к главе 1 и главе 2, в качестве введений в социолингвистику и/или этнолингвистику можно порекомендовать следующие работы: *Bell* 1976; *Fishman* 1970; *Hudson* 1980; *Pride* 1971; *Trudgill* 1974.

К этому списку можно также добавить: *Fishman* 1968; *Giglioli* 1972; *Giles* 1977; *Gumperz & Hymes* 1972; *Hymes* 1964; *Laver & Hutcheson* 1972; *Pride & Holmes* 1972.

Существуют также примечательные работы отдельных лингвистов, в частности *Emeneau* 1980; *Ervin-Tripp* 1973; *Ferguson* 1971; *Fishman* 1972a; *Greenberg* 1971; *Gumperz* 1971; *Haugen* 1972; *Hymes* 1977; *Labov* 1972.

О типах произношения и диалектах см. еще: *Bailey & Robinson* 1973; *Chambers & Trudgill* 1980; *Huges & Trudgill* 1979; *Trudgill* 1978.

По поводу афроамериканского английского в США см. также: *Burling* 1973; *DeStefano* 1973; *Dillard* 1972; *Shuy & Fasold* 1978.

О пиджинах и креольских языках см. также: *Hymes* 1971; *Todd* 1974; *Valdman* 1977.

О билингвизме и диглоссии см.: *Ferguson* 1959; *Bell* 1976, глава 5. Новой классической книгой считается *Weinreich* 1953. См. также: *Vildomec* 1963; *Haugen* 1973. Об иных взглядах на нейрофизиологические проблемы билингвизма можно прочесть в *Albert & Olber* 1978.

О языке и социуме (в частности, в связи с понятиями ограниченного и разработанного языкового кода) см. также: *Bernstein* 1971; *Dittmar* 1976; *Edwards* 1976; *Lawton* 1968; *Robinson* 1972; *Rosen* 1972.

О языковом планировании см. также: *Fishman, Ferhugson & Das Gupta* 1978; *Rubin & Shuy* 1973.

О языке и национальном самосознании см. также: *Fishman* 1972c.

О стилистическом варьировании см. также: *Bayley & Robinson* 1973; *Crystal & Davy* 1969; *Quirk* 1968; *Turner* 1973.

О литературоведческой стилистике см. также: *Chatman & Levin* 1967; *Culler* 1975; *Fowler* 1966; *Freeman* 1970; *Halliday & McIntosh* 1966; *Hough* 1969; *Leech* 1969; *Love & Payne* 1969; *Quirk* 1968; *Sebeok* 1960; *Ullmann* 1964; *Widdowson* 1974.

Во многих из перечисленных выше работ обсуждаются вопросы использования результатов социолингвистики и стилистики в организации образовательного процесса. В этой связи можно порекомендовать также работы по прикладной лингвистике, указанные в литературе к главе 2, а также работы: *Mackey* 1965; *Widdowson* 1976, 1978; *Wilkins* 1972. Следует упомянуть также две работы, специально посвященные применению в образовательном процессе достижений лингвистики, включая социолингвистику и психолингвистику: *Cashdan & Grudgeon* 1972; *Johnson* 1976.

Вопросы и упражнения

1. Поясните, в чем заключается социальная значимость различий типов произношения и диалектов внутри одного языкового сообщества. (Играют ли они положительную или отрицательную роль с точки зрения (а) общества и (б) индивида?)
2. Поясните разницу между нормативным произношением и литературным произношением в современном английском языке.
3. Лингвисты часто используют термины «британский английский», «американский английский», «австралийский английский» и т. д. Имеют ли они в виду относительно однородные диалекты одного и того же языка? Чем *на самом деле* являются «британский английский», «американский английский» или же «австралийский английский»?
4. «Многие британские лингвисты на основе собственных наблюдений обнаружили, что... все больше носителей языка употребляют такие конструкции, как *He's played for us last year* 'Он играл за нас в прошлом году', *They've done that three years ago* 'Они сделали это три года назад' (*Trudgill 1978, 13*). Как вы оцениваете такое употребление перфектных форм в английском языке: (а) как правильное или (б) как неправильное? Если вы оцениваете такое употребление, по крайней мере на первый взгляд, как неправильное, то (а) поясните, почему, и (б) укажите контекст, в котором эти формы могли бы быть оценены как правильные. Известны ли вам другие случаи противопоставления перфектных форм настоящего времени и форм простого прошедшего времени, где синхронное варьирование с диахронической точки зрения может быть показателем процесса изменения языка? Студенты, знакомые с французским, немецким, итальянским или новогреческим, могут выполнить подобное задание и для этих языков.
5. «Языковое варьирование у индивида и языковое варьирование в языковом сообществе — это две стороны одной медали» (с. 245). Обсудите.
6. Объясните, что такое социолингвистически значимые стереотипы. Приведите примеры.
7. Согласны ли вы с тем, что личность, в той мере, в какой она отражается в речевом поведении, является социальным явлением?
8. Многие полагают, что лингвистика является, или по крайней мере должна быть, социолингвистикой, или же что она является, или по крайней мере должна быть, психолингвистикой. Что *вы* можете сказать по этому поводу?
9. В чем состоит, на ваш взгляд, разница между билингвизмом и диглоссией (если она существует)?
10. Поясните, что имеется в виду под стандартизацией языка. Следует ли это поощрять? Если да, то каким образом?
11. Чем пиджин отличается от креольского языка?
12. Поясните, что имеется в виду под сменой языкового кода? Применимо ли это понятие к одноязычным носителям языка?
13. Дайте критическую оценку теории Бернстайна об ограниченном и разработанном языковых кодах в связи с гипотезой языкового дефицита.
14. Что такое языковое планирование? Подытожьте цели и достижения в области решения одной или нескольких проблем такого рода на основе рекомендованной дополнительной литературы.

15. «Мы полагаем, что знание условий, при которых премьер-министра можно было бы приветствовать устаревшим выражением *Wotcher mate* 'Привет, дружище!', является не в большей степени лингвистической проблемой, чем знание условий, при которых ему можно бы подмигнуть» (*Smith & Wilson 1979, 194*). Прокомментируйте это высказывание.
16. Проанализируйте следующие три определения стилистики:
- (а) «Стилистика... представляет собой изучение социальной функции языка. Она является направлением науки, которая называется социолингвистикой» (*Widdowson 1974, 202*);
 - (б) «стилистика — это направление лингвистики, которое занимается варьированием в области использования языка, и часто уделяет специальное, но отнюдь не исключительное, внимание наиболее значимым и сложным видам употребления языка в художественной литературе» (*Turner 1973, 7*);
 - (в) «стилистика занимается выразительными и ассоциативными функциями языка» (*Ullmann 1962, 9*).

Описывают ли эти определения одни и те же явления? Какое из этих определений вы предпочитаете и почему? Как можно описать различие между литературоведческой и лингвистической стилистикой (если таковое имеется)?

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

10.1. Что такое культура?

Слово «культура» в английском языке (равно как и его эквиваленты в других европейских языках) имеет несколько разных значений, из которых для нас важно выделить и различать два значения.

Во-первых, существует такое значение слова «культура», которое более или менее синонимично слову «цивилизация», а в устаревшей и крайней формулировке антонимично слову «варварство». Именно в таком смысле в английском языке употребляется прилагательное *cultured* 'культурный'. Такое значение слова «культура» основывается на классическом понимании достижений в области искусства, литературы, обычаев и социальных институтов. Классическое понимание культуры было возрождено гуманистами эпохи Возрождения, а затем в XVIII в. его высоко ценили мыслители эпохи Просвещения в связи с тем, что они рассматривали историю человечества как прогресс и саморазвитие.

Такой взгляд на историю, равно как и многие другие идеи эпохи Просвещения, оспаривался Гердером, который так писал о немецком слове «культура»: «нет ничего более неопределенного, чем это слово, и нет ничего более обманчивого, чем то, как оно применяется по отношению к разным нациям и эпохам» (см. *Williams* 1976, 79). Он особенно выступал против необоснованного мнения о том, что европейская культура XVIII в., в которой превалировали идеи французских мыслителей и французский язык, являла собой высшую точку прогресса человечества. В этой связи интересно отметить, что франкоговорящие ученые обычно употребляют выражение *langue de culture* (букв. 'язык культуры') для обозначения языка, который в культурном отношении более развит, чем другие языки. Аналогичным образом употребляется выражение *Kultursprache* в немецком языке. Хотя в английском языке нет соответствующего общепринятого эквивалента, употребление подобных выражений в англоязычных странах отражает такой же подход к пониманию культуры. Как мы уже отмечали ранее, в наши дни большинство лингвистов считают, что так называемых примитивных языков не существует (см. 7.1). Однако стоит еще раз вернуться к этой проблеме в связи с тем, что можно называть классическим пониманием культуры. Эти мы займемся далее (см. 10.5).

В настоящей главе мы будем употреблять слово «культура» не в классическом понимании, а в значении, которое можно условно назвать

антропологическим. На самом деле, именно в таком смысле его предлагал употреблять Гердер, но антропологи, пишущие по-английски, стали употреблять его так только спустя восемьдесят лет. Это второе значение слова «культура» не предполагает линеаризацию человеческой истории от варваризма к цивилизации, а также какой-либо предварительной оценки эстетических или интеллектуальных достижений данного общества в области искусства, литературы, социальных институтов и прочего. В соответствии с таким значением слова «культура», которое от антропологии распространилось на другие общественные науки, каждое общество обладает присущей ему культурой, а внутри данного общества отдельные группы могут иметь свою субкультуру. Такое понимание культуры у Гердера было связано, с одной стороны, с его тезисом о том, что язык и мышление взаимосвязаны, а с другой стороны, с идеей о том, что язык и культура нации являются проявлениями ее особого национального духа и образа мышления. Подобные же идеи разделяли и другие представители романтизма. Это одно из направлений сложного исторического развития так называемой гипотезы Сепира—Уорфа, которая у предшествующего поколения лингвистов занимала доминирующее положение в споре о языке и культуре, равно как и о языке и мышлении (см. 10.2).

Хотя термин «культура» сейчас широко используется в общественных науках, особенно в антропологии, именно в том значении, которое было описано выше, все же терминологически понятие культуры может быть определено разными способами. В соответствии с определением, которое мы будем использовать далее, культуру можно рассматривать как знания, приобретаемые благодаря социальным связям, т. е. знания, которыми индивид обладает благодаря тому, что он является членом определенного социума (см. *Hudson* 1980, 74). Необходимо сделать два замечания по поводу употребления здесь слова «знания». Во-первых, имеются в виду как практические, так и теоретические знания, т. е. знания о том, как что-то сделать, и знания о том, имеет место нечто или нет. Во-вторых, что касается теоретических знаний, здесь важна не реальная истинность или ложность высказывания, а лишь тот факт, что индивид просто считает нечто истинным или ложным. Более того, во многих, если не во всех культурах мы должны различать разные виды, или уровни, истинности. Например, истинность религиозных и мифологических высказываний оценивается иначе, чем истинность высказываний о реальном положении дел. Если посмотреть с этой точки зрения на науку, она сама оказывается частью культуры. Поэтому в рамках спора о соотношении языка и культуры мы не отдаем предпочтения научным знаниям перед здравым смыслом или даже перед суеверием.

Принято различать культурную и биологическую (т. е. генетическую) преемственность. Возможно, в отношении языка она выражается во врожденной способности усваивать язык (см. 8.4). Независимо от того, верно это или нет, знание родного языка несомненно передается от поколения к поколению, при этом родной язык усваивается индивидом просто потому, что он является членом определенного социума. Однако

даже если способность к усвоению родного языка передается генетически, само по себе это не обеспечивает усвоение и знание родного языка. Этого не случится до тех пор, пока социум, где воспитывается ребенок, не предоставит ему языковые данные, на базе которых эта способность сможет проявиться, и, скорее всего, при наличии условий, в которых данный ребенок развивается интеллектуально и эмоционально. Это означает, что культурный и биологический аспекты языка взаимосвязаны. Действительно, после некоторого рассуждения становится ясно, что языковая компетенция, независимо от ее биологической природы, находится в сфере данного нами определения культуры. И тогда может оказаться, что другие виды знаний, приобретаемых благодаря социальным связям, — мифы, религиозные верования и т. д. — содержат такую же долю биологической наследственности, как и язык. Об этом нужно помнить всякому, кто рассуждает об усвоении языка и его структуре в терминах противопоставления биологического и культурного аспектов. Таким образом, уже невозможно рассуждать об этом, исходя из резкой границы между природой и воспитанием.

10.2. Гипотеза Сепира—Уорфа

Великий американский лингвист и антрополог Эдвард Сепир (1844–1939) и его ученик Бенджамин Ли Уорф (1897–1941) были последователями европейской традиции (переданной скорее всего при посредничестве Франца Боаса (1848–1942)), которая, как мы видели, сыграла важную роль в развитии структурализма (см. 7.2). Эта традиция восходит по крайней мере к Гердеру, ее наиболее ранним и самым значительным представителем был Вильгельм фон Гумбольдт (см. 8.1). Она придавала особое положительное значение культурному и лингвистическому разнообразию и в целом характеризовалась приверженностью принципам романтического идеализма.

Хотя традиция Гердера—Гумбольдта в целом была чужда классицизму, универсализму и чрезмерному интеллектуализму, ее враждебность далеко не всегда доходила до утверждения о том, что в языке и культуре якобы не бывает универсалий. Гумбольдт, например, подчеркивал, что в языке есть и универсальные, и особенные черты. Он рассматривал структурное разнообразие языков (т. е. их внутреннюю форму) как продукт особой способности, свойственной именно человеческому разуму, но проявляющейся универсально. Именно поэтому Хомский видел в учении Гумбольдта («который стоял как раз на перекрестке идей рационализма и романтизма и чьи работы во многих отношениях стали кульминацией и одновременно конечным пунктом этих направлений» (Chomsky 1966, 2)) зачатки генеративизма, и в особенности разработанного им самим понятия языкового творчества (см. 7.4). Как бы то ни было, вариант концепции соотношения языка и мышления, предложенный Гердером—Гумбольдтом, который затем в 1950-х гг. американские лингвисты, антропологи и психологи переосмыслили как «гипотезу Сепира—Уорфа», обычно связывается

с теорией лингвистической относительности. Хотя эта теория не имеет прямого отношения к собственно структурализму, все же она является одной из наиболее ярких особенностей американских разновидностей структурализма, включая и постблумфилдианскую школу.

Гердер, как уже отмечалось ранее, писал о взаимосвязи языка и мышления (см. 8.1). Воззрения Гумбольдта близки лингвистическому детерминизму. А гипотеза Сепира—Уорфа в том виде, как ее обычно описывают, сочетает в себе лингвистический детерминизм («Язык определяет мышление») и теорию лингвистической относительности («Нет предела структурному разнообразию языков»). В наиболее жестком варианте гипотеза Сепира—Уорфа может быть представлена следующим образом:

- (а) В процессе мышления мы всегда «находимся ... во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе», потому что мы «видим, слышим, и вообще воспринимаем окружающий мир» в терминах только тех категорий и противопоставлений, которые отражены в нашем языке (цит. по *Sapir* 1993, 261);
- (б) отраженные в языке категории и противопоставления являются специфичными для данного языка и несопоставимы с соответствующими компонентами других языков.

Не вполне ясно, подписались ли бы сами Сепир и Уорф под такой жесткой формулировкой этой гипотезы. Хотя в приведенной выше формулировке принципа лингвистического детерминизма я использовал слова самого Сепира, в знаменитом пассаже, откуда они заимствованы (*Sapir* 1947, 162), используются также и другие выражения, которые ослабляют категоричность данных цитат.

В свете обсуждаемой гипотезы можно было бы предположить, что билингв обладает двумя несовместимыми представлениями о мире и переключается с одного на другое одновременно с переходом с одного языкового кода на другой. Тем не менее, если это предположение верно, то данная гипотеза, в ее наиболее жесткой форме, входит в противоречие с со следующим достаточно очевидным фактом: билингвы на самом деле не обнаруживают никаких признаков того, что они оперируют двумя совершенно разными представлениями о мире, более того, они часто способны выразить одно и то же на любом из двух языков. Профессиональные переводчики также во многих, если не во всех, случаях согласятся с тем, что написанное или сказанное на одном языке в принципе может быть написано или сказано на другом. (На данный момент нам следует согласиться с выражением «во многих, если не во всех случаях».)

Возможно, в наше время уже никто не станет отстаивать жесткий вариант лингвистического детерминизма или теории лингвистической относительности. Однако можно найти много аргументов в пользу более мягкого, но в философском отношении менее интересного варианта гипотезы Сепира—Уорфа, в котором оба тезиса могут быть сформулированы иначе. Начнем с тезиса о детерминизме.

Интерес психологии к проблеме влияния языка на мышление по времени предшествует появлению собственно гипотезы Сепира—Уорфа. Психологам уже давно известно, что память и восприятие связаны с наличием соответствующих слов и выражений. Например, экспериментальные данные указывают на то, что наши зрительные впечатления обычно видоизменяются таким образом, чтобы лучше соответствовать общепринятым языковым выражениям. Люди обычно замечают (и запоминают) то, что уже закодировано в языке, т. е. то, что оказывается в сфере обозначения уже существующих слов и выражений. Таким образом, в этом смысле можно говорить о разной степени кодированности. Например, объект, который обозначается одним словом (допустим, англ. *uncle* 'дядя'), обладает большей степенью кодированности, чем объект, который обозначается целым словосочетанием (допустим, англ. *parent's male sibling* 'брат одного из родителей').

Известно, что лексика разных языков в большей или меньшей степени не изоморфна (ср. 5.3). Если это так, то в одном языке определенные объекты могут обладать большей степенью кодированности, чем в другом. Например, эскимосский язык известен тем, что в нем нет родового слова для обозначения снега, но есть много названий конкретных видов снега, а в большинстве австралийских языков нет слова со значением 'песок', но есть много названий конкретных видов песка. И причина этого для каждого случая очевидна. Различение конкретных видов снега или песка оказывается чрезвычайно важным для повседневной жизни эскимосов и австралийских аборигенов. Английский же язык не имеет никаких более конкретных слов, чем слова *snow* 'снег' и *sand* 'песок'. Тем не менее, например, лыжники, для которых качество снега оказывается столь же важным, как для эскимосов, часто используют выражения типа *powdery snow* 'рыхлый снег', *spring snow* 'весенний снег' и т. д. Поскольку в пределах данной группы носителей языка эти выражения характеризуются частотностью употребления и точностью денотации, они постепенно приобретают статус лексем и тем самым повышают степень кодированности соответствующих объектов в пределах данной группы по сравнению с остальной частью англоязычного сообщества.

Это обстоятельство важно иметь в виду. Степень кодированности не всегда постоянна и одинакова внутри одного языкового сообщества, особенно если мы имеем дело с таким сложным, рассеянным по миру и разнообразным языковым сообществом, как носители английского языка. Слишком часто соотношение между языком и культурой определяется на очень общем уровне, на основании скрытой или явной презумпции о том, что люди, говорящие на одном языке, должны непременно образом принадлежать одной культуре. Такая презумпция оказывается в корне неправильной по отношению ко многим языкам и культурам. Не менее важно и то, что степень кодированности — это не просто проблема существования нужного слова. Тем не менее, если помнить о том, что здесь мы обсуждаем скорее конкретные группы, чем нации в целом, и что продуктивные средства языка могут помочь членам данной группы

повысить степень кодированности важных для них объектов, мы все же можем использовать понятие степени кодированности так, как если бы оно являлось общим свойством языка.

В 1950-х гг. гипотеза Сепира—Уорфа стала объектом проверки с помощью психологических экспериментов. Эти исследования показали, что большая степень кодированности определенных цветовых обозначений в одном языке по сравнению с другим, как и ожидалось, оказывает влияние на память и восприятие. Так, например, язык зуньи, один из североамериканских индейских языков, не различает названий для оранжевого и желтого цветов. Носители этого языка, не знающие английского, по прошествии некоторого времени испытывали большие затруднения в повторном отождествлении предмета того цвета, который кодируется в английском, но не кодируется в зуньи, тогда как носители английского языка, или же носители языка зуньи, знакомые с английским, делали это с большей легкостью. Однако носители зуньи все же улавливали разницу между желтыми и оранжевыми предметами в тех случаях, когда их просто просили сравнить эти предметы по цвету.

Можно считать, что этот эксперимент частично подтверждает гипотезу Сепира—Уорфа, но все же это не является аргументом в пользу ее более жесткой формулировки. То же самое можно сказать и о других экспериментах, проведенных в 1950-х и начале 1960-х гг., к которым относится и чрезвычайно интересный эксперимент по проверке различий в первую очередь грамматической, а не чисто лексической системы (см. *Slobin 1971, 131 ff*). Тем не менее, важно, что эти эксперименты подтверждают гипотезу в ее более мягкой формулировке, а именно то, что структура языка влияет на восприятие и память. И об этом следует всегда помнить. Не надо удивляться тому, что в одном языке бывает легче выявить определенные противопоставления, чем в другом. Но тем не менее это так. И, похоже, это обстоятельство некоторым образом влияет на восприятие и память носителей разных языков, а также на их повседневное мышление.

Поскольку в настоящее время теория лингвистического детерминизма уже не вызывает такой бурной дискуссии, как это было поколение тому назад, трудно определить, каково в настоящий момент истинное отношение к ней научной общественности. По-видимому, будет справедливым считать, что большинство психолингвистов, лингвистов и философов согласны с тем, что язык действительно оказывает некоторое влияние на память, восприятие и мышление, о чем мы только что говорили выше, но они скептически относятся к более жесткому варианту гипотезы Сепира—Уорфа, согласно которому язык определяет категории и шаблоны мышления. К этому можно также добавить, что многие аргументы, которые Уорф и его сторонники приводили в пользу более категоричного и с метафизической точки зрения более интересного варианта этой гипотезы, искажались в результате неправильного перевода и неправильной устной передачи. Например, сам Уорф заявлял, что индейцы, говорящие на языке хопи, в котором нет грамматической категории времени, имеют совершенно иное понятие о времени, чем люди, говорящие на евро-

пейских языках. Но для подтверждения этого он не приводит никаких удовлетворительных независимых свидетельств того, что эти люди по-разному ведут себя или по-разному думают. Можно также утверждать, что он слишком преувеличивал разницу между грамматической категорией времени в языке хопи и традиционной категорией времени в европейских языках. Аналогичным образом, многие считали, что отсутствие в ряде австралийских языков числительных больше четырех является доказательством того, что носители этих языков неспособны оперировать понятием числа. Но оказалось, что австралийские аборигены, изучающие английский в качестве второго языка, без труда выучивают числительные и пользуются ими при счете и вычислениях так же успешно, как и средний носитель английского языка (Dixon 1980, 107). Короче говоря, несмотря на противоположную позицию сторонников жесткого варианта теории детерминизма, похоже, что пока нет причин не соглашаться с традиционным мнением о том, что носители разных языков обладают по существу одинаковой картиной мира, или концептуальной системой, по крайней мере в том, что касается таких глубинных и с философской точки зрения наиболее интересных понятий, как время, пространство, число, материя и т. д.

Отсюда не следует, однако, что говорящие на разных языках имеют одну и ту же картину мира в отношении менее базовых понятий. Дело в том, что большинство употребляемых нами понятий обусловлены нашей культурой, в том смысле, что понимание некоторых вещей зависит от практических и теоретических знаний, передаваемых через общество, которые значительно разнятся от одной культуры к другой. Для примера рассмотрим такие понятия, как «честность», «грех», «родство», «честь» и т. д. Признается, что такие связанные с культурой понятия в одних языках обладают большей степенью кодированности, чем в других. Сторонники теории лингвистической относительности, возможно, скажут, что обнаруживаемая в языках разница в грамматической и лексической структуре зачастую такова, что вещи, которые можно выразить в одном языке, оказываются невыразимыми в другом. Но верно ли это?

Как мы уже видели, иногда можно повысить степень кодированности, используя ресурсы языка и конструируя сложные выражения, которые, благодаря частому использованию в соответствующих контекстах, могут приобрести такой же статус, что и обычные лексемы. Выше мы приводили примеры из языка англоговорящих лыжников *powdery snow* 'рыхлый снег', *spring snow* 'весенний снег' и т. д. Процесс повышения таким путем степени кодированности зависит от продуктивности языка, а также того, что Хомский назвал языковым творчеством, регулируемым правилами (см. 7.4). Это процесс, который мы наблюдаем в языковом поведении ежедневно. Многие из сконструированных таким путем словосочетаний постепенно начинают употребляться более широко (*arms race* 'гонка вооружений', *nervous breakdown* 'нервный срыв', *drug addict* 'наркоман', *supply and demand* 'спрос и предложение', *survival of the fittest* 'выживание наиболее приспособленного (= естественный отбор)' и т. д.). И вот наступает момент, когда лексикограф вынужден признать, что эти выражения уже

фактически стали полноправными членами лексики данного языка. Этот процесс является лишь одним аспектом того, что ранее называлось способностью словарного состава языка расширяться и изменяться (см. 1.2). Следует заметить, что хотя на начальных стадиях этот процесс вряд ли оказывает заметное влияние на язык, впоследствии он приводит к расширению его словарного состава. Мы должны отвергать любой вариант теории лингвистической относительности — равно как и любой аргумент, который способствует ее опровержению, — если он противоречит тезису о способности словарного состава языка расширяться и изменяться.

Другим путем расширения словарного состава языка является заимствование слов из других языков (см. 6.4). Однако в данный момент нас интересует прежде всего так называемое калькирование (*loan-translation*). Наиболее очевидный случай калькирования предполагает перевод частей, составляющих иностранное слово или словосочетание. Например, после того, как в результате описанного выше процесса английское словосочетание *summit conference* 'встреча на высшем уровне' стало более или менее лексикализованным, прежде всего в речи дипломатов и журналистов, оно было заимствовано путем пословного перевода другими языками, ср. франц. *conférence au sommet*, нем. *Gipfelkonferenz* и т. д.

Этот пример иллюстрирует другой важный аспект, заключающийся в том, что калькированию способствует существование материально родственных слов, хотя такие слова в других контекстах могут иметь значения, отличные от того, которое используется при калькировании. Выражения франц. *conférence de presse*, нем. *Presskonferenz*, англ. *press conference* 'пресс-конференция' были построены так потому, что они материально связаны со словом *conference*, причем все три слова исторически являются заимствованиями из латыни.

Как будет показано далее, существуют более тонкие и менее очевидные типы калькирования, которые возникают в результате культурных контактов (см. 10.5). Важно подчеркнуть, что расширение словарного состава языка за счет заимствований и использование модифицированных значений существующих слов и словосочетаний в процессе калькирования влекут за собой изменение лексической структуры языка. Приняв во внимание это обстоятельство, можно показать, что не только некоторые значения в одних языках обладают большей степенью кодированности, чем в других, но и существуют такие языки, в которых вообще нельзя выразить определенные значения просто потому, что эти языки не располагают соответствующими словами. Например, есть тысячи языков, на которых по этой причине нельзя выразить значение английской фразы *They are playing cricket* 'Они играют в крикет', а если и можно, то только потому, что заимствовано либо само слово *cricket* 'крикет', либо его значение, а зачастую и глагол *play* 'играть' или его значение. В силу этого изменение словарного состава языка путем заимствования или калькирования означает изменение самого языка. На первый взгляд может показаться, что это утверждение тривиально. Но, как мы увидим далее, его следствия более важны, чем это обычно считается. Дело в том,

что значительная часть того, что обычно считается переводом, по существу является калькированием. Недооценивание этого факта заставляет многих думать, что перевод с языка на язык охватывает гораздо большую область, чем это реально возможно (см. 10.5).

Но различия в лексической структуре (включая в первую очередь лексические лакуны, т. е. отсутствие в данном языке соответствующих слов) являются далеко не единственными факторами, которые делают точный перевод с языка на язык трудным, а иногда и вообще невозможным. Языки могут быть грамматически неизоморфны (и часто именно так и бывает) в отношении таких семантически важных категорий, как время, наклонение, число. Тот факт, что это именно так, быть может, не является столь важным с философской точки зрения, как это считали Уорф и его последователи, не говоря уже о таких его предшественниках, как цитируемый ранее Тренделенбург (см. 8.1). Но в смысле возможностей перевода следствия грамматических различий языков во многом такие же, как и следствия лексических различий.

Рассмотрим простой пример. Строго говоря, мы не можем точно перевести на русский язык (а также на большинство других языков мира) любую английскую именную группу с определенным артиклем, поскольку в русском языке не грамматикализовано семантическое противопоставление, точнее противопоставления, которые в английском языке грамматикализованы, с одной стороны, при помощи наличия или отсутствия детерминатора, а с другой стороны, как оппозиция определенного и неопределенного артикля. На практике переводчик обычно опускает информацию, которая выражена определенным артиклем. Если эта информация не восстанавливается по контексту и настолько важна, что должна быть отражена в переводе, он вынужден добавить слова, которые на самом деле в оригинале отсутствуют. Например, он может употребить указательное местоименное прилагательное 'этот' или 'тот'. В большинстве случаев указательные местоимения в английском и других артиклевых языках более конкретны по значению, чем определенный артикль.

Можно привести и более впечатляющие примеры. Боас (1911) в своем широко известном Введении к книге *Руководство по изучению языков американских индейцев* (*Handbook of American Indian Languages*) подчеркивал важность как лексических, так и грамматических различий языков. (Именно Боас первым привел пример с несколькими названиями снега в эскимосском языке, который затем неоднократно цитировался в учебниках и общих работах на тему языка и культуры. Боас указал также и на другие убедительные примеры существенных различий в словарном составе разных языков.) Что же касается грамматических различий, то здесь Боас взял в качестве примера простую английскую фразу *The man is sick* 'Человек болен' и показал, как перевод этой фразы на три разных языка американских индейцев и эскимосов (квакиутль, эскимосский и понка) заставляет переводчика добавлять дополнительную информацию (различную для каждого языка), которая не содержится в оригинале. В частности, переводчику приходится с помощью определенного зна-

чения некоторой категории выражать, видит ли говорящий человека, о котором идет речь, или нет, лежит ли он на спине, находится ли в состоянии покоя или движется и так далее; или же он вынужден указать, основывается ли достоверность сообщаемой информации на собственных наблюдениях говорящего или же на том, что тот слышал от других.

Вслед за Боасом, и другие лингвисты, включая Сепира и Уорфа в ряде их публикаций, высказывали такую же точку зрения и убедительно демонстрировали ее состоятельность. Однако они оставили без внимания вопрос о том, существует ли взаимосвязь между различиями в грамматической структуре и различиями в менталитете говорящих на соответствующих грамматически различных языках. Если мы будем утверждать это, и даже настаивать на истинности такого важного утверждения, на основании этих данных мы должны тогда согласиться с модифицированным вариантом теории лингвистической относительности.

Поскольку в данной главе нас в первую очередь интересует соотношение языка и культуры, следует подчеркнуть, что, безусловно, далеко не все лексические и грамматические различия языков могут быть достоверно объяснены при помощи существующих ныне или существовавших в прошлом различий в культурах носителей этих языков. Проблемы перевода с языка на язык возникают независимо от того, имеются ли между двумя языковыми сообществами культурные различия или нет. Например, было бы трудно отстаивать идею о том, что наличие или отсутствие определенного артикля (ср. разницу английского и русского языков) соответствует определенным культурным различиям. Тем не менее, существуют, разумеется, такие грамматические и лексические различия, которые можно прямо сопоставить с различиями соответствующих культур. Это положение будет проиллюстрировано двумя разными примерами в последующих двух разделах, что поможет нам лучше оценить роль культурного компонента в определении структуры языка.

10.3. Цветообозначения

Существует несколько причин, по которым следует изучать цветообозначения в связи с теорией лингвистической относительности. До недавнего времени эта часть лексики была основной областью, которая использовалась структуралистами для демонстрации того, что естественные языки лексически не изоморфны. И демонстрация эта тем легче и эффективнее, чем легче можно отделить чисто описательные значения цветообозначений от их экспрессивных и социальных значений. Больше того, оказывается, что описательное значение цветообозначений более непосредственно связано с внеязыковой действительностью, с которой человек сталкивается каждый день, чем слова из других семантических полей (см. 5.3). Это свойство цветообозначений также принималось во внимание в числе прочих обстоятельств, когда в 1950-гг. психологи выбрали для проверки гипотезы Сепира—Уорфа именно цветообозначения (ср. 10.2).

С физической точки зрения, цветовой спектр представляет собой континуум. С точки зрения восприятия, это также континуум, в том смысле, что любой цвет, который способен различить человек, плавно и незаметно для зрительного восприятия переходит в соседний цвет. Например, в этом смысле синий цвет плавно и незаметно переходит в зеленый, зеленый переходит в желтый, и так далее. Можно исходить из того, что каждый язык располагает определенным набором слов, позволяющих говорящему обозначать определенные участки визуального континуума. В английском языке это базовые цветообозначения, такие как *black* 'черный', *white* 'белый', *red* 'красный', *green* 'зеленый', *blue* 'синий', *brown* 'коричневый' и т. д., а также небазовые, или второстепенные цветообозначения, такие как *turquoise* 'бирюзовый', *vermilion* 'ярко-красный', *ruse* 'красновато-коричневый' и т. д. Открытым остается вопрос о том, что считать базовыми цветообозначениями, а что — небазовыми, или второстепенными. Например, слово *orange* 'оранжевый', поскольку оно обозначает цвет соответствующего фрукта — апельсина, можно было бы считать не базовым, а второстепенным, как и слова *lemon* 'лимонный' и *apricot* 'абрикосовый'. С другой стороны, согласно другим критериям, например, таким, как частотность употребления данного слова в качестве цветообозначения и знакомство с ним среднего носителя языка, слово *orange* 'оранжевый' можно считать базовым цветообозначением. Может случиться так, что согласно определенным критериям некоторые языки вообще не будут иметь базовых цветообозначений. Тем не менее, в большинстве языков базовые цветообозначения все же обнаруживаются, и в целом достаточно легко установить их инвентарь. Таким образом, будем считать, что мы умеем устанавливать различие между базовыми и небазовыми цветообозначениями.

Хорошо известен и не подвергается сомнению тот факт, что в разных языках выделяется разное число базовых цветообозначений. Независимо от этого известно также, что точный перевод цветообозначений часто невозможен, так как для цветообозначения одного языка нет эквивалентного ему цветообозначения в другом языке. Например, английское слово *brown* 'коричневый' не имеет точного соответствия во французском языке, а английское слово *blue* 'синий' — точного соответствия в русском, испанском и итальянском языках; в венгерском нет одного слова, которое соответствовало бы английскому *red* 'красный' и так далее. Вплоть до конца 1960-х гг. такие факты часто цитировались в литературе как свидетельствующие не только об отсутствии структурной соразмерности, или изоморфизма лексических систем языков, но также и о произвольности членения разными языками цветового спектра, который выше мы охарактеризовали как физический и визуальный (т. е. психофизический) континуум.

Поскольку теперь у нас уже есть основания сомневаться в том, что членение цветового спектра является произвольным, следует все же подчеркнуть, что отсутствие структурной соразмерности лексических систем конкретных языков в отношении их базовых цветообозначений не только не опровергнуто, но даже и не является предметом спора. Так, например,

английское предложение *My favourite colour is blue* может быть переведено на русский язык (если употреблять термин «перевод» в его обычном смысле) не иначе, как путем выбора между русскими словами *синий* или *голубой*, т. е. либо *Мой любимый цвет — синий*, либо *Мой любимый цвет — голубой*. На практике переводчикам довольно часто приходится прибегать к таким произвольным решениям, причем для конкретных целей без особых нежелательных последствий. Обычно считается, что в процессе перевода сохраняется по крайней мере пропозициональное содержание того, о чем говорится в тексте оригинала. Но на самом деле в большинстве переводов этого не делается, и в силу природы вещей вообще не может быть сделано.

В 1969 г. Берлин и Кей опубликовали очень важную книгу под названием *Базовые цветообозначения (Basic Color Terms)*, в которой они привели доказательства того, что сходства и различия разных языков в отношении членения цветового спектра не столь произвольны, как это считалось ранее. Прежде всего авторы обратили внимание на важность изучения того, что они называли **фокусным значением** цветового термина в противоположность его периферийному значению. Фокусное значение цветового термина может быть выявлено путем опроса носителей языка о том, что они считают типичным примером данного цвета на предлагаемой им цветовой шкале. Оказывается, что в результате такого опроса наблюдается определенное согласие между разными носителями языка по поводу фокусных значений базовых цветообозначений в их родном языке. В то же время они либо затрудняются определить границу в континууме употреблений двух разных терминов, либо не согласны с тем, как эту границу проводят другие носители языка. Например, носители английского языка не всегда могут придти к согласию относительно того, как проходит на предлагаемой цветовой шкале граница между синим и зеленым цветом (или относительно того, как слова *blue* 'синий' и *green* 'зеленый' употребляются в повседневной жизни). Но они не затрудняются определить, какой именно цвет является типичным, или фокусным, для синего и зеленого. Пока можно лишь сказать, что факты, которые привели Берлин и Кей, мере согласуются с высказывавшимся ранее структуралистами мнением о том, что каждый язык по-своему произвольно членит континуум цветового спектра.

Однако Берлин и Кей обнаружили также, что разные языки более или менее сходятся в том, что является фокусными участками, или фокусами, для конкретных базовых цветообозначений, причем это сходжение не зависит от того, сколько именно базовых цветообозначений имеется в данном языке. Например, было установлено, что не просто один и тот же фокус соответствует английскому слову *red* 'красный' и французскому слову *rouge* (при том, что в английском и французском имеется одинаковое количество базовых цветообозначений). Оказывается, что и для языков со значительно меньшим количеством базовых цветообозначений можно указать по крайней мере один фокус, который совпадет с фокусом для слов *red* и *rouge*. Еще больше поражает то — и это

действительно подтверждается, — что в списке потенциально возможных цветообозначений существует универсальная частичная упорядоченность, или иерархия. Например, в любом языке с тремя цветообозначениями есть такие термины, чьи фокусы соответствуют английским словам *black* ‘черный’, *white* ‘белый’, *red* ‘красный’. В языке с шестью цветообозначениями, помимо указанных трех фокусов, обнаруживаются термины, чьи фокусы совпадают с фокусами английских слов *green* ‘зеленый’, *yellow* ‘желтый’ и *blue* ‘синий’. А в семичленной системе фокус седьмого термина совпадает с фокусом английского слова *brown* ‘коричневый’. (Как уже указывалось ранее, во французском языке нет единого слова для обозначения коричневого цвета; соответствующему фокусу можно поставить в соответствие либо слово *brun*, имеющее определенные контекстные ограничения, либо, что более похоже на правду, слово *marron*.) После этих терминов идут названия фиолетового, розового, оранжевого и серого цвета, но уже без упорядочения внутри этого ряда, т. е. имеется в виду, что одна восьмичленная система может иметь в качестве восьмого члена название для фиолетового цвета, другая — для розового и так далее.

Гипотеза Керлина—Кея вызывает много возражений в отношении своей экспериментальной базы. Но если отвлечься от некоторых деталей, которые здесь были опущены, пока она вынесла дальнейшее испытание тестами. По поводу этой гипотезы можно сделать два основных замечания, которые важны также и в связи с теорией лингвистической относительности и соотношением языка и культуры.

Первое замечание заключается в том, что, несмотря на универсальность субструктуры семантического поля цвета, существует также и явная неуниверсальность суперструктуры языков. Все же существуют языки с относительно богатой и относительно бедной системой базовых цветообозначений. Кроме того, свидетельства в пользу существования универсальной частичной упорядоченности в списке потенциально возможных цветообозначений ограничивается, как мы уже убедились, шестью или семью наиболее распространенными цветами. Можно согласиться с тем, что определенные участки, иначе — фокусы этих цветов, являются наиболее четко воспринимаемыми частями цветового спектра, что объясняется, по крайней мере отчасти, нейрофизиологическими особенностями человека. Но существуют и другие, неуниверсальные и менее четко воспринимаемые участки цветового спектра, которые в некоторых языках выражаются лексически и являются полноправными членами семантического поля цвета наряду с универсальными и более четко воспринимаемыми участками. Исследования проблемы цветообозначений в антропологии, как в связи с гипотезой Берлина—Кея, так и помимо нее, показывают, что при идентификации цветов большую роль играет как культурная, так и биологически обусловленная перцептуальная значимость цвета, при этом, как мы уже видели ранее, оба эти аспекта взаимосвязаны в процессе усвоения языка (см. 8.4). И, наконец, в нашем каждодневном использовании цветообозначений — а не только при использовании их как символов (белый для обозначения чистоты, красный

для опасности, черный для траура и т. д.) — есть такие, которые обусловлены нашей культурой, в том смысле, что нельзя усвоить употребление этих терминов без одновременного усвоения определенных социальных знаний. Многие лингвисты, психологи и философы, которые принимали участие в обсуждении гипотезы Берлина—Кея, часто недооценивали важность этого факта. Если и существует универсальная субструктура различий в семантическом поле цвета, то тогда следует признать и наличие неуниверсальной и, возможно, более объемной суперструктуры, обусловленной культурными особенностями.

Второе существенное замечание по поводу гипотезы Берлина—Кея касается понятия фокусного участка, или фокуса. Хотя мы начали наше обсуждение с рассмотрения цветового спектра как визуального континуума, теперь уже ясно, что в определенном смысле это было неправильно. Человек (как и все животные) устроен таким образом, что с нейрофизиологической точки зрения он реагирует на одни стимулы, но не реагирует на другие. Это может, по крайней мере отчасти, служить основанием для утверждения о том, что существуют такие цветовые фокусы, которые обладают большей значимостью и, следовательно, являются универсальными (см. *Clark & Clark 1977, 526 ff*). Такие фокусы служат ориентирами, в соответствии с которыми мы накладываем определенную структуру на остальную часть физического континуума, если только мы вообще это делаем. Кроме того, они являются прототипами при усвоении других цветообозначений. Например, когда мы усваиваем значение слова *красный*, мы сначала связываем его только с фокусом, а затем уже расширяем сферу денотации этого термина с фокуса на соседние не вполне определенные участки спектра. Но прототипическое, или фокусное, значение термина *красный* и в дальнейшем остается для нас отправной точкой, и мы стремимся связать этот цвет в нашем сознании с чем-нибудь, что является для нас привычным в нашей повседневной жизни. Так, например, значение 'красный' можно связать, в плане прототипического значения, с кровью или огнем (именно так часто и объясняется это значение в словарях). Повторим еще раз, что многие утверждения о цветообозначениях могут быть распространены и на лексический состав языка в целом. Мир опыта в действительности не является для нас нерасчлененным континуумом. Как мы уже говорили в одной из предшествующих глав, мы членим этот мир, по крайней мере до определенной степени, на фрагменты, которые традиционно называются естественными родами (см. 5.3).

Мы также убедились в том, что, во-первых, большинство лексем в естественных языках не обозначают естественные рода, а, во-вторых, денотаты тех лексем, которые являются таковыми, должны быть соответствующим образом закреплены в данной культуре. Тот факт, что к естественным родам относятся определенные вещества благодаря их физическому составу (например, соль) или определенные биологические виды благодаря своей способности рождать и выкармливать детенышей (например, тигры), не имеет никакого значения для лексической структуры языка, но только до тех пор, пока сами по себе эти ве-

щества и эти биологические виды не получили должного культурного осмысления. Последние работы как в области философской семантики, так и в области психолингвистики и социолингвистики обращают наше внимание на ту роль, которую играют установленные культурой прототипы для определения значений слов, независимо от того, обозначают они объекты действительности в традиционном значении этого термина или нет.

10.4. Местоимения в функции обращения

Явление, которое рассматривается в настоящем разделе, уже не раз обсуждалось в лингвистической и прочей литературе и как само по себе, и как пример языковых различий, обусловленных культурой. Мы выбрали здесь это явление потому, что, по крайней мере на первый взгляд, обсуждаемые значения, будучи социальными и экспрессивными, прямо противоположны описательным значениям цветовых терминов.

В большинстве современных европейских языков, хотя и не в литературном английском (в том виде, как его обычно используют большинство говорящих на нем), существует различие между двумя группами местоимений в функции обращения, условно называемыми соответственно вежливыми и фамильярными местоимениями: франц. *vous* : *tu*, нем. *Sie* : *du*, итал. *lei* : *tu*, рус. *вы* : *ты*, исп. *usted* : *tu* и т.д. Происхождения этого противопоставления неясны. Обычно считается, что оно зародилось в латинском языке в последние годы существования Римской империи или в Средние века и затем в разное время распространилось на другие языки. Судя по современной дистрибуции этих местоимений в большинстве европейских языков, это явление несомненно представляет собой результат заимствования. На самом деле процесс заимствования мог происходить на разных уровнях, поскольку заимствование первоначально не обязательно происходило непосредственно из латинского языка, а затем в течении нескольких веков языки, где это противопоставление уже было, подвергались влиянию других языков с аналогичным противопоставлением. Здесь так же, как и в большинстве других случаев, заимствование явилось результатом распространения культур (см. 10.5). Далее для удобства изложения и в соответствии с общепринятой практикой мы будем обозначать фамильярные и вежливые местоимения в обсуждаемых языках соответственно как Т (или «ты») и В (или «вы»).

Психолингвисты, занимающиеся социальными проблемами языка, изучили условия употребления местоимений «ты» и «вы» с точки зрения таких категорий, как «социальное превосходство vs. социальное равенство» коммуникантов, а также «симметричный vs. асимметричный способ обращения». Вообще говоря, можно утверждать, что асимметричный способ обращения указывает на признание различия в статусе коммуникантов. В тех обществах, где отмечен асимметричный способ обращения, есть люди, занимающие более высокое социальное положение или же более могущественные, которые обращаются на «ты» к стоящим ниже

их, а те, в свою очередь, обращаются к ним на «вы». Однако в Европе такая асимметричность стала исчезать в большинстве языков еще в XIX в. Исключения составляют ситуации общения взрослых и детей, не принадлежащих одной семье, а также некоторые другие ситуации. Исторически это объясняется, во-первых, распространением в западном обществе идей равенства и демократии, а во-вторых, возрастающей важностью идеи равноправия, что выражается не просто выражением симметричного способа обращения как такового, но в значительной мере симметричным обращением на «ты». Во многих европейских странах, а особенно во Франции, в последние годы значительно возросло употребление на «ты» среди коллег и знакомых внутри самых различных социальных групп, особенно среди молодежи и тех, кто придерживается либеральных или левых взглядов. Так, например, сейчас уже редко муж и жена обращаются друг к другу на «вы», и так же редко родители и дети используют по отношению к друг другу асимметричный способ обращения на «ты» и на «вы». Тем не менее, именно такое употребление этих местоимений было характерно для семей из высших слоев французского общества, и это употребление все еще кое-где сохраняется.

Необходимо подчеркнуть, все приведенные выше обобщения относительно постепенного перехода от статуса социального превосходства к социальному равенству, что является основным фактором изменений в употреблении местоимений групп Т и В в европейских языках за более чем столетний период, являются по своей природе чисто статистическими. Конечно, не надо думать, что можно точно предсказать, какое именно местоимение будут использовать коммуниканты в заданной ситуации только на основании информации об их социальном положении, возрасте, поле, политических взглядах и т. д. Следует учитывать также и то, что в разных европейских странах даже внутри предположительно одинаковых социальных групп тоже обнаруживаются различия в отношении свободного употребления местоимений группы Т. Тем не менее, описанное выше изменение все же несомненно имело место в этих языках в разной степени и в разные периоды времени.

Этот пример был выбран нами для демонстрации того, что существует, или может существовать, как в синхронии, так и в диахронии, корреляция между социальной структурой общества и не только лексикой, но также и грамматикой языка. Эта корреляция гораздо более распространена в таких языках, как японский, хинди или яванский, чем в любом из европейских языков. Но следует отметить, что в итальянском и испанском языках, в отличие, скажем, от французского, немецкого или русского, в определенных конструкциях существует противопоставление императива и субъюнктива, аналогичного противопоставлению местоимений групп Т и В. Кроме того, в некоторых южных диалектах итальянского языка внутри группы В различаются местоимения *lei* и *voi*, а в некоторых, но не во всех, языках с противопоставлением групп Т и В в соответствующих местоимениях независимым образом различается единственное и множественное число, и так далее. Когда нужно указать, что именно

означают местоимения групп Т и В в конкретном языке, требуется гораздо более подробно описать социальную структуру общества и социальные роли коммуникантов, чем это можно сделать при помощи категорий социального превосходства и социального равенства. Следует также сообщить информацию о том, как местоимения групп Т и В отражаются в грамматической структуре каждого языка, а также правила употребления этих местоимений с титулами, именами и другими словами, выражающими обращение. Тем не менее, при всем этом общий итог ясен: социальный и экспрессивный компонент значения местоимений групп Т и В очевидным образом обусловлен культурным фактором и относится к социально приобретаемым знаниям. И такое знание является скорее практическим, чем теоретическим, так как относится к сфере социальных «ноу-хау».

Местоимения групп Т и В несколько различаются по значению от языка к языку. Удивительные данные предоставляет русская художественная литература XIX в., особенно романы Толстого (см. *Friedrich* 1968). Дело в том, что в то время для представителей русской аристократии была характерна диглоссия: французский язык был для них языковой разновидностью В, а русский — языковой разновидностью Н. Когда русские аристократы говорили между собой по-французски, они обращались друг к другу на «вы», независимо от того, были ли они членами одной семьи или друзьями. В этом отношении они следовали правилам, которые были характерны для высших слоев французского общества того времени. Но когда они говорили по-русски, они употребляли «ты» или «вы»: в разговоре между собой они употребляли симметричный способ обращения, а в разговоре с подчиненными или с теми, кто был ниже по социальному положению — асимметричный. Симметричный способ обращения был обусловлен долговременными, а также кратковременными факторами. К долговременным факторам относится то, что в общих чертах можно охарактеризовать как социальное равенство, основанное на родстве, дружбе, браке и т. д. В результате и мужчины, и женщины обращались к своим знакомым либо на «ты», либо на «вы». К кратковременным факторам относятся сиюминутные настроения и чувства. В особо эмоциональные моменты русский язык, в отличие от французского, позволял говорящему свободно переходить от обусловленного долговременными факторами обращения на «ты», выражающего социальное равенство и близость, к высоко экспрессивному употреблению «вы», выражающему гнев и отчуждение. Кроме того, хотя это прямо и не касается того, что мы сейчас обсуждаем, в такие моменты между коммуникантами могло возникать и кратковременное социальное равенство, благодаря которому разрушались существующие социальные барьеры и на некоторое время симметричный способ обращения на «ты» одерживало верх над долговременным асимметричным обращением на «ты» и на «вы».

Толстой хорошо чувствовал разницу в употреблении местоимений «ты» и «вы» в русском и французском языках в том виде, как это проявлялось в речи представителей того класса, к которому принадлежал и он сам. Он не только использовал эту разницу в своих произведениях,

но иногда и намеренно привлекал к ней внимание читателя. Это объясняется тем, что хотя большинство диалогов, особенно в поздних романах, опубликованы на русском языке, они написаны так, как если бы это был французский язык. На основании данных, содержащихся в самом произведении, включая и информацию о социолингвистических переменных, часто можно определить, следует ли рассматривать данную часть текста как диалог на французском или как диалог на русском языке. Например, в романе *Анна Каренина* те диалоги основных персонажей, которые содержат обращение на «ты», свидетельствуют (за исключением редких примеров, которые можно объяснить конкретным контекстом) о том, что разговор в них идет на русском языке (см. Lyons 1980). Однако употребление местоимения «вы» само по себе еще не обязательно указывает на то, что разговор идет на французском языке. Во-первых, далеко не все персонажи романа обращаются друг к другу на «ты». Во-вторых, наблюдается не только долговременная замена употребления «вы» на «ты» в определенные наиболее примечательные моменты, но и, как отмечалось выше, переход с «ты» на «вы» может происходить во время ссоры, когда коммуниканты говорят по-русски, а обратный переход обозначается возобновлением употребления «ты».

Русские представители того же класса, что и Толстой, которым и предназначались его произведения обсуждаемого периода, воспринимали эти языковые особенности более или менее автоматически. Они одинаково хорошо владели русским и французским, и в своей повседневной жизни использовали две различные и несопоставимые системы противопоставлений местоимений «ты» и «вы». Зная, употреблено ли в тексте местоимение «вы» в рамках французской или русской системы, они безошибочно и в большинстве случаев неосознанно воспринимали переход от русского «вы» к «ты» и обратно. Многие такие переходы значимы, и некоторые, но не все, специально выделены автором. Современные читатели скорее всего пропустят такие места, если только они не научатся воспринимать их так, как это делали современники Толстого.

Рассмотрим другой пример. Читающий английский перевод не может пройти мимо его примечательных особенностей: в английском языке некоторые значения нельзя передать иначе, как при помощи местоимений *thou* : *you*, выполняющих функцию местоимений групп Т и В. Но это вряд ли можно считать нормальным переводом. Аналогичный эффект не достигается также и при помощи других слов в функции обращения, например, нежных слов и имен. Обычно переводы, выполненные на литературном английском языке, содержат такие добавления, но легко показать, что желаемый эффект при этом не достигается (см. Lyons 1980).

Можно предполагать, что французские переводы справляются с этой проблемой гораздо лучше. В некотором смысле это так, но только если делать то же самое, что Толстой делал для перехода от французского к русскому. Но если большинство русских читателей времен Толстого были двуязычные, т. е. одинаково хорошо владели русским и французским, то обычный француз, читающий Толстого, значительно отличается

от них. Поэтому любой француз, читающий Толстого во французском переводе, где на месте рус. *вы* употребляется франц. *vous*, а на месте рус. *ты* — франц. *tu*, должен интерпретировать одни местоимения в рамках русской системы употреблений, а другие — в рамках французской системы, но не современной, а времен Толстого. Ему не обязательно знать оба языка, но он обязательно должен быть знаком, в определенной степени и в определенном аспекте, с обеими культурами — русской и французской.

Именно в этом заключается суть приведенного выше примера. Большинство языков, а может быть и все, демонстрируют различия в грамматике и лексике, происходящие от того, какие именно значения они выражают в связи с существующими функциональными различиями в культуре, или даже субкультуре, в рамках которой они используются. Такими значениями обычно, но не обязательно, бывают скорее социальные и экспрессивные, но не описательные значения. Но то, что было сказано в предыдущем разделе о соединении по-видимому универсальной субструктуры с культурно обусловленной, но не универсальной суперструктурой, верно также и в отношении значений такого рода. Как мы уже убедились, противопоставление местоимений групп Т и В в русском языке отличается от соответствующего противопоставления во французском языке. Но для тех, кто не знаком ни с русским, ни с французским языком, разницу в употреблении этих местоимений можно объяснить с помощью довольно общих, хотя и не универсальных понятий, связанных с социальным положением, родством, любовью, дружбой и т. д. Аналогичным образом антропологи, социолингвисты и литературные критики более или менее адекватно могут пояснить значение выражения из другого языка, которое непонятно из-за разницы культур. К этому положению мы еще вернемся в следующем разделе. Здесь нужно, однако, подчеркнуть, что теоретическая возможность более или менее удовлетворительного объяснения обусловленного культурой грамматического или лексического противопоставления при помощи другого языка, где это противопоставление отсутствует, на практике не обязательно означает, что данное различие должно быть отражено в переводе. Перевод не следует смешивать с метаязыковыми пояснениями¹⁾.

10.5. Общность культур, распространение культур и возможности перевода

В данной главе, а также вообще в данной книге мы развиваем и иллюстрируем тезис о том, что язык представляет собой одновременно и биологическое, и культурное явление. Конкретные языки, как

¹⁾ Термин «метаязыковой» употребляется в современной лингвистике в смысле 'относящийся к описанию или анализу структуры языка вообще или конкретного языка' (о понятии метаязыка см. 5.6). В постблумфильдском структурализме этот термин употреблялся также по отношению к изучению языка в контексте культуры. В данном случае допустимы оба понимания этого термина.

представляется, обладают как универсальной субструктурой, несомненно отраженной в грамматике и лексике, а также, возможно, в фонологии, так и неуниверсальной суперструктурой, которая не основана на данной субструктуре, а объединяется с ней в единое целое.

Универсальная субструктура отчасти определяется генетически наследуемыми мыслительными возможностями человеческого ума, а также, что не менее важно, генетически обусловленными стремлениями и желаниями человека. Кроме того, она определяется также взаимодействием этих биологически обусловленных когнитивных и некогнитивных факторов с окружающим миром в том виде, в каком он предстает перед человеком. Существует ли отдельно способность к усвоению языка, пока остается неясным (см. 8.4). Тем не менее, процесс усвоения языка происходит таким образом, что успешная передача универсальных черт языка биологическим путем зависит также и от процесса передачи культуры.

Что касается неуниверсальной суперструктуры, это в значительной степени вопрос передачи культуры, причем в двух разных смыслах. Не только та часть языковой компетенции, которая передается от поколения к поколению через конкретные общественные институты, но и то, что передается, является важной частью культуры данного общества. Коль скоро языковая компетенция конкретного языка предполагает способность порождать и понимать предложения на данном языке, тогда это безусловно является частью культуры, т. е. социальным знанием (см. 10.1). Дело в том, что существенная часть значения языковых выражений, включая как описательные, так и социальные и экспрессивные значения, являются неуниверсальными и культурно обусловленными. Мы уже говорили об этом в связи в двумя различными примерами в двух предыдущих разделах. Мы сочли необходимым упомянуть также и о том, что хотя иногда невозможно перевести все предложения одного языка на другой язык без искажений и некоторых компромиссов, все же можно более или менее удовлетворительно объяснить человеку, не знакомому с языком и культурой оригинала, даже такие обусловленные культурой выражения, которые трудно перевести на любой знакомый этому человеку язык.

Это можно сделать потому, что между любыми двумя обществами наблюдается бóльшая или меньшая общность культур. В отдельных случаях совокупность общих черт может оказаться не больше, чем это можно предсказать исходя из того, что является универсальным для любой культуры из-за общности биологического происхождения и сходства окружающей среды в разных частях света. Однако в силу различных причин, включая и то, что в антропологии называется распространением культур, количество общих культурных черт оказывается далеко не минимальным. Вообще говоря, возможность перевода с языка на язык определяются степенью общности культур. Однако, как мы могли убедиться на примере русских и французских местоимений, употребленных в функции обращения в романах Толстого, даже в тех случаях, когда такие местоимения нельзя точно перевести на английский, их употребление все же можно объяснить носителям английского языка с помощью достаточно

общих понятий, в терминах которых, с незначительными отличиями, описывается и их собственная культура.

То же самое можно было бы сказать про языки, в которых представлены разнообразные формы вежливости (например, яванский, корейский, тайский и другие языки юго-восточной Азии), или про такие языки, как японский, где хотя и имеются специальные местоимения вежливости, но гораздо шире для аналогичных целей используются термины родства и титулы. На первый взгляд это сильно отличается от того, что мы наблюдаем в англоязычных сообществах. Но культурные параметры, которые определяют асимметричный способ обращения — социальное превосходство, возраст, родство, пол и т. д. — столь же важны в нашей культуре, как и в указанных языках, хотя эти параметры оказывают меньшее влияние на грамматику и лексику английского языка. Например, перечисленные факторы определяют не только симметричное и асимметричное употребление имен и титулов, но и условия, при которых (как и в японском языке) человек, занимающий более высокое положение, может указать на самого себя, используя тот же термин родства или звание, с помощью которого к нему обращается тот, кто занимает более низкое положение (ср. употребление слов *daddy* 'папа', *mummy* 'мама', *teacher* 'учитель' в предложении *Didn't daddy/mummy/teacher tell you to put your books away?* 'Разве папа/мама/учитель не велел(а) тебе убрать книги?'). Общность таких культурных черт позволяет нам в целом понять описания семантической структуры других языков, которые являются предметом обсуждения в литературе по социолингвистике и антропологии (см. *Hymes* 1964). Тем не менее, было бы ошибкой считать, что такой способ изучения семантической структуры других языков является чем-то больше, чем просто искусственным приемом. Полное понимание многих видов значений, отраженных в грамматике и лексике языка, приходит только с постижением культуры (или даже культур), в рамках которой говорят на данном языке.

Такое мнение является общим не только для социолингвистики и этнолингвистики, но и для литературоведения. И изучение в английских школах и университетах определенного набора иностранных языков — таких, которые считаются языками культуры (франц. *langues de culture* — см. 10.1) в узком смысле этого термина — является традиционным и вполне оправдано в основном по тем же соображениям. Конкретные языки исторически связаны с определенными культурами. Язык дает ключ к культуре, проводником которой он является, и особенно к литературе на этом языке. Нельзя понять собственно язык иначе, чем в контексте культуры, с которой он неразрывно связан. Таким образом, язык и культуру следует изучать вместе. Этот аргумент нельзя опровергнуть в качестве общего принципа. Конечно, можно спорить о том, опираются ли традиционные цели и методы обучения иностранному языку на достаточно широкое понимание культуры. Но это уже другая проблема. Обучение иностранному языку может и должно быть привязано к определенным целям. Одна из таких целей заключается в восприятии культуры, отличной

от той, в рамках которой данный индивид воспитывался, в и широкомасштабном участии в ней в качестве ее нового носителя.

Существуют такие аспекты взаимодействия языка и культуры, которые оцениваются ниже, чем они того заслуживают. Один из них, который тесно связан с проблемами перевода, — это ситуация, когда культурные контакты в определенной степени сглаживают, а иногда и вовсе скрывают, семантические особенности языков. Более явные последствия культурных контактов уже упоминались ранее: это заимствования и кальки (см. 10.2). Здесь нас интересует менее четко выделяемая разновидность калькирования — явление, которое могло бы не считаться таковым, тем более что во многих случаях его трудно отличить, с одной стороны, от обычного перевода, а с другой стороны, от языкового творчества, которое, хотя, возможно, и не регулируется действием особых правил, оказывается в сфере действия языковой компетенции обычного индивидуума.

Предположим, например, что мы переводим на английский язык текст с классического греческого языка на английский и столкнулись с греческим словом *sophia*. Обычно оно переводится как 'мудрость'. Действительно, во многих контекстах это будет абсолютно правильным эквивалентом. Например, предположим, что предложение из произведения Платона, содержащее прилагательное *sophos*, которое соотносится со словом *sophia* так же, как в английском слово *wise* 'мудрый' соотносится со словом *wisdom* 'мудрость', переведено на английский язык как *Homer was wiser than Hesiod* 'Гомер был мудрее Гесиода'. Человек, который плохо знаком с греческим языком и не обладает достаточным знанием соответствующего социального и культурного фона, вне контекста может понять это предложение таким образом, как если бы слово *wise* 'мудрый' здесь было употреблено в том же значении, что и во фразе типа *Shakespear was wiser than Marlow* 'Шекспир был мудрее Марлоу'. Но верна ли такая интерпретация? Если не знать соответствующего контекста, определенного ответа на этот вопрос дать нельзя, поскольку слово *sophia* несомненно соответствует тому, что в современном английском обозначается как *wisdom* 'мудрость'. Но на самом деле слова *sophia* и *wisdom* обладают разным диапазоном значений. Во многих контекстах более точным переводом приведенного греческого предложения будет английская фраза *Homer is a better poet than Hesiod* 'Гомер как поэт лучше Гесиода'. Можно показать, что такой перевод действительно ближе к греческому оригиналу, где слово *sophos* употреблено в прототипическом смысле. Если башмачник или плотник хорошо выполняет свою работу, по-гречески его можно назвать словом *sophos*, равно как и хорошего доктора, поэта или государственного деятеля. Возможно, кто-то скажет на это, что нельзя быть хорошим государственным деятелем, или даже хорошим поэтом, не будучи мудрым, но то, что мы обычно по-английски называем мудростью, ни в коей мере не является обязательным атрибутом хорошего башмачника, плотника или поэта.

Однако при переводе с одного языка на другой далеко не всегда учитывается обычное употребление слов. Предположим, что мы переводим один из многочисленных отрывков из диалогов Платона и там есть вопро-

сительное предложение, которое традиционно звучит по-английски как *Is virtue teachable?* 'Можно ли обучиться добродетели?' (оно соответствует известному парадоксу Сократа «Никто не совершает зло намеренно» и многим другим изречениям, столь же известным как в греческой философии, так и во всей западноевропейской философии, которая восходит к греческой традиции). Мы будем вынуждены употребить слово *wisdom* 'мудрость' для перевода греческого *sophia* (а также *virtue* 'добродетель' или *goodness* 'добродетель' для перевода греческого *arete*) или какое-нибудь другое слово, которое в его обычном смысле для перевода не подойдет.

Но что понимается под буквальным переводом? В одних случаях это такой перевод, который не учитывает разницу между символами и метафорами двух языков. Однако во многих случаях, таких, например, как упомянутые выше отрывки из диалогов Платона, где слово *sophia* последовательно переводится как *wisdom* 'мудрость', а слово *arete* — как *virtue* 'добродетель'), разница между буквальным и метафорическим, или между буквальным и символическим прочтением оказывается нерелевантной. Здесь оказывается важной разница в описательных значениях слов и обусловленных культурой прототипов, которые им соответствуют. В английском тексте мы могли бы вместо английского слова *wisdom* употребить собственно греческое слово *sophia*. В целом это равнозначно предыдущему варианту, и именно так можно было бы поступить с текстом, предназначенным в первую очередь для англоязычных студентов, которые изучают философию и в достаточной степени знакомы с греческой культурой, но недостаточно хорошо знают греческий язык для того, чтобы читать греческие тексты в оригинале. Однако по некотором размышлении, особенно при наличии опыта перевода, становится ясно, что проблему создают вовсе не такие странные слова, как *sophia* или *arete*, которые сглаживают разницу между калькированием и обычным переводом. Значения слов *sophia* и *arete* обсуждаются здесь потому, что тексты, в которых они употребляются, являются очень важными с точки зрения философии, а также с точки зрения культуры — если употреблять термин «культура» в узком смысле. Следовательно, к переводу таких слов нужно подходить с особой тщательностью.

Подобные примеры можно найти в любом другом классическом языке. Например, санскритские слова *dharma* в разных контекстах переводятся по-разному: *duty* 'долг', *custom* 'обычай', *law* 'закон', *justice* 'справедливость' и т. д. Но его прототипическое значение в том виде, в котором оно развилось позже и было заимствовано многими языками, оказывается настолько связанным с культурой, особенно для приверженцев индуизма и буддизма, что слово *dharma* было заимствовано как калька английским и другими европейскими языками. Аналогичным образом в европейские языки из арабского языка через турецкий и персидский проникло слово *kismet*, употребляющееся в таком значении, которое можно считать прототипическим исламским. Естественно полагать, что эти слова были заимствованы как кальки именно потому, что перевод слова *dharma* как *duty* 'долг', а *kismet* как *fate* 'судьба' или *destiny* 'предназначение', означа-

ло бы неправильное отражение их очень важных культурных коннотаций. Греческое слово *sophia* и подобные ему также могли бы быть заимствованы английским языком как кальки, если бы существовали контакты между английским и каким-либо другим сообществом, в котором употреблялось бы это греческое слово. Тогда слово *sophia* можно было бы определить аналогично тому, как в индуистском обществе *dharma* человека определяется его кастовой принадлежностью. И, конечно, греческий язык, как непосредственно, так и через посредство латыни, оказал такое же влияние на лексику европейских языков, какое санскрит и арабский на протяжении многих веков оказывали на лексику языков Азии и Африки.

С подобной проблемой сталкиваются и антропологи в отношении языков, которые, в отличие от греческого, санскрита и арабского, в общемировом масштабе не играли роль языков общепризнанных культур, т. е. того, что выше было охарактеризовано как языки культуры (в смысле франц. *langues de culture*). В таких случаях исследователи должны сами решить, использовать ли кальку из языка того сообщества, которое он описывает (подобно тому, как в XVIII в. из полинезийского языка тонга было заимствовано и затем распространилось по свету слово *taboo* 'табу'), или же взять какое-то слово из своего языка и специально или неосознанно использовать его в качестве калькированного перевода для описания данного явления. В конце концов, нет разницы между действиями антрополога или какого-нибудь другого специалиста, который, используя калькированные выражения, тем самым расширяет лексические значения своего родного языка, и действиями переводчика, который переводит с одного языка на другой тексты, находящиеся за пределами общей части двух культур.

Более того, в конечном итоге нет также разницы между подобным более или менее специальным калькированным переводом и тем, как носитель языка употребляет знакомые ему слова в новых контекстах, тем самым выходя за рамки их прототипических значений. Например, он может локализовать на шкале денотации слов *cap* 'кепка', *hat* 'шляпа' или *bonnet* 'капор' разные виды головных уборов, характеризующих другую культуру. При первой встрече с незнакомыми плавучими средствами носитель английского языка может назвать словом *boat* 'лодка' не только каноэ, но и катамаран (независимо от того, использует ли он также и местные их названия). Он может также назвать словом *wedding* 'свадьба' или *funeral* 'похороны' разнообразные обычаи, которые имеют весьма отдаленное отношение к тому, что прототипически является свадьбой или похоронами в восприятии носителя английского языка.

И еще один момент. Случилось так, что английский и другие основные европейские языки, как это уже отмечалось в главе про язык и общество, во многих отношениях не являются достаточно типичными представителями языков мира. В частности, английский язык использовался в качестве административного языка в империи с большим разнообразием культур. Его носителями являются представители самых разных этнических групп и приверженцы самых разных религий, живущие по всему

свету. Его широко используют антропологи, миссионеры и писатели, не только при описании известных сообществ, но также и в романах, пьесах и т. д., действие которых происходит в тех странах и сообществах, где обычно не говорят по-английски. Это означает, что словарный состав английского языка, в большей степени, чем словарь других европейских языков, почти во всех областях подвергся расширению и изменению за счет калькирования. Таким образом, соотношение между семантической структурой английского языка и теми культурами, которые он обслуживает, оказывается более сложным и разнообразным, чем для большинства других языковых сообществ. В силу этого у носителей английского и основных европейских языков есть больше оснований верить в то, что возможен перевод с одного языка на другой, чем у носителя большинства других языков. Это обстоятельство важно учитывать при знакомстве с теоретическими спорами по поводу природы языка, где приводятся примеры исключительно из основных европейских языков.

Теперь мы подходим к итогу нашего анализа. Лингвисты часто провозглашают (по крайней мере в качестве рабочей гипотезы) принцип о том, что примитивных языков не существует, т. е. что все языки характеризуются приблизительно одинаковой сложностью и одинаково хорошо приспособлены к использованию в коммуникативных целях в тех обществах, где на них говорят (см. 2.4). Однако сам по себе этот принцип не означает, что все языки одинаково успешно могут быть использованы для разных коммуникативных целей. Действительно, как мы уже видели, одни языки, играя роль мировых языков, обладают большей гибкостью и многосторонностью, чем большинство других языков. Другие языки, независимо от того, играют они роль мировых языков или нет, соотносятся с определенными культурами в более узком, или классическом смысле термина «культура» (см. 10.1). Было бы парадоксально, и даже абсурдно, считать, что принцип равенства языков означает, что родной язык индивида не оказывает влияния на его интеллектуальное и эстетическое развитие, не говоря уже о продвижении по службе и материальном положении (см. 9.5). Есть серьезные причины, в силу которых в школах и университетах изучается определенный набор иностранных языков. Лингвисты, настаивающие на принципе равенства языков, вовсе не обязательно считают, что все культуры достойны того, чтобы быть отраженными в том, что обычно считается образованием. Это проблема, по которой как лингвист, так и отдельный индивид, может иметь свою точку зрения. И общего профессионального мнения здесь не существует.

Дополнительная литература

В целом рекомендуется тот же список, что и в главе 9. Из упомянутых там вводных курсов по проблемам, которые обсуждались в настоящей главе, особенно важны *Hudson* 1980 и *Trudgill* 1974. Из хрестоматий см. *Hymes* 1964. Следует упомянуть также *Burling* 1970 — вводный курс, посвященный как социолингвистике, так и этнолингвистике, но скорее с позиций антропологии, чем социологии или

социальной психологии. Для более углубленного знакомства с данной проблематикой рекомендуется *Ardener 1971*. Иной подход к этнолингвистике содержится в *Crick 1976; Greenberg 1968, 1971; Tyler 1969*.

О гипотезе Сепира—Уорфа дополнительно см. *Black 1959, 1969; Carroll 1953b; Cooper 1973*, глава 5; *Henle 1958; Hoijer 1954; Saporta 1961; Slobin 1971; Whorf 1956*.

О гипотезе Берлина—Кея, степени кодированности и семантических прототипах (включая некоторые важные более ранние работы, помимо тех, что были приведены в общем списке для гипотезы Сепира—Уорфа) см. следующие работы: *Berlin & Kay 1969; Brown 1958a, b; Clark & Clark 1977; Lloyd 1972; Lyons 1977b, 245–250; Osgood, May & Miron 1975*, глава 6; *Rosch 1973, 1974, 1975, 1976*.

О проблемах перевода см.: *Brower 1966; Catford 1965; Nida & Taber 1969; Olshewsky 1969*, глава 9; *Savory 1957; Steiner 1975*. О переводе Библии см.: *Beckman & Callow 1974; Nida 1945, 1964, 1966*.

О местоимениях в функции обращения и противопоставлении местоимений групп Т и В см.: *Adler 1978; Brown & Ford 1961; Brown & Gilman 1960; Brown & Levinson 1978; Friedrich 1968, 1972*. Полный анализ употребления местоимений в функции обращения у Толстого в романе *Анна Каренина* приводится в книге *Lyons 1980*.

Об этнографических особенностях речи см.: *Bauman & Sherzer 1974; Goody 1978; Hymes 1977*.

Об игре слов и лингвистическом творчестве см.: *Bauman & Sherzer 1974; Burling 1970*, главы 10–11, *Hymes 1964*, часть 6. По поводу речитатива и игры в десятки см. работы об афроамериканском английском в США, указанные в главе 9; более подробный анализ содержится в *Abrahams 1974*. Об антонимичной речи в языке валбири см. *Hale 1970*.

О грамотности и ее значении для культуры см.: *Basso 1974; Goody 1968; Goody & Watt 1962*.

Вопросы и упражнения

1. «Есть нечто... противоречивое, или по крайней мере ироничное в том, что сегодня у нас общая лингвистика может многое объяснить в терминах понимания поведения человека, но ничего не говорит с лингвистической точки зрения о человеческой жизни. Голос — это голос гуманизма, рационального идеализма; а рука, как представляется — это рука механизма» (*Hymes 1977, 147*). Прокомментируйте это высказывание с точки зрения того, как вы сами понимаете цели и методологию лингвистики.
2. В чем состоит различие (если таковое имеется) между биологическим и культурологическим подходом к исследованию языка?
3. Дайте критическую оценку гипотезе Сепира—Уорфа на примере какой-либо лексической группы, отличной от цветообозначений.
4. Опишите процесс калькирования; проиллюстрируйте этот процесс примерами, отличными от приведенных в данной главе.
5. Поясните важность понятия степени кодированности и его значение для: (а) теории лингвистической относительности и (б) теории лингвистического детерминизма.

6. «Языковые различия не имеют ограничений и непредсказуемы» (Joos 1966, 228). Прокомментируйте это высказывание с точки зрения теории Хомского о языковых универсалиях (см. 7.4).
7. Покажите, как может быть применено понятие фокусного, или прототипического значения к разным группам лексики естественных языков, отличным от цветообозначений.
8. В чем состоит различие (если таковое существует) между буквальным и свободным переводом? Можете ли вы дать точное определение понятию «буквальный» в данном употреблении?
9. «Весь познавательный опыт и его классификацию можно выразить на любом существующем языке. Там, где отсутствует понятие или слово, можно разнообразить и обогащать терминологию путем слов-заимствований, калек, неологизмов, семантических сдвигов и, наконец, с помощью парафраз» (Jakobson 1966, 234; цит. по: Якобсон 1985, 364). Прокомментируйте это утверждение, приведите примеры для каждого из указанных средств, опишите, как это влияет на язык.
10. (а) «Существование огромного числа переводов Библии, с учетом того, что перевод был выполнен не только на все основные языки мира, но и на так называемые „примитивные“ языки, дает богатый материал и примеры опыта для обсуждения фундаментальных проблем коммуникации...» (Nida 1966, 12). Почему переводы Библии столь примечательны? Оказывают ли религиозные взгляды переводчиков на то, что они считают правильным переводом? Если да, то каким образом? (б) Какие вы знаете английские выражения, которые, по вашему мнению, появились в лексике английского языка в результате перевода Библии? Какие из этих выражений вы считаете фразеологическими и почему? Оказал ли влияние английский перевод Библии на грамматику (i) разговорного английского языка и (ii) литературного английского языка?
11. Какой смысл вы вкладываете в выражение «язык культуры» (франц. *langue de culture*, нем. *Kultursprache*), если вы вообще считаете возможным использовать этот термин?
12. Прочтите одно из описаний этнографии речи, опубликованное в Bauman & Sherzer 1974. Напишите его пересказ объемом 1200 слов, включая ваши собственные краткие комментарии.
13. Если вы знакомы с каким-нибудь языком, в котором есть противопоставление местоимений групп Т и В, и при этом вам доступны носители этого языка, попытайтесь как можно точнее определить и описать социолингвистические/стилистические факторы, влияющие на употребление этих местоимений. Дайте оценку полученным результатам с точки зрения тех обобщений о социальном превосходстве и социальном равенстве, которые приводятся в Brown & Gilman 1960; Brown & Levinson 1978, а также в учебнике по социолингвистике, упомянутом в литературе к главе 9. Обнаруживается ли что-нибудь похожее в грамматике и лексике английского языка?
14. Какими средствами выражается вежливость в английском языке? Поясните такие средства выражения, обращая особое внимание на (а) выражения, употребляемые при встрече и прощании, и (б) правила употребления имен собственных и титулов. Является ли вежливость культурной универсалией? Если нет, можно ли ее рассматривать как обусловленное культурой отражение таких черт, которые являются истинно универсальными для языкового поведения?

15. «Говорящие на разных языках в разных частях света приписывают некоторым из своих сотоварищей незаурядные языковые способности, и такие люди часто пользуются особым уважением» (*Burling 1970, 150*). Дайте оценку какой-нибудь одной разновидности лингвистического творчества (отличной от той, которая в рамках нашей культуры считается способностью к литературному творчеству), например, способность каламбурить, рифмовать, составлять загадки и другие виды игры слов; глоссолалия (произнесение бессмысленных последовательностей звуков), речитатив и игра в десятки (у носителей афроамериканского английского в США), антонимическая речь (речь с перевертышами) в языке валбири. Поясните, какую роль играет каждая такая разновидность лингвистического творчества в соответствующей культуре, и оцените ее значение для общей теории языка и языкового поведения.

ЛИТЕРАТУРА

Предлагаемый ниже список содержит все работы, на которые имеются ссылки как в самом тексте, так и разделах «Дополнительная литература» и «Вопросы и упражнения». Из работ, написанных не по-английски, приводятся, как правило, только такие, для которых есть соответствующий английский перевод. Журнальные статьи указываются лишь в том случае, если они были перепечатаны в полном или сокращенном варианте в более доступных хрестоматиях и антологиях. Поскольку предлагаемый список достаточно большой, наиболее важные общие учебники и хрестоматии отмечены звездочкой. Именно с этими работами, рекомендуется в первую очередь познакомиться тем, кто только начинает заниматься лингвистикой и хочет получить адекватное представление об этой области знаний.

- Abercrombie D.* (1966) *Elements of General Phonetics*. Edinburgh: Edinburgh University Press & Chicago: Aldine.
- Abercrombie D.* (1967) *Problems and Principles in Language Study*. London: Oxford University Press.
- Abrahams R. D.* (1974) *Black talking on the streets // Bauman & Sherzer* (1974).
- Adler M. K.* (1978) *Naming and Addressing: A Sociolinguistic Study*. Hamburg: Buske.
- Aitchison J.* (1976) *The Articulate Mammal*. London: Hutchinson.
- * *Aitchison J.* (1978) *Linguistics*, 2nd edn. London: Teach Yourself Books. (1st edn, 1972.)
- Aitchison J.* (1981) *Language Change: Progress or Decay?* London: Fontana.
- Akmajian A. & Heny F. W.* (1975) *An Introduction to the Principles of Transformational Syntax*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Akmajian A., Demers R. A. & Harnish R. M.* (1979) *Linguistics: An Introduction to Language and Communication*. Cambridge, Mass. & London: MIT Press.
- Albert M. L. & Obler L. K.* (1978) *The Bilingual Brain: Neuropsychological Aspects of Bilingualism*. New York, San Francisco & London: Academic Press.
- * *Allen H. B. (ed.)* (1964) *Readings in Applied English Linguistics*, 2nd edn. New York: Appleton-Century-Crofts.
- * *Allen J. P. B. & Corder S. P. (eds)* (1975a) *The Edinburgh Course in Applied Linguistics, Vol. 1: Readings for Applied Linguistics*. London: Oxford University Press. (First published, 1973.)
- Allen J. P. B. & Corder S. P. (eds)* (1975b) *The Edinburgh Course in Applied Linguistics, Vol. 2: Papers in Applied Linguistics*. London: Oxford University Press.
- Allen J. P. B. & Corder S. P. (eds)* (1975c) *The Edinburgh Course in Applied Linguistics, Vol. 3: Techniques in Applied Linguistics*. London: Oxford University Press. (First published, 1974.)
- Allerton D. J.* (1979) *Essentials of Grammar: A Consensus View of Syntax and Morphology*. London & Boston: Routledge & Kegan Paul.
- Allwood J., Andersson L.-G. & Dahl O.* (1977) *Logic in Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- * *Anderson W. L. & Stageberg N. C. (eds)* (1966) *Introductory Readings on Language*, revised edn. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Анпесян Ю. Д.* *Лексическая семантика*. М.: Наука, 1974.
- Arden R. (ed.)* (1971) *Social Anthropology and Language*. London: Tavistock Press.
- Bach E.* (1974) *Syntactic Theory*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Bailey C.-J. N. & Shuy R. W. (eds)* (1973) *New Ways of Analysing Variation in English*. Washington: Georgetown University Press.
- Bailey R. W. & Robinson J. L. (eds)* (1973) *Varieties of Present Day English*. New York: Macmillan.
- Baker C. L.* (1978) *Introduction to Generative-Transformational Syntax*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

- Barber C. L.* (1972) *The Story of Language*, revised edn. London & Sydney: Pan Books.
- Basso K. H.* (1974) *The ethnography of writing* // *Bauman & Sherzer* (1974).
- Baugh A. C.* (1965) *History of the English Language*, 2nd edn. London: Kegan Paul & New York: Appleton-Century-Crofts.
- Bauman R. & Sherzer J. (eds)* (1974) *Explorations in the Ethnography of Speaking*. London & New York: Cambridge University Press.
- Beckman J. & Callow J.* (1974) *Translating the Word of God*. Grant Rapids, Michigan: Zondervan.
- Bell R. T.* (1976) *Sociolinguistics: Goals, Approaches and Problems*. London: Batsford.
- Bergenholtz H. & Mugdan J.* (1979) *Einführung in die Morphologie*. Stuttgart: Kohlhammer.
- Berlin B. & Kay P.* (1969). *Basic Color Terms*. Berkeley: University of California Press.
- Bernstein B.* (1971) *Class, Codes and Control, Vol. i: Theoretical Studies Towards a Sociology of Language*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Berry M.* (1975) *Introduction to Systemic Linguistics I: Structures and Systems*. London: Batsford.
- Berry M.* (1977) *Introduction to Systemic Linguistics II: Levels and Links*. London: Batsford.
- Black M.* (1959) *Linguistic relativity: the views of Benjamin Lee Whorf*. *Philosophical Review* 68: 228–38. Reprinted in *Black M.* (1962) *Models and Metaphors*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Black M.* (1969) *Some problems with «Whorfianism»* // *Hook* (1969).
- Blakemore C.* (1977) *Mechanics of the Mind*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bloch B. & Trager G. L.* (1942) *Outline of Linguistic Analysis*. Baltimore: Linguistic Society of America/Waverly Press.
- Bloomfield L.* (1935) *Language*. London: Alien & Unwin. (American edition, New York: Holt, Rinehart & Winston, 1933.) (Рус. пер. *Блумфилд Л.* Язык. М.: УРСС, 2002.)
- Boas, Franz* (1911) *Handbook of American Indian Languages*. Washington, DC: Smithsonian Institute. (Introduction excerpted in Hymes (1964).)
- Bobrow D. G. & Collins A. (eds)* (1975) *Representation and Understanding: Studies in Cognitive Science*. New York: Academic Press.
- Boden M. A.* (1977) *Artificial Intelligence and the Natural Man*. Hassocks, Sussex: Harvester & New York: Basic Books.
- Boden M. A.* (1980) *Piaget*. London: Fontana/Collins & New York: Viking Penguin.
- Bolinger D. L. (ed.)* (1972) *Intonation*. Harmondsworth: Penguin.
- * *Bolinger D. L.* (1975) *Aspects of Language*, 2nd edn. New York: Harcourt Brace Jovanovich. (1st edn, 1968.)
- Bright W. (ed.)* (1966) *Sociolinguistics*. The Hague: Mouton.
- Bright W. (ed.)* (1968) *Sociolinguistics*. The Hague: Mouton.
- Brosnahan L. F. & Malmberg B.* (1970) *Introduction to Phonetics*. London & New York: Cambridge University Press.
- Brower R. A. (ed.)* (1966) *On Translation*. London & New York: Oxford University Press. (First published, 1959.)
- Brown E. K. & Miller J. E.* (1980) *Syntax: A Linguistic Introduction to Sentence Structure*. London: Hutchinson.
- Brown G.* (1977) *Listening to Spoken English*. London: Longman.
- Brown P. & Levinson S.* (1978) *Universals in language usage* // *Goody* (1978).
- Brown R.* (1958a) *How shall a thing be called?* // *Psychological Review* 65, 14–21. Reprinted in *Oldfield & Marshall* (1968).
- Brown R.* (1958b) *Words and Things*. Glencoe, Ill.: Free Press.
- Brown R.* (1970) *Psycholinguistics*. New York: Free Press.
- Brown R. & Ford M.* (1961) *Address in American English* // *Journal of Abnormal and Social Psychology* 62, 375–385. Reprinted in *Hymes* (1964); *Laver & Hutcherson* (1972).
- Brown R. & Oilman A.* (1960) *The pronouns of power and solidarity* // *Sebeok* (1960). Reprinted in *Fishman* (1968); *Giglioli* (1972); *Laver & Hutcherson* (1972).
- Brown R. & Lenneberg E. H.* (1954). *A study of language and cognition* // *Journal of Abnormal and Social Psychology* 49, 452–460. Reprinted in *Brown* (1970); *Saporta* (1961).
- Burgess A.* (1975) *Language Made Plain*, 2nd edn. London: Fontana/ Collins.

- Burling R.* (1970) *Man's Many Voices: Language in its Cultural Context*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Burling R.* (1973) *English in Black and White*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Bynon T.* (1977) *Historical Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Carroll J. B.* (1953a) *The Study of Language*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Carroll J. B.* (1953b) *Language and Thought*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Cashdan A. & Grudgeon E. (eds)* (1972) *Language in Education: A Source Book*. London & Boston: Routledge & Kegan Paul, in association with The Open University Press.
- Catford J. C.* (1965) *A Linguistic Theory of Translation: An Essay in Applied Linguistics*. London: Oxford University Press. (Рус. пер. Катфорд Дж. С. Лингвистическая теория перевода. М.: УРСС, 2004.)
- Catford J. C.* (1977) *Fundamental Problems in Phonetics*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Chambers J. K. & Trudgill P.* (1980) *Dialectology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- * *Chao Y. R.* (1968) *Language and Symbolic Systems*. London & New York: Cambridge University Press.
- Charniak E. & Wilks Y. A. (eds)* (1976) *Computational Semantics: An Introduction to Artificial Intelligence and Natural Language Comprehension*. Amsterdam: North Holland.
- Chatman S. & Levin S. R. (eds)* (1967) *Essays on the Language of Literature*. Boston, Mass.: Houghton Mifflin.
- Cherry C.* (1957) *On Human Communication*. Cambridge, Mass.: MIT Press. (Reprinted, New York: Science Editions, 1959.)
- Chomsky N.* (1957) *Syntactic Structures*. The Hague: Mouton. (Рус. пер. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. 2. М.: ИЛ, 1962.)
- Chomsky N.* (1959) Review of B. F. Skinner, *Verbal Behavior* // *Language* 35, 26–58. Reprinted in *Fodor & Katz* (1964); *Jakobovits & Miron* (1967).
- Chomsky N.* (1965) *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, Mass.: MIT Press. (Рус. пер. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 1972.)
- Chomsky N.* (1966) *Cartesian Linguistics*. New York: Harper & Row.
- Chomsky N.* (19723) *Language and Mind*, 2nd enlarged edn. New York: Harcourt Brace. (First edn, 1968.) (Рус. пер. Хомский Н. Язык и мышление. Язык и проблемы знания. Благовещенск, 1999.)
- Chomsky N.* (1972b) *Problems of Knowledge and Freedom*. London: Barrie & Jenkins.
- Chomsky N.* (1976) *Reflections on language*. London: Temple Smith.
- Chomsky N.* (1979) *Rules and Representations*. New York: Columbia University Press. (British edn, Oxford: Blackwell, 1980.)
- Chomsky N. & Halle M.* (1968) *The Sound Pattern of English*. New York: Harper & Row.
- Clark H. H. & Clark E. V.* (1977) *Psychology and Language: An Introduction to Psycholinguistics*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- Cook W. A.* (1969) *Introduction to Tagmemic Analysis*. Washington, DC: Georgetown University Press.
- Cooper D. E.* (1973) *Philosophy and the Nature of Language*. London: Longman.
- Corder S. P.* (1973) *Introducing Applied Linguistics*. Harmondsworth: Penguin.
- Crick M.* (1976) *Explorations in Language and Meaning: Towards a Semantic Anthropology*. London: Malaby.
- Criper C. & Widdowson H. G.* (1975) *Sociolinguistics and language teaching* // *Allen & Corder* (1975b).
- * *Crystal D.* (1971) *Linguistics*. Harmondsworth: Penguin.
- Crystal D.* (1976) *Child Language, Learning and Linguistics: An Overview for the Teaching and Therapeutic Professions*. London: Arnold.
- Crystal D. & Davy D.* (1969) *Investigating English Style*. London: Longman.
- Culicover P. W.* (1976) *Syntax*. London & New York: Academic Press.
- Culler J.* (1973) *The linguistic basis of structuralism* // *Robey* (1973).
- Culler J.* (1975) *Structuralist Poetics*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Culler J.* (1976) *Saussure*. London: Fontana/Collins.
- Curme G. O.* (1935) *A Grammar of the English Language*. Boston: Ginn.

- Dale P. S.* (1976) *Language Development: Structure and Function*, 2nd edn. New York & London: Holt, Rinehart & Winston.
- DeStefano J. S.* (1973) *Language, Society and Education: A Profile of Black English*. Worthington, Ohio: Charles Jones.
- Dik S. C.* (1978) *Functional Grammar*. Amsterdam, New York & London: North Holland.
- Dillard J. L.* (1972) *Black English: Its History and Usage in the United States*. New York: Random House.
- Dillon G.* (1977) *An Introduction to Contemporary Linguistic Semantics*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Dinneen F. P.* (1967) *An Introduction to General Linguistics*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Dinnsen D. (ed.)* (1979) *Current Approaches to Phonological Theory*. Bloomington & London: Indiana University Press.
- Dittmar N.* (1976) *Sociolinguistics: A Critical Survey of Theory and Application*. London: Arnold.
- Dixon R. M. W.* (1980) *The Languages of Australia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Donaldson M.* (1978) *Children's Minds*. London: Fontana/Collins.
- Eco U.* (1976) *A Theory of Semiotics*. London & Bloomington, Ind.: Indiana University Press.
- Edwards A. D.* (1976) *Language in Culture and Class*. London: Heinemann.
- Edwards P.* (1967) *Encyclopaedia of Philosophy*. New York & London: Collier & Macmillan.
- Ehrmann J. (ed.)* (1970) *Structuralism*. New York: Doubleday.
- Elliot A.* (1981) *Child Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Elson B. & Pickett V.* (1962) *An Introduction to Morphology and Syntax*. Santa Ana, Calif.: Summer Institute of Linguistics.
- Emeneau M. S.* (1980) *Language and Linguistic Area*. Selected and introduced by A. S. Dil. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Ervin-Tripp S.* (1973) *Language Acquisition and Language Choice*. Selected and introduced by A. S. Dil. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- * *Falk J. S.* (1973) *Linguistics and Language*. Lexington, Mass. & Toronto: Xerox College Publishing.
- Ferguson C. A.* (1959) Diglossia // *Word* 15, 325–340. Reprinted in *Giglioli* (1972); *Hymes* (1964).
- Ferguson C. A.* (1971) *Language Structure and Language Use*. Selected and introduced by A. S. Dil. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Fink S. R.* (1977) *Aspects of a Pedagogical Grammar Based on a Case Grammar and Valence Theory*. Tübingen: Niemeyer.
- Firth J. R.* (1957) *Papers in Linguistics 1934–51*. London: Oxford University Press.
- Fischer-Jørgensen, E.* (1975) *Trends in Phonological Theory: A Historical Introduction*. Copenhagen: Akademisk Forlag.
- Fishman J. A.* (1965) Who speaks what language to whom and when // *La Linguistique* 2. 67–88. Revised as «The relationship between micro- and macro-sociolinguistics in the study of who speaks what language to whom and when» // *Pride & Holmes* (1972).
- Fishman J. A. (ed.)* (1968) *Readings in the Sociology of Language*. The Hague: Mouton.
- Fishman J. A.* (1970) *Sociolinguistics: A Brief Introduction*. Rowley, Mass.: Newbury House.
- Fishman J. A.* (1972a) *The Sociology of Language*. Rowley, Mass.: Newbury House.
- Fishman J. A. (ed.)* (1972b) *Advances in the Sociology of Language*, 2 vols. The Hague: Mouton.
- Fishman J. A.* (1972c) *Language and Nationalism*. Rowley, Mass.: Newbury House.
- Fishman J. A., Ferguson C. A. & Das Gupta J. (eds)* (1968) *Language Problems of Developing Nations*. New York: Wiley.
- Fletcher, Paul & Garman, Michael (eds)* (1979) *Language Acquisition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fodor J. A.* (1975) *The Language of Thought*. New York: Crowell & Hassocks, Sussex: Harvester.
- Fodor J. A. & Katz J. J. (eds)* (1964) *The Structure of Language: Readings in the Philosophy of Language*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Fodor J. D.* (1977) *Semantics: Theories of Meaning in Generative Linguistics*. New York: Crowell & Hassocks, Sussex: Harvester.
- * *Fowler R.* (1964) *Understanding Language: An Introduction to Linguistics*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Fowler R. (ed.)* (1966) *Essays on Style and Language*. London: Routledge & Kegan Paul.

- Francis W. N.* (1967) *The English Language: An Introduction*. London: English Universities Press.
- Freeman D. C. (ed.)* (1970) *Linguistics and Literary Style*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Friedrich P.* (1968) Structural implications of Russian pronominal usage // *Bright* (1968).
- Friedrich P.* (1972) Social context and semantic feature: the Russian pronominal usage // *Gumperz & Hymes* (1972).
- Fries C. C.* (1952) *The Structure of English. An Introduction to the Construction of English Sentences*. New York: Harcourt Brace.
- * *Fromkin V. & Rodman R.* (1974) *An Introduction to Language*, 2nd edn. New York: Holt, Rinehart & Winston. (1st edn, 1974.)
- Fry D. B.* (1977) *Homo Loquens*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fry D. B.* (1979) *The Physics of Speech*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fudge E. C.* (1970) *Phonology* // *Lyons* (1970).
- Fudge E. C. (ed.)* (1973) *Phonology*. Harmondsworth: Penguin.
- Gaeng P. A.* (1971) *Introduction to the Principles of Language*. New York: Harper & Row.
- Garvin P. L. (ed.)* (1964) *A Prague School Reader on Aesthetics, Literary Structure and Style*. Washington, DC: Georgetown University Press.
- Gelb I. J.* (1963) *A Study of Writing*, 2nd edn. Chicago: University of Chicago Press, (1st edn, 1952.)
- Gelb I. J.* (1976) *Writing, Forms of*. Encyclopaedia Britannica, 15th edn.
- Giglioli P. P. (ed.)* (1972) *Language and Social Context*. Harmondsworth: Penguin.
- Giles H. (ed.)* (1977) *Language, Ethnicity and Social Context*. London: Academic Press.
- Gimson A. C.* (1970) *Introduction to the Pronunciation of English*, 2nd edn. London: Arnold.
- * *Gleason H. A.* (1961) *Introduction to Descriptive Linguistics*, 2nd edn. New York: Holt Rinehart. (1st edn, 1955.) (Рус. пер. *Глосон Г.* Введение в дескриптивную лингвистику. М.: ИЛ, 1959; М.: Изд. группа «Прогресс», 2002.)
- Gleason H. A.* (1965) *Linguistics and English Grammar*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Goody E. N. (ed.)* (1978) *Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Goody J.* (1968) *Literacy in Traditional Societies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Goody J. & Watt I.* (1962) The consequences of literacy // *Comparative Studies in Society and History* 5, 304–326; 332–345. Excerpts in *Giglioli* (1972).
- Greenberg J.* (1968) *Anthropological Linguistics*. New York: Random House. (Рус. пер. *Гринберг Дж.* Антропологическая лингвистика. Вводный курс. М.: УРСС, 2004.)
- Greenberg J.* (1971) *Language, Culture and Communication*. Selected and introduced by A. S. Dil. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Greene J.* (1972) *Psycholinguistics: Chomsky and Psychology*. Harmondsworth: Penguin.
- Gumperz J. J.* (1971) *Language in Social Groups*. Selected and introduced by A. S. Dil. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Gumperz J. J. & Hymes D. H. (eds)* (1972) *Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Haas W.* (1976) *Writing: the basic options* // *Haas W. (ed.) Writing without Letters*. Manchester: Manchester University Press.
- Hacking I.* (1975) *Why Does Language Matter to Philosophy?* Cambridge: Cambridge University Press.
- Hale K.* (1971) A note on a Walbiri tradition of antonymy // *Steinberg & Jakobovits* (1971).
- Hall R. A.* (1964) *Introductory Linguistics*. Philadelphia & New York: Chilton Books.
- Hall R. A.* (1968) *An Essay on Language*. Philadelphia & New York: Chilton Books.
- Halliday M. A. K.* (1970) *Language structure and language function* // *Lyons* (1970).
- Halliday M. A. K.* (1973) *Explorations in the Functions of Language*. London: Arnold.
- Halliday M. A. K.* (1976) *System and Function in Language: Selected Papers*, ed. G. R. Cress. London: Oxford University Press.
- Halliday M. A. K. & McIntosh A. (eds)* (1966) *Patterns in Language: Papers in General, Descriptive and Applied Linguistics*. London: Longman.
- Halliday M. A. K., McIntosh A. & Stevens P. D.* (1964) *The Linguistic Sciences and Language Teaching*. London: Longman.

- * *Hamp E. P., Householder F. W. & Austerlitz R.* (1966) *Readings in Linguistics II*. Chicago: University of Chicago Press.
- Harman G. (ed.)* (1974) *On Noam Chomsky: Selected Essays*. New York: Doubleday.
- Harris Z. S.* (1951) *Methods in Structural Linguistics*. Chicago: University of Chicago Press. (Reprinted as *Structural Linguistics*, 1951.)
- Haugen E.* (1972) *The Ecology of Language*. Selected and introduced by A. S. Dil. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Haugen E.* (1973) *Bilingualism, language contact, and immigrant languages in the United States: A research report 1956-1970* // Sebeok, T. A. (ed.) *Current Trends in Linguistics*, Vol. 10. The Hague: Mouton.
- Hawkes T.* (1977) *Structuralism and Semiotics*. London: Methuen.
- Hayden D. E., Alworth P. E. & Tate G.* (1967) *Classics in Linguistics*. New York: Philosophical Library.
- Helbig G. (ed.)* (1971) *Beiträge zur Valenztheorie*. The Hague: Mouton.
- Henderson E. J. A.* (1971) *Phonology* // *Minnis* (1971).
- Henle P. (ed.)* (1958) *Language, Thought and Culture*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Hewes G. W.* (1977) *Language origin theories* // *Rumbaugh* (1977).
- * *Hill A. A.* (1958) *Introduction to Linguistic Structures*. New York: Harcourt, Brace & Co.
- Hinde R. A. (ed.)* (1972) *Non-Verbal Communication*. London & New York: Cambridge University Press.
- * *Hockett C. F.* (1958) *A Course in Modern Linguistics*. New York: Macmillan.
- Hockett C. F.* (1960) *Logical considerations in the study of animal communication* // Lanyon W. E. & Tavolga W. N. (eds) *Animal Sounds and Communication*. Washington, DC: American Institute of Biological Sciences. Reprinted in *Hockett.* (1977) *The View from Language: Selected Essays 1948-1974*. Athens, Georgia: University of Georgia Press.
- Hockett C. F. & Altmann S.* (1968) *A note on design features* // *Sebeok* (1968).
- * *Hogins J. B. & Yarber R. E. (eds)* (1969) *Language: An Introductory Reader*. New York: Harper & Row.
- Holjer H. (ed.)* (1954) *Language in Culture*. Chicago: University of Chicago.
- Hook S. (ed.)* (1969) *Language and Philosophy*. New York: New York University Press.
- Hough G.* (1969) *Style and Stylistics*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Householder F. W.* (1971) *Linguistic Speculations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Householder F. W. (ed.)* (1972) *Syntactic Theory I: Structuralist. Selected Readings*. Harmondsworth: Penguin.
- Huddleston R.* (1976) *An Introduction to English Transformational Syntax*. London: Longman.
- Hudson R. A.* (1971) *English Complex Sentences: An Introduction to Systemic Grammar*. Amsterdam: North Holland.
- Hudson R. A.* (1976) *Arguments for a Non-transformational Grammar*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hudson R. A.* (1980) *Sociolinguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hughes A. & Trudgill P.* (1979) *English Accents and Dialects: An Introduction to Social and Regional Variation in British English*. London: Arnold.
- * *Hungerford H., Robinson J. & Sledd J.* (1970) *English Linguistics: An Introductory Reader*. Glencoe, Ill.: Scott, Foresman.
- Hyman L.* (1975) *Phonology: Theory and Analysis*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Hymes D. H. (ed.)* (1964) *Language in Culture and Society*. New York: Harper & Row.
- Hymes D. H. (ed.)* (1971) *Pidginization and Creolization of Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hymes D. H.* (1977) *Foundations in Sociolinguistics: An Ethnographic Approach*. London: Tavistock Publications. (American edn, Philadelphia: University of Philadelphia Press, 1974.)
- International Phonetic Association* (1949) *Principles of the International Phonetic Association*, revised edn. London: International Phonetic Association.
- Ivić, M.* (1965) *Trends in Linguistics*. The Hague: Mouton.
- Jacobs R. A. & Rosenbaum P. S. (eds)* (1970) *Readings in English Transformational Grammar*. Waltham, Mass.: Ginn & Co.

- Jakobovits L. A. & Miron M. S.* (1967) *Readings in the Psychology of Language*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Jakobson R.* (1966) *On linguistic aspects of translation* // Brower (1966).
- Jakobson R.* (1973) *Six leçons sur le son et le sens* (with preface by C. Levi-Strauss). Paris: Minuit. English translation: *Six Lectures on Sound and Meaning*. Hassocks, Sussex: Harvester, 1978. (Рус. пер. *Якобсон Р. Звук и значение* // *Якобсон Р. Избранные работы*. М.: Прогресс, 1985.)
- Jespersen O.* (1909–49) *A Modern English Grammar on Historical Principles*. Heidelberg: Winter & Copenhagen: Munksgaard.
- Jespersen O.* (1922) *Language: Its Nature, Development and Origin*. London: Alien & Unwin.
- Johnson, Nancy A. (ed.)* (1976) *Current Topics in Language*. Cambridge, Mass.: Winthrop.
- Johnson-Laird P. N. & Wason P. C. (eds)* (1977) *Thinking: Readings in Cognitive Science*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jones D.* (1975) *An Outline of English Phonetics*, 9th edn. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jones W. E. & Laver J. (eds)* (1973) *Phonetics in Linguistics*. London: Longman.
- Joos M. (ed.)* (1966) *Readings in Linguistics I*. Chicago: University of Chicago Press, (1st edn, 1957.)
- Kempton R. M.* (1977) *Semantic Theory*. London & New York: Cambridge University Press.
- Kenstowicz M. & Kisseberth C.* (1979) *Generative Phonology*. Bloomington & London: Indiana University Press.
- Keyser S. J. & Postal P. M.* (1976) *Beginning English Grammar*. New York & London: Harper & Row.
- Klima E. & Bellugi U.* (1978) *The Signs of Language*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Koutsoudas A. C.* (1966) *Writing Transformational Grammars*. New York: McGraw-Hill.
- Labov W.* (1972) *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia: University of Philadelphia Press & Oxford: Blackwell.
- Ladefoged P.* (1962) *Elements of Acoustic Phonetics*. Chicago & London: Chicago University Press.
- Ladefoged P.* (1974) *Phonetics* // *Encyclopaedia Britannica*, 15th edn.
- Ladefoged P.* (1975) *A Course in Phonetics*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- Lane M. (ed.)* (1970) *Structuralism: A Reader*. London: Cape.
- Langacker R. W.* (1968) *Language and its Structure*, 2nd edn. New York: Harcourt, Brace & World.
- Langacker R. W.* (1972) *Fundamentals of Linguistic Analysis*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- Lass R. (ed.)* (1969) *Approaches to Historical English Linguistics: An Anthology*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Laver J. & Huicheson S.* (1972) *Communication in Face to Face Interaction*. Harmondsworth: Penguin.
- Lawton D.* (1968) *Social Class, Language and Education*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Leech G. N.* (1969) *A Linguistic Guide to English Poetry*. London: Longman.
- Leech G. N.* (1971) *Semantics*. Harmondsworth: Penguin.
- Leech G. N.* (1976) *Meaning and the English Verb*. London: Longman.
- Lehmann W. P.* (1973) *Historical Linguistics: An Introduction*, 2nd edn. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Lenneberg E. H.* (1967) *Biological Foundations of Language*. New York: Wiley.
- Lepschy G.* (1970) *A Survey of Structural Linguistics*. London: Faber & Faber. (Original Italian edition, *La linguistica strutturale*. Turin: Einaudi, 1966.)
- Leroy M.* (1963) *Les grands courants de la linguistique moderne*. Brussels & Paris: Presses Universitaires. English translation: *The Main Trends in Modern Linguistics*. Oxford: Blackwell, 1967.
- Levinson S.* (1981) *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lieberman P.* (1975) *On the Origins of Language: An Introduction to the Evolution of Human Speech*. New York: Macmillan.
- Linden E.* (1976) *Apes, Man and Language*. London & New York: Penguin. (First published, New York: Dutton, 1975.)
- Lloyd B. B. (ed.)* (1972) *Perception and Cognition: A Cross Cultural Perspective*. Harmondsworth: Penguin.

- Lockwood D. G.* (1972) *Introduction to Stratificational Linguistics*. New York: Harcourt Brace.
- Longacre R. E.* (1964) *Grammar Discovery Procedures: A Field Manual*. The Hague: Mouton.
- Lounsbury F. L.* (1969) *Language and culture // Hook* (1969).
- Love G. A. & Payne M.* (eds) (1969) *Contemporary Essays on Style*. Glenview, Ill.: Scott, Foresman.
- Lyons J.* (1962) Phonemic and non-phonemic phonology // *International Journal of American Linguistics* 28, 127–33. Reprinted in *Jones & Laver* (1973).
- Lyons J.* (1968) *Introduction to Theoretical Linguistics*. London & New York: Cambridge University Press.
- * *Lyons J.* (ed.) (1970) *New Horizons in Linguistics*. Harmondsworth: Penguin.
- Lyons J.* (1974) *Linguistics // Encyclopaedia Britannica*, 15th edn.
- Lyons J.* (1977a) Chomsky, 2nd edn. London: Fontana & New York: Viking/Penguin (1st edn, 1970.)
- Lyons J.* (1977b) *Semantics*, 2 vols. London & New York: Cambridge University Press.
- Lyons J.* (1980) Pronouns of address in Anna Karenina: the stylistics of bilingualism and the impossibility of translation // Greenbaum S., Leech G. & Svartvik J. (eds) *Studies in English Linguistics: For Randolph Quirk*. London: Longman.
- Lyons J.* (1981) *Language, Meaning and Context*. London: Fontana/Collins.
- Mackey W. F.* (1965) *Language Teaching Analysis*. London: Longman.
- McNeill D.* (1970) *The Acquisition of Language: The Study of Developmental Psycholinguistics*. New York: Harper & Row.
- Makkai V. B.* (1972) *Phonological Theory, Evolution and Current Practice*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Makkai A. & Lockwood D. G.* (eds) (1973) *Readings in Stratificational Linguistics*. Alabama: University of Georgia Press.
- Malmberg B.* (1963) *Phonetics*. New York: Dover.
- Malmberg B.* (1964) *New Trends in Linguistics*. Stockholm: Naturmetodens Sprakinstitut.
- Malmberg B.* (ed.) (1968) *A Manual of Phonetics*. Amsterdam: North Holland.
- Martinet A.* (1949) *Phonology as Functional Phonetics*. London: Oxford University Press.
- * *Martinet A.* (1960) *Elements de linguistique générale*. Paris: Colin. English translation: *Elements of General Linguistics*. London: Faber, 1964. (Рус. пер. Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. III. М.: ИЛ, 1963.)
- Martinet A.* (1962) *A Functional View of Language*. Oxford: Clarendon Press.
- Matthews P. H.* (1974) *Morphology: An Introduction to the Theory of Word Structure*. London & New York: Cambridge University Press.
- Matthews P. H.* (1979) *Generative Grammar and Linguistic Competence*. London: Alien & Unwin.
- Matthews P. H.* (1981) *Syntax*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Miller G. A.* (1967) *The Psychology of Communication: Seven Essays*. New York: Basic Books.
- Miller G. A., Galanter E. & Pribram K. H.* (1960) *Plans and the Structure of Behavior*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- * *Minnis N.* (ed.) (1971) *Linguistics at Large*. London: Gollancz.
- Minsky M. L.* (ed.) (1968) *Semantic Information Processing*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Mohrmann C., Sommerfelt A. & Whatmough J.* (eds) (1961) *Trends in European and American Linguistics 1930–1960*. Utrecht & Antwerp: Spectrum.
- Morton J.* (ed.) (1971) *Biological and Social Factors in Psycholinguistics*. London: Logos/Elek Books.
- Nash W.* (1971) *Our Experience of Language*. London: Batsford.
- Nida E. A.* (1945) *Linguistics and ethnology in translation-problems // Word* 1, 194–208. Reprinted in *Hymes* (1964).
- Nida E. A.* (1949) *Morphology: The Descriptive Analysis of Words*, 2nd edn. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Nida E. A.* (1964) *Towards a Science of Translating. With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating*. Leiden: Brill.
- Nida E. A.* (1966) *Principles of translation as exemplified by Bible translating // Brower* (1966).
- Nida E. A. & Taber C. R.* (1969) *The Theory and Practice of Translation*. Leiden: Brill.

- Nilsen D. L. F. & Nilsen A. P.* (1975) *Semantic Theory: A Linguistic Perspective*. Rowley, Mass.: Newbury House.
- Norman F. & Sommerfelt A. (eds)* (1963) *Trends in Modern Linguistics*. Utrecht & Antwerp: Spectrum.
- O'Connor J. D.* (1973) *Phonetics*. Harmondsworth: Penguin.
- Oldfield R. C. & Marshall J. C. (eds)* (1968) *Language: Selected Readings*. Harmondsworth: Penguin.
- Olshevsky T. A. (ed.)* (1969) *Problems in the Philosophy of Language*. New York & London: Holt, Rinehart & Winston.
- Osgood C. E., May W. H. & Miron M. S.* (1975) *Cross-Cultural Universals of Affective Meaning*. Urban, Chicago & London: Chicago University Press.
- Palmer F. R. (ed.)* (1970) *Prosodic Analysis*. London: Oxford University Press.
- Palmer F. R.* (1971) *Grammar*. Harmondsworth: Penguin.
- Palmer F. R.* (1974) *The English Verb*. London: Longman.
- Palmer F. R.* (1976) *Semantics: A New Outline*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Paul H.* (1920) *Prinzipien der Sprachgeschichte*, 5th edn. Tubingen: Niemeyer. English translation of 2nd edn: *Principles of Language History*. London, 1890. Republished in revised edn, Maryland: McGrath, 1970. (Рус. пер. *Пауль Г. Принципы истории языка*. М: ИЛ, 1960.)
- Piaget J.* (1968) *Le structuralisme*. Paris: Presses Universitaires de France. English translation: *Structuralism*. London: Routledge & Kegan Paul, 1971.
- Piattelli-Palmarini M.* (1979) *Théories du langage. Theories de l'apprentissage. Le débat entre Jean Piaget et Noam Chomsky*. Paris: Seuil. English translation: *Language and Learning: The Debate between Jean Piaget and Noam Chomsky*. Boston: Harvard University Press & London: Routledge & Kegan Paul, 1980.
- Potter S.* (1950) *Our Language*. Harmondsworth: Penguin.
- * *Potter S.* (1967) *Modern Linguistics*, 2nd edn. London: Oxford University Press.
- Poutsma H.* (1926-9) *A Grammar of Late Modern English*. Groningen: Noordhoff.
- Premack D.* (1977) *Intelligence in Ape and Man*. New York: Wiley.
- Pride J. B.* (1971) *The Social Meaning of Language*. London: Oxford University Press.
- Pride J. B. & Holmes J. (eds)* (1972) *Sociolinguistics*. Harmondsworth: Penguin.
- Quirk R.* (1968) *The Use of English*, 2nd edn. London: Longman, (1st edn, 1962.)
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G. N. & Svartvik J.* (1972) *A Grammar of Contemporary English*. London: Longman.
- Reibel D. A. & Schane S. E. (eds)* (1969) *Modern Studies in English: Readings in Transformational Grammar*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Ritchie G. D.* (1980) *Computational Grammar*. Brighton, Sussex: Harvester & Totowa, NJ: Barnes & Noble.
- Robey D. (ed.)* (1973) *Structuralism*. London: Oxford University Press.
- Robins R. H.* *General Linguistics. An Introductory Survey*. London: Longmans, 1964.
- Robins R. H.* (1971) *The structure of language* // Minnis (1971).
- Robins R. H.* (1974) *Language* // *Encyclopaedia Britannica*, 15th edn.
- * *Robins R. H.* (19793) *General Linguistics: An Introductory Survey*, 3rd edn. London: Longman, (1st edn, 1964.)
- Robins R. H.* (1979b) *A Short History of Linguistics*, 2nd edn. London: Longman, (1st edn, 1967.)
- Robinson D. F. (ed.)* (1975) *Workbook for Phonological Analysis*, 2nd edn. Huntington Beach, Calif.: Summer Institute of Linguistics, (1st edn, 1970.)
- Robinson W. P.* (1972) *Language and Social Behaviour*. Harmondsworth: Penguin.
- Rosch E.* (1973) *On the internal structure of perceptual and semantic categories* // Moore T. E. (ed.) *Cognitive Development and the Acquisition of Language*. London & New York: Academic.
- Rosch E.* (1974) *Linguistics relativity* // Silverstein E. (ed.) *Human Communication*. Hillsdale: Erlbaum. Reprinted in *Johnson-Laird & Wason* (1977).
- Rosch E.* (1975) *Universals and cultural specifics in human categorization* // Brislin R., Lonner W. & Bohner S. (eds). *Cross-Cultural Perspectives in Learning*. New York: John Wiley.
- Rosch E.* (1976) *Classification of real world objects: origins and representations in cognition* // *Johnson-Laird & Wason* (1977).

- Rosen H. (1972) *Language and Class: A Critical Look at the Theories of Basil Bernstein*. Bristol: Falling Wall Press.
- Rubin J. & Shuy R. (eds) (1973) *Language Planning: Current Issues and Research*. Washington, DC: Georgetown University Press.
- Rumbaugh D. M. (ed.) (1977) *Language Learning by a Chimpanzee*. London & New York: Academic.
- Russell C. & Russell W. M. S. (1971) *Language and animal signals // Minnis* (1971).
- Ryle G. (1949) *The Concept of Mind*. London: Hutchinson. (Republished, Harmondsworth: Penguin, 1963.)
- Samarin W. J. (1967) *Field Linguistics*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Sampson, Geoffrey (1975) *The Form of Language*. London: Weidenfeld & Nicolson.
- Sampson, Geoffrey (1980) *Making Sense*. Oxford: Oxford University Press.
- Sanders, Carol (1979) *Cours de linguistique générale de Saussure*. Paris: Hachette.
- Sapir E. (1921) *Language*. New York: Harcourt Brace. (Рус. пер. Сепур Э. Язык // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: ИГ «Прогресс», «Универс», 1993.)
- Sapir E. (1947) *Selected Writings in Language, Culture and Personality*. Edited by D. G. Mandelbaum. Berkeley & Los Angeles: University of California Press.
- Saporta S. (ed.) (1961) *Psycholinguistics. A Book of Readings*. With the assistance of J. Bastian. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Saussure F. de (1916) *Cours de linguistique générale*. Paris: Payot. (Critical edition by De Mauro, 1978. English translation: *Course in General Linguistics*. New York: McGraw, 1959 & London: Peter Owen, 1960.) (Рус. пер. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: УРСС, 2004.)
- Savory T. (1957) *The Art of Translation*. London: Cape.
- Schane S. (1973) *Generative Phonology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Sebeok T. A. (ed.) (1960) *Style in Language*. Boston, Mass.: MIT Press & London: Wiley.
- Sebeok T. A. (ed.) (1968) *Animal Communication: Techniques of Study and Results of Research*. Bloomington: Indiana University Press.
- Sebeok T. A. (ed.) (1974a) *Current Trends in Linguistics, Vol. 12*. The Hague: Mouton.
- Sebeok T. A. (1974b) *Semiotics: A survey of the state of the art // Sebeok* (1974a).
- Sebeok T. A. (ed.) (1977) *How Animals Communicate*. Bloomington: Indiana University Press.
- Sebeok T. A. & Ramsey A. (1969) *Approaches to Animal Communication*.
- Sebeok T. A., Hayes A. S. & Bateson M. C. (eds) (1964) *Approaches to Semiotics*. The Hague: Mouton.
- Shuy R. W. & Fasold W. (1973) *Language Attitudes: Current Trends and Prospects*. Washington, DC: Georgetown University Press.
- Sinclair J. McH. (1972) *A Course in Spoken English: Grammar*. London: Oxford University Press.
- Siple P. (ed.) (1978) *Understanding Language through Sign Language Research*. New York: Academic Press.
- Skinner B. F. (1957) *Verbal Behavior*. New York: Appleton Crofts.
- Slobin D. I. (1971) *Psycholinguistics*. Glenview, Ill.: Scott, Foresman. (Рус. пер. Словин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М.: УРСС, 2003.)
- Sloman A. (1978) *The Computer Revolution in Philosophy: Philosophy, Science and Models of Mind*. Hassocks, Sussex: Harvester & New York: Humanities Press.
- * Smith N. V. & Wilson D. (1979) *Modern Linguistics: The Results of the Chomsky an Revolution*. Harmondsworth: Penguin. Sommerstein A. H. (1977) *Modern Phonology*. London: Arnold.
- * Southworth F. C. & Daswani C. J. (1974) *Foundations of Linguistics*. New York: Macmillan.
- Stam J. H. (1977) *Inquiries into the Origin of Language: The Fate of a Question*. New York & London: Harper & Row.
- Steinberg D. D. & Jakobovits L. A. (eds) (1971) *Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics & Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Steiner G. (1975) *After Babel: Aspects of Language and Translation*. London: Oxford University Press.
- Stockwell R. P. (1977) *Foundations of Syntactic Theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Stokoe W. C. (1961) *The Study of Sign Language*. Silver Spring, Md.: National Association for the Deaf.

- Sirang B. M. H.* (1970) *A History of English*. London: Methuen.
- Tesnière L.* (1959) *Eléments de syntaxe structurale*. Paris: Klincksieck. (Рус. пер. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988.)
- Thorpe W.* (1974) *Animal Nature and Human Nature*. London: Methuen & New York: Doubleday.
- Todd L.* (1974) *Pidgins and Creoles*. London: Routledge.
- Traugott E. C.* (1972) *A History of English Syntax*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Trubetzkoy N. S.* (1939) *Grundzuge der Phonologie*. Prague. English translation: *Principles of Phonology*. Berkeley: University of California Press. (Рус. пер. *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М.: ИЛ, 1960.)
- Trudgill P.* (1974) *Sociolinguistics: An Introduction*. Harmondsworth: Penguin.
- Trudgill P.* (1975) *Accent, Dialect and the School*. London: Arnold.
- Trudgill P. (ed.)* (1978) *Sociolinguistic Patterns in British English*. London: Arnold.
- Turner G. W.* (1973) *Stylistics*. Harmondsworth: Penguin.
- Tyler S. A.* (1969) *Cognitive Anthropology*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Uldall H. J.* (1944) *Speech and writing // Acta Linguistica (Copenhagen) 4*, 11–16. Reprinted in *Hamp et al.* (1966).
- Ullmann S.* (1962) *Semantics*. Oxford: Blackwell.
- Ullmann S.* (1964) *Language and Style*. Oxford: Blackwell.
- Vachek J.* (1949) *Some remarks on writing and phonetic transcription // Acta Linguistica (Copenhagen) 5*, 86–93. Reprinted in *Hamp et al.* (1966).
- Vachek J. (ed.)* (1964) *A Prague School Reader in Linguistics*. Bloomington: Indiana University Press.
- Vachek J.* (1966) *The Linguistics School of Prague*. Bloomington: Indiana University Press.
- Vachek J.* (1973) *Written Language: General Problems and Problems of English*. The Hague: Mouton.
- Valdman A. (ed.)* (1977) *Pidgin and Creole Languages*. Bloomington: Indiana University Press.
- Vildomec V.* (1963) *Multilingualism*. Leyden: Sythoff.
- Villiers P. A. de & Villiers J. G. de* (1979) *Early Language*. London: Fontana/Open Books.
- Waldron R. A.* (1979) *Sense and Sense Development*, 2nd edn. London: Deutsch. (1st edn, 1967.)
- Weinreich U.* (1953) *Languages in Contact*. New York: Linguistic Circle & The Hague: Mouton.
- Wescott R. W. (ed.)* (1974) *Language Origins*. Silver Spring, Md.: Linstok Press.
- Whiteley W. H. (ed.)* (1964) *Language Use and Social Change: Problems of Multilingualism with Special Reference to Eastern Africa*. London: Oxford University Press.
- Whorf B. L.* (1956) *Language, Thought and Reality*. Selected writings, edited by J. B. Carroll. Cambridge, Mass.: MIT Press & New York: Wiley.
- Widdowson H. G.* (1974) *Stylistics // Alien & Corder (1975c)*.
- Widdowson H. G.* (1976) *Language in Education*. London: Oxford University Press.
- Widdowson H. G.* (1978) *Teaching Language as Communication*. London: Oxford University Press.
- Wilkins D. A.* (1972) *Linguistics in Language Teaching*. London: Arnold.
- Wilks Y. A.* (1972) *Grammar, Meaning and the Machine Analysis of Natural Language*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Williams R.* (1976) *Keywords: A Vocabulary of Culture and Society*. London: Fontana/Croom Helm.
- Winograd T.* (1972) *Understanding Natural Language*. New York: Academic Press & Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Zabeeh F., Klemke E. D. & Jacobson A. (eds)* (1974) *Readings in Semantics*. Urbana, Ill. & London: University of Illinois Press.

Именной указатель

Аристотель 52, 103, 184, 197, 215

Берлин Б. (*Berlin B.*) 280, 281, 294, 298

Бернстайн Б. (*Bernstein B.*) 257, 258, 266, 267, 298

Берри М. (*Berry M.*) 64, 122, 298

Бёрлинг Р. (*Burling R.*) 247, 266, 293, 294, 296, 298, 299

Бёрнетт Дж. (*Burnett J.*) 173

Блок Б. (*Bloch B.*) 13, 14, 298

Блумфилд Л. (*Bloomfield L.*) 42, 43, 45, 46, 65, 110–112, 116, 123, 142, 194, 196, 197, 207–209, 213, 217, 218, 238, 264, 265, 298

Боас Ф. (*Boas F.*) 271, 277, 278, 298

Вернер К. (*Verner K.*) 179, 181, 182

Витгенштейн Л. (*Wittgenstein L.*) 132

Вольтер Ф. (*Voltaire F.*) 57

Галантер Э. (*Galanter E.*) 230, 304

Гердер И. Г. (*Herder J. G.*) 34, 173, 174, 215, 233, 269–272

Гоббс Т. (*Hobbes T.*) 46

Гримм Я. (*Grimm J.*) 179, 180

Гумбольдт В. фон (*Humboldt W. von*) 199, 215, 271, 272

Дарвин Ч. (*Darwin C.*) 167, 215

Декарт Р. (*Descartes R.*) 46, 103, 216, 219, 222

Джоунз, сэр Уильям (*Jones, Sir William*) 173, 186, 194

Диксон Р. (*Dixon R.*) 275, 300

Дюркгейм Э. (*Durkheim E.*) 200

Есперсен О. (*Jespersen O.*) 122, 196, 197, 303

Кассирер Э. (*Cassirer E.*) 202

Кей П. (*Kay P.*) 280, 294, 298

Кларк Х. Х. (*Clark H. H.*) 36, 235, 282, 294, 299

Кларк Э. В. (*Clark E. V.*) 36, 235, 282, 294, 299

Кондильяк Э. (*Condillac E.*) 34, 173, 233

Лабов У. (*Labov W.*) 244, 266, 303

Лайонз Дж. (*Lyons J.*) 8, 9, 36, 64, 94, 121, 122, 125, 162, 212, 236, 286, 294, 301, 304

Леви-Брюль Л. (*Lévy-Bruhl L.*) 215

Лейбниц Г. В. (*Leibniz G. W.*) 219

Локк Дж. (*Locke J.*) 219, 222

Малиновский Б. (*Malinowsky B.*) 134

Мартине А. (*Martinet A.*) 64, 94, 122, 190, 304

Миллер Дж. (*Miller G.*) 230, 304

Минский М. Л. (*Minsky M. L.*) 234, 236, 304

Митфорд Н. (*Mitford N.*) 140

Мэтьюз П. (*Matthews P.*) 98, 122, 123, 212, 213, 304

Остин Дж. Л. (*Austin J. L.*) 159, 160

Пауль Г. (*Paul H.*) 196, 197, 305

Пиаже Ж. (*Piaget J.*) 221, 236, 298, 305

Платон 52, 184, 197, 216, 219, 290, 291

Поппер К. (*Popper K.*) 44, 46

Прибрам К. (*Pribram K.*) 230, 304

Райл Г. (*Ryle G.*) 217, 306

Раск Р. (*Rask R.*) 179

- Робинс Р. (*Robins R.*) 15, 36, 64, 94, 121, 122, 305
Руссо Ж.-Ж. (*Rousseau J.-J.*) 173, 233
- Сепир Э. (*Sapir E.*) 13, 14, 104, 233, 271, 272, 278, 306
Скиннер Б. Ф. (*Skinner B. F.*) 218
Слобин Д. И. (*Slobin D. I.*) 235, 274, 294, 306
Смит Н. В. (*Smith N. V.*) 36, 64, 65, 94, 163, 213, 215, 236, 268, 306
Соссюр Ф. де (*Saussure F. de*) 18, 19, 40, 41, 56, 58, 60, 65, 92, 196, 198–201, 203, 209–213, 299, 306
Софокл 52
- Тарски А. (*Tarski A.*) 158, 160
Толстой Л. 285–288, 294
Традгилл П. (*Trudgill P.*) 242, 245, 259, 266, 267, 293, 299, 302, 307
Тренделенбург А. (*Trendelenburg A.*) 214, 277
Трубецкой 203, 307
Трэгер Дж. Л. (*Trager G. L.*) 13, 14, 298
- Уилсон Д. (*Wilson D.*) 36, 64, 65, 94, 163, 213, 215, 236, 268, 306
Уильямс Р. (*Williams R.*) 269, 307
Уорф Б. Л. (*Whorf B. L.*) 233, 271, 272, 274, 277, 278, 294, 307
- Фергюсон Ч. А. (*Ferguson C. A.*) 254, 266, 300
Фишман Дж. А. (*Fishman J. A.*) 253, 266, 298, 300
Фридрих П. (*Friedrich P.*) 285, 294, 301
Фукидид 52
- Хадсон Р. А. (*Hudson R. A.*) 122, 239, 246, 266, 270, 293, 302
Хаймс Д. Х. (*Hymes D. H.*) 266, 289, 293, 294, 301, 302
Халле М. (*Halle M.*) 94, 203, 299
Холл Р. А. (*Hall R. A.*) 14, 15, 301
Хомский Н. (*Chomsky N.*) 9, 16–19, 27, 29, 38, 44, 47, 59, 61, 64, 89, 94, 99, 101, 103, 105, 109, 110, 112, 114, 117–122, 125, 151, 162, 197, 202, 203, 206–213, 215, 217–221, 225, 229–233, 236, 238, 271, 275, 295, 299, 302, 304
Хьюз А. (*Hughes A.*) 242, 259, 302
- Чосер Дж. (*Chaucer G.*) 167
- Шмидт И. (*Schmidt J.*) 192
- Юм Д. (*Hume D.*) 219
- Якобсон Р. (*Jakobson R.*) 94, 202, 203, 212, 228, 295, 303

Предметный указатель

- Акцент** (произношение) (*accent*) 31, 37, 38, 84, 240, 242–246, 257
аллофон (*allophone*) 82–84, 87, 88, 242, 243
аналогия (*analogy*) 182, 184–190, 195
антонимия (*antonymy*) 144, 145, 163
аспирация (*aspiration*) 73, 77, 80, 87
ассимиляция (*assimilation*) 89, 189, 190, 261
аффиксация (*affixation*) 99
- Берлина—Кея гипотеза** (*Berlin—Kay hypothesis*) 282, 294
билингвизм (двуязычие) (*bilingualism*) 188, 193, 248, 251–256, 259, 266, 267
бихевиоризм (*behaviourism*) 207–209, 216–218
- Валентность** (*valency*) 110, 122, 147, 150, 151
верифицируемости принцип (*verification principle*) 45
Вернера закон (*Verner's Law*) 181, 182, 186
взаимозаменяемость сущностей (*intersubstitutability of entities*) см. дистрибуция
видоспецифичность языковой способности (*species-specificity of language-faculty*) 229
внутренней реконструкции (метод) (*internal reconstruction*) 191, 195, 199
врожденность языковой способности (*innateness of language-faculty*) 229
высказывание (*utterance*) 14, 15, 20, 28–30, 67, 69, 103, 131–134, 151, 152, 157, 159, 204, 205, 207, 208, 210, 226, 229, 231, 232, 234, 252, 261
значение высказывания (*meaning of ~*) 131, 151
коммуникативная функция высказывания (*communicative function of ~*) 109, 205, 227
просодические и параязыковые характеристики высказывания (*prosodic and paralinguistic features of ~*) 30, 93, 100, 242
- Гаплоглогия** (*haploglogy*) 189, 190
генеративизм (*generativism*) 9, 29, 45, 48, 103, 117, 118, 120, 121, 162, 191, 192, 195–197, 200, 202, 204–207, 209–213, 215, 217, 230, 231, 233, 236, 271
гиперкоррекция (*hypercorrection*) 53, 65, 190
гипонимия (*hyponymy*) 144, 145, 163
гласные (*vowels*) 28, 57, 70, 72–74, 76–80, 84, 88, 90, 91, 95, 186
классификация гласных (*classification of ~*) 76, 77, 79
чередования гласных (*alternation of ~*) 185, 186
гласных гармония (*vowel harmony*) 90
грамматика (*grammar*) 16, 20, 27, 35, 96–98, 101, 102, 135, 145
генеративная грамматика (*generative ~*) 9, 86, 88, 96, 103, 105–109, 111, 112, 117–124, 156, 159, 162, 206, 208, 213, 220, 231
грамматика и логика (*~ and logic*) 214, 215
грамматика и семантика (*~ and semantics*) 145, 148, 149, 151
грамматика непосредственных составляющих (НС-грамматика) (*phrase-structure ~*) 119, 220

- грамматика с конечным числом состояний (*finite-state ~*) 119, 120, 124
- грамматика, рассматривающая в качестве основной единицы морфему (*morpheme-based ~*) 99, 111
- конкатенационная грамматика (*concatenation ~*) 120
- традиционная грамматика (*traditional ~*) 20, 34, 43, 44, 49, 51–55, 64, 65, 96, 98, 101, 102, 104, 107–110, 118, 133, 150, 152, 165, 210, 261, 265
- трансформационная грамматика (*transformational ~*) 16, 119–121, 124, 230, 231
- универсальная грамматика (*universal ~*) 209, 214, 215
- усвоение грамматики (*acquisition of ~*) 226, 229
- грамматичность (грамматическая правильность) (*grammaticality*) 63, 98–101, 103, 107, 108, 119, 122, 148–151, 208
- Гримма закон (*Grimm's Law*) 179–182, 191, 194
- Д**
- Двуязычие см. билингвизм
- дейксис (*deixis*) 155–157, 160, 164
- денотация (*denotation*) 141–143, 150, 155, 161, 163, 164, 273, 282, 292
- дескриптивизм (*descriptivism*) 197, 206, 207
- диакритика (*diacritics*) 69, 70, 73, 74, 76
- диалект (*dialect*) 20, 22, 24, 31, 32, 38, 42, 51, 52, 54, 55, 61, 63, 75, 166–170, 175, 176, 183, 185–188, 190, 193, 240–251, 253–259, 261, 267
- диглоссия (*diglossia*) 193, 248, 251, 254–256, 261, 266, 267, 285
- дистрибуция (*distribution*) 82–85, 89, 105–107, 111, 114, 116, 123, 125, 136, 138, 147, 198, 243
- дуализм (*dualism*) 201, 216, 217, 234
- Е**
- Естественные рода (*natural kinds*) 142, 282
- З**
- Зависимость (*dependency*) 109, 110, 115, 123, 212
- заимствование (*borrowing*) 182, 184, 187–190, 195, 276, 283, 290
- звуковое изменение (*sound-change*) 179, 181, 182, 186, 187, 189–191, 193
- средство (*phonic medium*) 66, 82, 242
- сходство (*phonetic similarity*) 82
- звуковые законы (*sound-laws*) 179, 187–189, 191
- значение (*meaning*) 25–27, 52, 56–58, 62, 101, 128, 129, 201, 204, 205, 269, 276, 278, 280
- буквальное и переносное значение (*literal and figurative ~*) 136, 291
- грамматическое значение (*grammatical ~*) 131, 145–147, 151
- значение и использование (*~ and use*) 132, 153–155
- значение термина «значение» (*the meaning of ~*) 129, 136, 140, 154
- лексическое значение (*lexical ~*) 131, 135, 136, 139, 141, 147, 155
- описательное значение (*descriptive ~*) 132, 133, 135, 138–140, 142, 143, 146, 159, 161, 278, 283, 287, 291
- осмысленность и грамматичность (*meaningfulness and grammatically*) 101, 122, 148, 149
- прототипическое значение (*prototypical ~*) 282, 291, 292, 295
- разнообразие значений (*diversity of ~*) 128
- социальное значение (*social ~*) 133–135, 138, 140, 146, 246, 278, 283, 285, 287
- теория значения, основанная на условиях истинности (*truth-conditional theory of ~*) 45, 160

- фокусное значение (*focal ~*) 280, 282, 295
- экспрессивное значение (*expressive ~*) 133–135, 140, 146, 246, 285, 287
- см. также дейксис; денотация; референция; смысл; а также рубрики предложение; высказывание; слово
- Идеализм** (*idealism*) 216, 217, 234, 271
- идиолект (*idiolect*) 32, 33, 240, 245
- идиоматичность (*idiomaticity*) 136
- изоморфизм (*isomorphism*) 23, 61, 65, 279
- изоморфизм в языке (*~ in language*) 24
- изоморфизм языков (*~ between languages*) 279
- имплицативные универсалии (*implicational universals*) 206
- инвентарь элементов (*inventory of elements*) 62, 64
- интонационная модель (*intonation, patterns of*) 60, 100, 227, 262
- интуиция (*intuition*) 47, 48
- искусственный интеллект (*artificial intelligence*) 233–237
- историзм (*historicism*) 196–198, 204, 213, 215
- Калькирование** (*loan-translation*) 276, 290, 291, 293, 294
- класс форм (*form-classe*) 49, 103, 105, 106, 111, 113, 115, 123
- когнитивистика (*cognitive science*) 217
- коммуникативные системы (*communication-systems*) 2–3, 16–24 и др., 23–29, 34, 220
- контроль стимулами (*stimulus control*) 15, 208
- независимость от контроля стимулами (*freedom from ~*) 15, 208
- культур общность (*cultural overlap*) 287–289
- распространение (*cultural diffusion*) 283, 288
- Латерализация** (*lateralization*) 223, 224, 236
- лексема (*lexeme*) 97, 98, 104–106, 123–125, 131, 135–138, 140–145, 147, 148, 150, 159, 160, 273, 282
- значение лексемы (лексическое значение) (*meaning of ~*) 131, 136–139, 145, 147–149, 159
- исходная форма и представляющая форма лексемы (*base-form and citation-form of ~*) 97, 135
- фразовая лексема (*phrasal ~*) 135
- лексикон (*lexicon*) 99, 135, 236
- лингвистика (*linguistics*) 8, 11, 16, 19, 33, 39
- автономность лингвистики (*autonomy of ~*) 200
- дескриптивная и общая лингвистика (*descriptive and general ~*) 39, 40
- историческая лингвистика (*historical ~*) 34, 40, 41, 54, 57, 63, 64, 165, 166, 169, 170, 172–176, 180, 182, 186, 191, 192, 194, 195, 198, 199, 251
- лингвистика как описывающая, а не предписывающая наука (*descriptive, not prescriptive ~*) 50
- постблумфилдианская лингвистика (*post-Bloomfieldian ~*) 64, 86, 105, 111, 218
- прикладная лингвистика (*applied ~*) 40, 41, 64, 256, 266
- теоретическая лингвистика (*theoretical ~*) 40, 41, 216, 256
- является ли лингвистика наукой? (*is ~ a science?*) 46
- см. также этнолингвистика; макролингвистика; микролингвистика; психолингвистика; социолингвистика
- лингвистическая относительность (*linguistic relativity*) 201, 233, 272, 275, 276, 278, 281, 294

- лингвистические универсалии (*linguistic universals*) см. универсализм
- лингвистический детерминизм (*linguistic determinism*) 272, 274, 294
- линейный порядок (составляющих) (*sequential ordering*) 117
- логический (*logic*) 102, 209, 214
- Макролингвистика** (*macrolinguistics*) 40, 41, 64, 200, 238, 239, 256, 264
- материализм (*materialism*) 216–218, 234
- материя и сознание см. проблема соотношения материи и сознания
- ментализм (*mentalism*) 208–211, 216–219, 221, 236
- местный диалект (*vernacular*) 38, 54, 168, 247, 248, 253, 255
- метаязык (*metalinguage*) 158, 160, 287
- микролингвистика (*microlinguistics*) 40, 41, 119, 134, 200, 212, 256
- младограмматики (*Neogrammarians*) 169, 170, 179, 182, 184, 186–190, 193, 194, 196, 198, 204
- монизм (*monism*) 216, 217, 234
- морфема (*morpheme*) 49, 96, 98, 99, 106, 107, 111, 112, 117, 122, 123, 147, 203, 212
- морфология (*morphology*) 96, 98, 99, 111, 114, 121, 123
- Назальность** (*nasality*) 73, 79, 87, 88
- научный метод (*scientific method*) 44–46
- нейролингвистика (*neurolinguistics*) 215, 216, 235
- Однородности** (языка) иллюзия (*homogeneity, fiction of*) 24, 30, 200, 211
- омография (*homography*) 71, 94
- омонимия (*homonymy*) 71, 135–138, 163, 243
- омофония (*homophony*) 70, 71, 94
- полисемия (*polysemy*) 135–138, 143, 163
- правила описывающие и предписывающие (*rules, descriptive and prescriptive*) 51
- прагматика (*pragmatics*) 131, 151, 155, 157, 161, 264
- праязык (*proto-language*) 58, 169–171, 173, 174, 176, 182, 183, 194
- предложение (*sentence*) 15–17, 21, 27, 60–64, 99–101, 106–109, 111, 114, 117, 118, 130, 131, 134, 146, 150–158, 220, 228, 231, 262
- значение предложения (*meaning of ~*) 130, 131, 145, 149, 151–153, 155, 158, 159, 161, 199; и (характерное) использование предложения (*and use of ~*) 151, 153, 154
- классификация предложений (*classification of ~*) 109
- составляющие предложения (*constituents of ~*) 109
- структурное описание предложения (*structural description of ~*) 107, 118
- условия истинности предложения (*truth-conditions of ~*) 146, 158–161
- проблема соотношения материи и сознания (*mind-body problem*) 216, 222, 234
- просодии (*prosodies*) 90, 100, 228, 262
- просодический контур (*prosodic contour*) 100, 109, 112
- психоллингвистика (*psycholinguistics*) 41, 215, 230, 235, 236, 238–240, 252, 256, 266, 267, 283
- психологическая адекватность (*лингвистической модели*) («*psychological reality*» problem) 230, 232, 235, 237
- психология (*psychology*) 14, 15, 19, 45, 46, 48, 103, 206, 207, 210, 211, 215–220, 222, 225, 230, 233, 236, 238, 239, 252, 257, 273, 294
- Различительных признаков** теория (*distinctive-feature theory*) 86, 88–90, 203
- Парадигма** (*paradigm*) 98, 184
- перформатив (*performative*) 159
- позитивизм (*positivism*) 44–46, 204

- 159, 204, 206, 211, 214, 220, 241, 275, 278, 285
- двойное членение языка (*duality of ~*) 26, 27, 29, 30, 35, 37, 99
- дискретность языка (*discreteness of ~*) 26, 28–30, 37, 138
- звуки (языка) (*sounds of ~*) 16, 27, 66, 67, 71, 73, 75, 81
- искусственный и естественный язык (*artificial and natural ~*) 12, 13, 16
- кодированность в языке (*codability of ~*) 273
- лексическая структура языка (*lexical structure of ~*) 276, 277, 279, 282
- литературный язык (*standard ~*) 20, 31, 32, 54, 55, 165, 166, 168, 240, 241, 243, 247–249, 255–257, 261
- межуровневые зависимости в языке (*inter-level dependencies in ~*) 93, 96
- многофункциональность языка (*multifunctionality of ~*) 204
- описание языка, диахроническое и синхроническое (*descriptions of ~, diachronic and synchronic*) 40, 48, 56, 59, 198; приоритет синхронического описания над диахроническим (*priority of synchronic ~ over diachronic ~*) 56, 58, 59, 65
- определение языка (*definition of ~*) 13–17, 59, 61
- продуктивность языка (*productivity of ~*) 26, 29, 30, 37, 103, 201, 208, 229, 275
- произвольность языкового знака (*arbitrariness in ~*) 26, 37, 201
- происхождение языка (*origin of ~*) 34, 36, 233
- рекурсивность языка (*recursiveness of ~*) 120, 207
- способность (словарного состава) языка расширяться и изменяться (*extensibility and modifiability of ~*) 15, 276
- средства передачи языка (*medium-transferability of ~*) 19, 21, 23
- фонологическая структура (система) языка (*phonological structure of ~*) 61, 81, 89, 91, 92, 96, 232
- язык и культура (*~ and culture*) 269–271, 273, 275, 277, 278, 281, 282, 287–293, 295
- язык и мозг (*~ and the brain*) 221–224, 235
- язык и мышление (*~ and mind*) 202, 214–219, 239, 270, 271
- язык и общество (*~ and society*) 238, 239, 245
- язык и речь (*~ and speech*) 14, 17, 19, 23
- язык и речь (*langue and parole*) 14, 17, 19, 192, 199, 210
- язык-объект (*object-language*) 158, 160
- языка (языкового) изменение (*language-change*) 16, 20, 40, 54–56, 58, 59, 165, 167–169, 175, 182, 184, 187–189, 191, 192
- причины изменения языка (*causes of ~*) 54, 189, 199
- использование (*linguistic performance*) 15, 18, 19, 33, 37, 53–55, 134, 138, 150, 151, 157, 162, 163, 208, 210, 211, 217, 230, 233, 234, 253, 260, 265
- преподавание (*language-teaching*) 20, 256–258
- усвоение (овладение языком) (*language-acquisition*) 15, 16, 18, 26, 29, 32, 53, 68, 99, 103, 192, 195, 207, 208, 216, 217, 219–221, 223–226, 229, 230, 236, 271, 281, 288
- языки (*languages*):
- креольские (*Creole ~*) 35, 166, 195, 250, 251, 254, 256, 266, 267
- литературные языки (*literary ~*) 20, 31, 165–168, 171, 240, 241, 247–249, 254

- пиджины (*pidgin* ~) 35, 61, 166, 195, 250, 251, 266, 267
- примитивные языки (*primitive* ~) 33, 35, 36, 269, 293, 295
- родословного древа (родства языков) теория (*family-tree concept of* ~) 171, 175, 188, 192, 193, 195, 251
- родство языков (*relatedness of* ~) 172, 176, 185, 188, 192
- тоновые языки (*tone* ~) 91
- формальные языки (*formal* ~) см. также праязыки 118, 119, 124
- языковая компетенция (*linguistic competence*) 17–19, 37, 47, 150, 151, 153, 157, 162, 192, 193, 210, 211, 213, 228–230, 232, 233, 263, 271, 288
- система, язык (*language-system*) 13, 17, 19, 26, 28–30, 33, 40, 46, 58–66, 81, 82, 84, 86, 92, 117, 119, 131, 135, 152, 189, 192, 203, 212, 243, 252
- единицы языковой системы (*elements of* ~) 152
- концепция языка Соссюра (*Saussure's conception of* ~) 18, 19, 199–201, 210, 211
- концепция языка Хомского (*Chomsky's conception of* ~) 210, 211, 230
- структура языка (*structure of* ~) 198–200, 202
- язык как структура (~ *as a structure*) 61, 199, 200
- язык как формальная модель (~ *as a theoretical construct*) 46, 60
- языковое планирование (*language-planning*) 55, 259, 266, 267
- языковое поведение (*language-behaviour*) 218, 224, 230, 231, 246, 267, 295
- сообщество (*language-community*) 19, 30–32, 50, 55, 60, 174, 189, 193, 195, 200, 243, 250, 252, 254–259, 261, 267, 273, 278
- творчество, регулируемое правилами (*creativity, rule-governed*) 29, 187, 208, 271, 275, 290
- языковой дефицит (*language-deficit*) 230, 257, 258, 267
- языковой информации автоматическая обработка (*language-processing*) 232, 234, 235
- языковые семьи (*language-families*) 167, 169, 172, 174–176, 183